

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет:
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А.А. Гарбацкі
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
А.М. Вабішчэвіч
Т.А. Гарупа
А.А. Гужалоўскі
Т.І. Доўнар
Г.А. Зорын
У.Л. Клоня
У.У. Лосеў
А.А. Савіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

**ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА**

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2015

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі
Рэспублікі Беларусь № 81 ад 20.03.2015 г. часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навук

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

ГАРАДЫ І РАЁНЫ БРЭСТЧЫНЫ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ. МАЛАРЫЦКІ РАЁН

Горбацкий А.А. О проекте «Города и районы Брестчины: история и современность. Малоритский район» ...	5
Горбацкий А.А. Административно-территориальное устройство земель Малоритского района Брестской области во второй половине XVI в.	6
Силюк Т.С. Административно-командный путь коллективизации в Малоритском районе в 1939–1941 гг. .	19
Панько А.Д. Система образования Малоритского района в 1991–2014 гг.	26
Свирид А.Н. К вопросу о культурном, социальном, экономическом развитии Малоритского района в 1921–1939 гг.	37
Чуль Р.В. Положение православных приходов на белорусских землях в 1840–1900-е гг. (на примере Влодавского благочиния)	46
Стрелец М.В., Обуховская О.А. Германский математик Карл Густав Якоб Якоби: попытка комплексного анализа жизни и деятельности	55
Ерашевiч А.У. Станаўленне тэлеграфнай сувязі на тэрыторыі Беларусі (30–60-я гг. XIX ст.)	62
Токць С.М. Засцяпковая шляхта Брэсцкага і Кобрынскага павеатаў у матэрыялах губернскай адміністрацыі 1863–1864 гг.	69
Моторова Н.С. Проекты открытия высшего учебного заведения на территории белорусско-литовских губерний в ходатайствах органов местного самоуправления начала XX в.	76
Бухавец П.П. Сучасная беларуская гістарыяграфія сельскагаспадарчых таварыстваў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.	83
Вавренюк И.И., Войтешик А.С. Развитие культуры еврейского народа Западной Беларуси (1921–1939 гг.): историография вопроса	89
Горны А.С. Беларускія паланафільскія арганізацыі ў Заходняй Беларусі (1921–1937 гг.): арганізацыйная структура і праграмныя мэты	101
Олесик Е.Я. Подготовка женщин-специалистов в вузах БССР (1944–1991 гг.)	111
Жаркенова А.М. Тенденции и динамика изменения численности населения Республики Казахстан в 1991–2014 гг.	119

ЭКАНОМІКА

Черновалов А.В., Черновалова Ж.В., Берны Я. Институционалистика: case study	127
Зайцева Н.И., Бредихина Е.А. Кластерная структура как фактор увеличения экономического потенциала предприятия и области	136
Вакулiч Н.А. Специфика развития логистического аутсорсинга в Республике Беларусь	144
Лысюк Р.Н. Теоретические аспекты применения кластерного подхода как инструмента повышения конкурентноспособности национальной экономики	150

ПРАВА

Береговцова Д.С. Перспективы реализации в Республике Беларусь международного опыта формирования института специализированного омбудсмана по правам пациентов	157
Зайчук Г.И. Использование природных ресурсов в физкультурно-спортивных целях – новый вид природопользования по законодательству Республики Беларусь: состояние, перспективы развития	163
Зорин Р.Г., Соркин В.С. Особенности реализации принципов презумпции невиновности, состязательности и объективной истины в ходе досудебного производства уголовных дел	173
Вашкевич С.В. Специфика организационной структуры биржи как юридического лица и организатора торгов	180
Лепешко А.Б. К вопросу о предмете и методе правового регулирования в контексте постнеклассической науки	186
Резюк В.И. Особенности уголовно-правовой охраны государственной собственности	195

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:
S.A. Marzan

International Board:
Anton Miranovich (Poland)
Mark Pilkington (France)
Stanislav Rudolf (Poland)
B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:
A.A. Garbatski
(managing editor)
V.F. Bajnyov
A.M. Vabishchevich
T.A. Garupa
A.A. Guzhalovski
T.I. Dovnar
G.A. Zorin
V.L. Klunia
V.V. Losev
A.A. Savich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2015

According to the order of Supreme Certification Commission
of the Republic of Belarus № 81 from March 20, 2015, the journal
«Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law»
was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus
for publication of the results of scientific research
in historical, economic and law sciences

INDEX

HISTORY

BREST CITIES AND DISTRICT: HISTORY AND MODERN TIME. MALORITA DISTRICT

Gorbatski A.A. About the project «Brest Cities and District: History and Modern Time. Malorita District».....	5
Gorbatski A.A. Administrative and Territorial Division of the Lands of Malorita District in the Second Half of the XVI Century.....	6
Silyuk T.S. Administrative-command Way of Collectivization in Malorita Area in the 1939–1941.....	19
Panko A.D. System of Education in Malorita District in 1991–2014 years.....	26
Svirid A.N. To the Question of Cultural, Social, Economic Development of the Development of Malorita District.....	37
Chul R.V. The Condition of Orthodox Living on Belarusian Lands in the 1840–1900's years (on the example of Vlodavsky Deanery).....	46
Strelets M.V., Obukhovskaya O.A. German Mathematician Carl Gustav Jacob Jacobi: the Attempt of Complex Analysis of Life and Activity.....	55
Yerashevich A.U. Formation of Telegraph Communication on Territory of Belarus (30–60 years XIX century).....	62
Tokts S.M. The Nobility of Brest and Kobrin Areas in Statistical Materials of Provincial Administration in the 1863–1864s.....	69
Motorova N.S. Projects of Opening the Higher Education Institution on the Territory of Belarus and Lithuania Provinces in Petitions of Local Governments of the early XXth Century.....	76
Buchaviec P.P. Modern Belarusian Historiography of Agricultural Societies of Belarus in the Second Half of XIX – the Beginning of the XX centuries.....	83
Vavrenyuk I.I., Vojteschik A.S. Cultural Development of Jewish People of West Belarus in 1921–1939: Historiography Question.....	89
Gorny A.S. Belarusian Polonophilic Organization in Western Belarus (1921–1937): Organizational Structure and Program.....	101
Olesik K.Y. Preparation of Women-specialists in the Institutes of Higher Education of BSSR (1944–1991)....	111
Zharkenova A.M. Tendencies and Dynamics of the Population Changes of the Republic of Kazakhstan in 1991–2014.....	119

ECONOMICS

Chernoalov A.V., Chernoalova J.V., Berny J. Institutionalistic: Case Study.....	127
Zaitsava N.I., Bredihina E.A. The Cluster Structure as a Factor of Increase in Economic Capacity of the Enterprise and Region.....	136
Vakulich N.A. Specifics of development of logistic outsourcing in Belarus.....	144
Lysiuk R.N. The Theoretical Aspects of the Cluster Approach as an Instrument for Raising the Competitiveness of the National Economy.....	150

LAW

Berahautsova D.S. Prospects of Implementation in the Republic of Belarus of International Experience in the Formation of Specialized Ombudsman for Patients' Rights.....	157
Zaichuk G. I. Usage of Natural Resources for Physical Training and Sport Purposes – a New Type of Natural Resource Use According to the Legislation of the Republic of Belarus: State, Development Prospects....	163
Zorin R.G., Sorkin V.S. Procedural Interrelation and Interconditionality of the Principles of Presumption of Innocence and Competitiveness in Criminal Legal Proceedings.....	173
Vashkevich S.V. The Specifics of the Organizational Structure of the Stock Exchange as a Legal Entity and the Organizer of Trading.....	180
Lepeshko A.B. On the Question of the Subject Matter and the Method of Legal Regulation in the Context of the Postnonclassical Science.....	186
Rezyuk V.I. Peculiarities of Criminal Law Protection of State Property.....	195

ГІСТОРЫЯ

О проекте «Города и районы Брестчины: история и современность. Малоритский район»

В 2006 г. мною был написан проект по изданию серии научно-популярных монографий о городах и районах Брестчины. Проект был одобрен советом университета и Брестским областным исполнительным комитетом. В письме от 07.06. 2006 г. заместитель председателя Брестского облисполкома Л.А. Цуприк отмечал: «Для более полного освещения исторических периодов жизни и деятельности людей, проживавших в прошлом на территории области, а также современной действительности Брестский облисполком считает целесообразным издать научно-популярные монографии о городах и районах области». Первым этапом проекта стали исследования, посвященные истории Ивацевичского района. В 2009 г. увидела свет коллективная научно-популярная монография «Гарады і раёны Берасцейшчыны: гісторыя і сучаснасць. Ивацэвіцкі раён» общим тиражом 1 000 экземпляров и объемом 564 с. В 2013–2014 гг. выполнен проект и подготовлена к публикации научно-популярная монография: «Города и районы Брестчины: история и современность. Ивановский район».

Города и села области – важнейшая составляющая нашего историко-культурного наследия. Они сыграли исключительную роль в самосохранении белорусов как этноса, отражая его исторические начала и достижения. На протяжении своей истории жители городов и районов Брестчины создали особую культуру. Ее лучшие памятники отражают особенности и важнейшие течения и достижения своей эпохи, свидетельствуют о практической мудрости и мастерстве населения Брестского региона.

Народ всегда выступал действительным создателем и носителем самобытных этно-культурных традиций, которые он бережно сохранял и заботливо развивал, передавая как сакральный дар в наследие своим потомкам. В городах и районах Брестчины сложилась народная культура с присущей ей непосредственностью и региональными особенностями, что дает возможность развивать разные виды профессионального и любительского творчества, придает городам и районам неповторимый местный колорит. На Брестчине (например, в Ивановском районе) родилась целая плеяда видных государственных деятелей, ученых, художников, известных людей во многих сферах жизни.

Руководство нашей страны держит курс на строительство самостоятельного и независимого государства. В этом направлении важное место занимают местные традиции, история своего города, района, деревни. О городах и районах Брестчины изданы монографии, написаны художественные произведения. По каждому району издана книга «Память». Но сегодня этого недостаточно. Во-первых, в книгах «Память» большая часть материала посвящена событиям Второй мировой войны. Во-вторых, недостаточно полно освещены исторические периоды, предшествующие Второй мировой войне, отсутствует материал по истории районов в период независимой Беларуси. В-третьих, эти издания вышли небольшими тиражами, что ограничивает доступ к ним жителей районных городов и деревень. Ощущают недостаток в такой литературе и учителя школ.

Большой интерес для исследователей представляет и Малоритский район. Малоритская земля всегда была богата талантливыми людьми. Здесь родина известного художника Н. Селешука, министра просвещения БССР П. Саевича, поэтов и прозаиков С. Криваля и А. Филатова. Здесь первые шаги в спорте сделали Олимпийский чемпион, чемпион мира и Европы по тяжелой атлетике Л. Тараненко, серебряный призер Олимпийских игр по спортивной ходьбе П. Починчук.

*Горбацкий А.А., руководитель проекта,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории славянских народов*

УДК 93(476) «1550/1600»

А.А. Горбацкий

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина,
д-р хабилитированный, проф. Белостокского университета (Республика Польша)*

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ЗЕМЕЛЬ МАЛОРИТСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

В статье рассматривается административно-хозяйственное устройство земель Малоритского района Брестской области во второй половине XVI в. Данная проблематика в научной литературе отражена недостаточно полно, а отдельные направления административно-хозяйственного устройства района вообще не исследовались. Автор статьи показывает, как проводилась ревизия земли в Берестейском старостве в 1566 г. Иваном и Дмитрием Сапегами. Приводятся списки и количество полученной земли крестьянами сел Доропеевичского войтовства (Черняны, Доропеевичи, Заболотье). Указываются суммы налога, уплаченные крестьянами этих сел.

Введение

В начале XIV в. великий князь литовский Гедимин присоединил Берестье и Дрогичин (ныне находящийся на территории Республики Польша) вместе с их территориями к Литве. Главной причиной тому был кризис Галицко-Волынского княжества, начавшийся еще в конце XIII в. после раздела государства перед смертью Гедимины между его сыновьями Ольгердом и Кейстутом. Ольгерд стал великим князем и управлял Вильнюсом и Восточной Аукштайтией. Кейстут получил западные области (современные Западная Литва, Западная Беларусь и Польское Подляшье), которые делились на Жемайтию и другие земли, получившие в 1413 г. статус Троцкого воеводства со столицей в литовской крепости Троки. Воеводство граничило на севере с Курляндским герцогством, на востоке с Виленским воеводством, на юго-востоке с Новогрудским воеводством, на юго-западе с Королевством Польским и на западе со Жмудью и Пруссией. Река Неман делила территорию воеводства на западную и восточную части.

Троцкое воеводство образуется в период обострения борьбы между литовскими, русскими, мазовецкими князьями и орденом крестоносцев за подляшские земли. На западе пересеклись интересы Литвы и Мазовша, войска которого после не без труда захватили Гоньдзскую волость. После проведенных в 1358 г. переговоров был подписан договор между князем Земовитом Мазовецким и Кейстутом, согласно которому граница между государствами прошла вдоль рек Нетты, Бежбы, Малой Сухолды и Слины [6, с. 5].

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей проведения волочного измерения и раздачи земли в Полесской волости Берестейского староства, а также анализ мер, предпринятых для организации ведения земельного хозяйства в отдельных селах нынешнего Малоритского района Брестской области.

Работа королевских ревизоров и административное устройство

По договору 1366 г. короля Польши Казимира III и князя Кейстута Берестье возвращалось ВКЛ вместе с Владимирской, Луцкой, Белзской и Холмской землями. Территория Берестейской и Дрогичинской земель определялась через перечисление наиболее крупных городов: Берестье, Дрогичин, Мельник, Каменец, Кобрин, Бельск [8, с. 513–515]. Границы Берестейской земли на востоке доходили до водораздела Пины и Припяти. На юге граница проходила по левобережью Буга и доходила до Лива, находящегося на мазовецкой земле, и малопольского Лукова. Западная граница была уста-

новлена договором 1358 г. Польский историк Ежи Висьневский использует название Берестейско-Дрогичинская земля. Он отмечает, что к концу XIV в. северная, восточная и южная границы этой земли проходили по болотам и пушам, которые тянулись от реки Супрасль, через истоки рек Нарвы, верхнего Мухавца, водораздел Припяти и Буга, где соединялась с поймами рек Влодавки и Пивони [9, с. 171–174]. После включения земель, лежащих вдоль реки Буг, в состав ВКЛ литвины возводят систему оборонительных сооружений в виде замков в Берестье, Мельнике, Дрогичине и Бельске. Польский историк Анджей Янэчэк отмечает, что, скорее всего, на основе замковых округов и появились позже поветы [7, с. 213].

Земли нынешнего Малоритского района находились на границе разных административно-территориальных объединений, но наиболее известной и описанной в различного рода источниках является граница между ВКЛ и Польской Короной, проходившая через малоритские земли. Уже в начале XVI в. земли нынешнего Малоритского района входили в состав Берестейского повета. Этот повет был образован в 1513 г. в составе Подляшского [1, с. 321], а с 1566 г. в составе Берестейского воеводства Великого княжества Литовского [5, с. 105].

Важным источником для изучения административно-хозяйственного устройства города или села, а также определения уровня их социально-экономического развития являются описания земель и ревизии. С целью увеличения королевских доходов в XVI в. власти принимают решение навести порядок в королевских имениях. Главной задачей была разработка правил экономического ведения хозяйства и сбора налогов. Так, король Жигимонт I Старый, видя, что старосты и тивуны Жомойтской земли привлекают крестьян к тяжелым физическим работам, собирают непомерные налоги без всяких на то юридических оснований, в 1529 г. издал «Уставу», в которой определил суммы денежных и других сборов с крестьян, оградив их от самоуправства старост и их заместителей при организации и проведении различного рода хозяйственных и полевых работ. Такая же «Устава» была издана Жигимонтом I в этом же году для дворов в Виленском и Троцком поветах Великого Княжества Литовского.

В соответствии с «Уставой», королевские ревизоры сразу начали измерение всех королевских имений в пределах Великого Княжества Литовского. Так, в 1552–1555 гг. было измерено и описано Пинское и Клецкое княжества; в 1560–1563 гг. – города Брянск и Сураж Станиславом Девялтовским Скочком и дворянином Андреем Дыбовским под надзором и руководством князя Адама Пильховского; в 1561–1566 гг. – Пинский повет; в 1563 г. – Кобринская экономия Дмитрием Сапегою [4, с. V]. В 1566 г. была проведена ревизия Берестейского староства. Начинал ее Иван Сапега, а после его смерти ревизию продолжил и завершил его брат Дмитрий Сапега.

Для измерения была использована литовская система мер. Сама методика измерения выглядела так: брали шнур и откладывали на нем $7\frac{1}{2}$ литовских купеческих локтей (литовский локоть равен 25 русским) дюймам. Затем этим же шнуром отмеряли квадрат, и это считалось одним прутом земли. Шнур, заключающий в себе 75 купеческих локтей в квадрате, равнялся 10 прутам земли, а 3 таких квадратных шнура в длину и один в ширину составлял один морг. 30 моргов составляли одну волоку земли.

В ревизии Берестейского староства описано 83 королевских селения, разделенных в административном отношении на 23 войтовства и 7 волостей. На землях, принадлежащих староству, размещалось 4 796 волок земли, площадь которых составляла 99 255,1 десятины, или 940,8 квадратных верст. Все земли находились во владении крестьян и городских общин. На территории Берестейского староства проживало 5 599 семей и около 28 000 душ обоего пола. Что касается плотности населения староства, то на 1 квадратную версту приходилось 10 семей, на 1 селение – 50 семей и на один город – 812 семей [3, Введение, с. XV]. Ревизия в Берестейском старостве проводилась

на основании «Уставы на волоки». Крестьянское хозяйство в повете было развито слабо. В связи с этим количество тяглых людей, обязанных выполнять барщину, было сравнительно небольшим – 18,3% от общего количества населения. Остальная часть населения была на осаде или на чинше. Все виды податей (осада, чинш и др.) и повинности устанавливались в соответствии с качеством земли (было установлена 4 степени качества: хорошая, средняя, плохая и плохая на половину с очень плохой). Для всего крестьянства обязательным была отработка барщины и оплата чинша. Учитывалось и равенство между барщиной (два дня в неделю) и чиншевой платой. В связи с этим те, кто был осадником, дни барщины оплачивал в виде чинша. Общая сумма налога (подати и повинности) составляла в соответствии с качеством земли 97, 83, 73 и 66 грошей.

«Кроме» осадных и тяглых, среди сельского населения Берестейского повета встречались бояре (5%), конюхи (4,5%) и служки (0,32%). Городское население состояло из земледельцев, огородников, а также тех, кто занимался торговлей и ремеслом. Ремесленники составляли около 70% городского населения [3, Введение, с. XVI].

Землю могла взять большая семья (отец с сыновьями, братья и пр.) или же семейная община. Землю мог взять и один владелец. Такой подход дал возможность ревизорам зарегистрировать всех представителей самостоятельных семей. Если, например, два или три брата имели семьи и жили вместе, то волока записывалась за каждым представителем семейной общины, т.е. за каждым братом. Если на одном участке жили «сябры», то и они записывались подобным образом. Если с отцом жили несколько женатых сыновей, то отец записывался вместе с сыновьями. Таким образом, количество лиц мужского пола, приписанных к конкретному земельному участку, определяло количество отдельных семей или частей семейной общины. На участке, как правило, проживали 2–4 семьи; очень редки были случаи, когда на одном участке проживали 5 и более семей.

Берестейское староство по ревизии 1566 г. делилось в административном отношении на 7 волостей, составлявших 23 войтовства. Центром староства является старинный город Берестье; центрами волостей были города Ломазы, Воинь, Милейчицы, Пещатка, Дивин (Полесская волость), а в Киевецкой волости центром был господарский двор. Территория староства расходилась от центра Берестья в трех направлениях: на юго-восток к Припяти (Полесская волость), на юго-запад по южным притокам Тржны (Воинь и Ломазы) и на северо-восток по Бугу к верховьям Нурца (Милейчицы). На востоке Берестейское староство граничило с Пинским и Кобринским староствами, на севере с Гродненским, на западе с Мельницким, Дорогицким и Польшей и на юге также с Польшей [2, с. 1].

Берестейское староство было разбито на волоки. Каждое хозяйство имело 1, реже 2 волоки. Волока была основным хозяйственным участком. Если при волочной мере в отмеренном участке оказывалось земли больше, чем одна волока, и эту землю нельзя было прирезать соседу, то такой участок приписывался к волоке. Приписанный к волоке участок стали называть *лишка*, *злишка*. Кроме того, если основная волока имела некачественную землю, то к ней приписывались небольшие участки земли, находившиеся в других местах. Случалось так, что иногда сам крестьянин брал «на плате» дополнительный участок к волоке. Подобного рода прибавки давались всему селу. Как правило, это были участки с некачественной землей, и они могли даваться для выгона и заготовки дров. Все такие участки получали названия *наддавка*. Иногда крестьяне брали участки, лежавшие на определенном расстоянии от сельской территории; такие участки называли *застенками*. Злишки, наддавки и застенки получили название *прибавочных участков*.

Единицами измерения земли были волока, морг, прут и шнур. 1 прут состоял из 10 шнуров, 1 морг из 30 прутов, а 1 волока из 30 моргов. 1 волока земли равнялась 20,96 десятинам. В Берестейском старостве были волоки 30-морговые и 33-морговые.

Связано это было с тем, что основная земельная площадь (морг) в более раннее время измерялась не веревкой, а количеством посеянной ржи на определенной площади. Территория, засеянная бочкой ржи, считалась моргом. Отсюда «бочка земли» была синонимом морга. Определение площади зависело от качества земли. Если качество земли было средним, то 1 волока определялась площадью в 30 моргов, а если плохим – в 33 морга. Качество земли в Берестейском старостве чаще всего определялось как плохое и очень плохое. Поэтому ревизоры, производившие измерение земель в 1 сельскую волоку, отмеряли 33 морга, а в инвентарь записывали 30 моргов. Таким образом, получалась разница в площадях: между реально отмеренной и выделенной крестьянину и площадью земли, вписанной в инвентарь [2, с. 2–3].

Таблица 1. – Количество земли, выделенное в Полесской волости [2, с. 4]

Войтовство	Общее количество волок	Общее количество волок с учетом прибавочных участков		
		Волоки	Морги	Пруты
Доропеевичское	81	105	29	23
Ляховичское	151	186	6	21
Олтушское	101	133	28	–
Гвоздницкое	107	153	5	14
Итого волок земли	440	577	68	58

В Полесскую волость, которая была самая большая, входили еще Дывинское и Старосельское войтовства. Однако поскольку Староселье и Дывин не находятся на территории нынешнего Малоритского района, то данные по этим войтовствам мы не включили в приведенную таблицу. Таким образом, из таблицы 1 видно, что в четырех войтовствах Полесской волости было выделено 440 волок земли, а общее количество волок с учетом прибавочных участков составило 577. Наддавки, лишки и застенки составляли площадь, равную 137 волокам. Если учесть, что 1 волока равняется примерно 21,36 га, то общая площадь земель, розданных крестьянам, составляла 12 324,72 га.

В административном отношении вся территория Берестейского повета была поделена на войтовства. Во главе каждого из них стоял войт, который освобождался от всякого рода платежей. Войт пользовался от 1 до 3 волок земли, а иногда мог иметь и больше. В селах были еще «вольные» волоки, эти волоки принадлежали церкви.

Таблица 2. – Список крестьян села Черняны, получивших землю в Доропеевичском войтовстве

№ п/п	Имя и фамилия владельца	Общая площадь участка		Злишки, добавленные к волоке	Земля, полученная в застенках	Наддавки к основным волокам, находящиеся в других местах			
						В конце среднего поля от Ритской границы		Со стороны среднего поля от Ритской границы	
		морги	пруты	морги	пруты	морги	пруты	морги	пруты
1	Гриц и Иван Малашевичи, Клищ Романович	33	–	5	–	–	–	–	–
2	Хвед Волчяня и Микита	27	–	–	–	5	–	6	–
3	Радко Грицкович	27	–	–	–	5	–	6	–

Продолжение таблицы 2

4	Матей Малашевич и Костюк Ходорович	29	–	–	–	5	–	4	–
5	Куц Кивчин и Иванец помощник	29	–	–	–	5	–	4	–
6	Миско Онискович	29	–	–	–	5	–	4	–
7	Хома Люткович	29	10	–	–	5	–	3	20
8	Радко Гриц- кович и Хо- ма Люкович	25	10	–	–	5	–	7	20
9	Ивашко Лецкович	28	25	–	–	5	–	4	5
10	Карп Сенкович	29	15	–	–	5	–	3	15
11	Ивашко Грицкович	33	–	–	–	5	–	–	–
12	Дац Онискович	33	–	5	–	–	–	–	–
13	Сидор Пилипович	33	–	2	–	3	–	–	–
14	Семен Пилипович	33	–	5	–	–	–	–	–
15	Мартин Маркович	29	10	–	–	5	–	3	10
16	Веремей, Вочко и Янушек	27	–	–	–	5	–	6	–
17	Лецко Маркович	33	–	2	–	3	–	–	–
18	Сенко Маркович	28	–	–	–	5	–	5	–
19	Занко Маркович и Иванец Клашевич	33	–	–	10	4	20	–	–
20	Осип Проневич и Игнат Данилович	33	–	2	–	3	–	–	–
21	Иван Салкович	33	–	4	10	–	20	–	–
22	Козак Салкович	27	15	–	–	5	–	5	15
23	Веремей и Андрей Козаковы	27	15	У Трутова Дуба и в Доргмишках		3+2	–	–	–
24	Сац Мецкович	33	–	–	–	5	–	–	–

Окончание таблицы 2

25	Клим и Грин Верижичи	33	–	1	10	3	20	–	–
26	Куц Степкович и Максим Савкович	33	–	3	–	2	–	–	–
27	Гринец, Федец, Иванец, Пац Мишковици	33	–	3	10	1	20	–	–
28	Машко, Дац Онисковици	33	–	–	5	–	–	–	–
29	Гринец Зинкович	33	–	4	15	У Тросца	15	–	–
30	Омелян Санкович, Василь Вережич, Пац Певен	29	–	–	–	5	–	4	–
31	Сидор и Семен Пилиповичи	32	–	–	–	5	–	1	–
32	Герасим Левоневич, Ивашко Грицкович	20	25	–	–	5	–	2	5
33	Морса Зосимович, Иван Санкович	26	–	–	–	5	–	6	–
34	Луц Махнович, Сенко Маркович	25	16	–	–	5	–	6	15
35	Федко Озаркович, Иванец Клишевич	22	–	–	–	5	–	11	–
36	Сенко и Лецко Марковичи	28	–	–	–	5	–	5	–
37	Иван Нермошевич, Гарасим Луцевич	31	5	–	–	5	–	1	15

В селе Черняны имелось 37 волок земли плохого и очень плохого качества.

Повинности села Черняны. Чинша – 8 грошей; один воз сена или 3 гроша; за отвоз 2 гроша; за гуся, кур, яйца 1¼ гроша; на неводы 2 гроша; на станцию 1½ гроша; осады 30 грошей; за толоки 12 грошей; за гвалты бочку ржи или 10 грошей. Всего с одной волоки 73 гроша. В связи с тем, что крестьяне села Черняны имеют плохую и очень

плохую землю, то овес не сдавали. Общая площадь земли под жилыми постройками – 37 волок, а возле каждого жилого дома имелось по 2 морга земли очень плохого качества. Повинность за пользование одним таким моргом составляла 1½ гроша.

Дополнительные участки (наддавки). Наддавки выделялись в районе Скимутовой Горы и Процовщины. Общая площадь наддавок, находившихся отдельно от основных волок, составляла 3 волоки и 22 морга. За данную землю плата не устанавливалась.

Границы волок земли, принадлежащей крестьянам села Черняны. С восточной стороны начинается от села Доропеевичи, с южной стороны доходит до границы села Луково, на западе доходит до границы с селами Рита и Радваничи, далее упирается в Рокитскую границу Болковского имения, принадлежавшего Витебскому воеводе Млину. Застенки села Черняны: возле Лютца; возле Пневатицы; возле Вотлозищ; за Колодой; в Ладу; возле Половки; возле Чернявки; возле Лезинца; возле Визкадки; возле Круглого Болота; возле Лозы; возле Бистрица; возле Жорновокской Дубравы.

Сумма налога жителей села Черняны за 37 волок земли (по 75 грошей за волоку) составляла 45 коп 30 грошей. Общая сумма всех видов налога – 54 копы 17 грошей 5 пенязей [3, с. 267–269].

Таблица 3. – Список крестьян села Доропеевичи, получивших землю в Доропеевичском войтовстве

№ п/п	Имя и фамилия владельца	Общая площадь участка		Злишки, добавленные к волоку		Земля, полученная в застенках. В каком месте	Наддавки к основным волокам, находящиеся в тех же застенках	
		морги	пруты	морги	пруты		морги	пруты
1	Гриц и Поликарп Михаличи	31	–	2	–	–	–	–
2	Хведко Михалевич и Ян Ковал	29	10	–	–	2, возле Шапки	3	20
3	Матей Яцевич и Гаврило Маркович	27	20	–	–	2, в двух местах возле Травников	5	10
4	Яцина Жукович и Вакула Пищек	26	10	–	–	2, возле Смолянки	6	20
5	Хведко Михалкович	23	–	2	–	–	–	–
6	Мац Мордишевич и Хведко Осипович	26	20	–	–	2, за Омелинкой	6	10
7	Гриц Хведорович, Омелян Ванкович, Веремей Олисимцов	27	10	–	–	2, в Озенниках	5	20
8	Гриц и Омелян Олишковичи	18	15	–	–	2, за двором;	14	15
						0, возле дворища	5	6
9	Микула Вацютич	26	3	–	–	0, в Долгих Лесках;	–	6
						2, в Запавлове	1	21
10	Кузма Вацютич и Андрей Рудко	28	10	–	–	2, в Озеревниках	4	20
11	Лецко Аркадович с пасынками	33	–	2	–	–	–	–

Продолжение таблицы 3

12	Лецко Аркадович как войт	33	–	2	–	–	–	–
13	Ждан и Омелян Ванковичи	33	–	5	–	–	–	–
14	Бакун Степанович и Федко Игнатович	32	–	2	–	2, в Омелинках	1	0
15	Сенюта Остапович с Кузьмичами	33	–	6	–	–	–	–
16	Лазко и Вац Митковичи	32	20	–	–	2, за тыльными проходами	–	10
17	Кузма и Куц Митковичи	33	–	4	–	–	–	–
18	Гаврило и Юско Митковичи	28	–	–	–	2, в Омелинках	3	–
19	Жук Максимович	33	–	3	–	–	–	–
20	Зан Гурбич	33	–	1	–	–	–	–
21	Лецко Карпович, Трухон Демидович, Иван Стецкович	25	20	–	–	2, возле Каменных Могили и Чини	7	10
22	Вакула и Мартин Остаповичи	31	25	–	–	2, за селищем	1	5
23	Малецки Михалкович с Ухарком	28	15	–	–	2, за селищем	4	15
24	Пац и Иван Михалковичи	31	10	–	–	0, за Переспой	1	20
25	Стецко Василевич	32	10	–	–	2, в Волчьем	–	20
26	Мед с братьями Заневичами	29	15	–	–	2, за селищем	3	15
27	Игнат с двумя братьями Минчичами, Гац Панасов, Хилимон Демидов, Устин Турчин, Микита Пищиков	26	20	–	–	2, возле Медного	6	10
28	Левон Ивашкович	22	20	–	–	0, возле Медного;	3	–
						0, возле Игрова;	4	–
						2, в 3-х местах в Одзовищах	–	10
29	Сац Зимкович, Пац Мордошов, Луц Озаркович	20	20	–	–	0, возле Ситки	6	–
						2, в 3-х местах возле Ижинника	6	10
30	Куц и Микита Давидвичи	27	10	–	–	2, по краю болота до надавок Микулина, до сосны Кавца, до Березы и до границы вдоль болота	5	20

Окончание таблицы 3

31	Пац, Нестер Олешковичи ½, Ждан Ванкович ½	21	–	–	–	0, в 2-х местах за ставом и за волоками	5	–
						0, возле Одицца	4	–
						0, под Игровом	3	–
						2, в 3-х местах возле Молодици	–	–

В селе Доропеевичи имелась 31 волока земли самого плохого качества. Из них 1 волока принадлежала войту, который освобождался от налога, остальные 30 волок подлежали налогообложению.

Повинности села Доропеевичи. Чинша – 6 грошей; за гуся, кур и яйца – 1¼ гроша, осады – 30 грошей; за толоки – 12 грошей; на неводы – 2 гроша; на стацию – ½ гроша; за гвалты бочку ржи или 10 грошей. Всего с одной волоки 66 грошей. В застенках имелся 71 морг злишков земли самого плохого качества. Под постройками находилось 93 морга земли самого плохого качества (по 3 морга под каждой постройкой). Плата за 1 морг такой земли – ½ гроша.

Дополнительные участки (наддавки) села Доропеевичи. Наддавки находились возле Кривого Острова и возле Шибеницы. Общая площадь наддавок составляла 4 волоки 3 морга и 23 прута. Наддавки налогом не облагались.

Граница волок земли, принадлежавшей крестьянам села Доропеевичи. На востоке двумя концами доходила до Новоселской и Дывинской границ, на юге одним боком и тремя концами доходила до Забоцких волок и волок села Луково, на западе треть поле боковой стороной упиралось в границу села Черняны и клином в Новоселскую границу.

Застенки села Доропеевичи. Застенки находились возле Вежищ, Сицкой, возле Болоцкого острова, возле Коряного, за кладбищами, возле Темносова, Рожищ, Ям, Застружжа, Гребенца, Входова, возле Заболоцкой дороги, возле Красника, Липого, Комарова, Могилского, Избруища, Хворостого, Мордина, Ненятина, Старого, Посинчина, Столпища. Сумма налога за один морг застенковой земли составляла ½ гроша.

Сумма налога села Доропеевичи за 30 волок земли (по 66 грошей за волоку) составляла 33 коп. Сумма налога за 288 моргов и 10 протов (по ½ гроша за морг) составляет 7 коп 12 грошей 5 пенязей. Общая сумма всех видов налога составляет 40 коп 12 грошей 5 пенязей [3, с. 269–272].

Таблица 4. – Список крестьян села Заболотье, получивших землю в Доропеевичском войтовстве

№ п/п	Имя и фамилия владельца	Общая площадь участка, морги	Наддавки, не прилегающие к волокам		
			В каком месте	морги	пруды
1	Сидор Максимович с сыновьями	29	В Долгом	1	–
2	Он же с сыновьями	29	В Долгой	1	–
3	Хведец	25	В Осовце	4	–
			В Глиной	1	–
4	Ярмош и Миц Дуперичи	25	В Осовце	4	–
			В Глиной	1	–
5	Ярмош, Данило, Малиха Ростовичи	28	Возле Поповой новой нивки	1	–
			В Глиной	1	–

Продолжение таблицы 4

6	Нестер Аростович	28	Возле Поповой новой нивки	1	–
			В Глинной	1	–
7	Кунах и Гаврило Дуперичи	28	В Гуменнице	7	–
			В Глинной	1	–
8	Миц и Ев Дуперичи	21	В Чапле	7	25
			В В Глинной	1	5
9	Бакун Дворенинович	25	Возле Поповой новой нивки	1	–
			В Мокром у дороги	2	–
			На Среднем острове	1	–
			В Глинной	1	–
10	Андрей Дуперич	29	В Глинной	1	–
11	Поп Михайловский	19	Под Лахвой в 5-ти местах (покосы)	2	–
			За песками в 2-х местах	2	–
			Под озером в 3-х местах	2	–
			Возле тыльных проходов и Доропеевичской границы	4	–
			В Гнилой	1	–
12	Хведец Козак, Сидор Максимович	17	В Содбищах	2	15
			В Корлице в 2-х местах	9	15
			На границе с Глинной	1	–
13	Пронец Панкович	25	В Ляхнове	1	–
			На Острове	2	–
			За Колодием	1	–
			В Глинной	1	–

Крестьяне села Заболотье владели 13 волоками обработанной земли плохого качества.

Повинности для крестьян села Заболотье. Чинша – 6 грошей; за гуся, кур и яйца – 1¼ гроша; на неводы – 2 гроша; за стацию – 30 грошей; за толоки 12 грошей; за гвалты бочку ржи или 10 грошей. Всего с 1 волоки 66 грошей. Жители села Заболотье, дома которых находились на отдельных участках, дополнительно имели 20 прutow земли, эта земля прибавлена к основным волокам.

Дополнительные участки (наддавки) села Заболотье. Выделенные крестьянам этого села участки земли не имели в одном месте площади, равной 1 волоке. В связи с этим всем жителям села было выделено 13 волок земли в виде дополнительных участков за двойным изгибом дороги возле Мокранской границы. К каждой неполной волоке добавлено 20 прентов. Дополнительно, от Мокран до Луковского озера, был выделен строительный лес с покосами площадью 11 моргов.

Граница волок, принадлежавших крестьянам села Луково. На востоке несколькими концами упиралась в реку Ору, на юге боковой стороной доходила до Мокранской границы и дополнительных участков, на западе несколькими концами доходила до Озерского болота, на севере одной стороной упиралась в Доропеевичскую границу.

Сумма налога села Заболотье за 13 волок земли (по 66 грошей за волоку) составляла 14 коп 18 грошей. Сумма налога Доропеевичского войтовства в 1566 г. составляла 108 коп 48 грошей [3, с. 272–274].

Население Доропеевичского, Ляховичского, Олпушского и Гвоздницкого войтовств

На территории Берестейского повета проживали крестьяне, которые были служками, конюхами, путными боярами, бобровниками, лесниками, млынарями.

К середине XVI в. в ВКЛ все натуральные повинности и подати (кроме барщины) были заменены деньгами. В каждом войтовстве существовала своя шкала подобного рода замены. Однако инвентари свидетельствуют о том, что в войтовствах применялась смешенная форма налогообложения.

Как уже указывалось выше, крестьяне, которые не обязаны были выполнять определенного вида работ, были разбиты на четыре группы, уплачивающих по 97, 83, 73 и 66 грошей за одну волоку земли. В силу того, что земли в Доропеевичском, Ляховичском, Олтушском и Гвоздницком войтовствах были плохими и очень плохими, то крестьяне относились к третьей и четвертой группам. Так, к третьей группе относились села Черняны, Масевичи, Рита Великая, Ляховцы, Хотислав, Орехово, Олтуш, Медведка, Гвоздница, Радеж, Збураж. К четвертой группе – Доропеевичи, Заболотье, Луково, Малая Рита, Бродятин [2, с. 21–22].

Ревизоры, определяя качество земли, исходили из принятых определенных критериев. Вероятно, к хорошему и среднему качеству относили землю с обыкновенным полесским суглинком или супеском, где хорошо произрастала рожь, овес, ячмень, лен и др. К плохой и очень плохой земле относили почву, в которой преобладал песок или болотистая местность. В Берестейском старостве ревизоры определили только пять селений с землей хорошего качества и 23 селения с землей среднего качества [2, с. 23].

Землю могла взять большая семья (отец с сыновьями, братья и пр.) или же семейная община. Землю мог взять и один владелец. Такой подход дал возможность ревизорам зарегистрировать всех представителей самостоятельных семей. Если, например, два или три брата имели семьи и жили вместе, то волока записывалась за каждым представителем семейной общины, т.е. за каждым братом. Если на одном участке жили «сябры», то они записывались подобным образом. Если с отцом жили несколько женатых сыновей, то отец записывался вместе с сыновьями. Таким образом, количество лиц мужского пола, приписанных к конкретному земельному участку, признавалось за количество отдельных семей или частей семейной общины. На участке, как правило, проживало от двух до четырех семей. Очень редки были случаи, когда на одном участке проживало пять семей и более.

Таблица 5. – Общее количество участков земли, взятых в пользование, и общее количество представителей семей в Доропеевичском, Ляховичском, Олтушском и Гвоздницком войтовствах [2, с. 12–13]

№ п/п	Село	Количество участков, взятых в пользование	Общее количество представителей семей	Количество семей на одном участке		
				из 2 человек	из 3 человек	с «сыновьями» и «братею»
Доропеевичское войтовство						
1	Черняны	37	62	17	1	–
2	Доропеевичи	30	66	16	4	3
3	Заболотье	12	20	4	1	1
	Итого	79	148	37	6	4
Ляховичское войтовство						
1	Масевичи	2	4	–	–	1
2	Рита Великая	30	59	15	1	6
3	Роматово	20	38	10	2	2
4	Луково	23	53	13	6	1
5	Ляховцы	26	53	13	3	4
6	Рита Малая	36	59	4	7	1
	Итого	137	266	55	19	15

Продолжение таблицы 5

Олтушское войтовство						
1	Хотислав	13	34	7	–	5
2	Орехово	22	42	12	3	1
3	Олтуш	31	79	10	8	5
4	Медведка	22	50	7	5	4
Итого		87	204	36	16	15
Гвоздницкое войтовство						
1	Радеж	14	30	9	1	1
2	Гвоздница	29	65	18	3	6
3	Бродятин	18	40	10	2	4
4	Збураж	39	40	1	–	-
Итого		100	175	38	6	11
Всего		403	793	166	47	45

В колонку «Количество участков, взятых в пользование» (таблица 5) включено общее число земельных участков, на которые была разбита территория Доропеевичского, Ляховичского, Олтушского и Гвоздницкого войтовств в 1566 г. В эту колонку не вошли нерозданные (пустые) волюки, а территории площадью в 2 или 3 волюки, находившиеся во владении одной семьи, посчитаны как один участок. Таким образом, цифры в этой колонке соответствуют количеству семейных групп. Данные второй колонки «Общее количество представителей семей» свидетельствуют об общем количестве лиц мужского пола, зарегистрированных ревизорами, или число отдельных семей. Цифры последних трех колонок указывают на количество семей, проживавших на одном участке. Приведенные подсчеты относятся только к тяглому населению, оседло жившему в селах перечисленных войтовств. Из нетяглых сюда вошли войты и священники (если они владели освобожденными от податей волюками).

Заключение

1. При подсчете количества землевладельцев по мужской линии затруднение представляют пометки «взял землю с сыновьями или с братею». В данном случае ревизоры не указывали числа сыновей или «братии». Можно предположить, что ревизоры могли кого-то забыть, а приписки лишних людей были невозможны или крайне опасны для самих ревизоров.

2. В таблицу 5 не включено:

- 1) население господских дворов (администрация и челядь) и фольварков;
- 2) мельники, арендаторы мельниц;
- 3) население, которое не имело собственного имущества.

Следовательно, приведенные данные о количестве населения в войтовствах являются не полными, а свидетельствуют лишь о количестве населения определенной категории.

3. Если о количестве населения, проживавшего на территории указанных выше войтовств, можно узнать из данных инвентарей, то о сословиях, национальностях и вероисповедании ревизоры в инвентарях ничего не указывали.

4. Крестьяне, которые не обязаны были выполнять определенного вида работ, были разбиты на четыре группы согласно вылатам: по 97, 83, 73 и 66 грошей. Налог на толоки, гвалты, осады, станции, неводы, гуся, кур и яйца во всех группах оставался одинаковым. Могли изменяться размеры чинша и объемы поставок овса и сена. Чинш колебался в пределах 6–12 грошей, овес – 1–2 бочки. В некоторых случаях овес и сено исключались из обязательного списка налогообложения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005. – Т. 1 : Абаленскі – Кадэнцыя. – 688 с.
2. Довнар-Запольский, М. В. Берестейской староство в XVI в. – Киев : Тип. имп. ун-та Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1898. – 42 с.
3. Описание Берестейского староства 1566 г. // Док. Моск. архива мин-ва юстиции. – М. : Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. – Т. 1. – 570 с.
4. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная Пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 г. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1884. – 714 с.
5. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1994. – Т. 2 : Беліцк – Гімн. – 537 с.
6. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym : w XVII t. / opis. przez A. Jabłonowskiego. – Warszawa, 1909. – Т. 6, cz. 2 : Podlasie (województwo). – 230 s.
7. Janeczek, A. Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo Bełskie od schyłku XIV do początku XVII wieku / A. Janeczek. – Warszawa, 1993.
8. Czuczynski, A. Traktat książąt litewskich z Kazimierzem Wielkim z roku 1366 / A. Czuczynski // Kwartalnik Historyczny. – Т. 4. – 1890.
9. Wiśniewski, J. Podlasie / J. Wiśniewski // Słownik starożytności słowiańskich. – Т. IV. – Wrocław, 1970.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.02.2015

Gorbatski A.A. Administrative and Territorial Division of the Lands of Malorita District in the Second Half of the XVI Century

The article deals with the administrative and economic land organization of Malorita district of Brest region in the second half of the XVI century. This topic is reflected in the scientific literature incompletely, and some directions of administrative and territorial division of the district were not analyzed at all. The author shows how the revision of the land in the Beresteiskoye starostvo by Ivan and Dmitry Sapiuha was carried out in 1566. The lists and the amount of the land received by peasants of the villages of Doropeevichskoye voivodstvo (Chernyana, Doropeevichi, Zabolotye) are provided. The tax amount paid by the peasants of these villages is specified.

УДК 930.1 (476) «1939/1941»

Т.С. Силюк

*канд. экон. наук, доц., зав. каф. теоретической и прикладной экономики
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНЫЙ ПУТЬ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В МАЛОРИТСКОМ РАЙОНЕ В 1939–1941 гг.

В статье представлены основные направления социально-экономических преобразований в Малоритском районе в 1939–1941 гг., охарактеризован командно-административный путь коллективизации сельского хозяйства. Автором отмечено неоднозначное отношение советской власти к кулачеству в ходе коллективизации и определена роль репрессий в организации колхозов.

Введение

С середины 1930-х гг. мир стал втягиваться в новую войну: Гражданская война в Испании, агрессия Италии против Эфиопии, Японии против Китая, присоединение Австрии к Германии, завоевание Чехословакии. 23 августа 1939 г. был подписан «Пакт о ненападении» между СССР и Германией и секретный протокол о разграничении сфер влияния в Восточной и Юго-Восточной Европе. 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. После этого в соответствии с договоренностями 17 сентября 1939 г. СССР также начал военные действия против Польши, в ходе которых были присоединены к СССР Западная Беларусь и Западная Украина.

На присоединенных территориях началось формирование новых административно-территориальных единиц, создание органов государственной власти и управления. Наряду с этим развернулось широкомасштабное хозяйственное переустройство.

Целью данной статьи является определение основных направлений социально-экономических преобразований в Малоритском районе в 1939–1941 гг. и характеристика командно-административного пути коллективизации сельского хозяйства, проводившегося советской властью.

Социально-экономические преобразования

Важной задачей местной власти в Малоритском районе после присоединения к БССР территории Западной Беларуси стало удовлетворение потребностей местного населения в товарах широкого потребления. Для этого требовалось восстановление промышленности, которое происходило очень медленно из-за недостатка финансовых ресурсов, квалифицированных кадров, сырья. В конце 1939 г. был организован рай-маслопром в здании молокозавода, который работал с 1929 г. Постепенно ситуация налаживалась: на протяжении 1940 г. была запущена электростанция, открыт цех металлообработки, создана промартель по изготовлению мебели (столов, стульев, шкафов). В период с 1939 г. по 1941 г. в Малоритском районе были восстановлены и действовали 2 лесопильных, 3 кирпичных и 1 фанерный заводы, 2 мельницы с крупорушкой, скипидарно-смолокурный и лимонадный заводы, волноческа, маслозавод и известковый завод [1, л. 2–3], рыбное хозяйство «Карпин», которое в 1941 г. имело 1 610 га прудов [2, л. 7–13]. Для финансового обслуживания в районе открылись сберкасса в Малорите и фискагентства в Великорите, Олтуше, Мокранах.

Малоритчина традиционно была земледельческим краем. В 1939 г. территория района занимала 1 101 км², из них сельскохозяйственные угодья составляли 110 100 га (22 884 га пахотной земли, 38 139 га сенокосов и пастбищ, 29 233 га лесов, 16 930 га неудобий) [1, л. 20].

В сентябре 1939 г. в Малоритском районе насчитывалось 6 200 крестьянских хозяйств. С установлением советской власти началось перераспределение земельных угодий, в первую очередь бывших помещичьих, церковных и осаднических земель. В 1939–1940 гг. земельные наделы получили более 1 000 безземельных и малоземельных крестьян. В деревнях созывались собрания, и люди сами определяли, кому и сколько выделить земли. С весны 1941 г. этот процесс стали контролировать местные власти. 22 апреля 1941 г. Брестским обкомом было принято постановление «Об установлении предельных норм землепользования на один крестьянский двор», согласно которому на одно крестьянское хозяйство не могло быть выделено более 15 га земли.

Для поддержки крестьянам выделялся заем семян зерновых культур, льна, клевера. За 1 ц семян клевера позже следовало вернуть 2 ц зерна, 2 ц льносемена или 3 ц других масличных культур с доплатой разницы в стоимости. В первой половине 1941 г. советской властью ставилась задача обеспечить каждое крестьянское хозяйство коровой. Для приобретения коров республиканские власти выделили Брестской области государственную ссуду на сумму более 1 млн руб. Однако из-за начала войны это дело не было доведено до конца [3, с. 154].

С целью проведения аграрной политики в районе в 1940 г. в Малоритском райисполкоме был создан земельный отдел (райзо). Для оказания помощи по восстановлению сельского хозяйства в район направляли специалистов со всех областей Беларуси. Так, на должность главного агронома райзо в марте 1940 г. была назначена Э.И. Гумовская. Сотрудники райзо проводили среди крестьян работу по разъяснению закона о сельскохозяйственном налоге и о льготах, предусмотренных для беднейших слоев.

Процесс коллективизации

Среди социально-экономических преобразований, проведенных в целях построения социализма, наиболее тяжелым и драматическим моментом явилась коллективизация сельского хозяйства, в результате которой создавались колхозы. Колхоз (коллективное хозяйство) – форма хозяйствования на селе в СССР, при которой средства производства (земля, оборудование, скот, семена и пр.) находились в совместной собственности и под общественным управлением его участников, а результаты труда распределялись общим решением участников. В ходе коллективизации большевики старались уничтожить один из врожденных инстинктов человека – чувство собственности. Коллективизация носила преимущественно насильственный характер. Колхозы были обязаны вести плановое хозяйство, расширять посевные площади, повышать урожайность.

Начиная с 1940 г. в Малоритском районе началась работа по коллективизации сельского хозяйства. Люди крайне настороженно отнеслись к идее коллективизации, хотя на ее реализацию были направлены все государственные силы. Правда, агитация и пропаганда не давали должных результатов. Сельчане категорически отказывались вступать в создаваемые колхозы: понимали, что все нажитое придется сдать в коллективное пользование. Некоторые жители работу в своем колхозе считали неприемлемой. Стали искать лучшей доли, выезжать на Украину, в Россию на постоянное место жительства и там устраиваться в уже давно созданных колхозах. Несмотря на явное и неясное сопротивление населения, в ряде деревень до войны были созданы первые колхозы (таблица 1).

Таблица 1. – Первые колхозы в Малоритском районе

Колхоз	Председатель	Деревня
Имени Ленина	Крень	Никольская
«17 сентября»	Ольшевский	Б. Павлополь
Имени Сталина	Коношук	Галёвка

Продолжение таблицы 1

Имени Ворошилова	Красько	Новое Роматово
«8 Марта»	Каменчук	Мельники
Имени Кирова	Гецук	Мокраны

Разработка автора на основе [3, л. 155].

Первые колхозы в Малоритском районе были мелкими, включали всего по несколько десятков хозяйств. Самым крупным был колхоз имени Кирова, в который первоначально вступили 17 семей. Они собрали в общую конюшню 3 лошади, 2 коровы, некоторый сельхозинвентарь. Часть семян для первой посевной 1941 г. была предоставлена самими колхозниками, часть выдало государство. На помощь колхозу пришел гусеничный трактор из Великоритской МТС. Были посеяны ячмень, овес, гречиха, посажен картофель. Однако убрать урожай помешала война.

Каждому из созданных колхозов принадлежало примерно по 200 га земли, но участки были мелкоконтурные, заболоченные, поэтому на них было сложно эффективно применять технику. В связи с этим остро стоял вопрос о мелиорации. Мелиоративные работы и освоение болот и заболоченных земель стали основными и необходимыми мероприятиями, обеспечивающими быстрое развитие сельского хозяйства. Путем мелиорации можно было превратить неудобные земли в высокопродуктивные. В мае 1941 г. было намечено провести в Малоритском районе осушение 120 га земель, а также освоение 60 га мелиорированных земель на сумму 114 556 руб. Из государственного бюджета планировалось выделить на эти цели более 64 тыс. руб. Для выполнения намеченных мелиоративных объемов работ район получил 45 м³ леса, 600 кг железа, специальный болотный плуг, калийные и фосфорные удобрения. Но планы по мелиорации были сорваны грянувшей войной.

Для технического обслуживания колхозов создавались машинно-тракторные станции (далее – МТС). МТС – государственное сельскохозяйственное предприятие в СССР, обеспечивавшее техническую и организационную помощь сельскохозяйственной техникой крупным производителям сельскохозяйственной продукции (колхозам, совхозам). МТС рассматривались советской властью как базовая структура колхозного производства, посредством которой можно подготовить постоянные кадры механизаторов, увеличить оснащенность сельскохозяйственной техникой, улучшить ее ремонтную базу и, в конечном счете, повысить производство растениеводческой и животноводческой продукции. В Малоритском районе МТС была создана в 1940 г. Сначала ее планировалось разместить в д. Мокраны, однако позже было решено организовать МТС в д. Великорита. МТС получила 4 трактора с пятикорпусными плугами, несколько сеялок и культиваторов, молотилку, дисковые бороны и другую технику [3, с. 155].

Колхозы Малоритского района испытывали периодические «приливы» и «отливы» членов. Причину выхода из колхозов власть и работники государственной службы безопасности видели одну: контрреволюционная деятельность крестьян-колхозников и «кулаков». Такие люди незамедлительно выселялись в малообжитые и труднодоступные районы Средней Азии, Казахстана, Севера. Поэтому, если из деревни увезли одну-две семьи, остальные уже задумывались: стоит ли выходить из колхоза.

В 1939–1941 г. население Малоритчины столкнулось с таким явлением, как репрессии. В деревнях начались аресты. Органы НКВД забирали бывших лесников и осадников, т.н. «кулаков» и просто зажиточных жителей, церковников, людей, подозреваемых в сотрудничестве с бывшими польскими властями, и вообще всех, кто по каким-либо причинам казался властям неблагонадежным.

Больше всего среди репрессированных было т.н. «кулаков» и «подкулачников». Советская власть неоднозначно относилась к кулачеству: первоначально был взят курс

на раскулачивание, затем произошло смягчение отношения и, следовательно, начался «курс на кулака», и, наконец, был развернут наиболее жесткий курс – на ликвидацию кулачества как класса, когда кулак окончательно стал классовым врагом и противником советской власти. Под «раскулачивание» мог попасть любой крестьянин, по той или иной причине негодный власти. Выселение осуществлялось на основе Постановления СНК СССР от 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс Законов о труде», где впервые были законодательно определены некоторые критерии термина «кулак» в контексте признаков кулацкого хозяйства.

Постановление давало следующие признаки кулацкого хозяйства: наем рабочей силы, владение сложными сельхозмашинами, торговля, дающая прибыль свыше 1 500 руб. на хозяйство в год, значительные земельные угодья, владение стадом крупного или мелкого рогатого скота и т.д. [4]. Однако в конце постановления оговаривалось, что эти цифры и факты могут изменяться по усмотрению местных властей. В результате террор был обрушен на зажиточных середняков, которые лишь эпизодически применяли наемный труд или не применяли его вовсе. Жертвами произвола становились даже бедняцкие хозяйства.

Несмотря на то, что многие хозяйства были раскулачены необоснованно, слово «кулак» на долгие годы стало синонимом слова «враг». Оправданными по отношению к раскулаченным считались любые беззакония со стороны органов НКВД. Репрессии носили явно выраженный плановый характер и осуществлялись карательными органами под непосредственным руководством коммунистической партии в крайне жестокой и бесчеловечной форме в отношении ни в чем не повинных граждан. Они были противозаконными, противоречили основным гражданским и социально-экономическим правам человека, обернулись трагическими последствиями для многих людей. Раскулачивание должно было продемонстрировать самым неподатливым непреклонность властей в ходе проведения коллективизации и бесполезность всякого сопротивления. В итоге раскулачиванию подверглись 80–90% крестьян-середняков, которые были осуждены как «подкулачники». Их основная вина состояла в том, что они уклонялись от коллективизации. Раскулачивание носило характер не экспроприации основных средств производства, а конфискации всего имущества вплоть до предметов быта, сопровождалось административным выселением крестьянских семей.

Жесткий процесс раскулачивания затрагивал не только «сельских капиталистов», но и людей, которых односельчане не считали кулаками. Иногда отсутствуют данные, подтверждающие, что у названных «кулаками» крестьян были наемные работники. На эти заявления власти не обращали никакого внимания, как и на то обстоятельство, что некоторые крестьяне вынуждены были нанимать рабочую силу. Например, одинокая женщина была вынуждена использовать наемных работников, т.к. была единственным трудоспособным человеком в семье и не могла сама обработать свой участок земли, но, несмотря на это, ее признавали кулачкой и лишали избирательного права и всего имущества.

Крестьян, признанных «кулаками», целыми семьями в административном порядке выселяли из их домов и оставляли без средств к существованию. Раскулаченных обычно высылали в труднодоступные необжитые или малообжитые территории Средней Азии, Казахстана, Севера с суровыми климатическими условиями. Там они получали плохие земли, примитивные инструменты (топор, лопату), вынуждены были строить себе жилище, проживая в палатках. Условия жизни были тяжелейшими. Люди страдали от голода и холода. В семьях часто умирали старики и дети. Результаты репрессий в Малоритском районе представлен в таблице 2.

Таблица 2. – Данные о репрессированных в Малоритской районе в 1937–1941 гг.

Состав семьи	Когда и откуда выселены	Куда выселены
1930-е гг.		
Бурко Константин Демьянович, 1906 г.р.	1937 г., погиб в заключении	Реабилитирован в 1956 г.
Панасюк Нестор Андреевич, 1906 г.р.	1938 г.	Реабилитирован в 1958 г.
Симонюк Андриян Игнатович (1889 г.р.), жена Наталья Ивановна (1893 г. р.), дети Илья, Ольга, Адам, Виктор, Зинаида	1939 г., д. Хмелище	Иркутская обл.
1940-е гг.		
Абрамук Федор Степанович, 1903 г.р., жена Анна Иовна 1902 г.р., дети Иван, Александра и Мария	1940 г., д. Дубично	Иркутская обл.
Алехнович Степан Иванович (1896 г.р.), жена Анна Мироновна (1900 г. р.), дети Евгения, Петр, Екатерина, Константин	1940 г., д. Ляховцы	Иркутская обл.
Бабура Василий Карпович (1884 г. р.), жена Матрена Кирилловна (1906 г. р.), дети Мария, Николай, Любовь, Владимир, Иосиф	1941 г., д. Дворище	Алтайский край
Бурштын Иван Никитович (1897 г.р.), жена Мария Калениковна (1897 г.р.), дети Николай, Варвара, Прасковья, Ефимия	1940 г., д. Ляховцы	Иркутская обл.
Войтюк Петр Миронович (1903 г.р.), жена Филиция Яковлевна (1915 г.р.), дети Нина и Варвара	1940 г., д. Орехово	Иркутская обл.
Грабайло Александра Самойловна (1906 г.р.), дети Нина, Василий, Иван	1940 г., д. Павлополь	Казахстан
Дацик Георгий Павлович, жена Варвара Максимовна, дети Елизавета, Иван, Дарья, Юрий, Николай	1940 г., д. Хмелище	Иркутская обл.
Ковальский Арсений Степанович (1925 г.р.), Ковальская Анна Дмитриевна (1875 г.р.)	1940 г., д. Полики	Иркутская обл.
Китель Степан Васильевич (1883 г.р.), жена Дарья Лукьяновна (1895 г.р.), дети Мария, Пелагея, Григорий, невестка Варвара, внук Алексей	1940 г., д. Павлополь	Архангельская обл.
Климук Софья Савельевна (1900 г.р.), дети Ольга и Иван	1940 г., д. Роматово	Казахстан
Левчук Захар Васильевич (1910 г.р.), жена Зинаида Дмитриевна (1914 г.р.), дети Ксения и Иван	1941 г., д. Гвозница	Алтайский край
Ковальчук Ульяна Фоминична	1941 г.	Алтайский край
Максимук Василий Осипович, жена Анна Ивановна (1907 г.р.), дети Мария и Василий	д. Мокраны	Алтайский край
Мелешук Николай Трофимович (1892 г.р.), жена Евдокия Алексеевна, дети Александра, Николай, Петр, Ольга, Иван	1940 г., д. Радеж	Казахстан
Михальчук Никита Никитович (1903 г.р.), жена Агафья Трофимовна, трое детей	1941 г., д. Заболотье	Барнаульская обл.
Пархомук Петр Иванович (1895 г.р.), жена Прасковья	1940 г., д. Хмелёвка	–

Продолжение таблицы 2

Пойта Адам Иосифович (1909 г.р.), жена Вера Николаевна (1914 г.р.), дети Алексей и Степан	1940 г., д. Радеж	Актюбинская обл.
Пищик Варвара Калениковна (1874 г.р.), Пищик Дарья Дмитриевна (1907 г.р.), Пищик Иван Андреевич (1876 г.р.), Пищик Анастасия Фадеевна (1921 г.р.), Пищик Анастасия Степановна (1927 г.р.), Пищик Николай Степановна (1932 г.р.)	1940 г., д. Хотислав	Актюбинская обл.
Соловчук Порфирий Михайлович (1904 г.р.), жена Акулина Климовна (1907 г.р.), дети Филипп, Николай, Марина	1940 г., д. Радеж	Актюбинская обл.
Супрунюк Антон Власович (1904 г.р.), жена Анна Степановна, дети Николай, Григорий, Надежда	1940 г., д. Галёвка	—
Сымоник (Семенюк) Михаил Денисович (1907 г.р.), жена Прасковья Семеновна (1907 г.р.), дети Иван, Николай, Георгий, Ксения, Татьяна	1940 г., д. Хмелище	Иркутская обл.
Федосюк Тимофей Онуфриевич (1911 г.р.), жена Анна Семеновна (1910), дети Леонида и Виталий	1940 г., д. Лясовец-Гора	Иркутская обл.
Хотынюк Григорий Николаевич, Хотынюк Иван Николаевич	1940 г., д. Новолесье	—
Чабонюк Андрей Федорович (1892 г.р.), жена Мария Ивановна (1904 г.р.), дети Анна и Евдокия	1940 г., д. Гвозница	Иркутская обл.
Чабонюк Иван Федорович (1907 г.р.), жена Евдокия Лукьяновна (1909 г.р.), дети Иван и Василий	1940 г., д. Гвозница	Иркутская обл.
Чирук И.Г.	д. Черняны	—

Разработка автора на основе [3, л. 161–164].

Некоторые «кулаки», стараясь избежать раскулачивания, спешно покидали родные места. Другие прятали имущество, резали скот, отказывались вступать в колхозы. Но постепенно раскулачивание, агитация и пропаганда сделали свое дело: крестьяне потянулись в коллективное хозяйство.

Заключение

Путь, который прошел Малоритский район в период 1939–1944 гг., был чрезвычайно трудным и насыщенным как творческим, созидательным, так и трагическим содержанием. За этот период район пережил воссоединение Западной и Восточной Беларуси, Вторую мировую войну, коллективизацию, столкнулся с репрессиями НКВД.

1939 г. резко изменил жизнь населения Малоритчины, нарушил их прежний уклад. Приход большевиков к власти был связан с резкими переменами во всех сферах жизни: социально-экономической, общественно-политической и культурной. В Малоритском районе началось образование новых административных единиц, установилась советская власть и деятельность коммунистической партии, создавались новые органы государственной власти и управления, развернулось широкомасштабное хозяйственное, социальное и культурное переустройство. Мероприятия социальной политики, проводимые государством на территории района, были направлены на улучшение ка-

чества и уровня жизни всех социальных групп. Создание нового общества на социалистических началах, как представлялось партийно-государственным функционерам, характеризовалось не только самоотверженным трудом народа, его решающим вкладом в развитие сельского хозяйства, промышленности, образования и культуры, но и огромными трудностями в достижении поставленных задач. Если в проведенной, в первую очередь за счет крестьянства, индустриализации и культурном строительстве были достигнуты значительные результаты, то административно-командный переход сельского хозяйства на коллективную основу обернулся беспрецедентным насилием над деревенским населением, особенно его более хозяйственной, зажиточной части, и резким, продолжительным спадом производительности в отрасли сельского хозяйства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Докладные записки о состоянии строительства и восстановления жилых домов, выполнении поставок зерна и картофеля, установление предельных норм землепользования, переселения польских граждан (декабрь 1945 г.) // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 21.
2. Политдонесения РК КБ(б)Б о восстановлении железной дороги Брест – Ковель, состоянии рыбного хозяйства 1944 г. // ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 7.
3. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Маларыцкага раёна / рэд.-уклад. В. Р. Феранц. – Мінск : Ураджай, 1998. – 535 с.
4. О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс Законов о труде [Электронный ресурс] : постановления СНК СССР от 1929 г. – Режим доступа: <http://a-round-loaf.livejournal.com/75099.html?thread=794459>.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.02.2015

Silyuk T.S. Administrative-command Way of Collectivization in Malorita Area in the 1939–1941

The basic directions of social and economic transformations in Malorita area in 1939–1941 are presented; the command-administrative way of collectivization of agriculture is characterized in the article. The author notes the ambiguous relation of the Soviet power to kulak elements during collectivization and the role of reprisals in the organization of collective farms is defined.

УДК 339.9

А.Д. Панько*канд. ист. наук, доц., доц. каф. социально-экономической географии и туризма
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ МАЛОРИТСКОГО РАЙОНА в 1991–2014 гг.**

В статье на основе анализа архивных источников и многочисленных статистических данных представлен процесс формирования и развития национальной системы образования в Малоритском районе в 1991–2014 гг., а именно такие его составляющие, как дошкольное, школьное и внешкольное образование, деятельность руководящих органов, воспитательная работа и проч. Приводятся наиболее существенные показатели динамики числа учебных заведений, учащихся, педагогов, образовательных мероприятий. Обращено внимание на успехах и достижениях отрасли, а также трудностях переходного периода.

Введение

События 1990–1991 гг. предопределили появление на карте мира молодого государства Республики Беларусь. На начальном этапе происходило формирование национальных институтов власти, в стороне от этого вопроса не осталась и система образования. Постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 10 января 1992 г. № 1389-XII Министерство народного образования было переименовано в Министерство образования Республики Беларусь. Соответствующие переименования были сделаны на уровне областных управлений и районных отделов образования.

Власти в полной мере осознавали важность сферы образования для успешного развития страны в целом и отдельных граждан в частности. Важным документом, который законодательно определял становление национальной системы образования, стал Закон «Об образовании в Республике Беларусь», утвержденный Верховным Советом в 1991 г. и дополненный 19.03.1992 г. В последующем были разработаны Концепция образования и воспитания в Республике Беларусь, Концепция национальной начальной школы, Концепция реформы общеобразовательной средней школы. Данными документами были определены приоритет общечеловеческих ценностей в воспитании через национальную систему образования и ее ориентация на мировой уровень знаний. В учебных планах увеличился удельный вес предметов, направленных на развитие и воспитание личности, на широкое внедрение идей гуманизации вместо характерных советской школе политизации и идеологизации. Документами также было предусмотрено создание учебных заведений нового типа – лицеев, гимназий и др.

В указанное время педагоги Малоритского района, демонстрируя активную гражданскую позицию, проявляя высокий уровень педагогического мастерства и профессионализма, обеспечивали реализацию основных задач и приоритетов непрерывно реформируемой системы образования.

Развитие сферы образования в Малоритском районе в годы независимости

В 1991/92 учебном году в Малоритском районе работали 13 средних школ (Малоритские СШ № 1 и № 2, Великоритская, Збуражская, Луковская, Ляховицкая, Мокранская, Олтушская, Ореховская, Пожежинская, Радежская, Хотиславская и Чернянская). Самыми крупными из них были СШ № 1 (46 класс-комплектов, 1 241 учащийся), СШ № 2 (23 класс-комплекта, 639 учащихся) и Хотиславская СШ (13 класс-комплектов, 300 учащихся). Базовых школ в районе было 8 (Высоковская, Доропеевичская, Замшанская, Гвозницкая, Заболотская, Ланская, Мельниковская и Хмелевская). Из них самой крупной являлась Мельниковская СШ, где насчитывалось 10 класс-комплектов и 164 ученика (для сравнения: в 6 средних школах района количество учеников в каж-

дой было меньше 150). В то же время в Хмелевской БШ обучалось всего 25 учеников в 8 класс-комплектах, здесь отсутствовал 8-й класс.

Начальных школ в Малоритском районе работало 8 (Бродягинская, Дрочевская, Заорская, Ново-Роматовская, Осовская, Павлопольская, Перовская и Ужовская). В каждой из школ имелось по 4 класс-комплекта, в которых училось от 6 (Осовская НШ) до 12 учеников (Дрочевская и Ужовская НШ). Исключением была Заорская школа, где не было набора в 1-й класс, а в школе училось только 5 детей [1]. Всего в школах Малоритского района обучалось 4 383 учащихся, учебный процесс обеспечивали 449 учителей. Из всех школ 23 были белорусскоязычными, 2 – русскоязычными, еще в 4 русских школах набраны первые классы с белорусским языком обучения [2, л. 1–2, 6].

Начало 1990-х гг. ознаменовалось некоторыми изменениями в структуре учебных заведений: добавились 3 средние школы, из базовых в средние были переведены школы в Ланской и Доропеевичах, в Малорите была построена новая СШ № 3. Обсуждался вопрос о закрытии нескольких начальных школ, где количество учащихся не превышало 10 человек, однако кардинальных действий пока не было принято.

В 1993/94 учебном году в 13 школах района работали группы продленного дня. В 8 школах занятия проходили в две смены. Такая форма организации учебного процесса была характерна для 3 городских и 4 сельских школ, расположенных в крупных деревнях. В 1993 г. школу закончили 238 выпускников, 7 из которых получили золотые медали и 15 – серебряные.

Внешкольное образование района было представлено 3 учреждениями: Районным домом пионеров и школьников, Детско-юношеской спортивной школой в г. Малорита и детской туристической базой в д. Олтуш. В Районном доме пионеров и школьников работало 37 кружков различной направленности, где занимались 555 учащихся. В ДЮСШ работало 29 секций с охватом 518 детей. На Олтушской турбазе в 16 кружках занимались 222 школьника. Кроме того в общеобразовательных школах района работали 148 кружков, 28 из которых относились к техническому профилю, 8 – природоведческому, 10 – туристско-краеведческому, 57 – художественному, 17 – спортивному, 5 – оборонно-массовому; еще 23 кружка были других направлений [3, л. 8].

Учебный процесс обеспечивали 468 учителей, из которых 418 имели высшее образование (89,3%). По итогам аттестации высшую категорию получили 67 учителей (14,3%), первую – 174 (37,2%), вторую – 175 (37,4%), были аттестованы без категории – 52 (11,1%) [4, л. 9]. Руководство Малоритского района традиционно большое внимание уделяло работе с кадрами, содействуя повышению общего образовательного и профессионального уровня учителей. При подведении итогов учебного года начальником районного отдела образования В.Н. Жигаловым в числе наиболее квалифицированных и опытных учителей были названы В.И. Михальчук, Т.А. Федорук (СШ № 1), М.А. Пивоварова, А.С. Мартысюк (СШ № 3), С.В. Креж, И.М. Дятловский, А.Г. Онищук (Олтушская СШ), Н.М. Максимук, В.Б. Савчук, (Хотиславская СШ), Н.К. Мыслик, Н.И. Неврось (Ореховская СШ), М.В. Олексюк, Н.И. Братчук (Радежская СШ). Ведущие учителя района неоднократно привлекались в качестве лекторов областного института повышения квалификации.

С целью оказания практической помощи педагогическим коллективам, внедрения в практику работы достижений науки и передового опыта в районе была организована деятельность 24 методических объединений учителей, 4 методических объединений дошкольных работников, 9 школ молодого учителя, творческой группы учителей белорусского языка и литературы. Основной упор в деятельности районного отдела образования был направлен на повышение уровня руководства учебно-воспитательным процессом. Под постоянным контролем находились вопросы создания условий для успешного обучения и воспитания детей (подвоз, питание, укрепление материально-тех-

нической базы), состояние преподавания дисциплин, уровень знаний учеников, вопросы трудоустройства выпускников и др.

Значительная работа проводилась по сохранению сети детских дошкольных учреждений, которые на 01.11.1995 г. посетили 1 010 детей. В 1994/95 учебном году на территории Малоритского района функционировали 19 дошкольных учреждений, из которых два являлись учреждениями нового типа – школа-сад. В районе был создан внебюджетный фонд для финансирования расходов на содержание ведомственных яслей-садов. Это позволило в 1993–1995 гг. передать на баланс районного отдела образования 14 дошкольных учреждений.

Для того чтобы избежать закрытия, в помещении яслей-сада № 3 была создана школа-сад (6 начальных классов и 4 дошкольных группы). С целью более качественного обеспечения учебно-воспитательного процесса в районе начата работа по созданию специализированных групп детей, которые имеют отклонения в физическом и психическом развитии. В школе-саду № 1 в 1995 г. была открыта группа для детей с нарушением речи. Для создания благоприятных условий развития творческих способностей детей в садах были созданы кружки, секции, студии по разным направлениям, в которых занималось 365 детей (36,1%).

Особое внимание в работе районного отдела образования и педагогических коллективов было обращено на усовершенствование воспитательной работы. Вопросы внешкольной и внеклассной работы постоянно рассматривались на советах районного отдела образования, выносились на обсуждение исполкома районного совета. В условиях реформирования системы образования внедрялись новые формы и методы воспитательной работы.

Приоритетным направлением в деятельности учреждений образования стала реализация программ «Здоровье», «Наследие», «Возрождение», «Эстетической воспитание», «Свободное время», «Забота» и др. Многие школы района воспитательную работу построили на основе календарно-обрядового цикла, что дало возможность ученикам ближе познакомиться с культурным наследием белорусского народа, содействовать преемственности поколений, возрождению духовных традиций. Например, в Хотиславской, Радежской и Чернянской средних школах регулярно проводились «Беларускія вячоркі», «Дні беларускіх гуляняў», «Восеньскія кірмашы», фольклорные праздники, знакомство с народными ремеслами. Основой воспитательной работы в Ореховской средней школе стало экологическое образование и воспитание. Здесь был создан школьный природоведческий музей, разработана и обустроена экологическая тропа (одна из первых и лучших в области).

Старались не отставать и другие школы района. В целом показатели охвата детей школьными кружками в Малоритском районе (79,1%) были выше средних по области (65,9%) [5]. Итогом внешкольной и внеклассной работы стали ежегодные дни или недели кружков, где ученики не только демонстрировали свои умения, но и презентовали свои кружки. Так, в 1993 г. в районе были проведены фольклорный праздник «Спадчына» и фестиваль семейного творчества, в 1994 г. – фестиваль «Голоса Малоритчины», а с 1995 г. берет начало традиция проведения районных конкурсов детского художественного творчества.

В 1996 г. в школах района работали 18 пионерских дружин (74 пионерских отряда). Младшие школьники были объединены в организацию «Праменьчыкі». Многие школы имели свои юношеские объединения. Так, в Збуражской СШ работало «Содружество увлеченных», в Замшанской БШ – «Сябрына», в Радежской СШ – «Республика Юнландия». Во всех школах работало ученическое самоуправление.

Важным показателем успешности работы районной сферы образования считается трудоустройство и продолжение учебы выпускников средних школ. Так, например,

в 1995 г. 75% выпускников продолжили обучение, 11,4% были трудоустроены и только 13,4% (27 человек) остались без работы и обучения. По этим показателям Малоритский район занимал ведущие места в Брестской области. Средние показатели по всем районам области были следующие: 72,3% поступивших в учебные заведения, 9,1% трудоустроенных и 18,6% оставшихся без работы и обучения [4, л. 13].

Глубокий анализ деятельности, постановка актуальных задач, правильный выбор проблем и критериев оценки деятельности, ориентация на конечный итог позволили педагогическим коллективам ряда школ достигнуть хороших итогов. Об этом может свидетельствовать число выпускников, поступивших в высшие учебные заведения. Например, в 1995 г. в вузы поступили 27,4% выпускников Малоритского района, что было выше среднего показателя для сельских районов Брестской области (20,1%). Учащиеся ряда школ района регулярно показывали высокий уровень подготовки на областных олимпиадах, являлись призерами республиканских олимпиад.

Существенное внимание уделялось трудовой и профессиональной подготовке учеников. В школах района к 1996 г. были созданы 20 комбинированных мастерских, 2 мастерские по обработке древесины, 16 кабинетов обслуживающего труда. Во всех школах работали пришкольно-опытные участки общей площадью 10,7 га. Для учащихся старших классов в 9 средних школах организована профессиональная подготовка, которая осуществлялась на базе школьных и колхозных мастерских. Изготовленная продукция реализовывалась на ярмарках-выставках. Заработанные деньги шли на укрепление материально-технической базы школ. Например, силами учеников СШ № 3 в 1994/95 учебном году было заработано около 10 млн руб.

15 ноября 1995 г. на заседании коллегии Брестского областного управления образования был рассмотрен вопрос «О ходе исполнения Закона Республики Беларусь “Об образовании” в Малоритском районе». Была заслушана информация о работе комиссии по оценке деятельности районного отдела образования, администрации и педагогических коллективов 12 средних и базовых школ, 11 дошкольных учреждений и Районного дома пионеров и школьников, а также о результатах контрольных срезов уровня знаний по ряду предметов. На коллегии были отмечены достаточный уровень развития системы образования в районе, существенная квалификация управленческого звена и разнообразие используемых учителями педагогических методов и технологий. В постановлении коллегии были записаны рекомендации о создании в районе психолого-педагогической службы, доработке и реализации районной целевой программы «Здоровье» и усилении учебно-методической работы. В последующие годы данные задачи были реализованы.

На развитие системы образования в 1990–2000-е гг. существенно повлияла постепенно ухудшающаяся демографическая ситуация. Резкое снижение рождаемости, произошедшее в конце 1990-х гг., рост урбанизационных процессов стали причиной снижения числа учеников в школах, особенно в сельской местности, изменения сети дошкольных и школьных учреждений. По всей стране начался процесс перевода средних школ в базовые, базовых в начальные школы или школы-сады. В проблемных населенных пунктах закрывались начальные школы и дошкольные учреждения. Это, в свою очередь, вызвало проблему дальнейшего трудоустройства педагогов закрытых и реорганизованных учебных заведений, а также подвоза детей из отдельных деревень в школы, находившиеся в других населенных пунктах.

Динамику числа учащихся школ Малоритского района отражает рисунок 1. За период с 2001 г. по 2014 г. число учащихся сократилось с 4 662 до 3 073 человек.

Рисунок 1. – Динамика количества учащихся школ Малоритского района с 2001 по 2014 гг. (составлено по [6; 7])

В 2000-х гг. были закрыты все начальные школы района. На базе 5 сельских школ созданы учебно-педагогические комплексы: детский сад – средняя школа (деревни Збураж, Гвозница, Ляховцы и Доропеевичи) и детский сад – базовая школа (д. Замшаны). Были закрыты базовые школы в д. Высокое и д. Заболотье, а в 2012 г. и в д. Хмелевка.

В июне 2007 г. в соответствии с законодательством Республики Беларусь об образовании и нормативно-правовой базой на базе средних школ Малоритского района были созданы Государственные учреждения образования и утверждены их уставы. В ноябре 2009 г. Государственные учреждения образования были созданы также на базе дошкольных учреждений и базовых школ.

Значительной была роль дошкольных учреждений в подготовке детей к обучению в школе. За годы независимости произошло увеличение числа дошкольных учреждений. Если в 1994 г. в Малоритском районе работали 11 детских садов (5 из них в г. Малорита), то в 2014 г. в районе работают 16 садов и 5 учебно-педагогических комплексов. Новые дошкольные учреждения были открыты в деревнях Олтуш, Хотислав, Луково, Орехово и Ланская. Эти деревни получили статус агрогородков, а социальные стандарты требовали появления там дошкольных учреждений.

Таким образом, на 2014/15 учебный год в Малоритском районе работают Малоритская районная гимназия, 12 средних и 1 базовая школа, 7 яслей-садов, 9 детских садов, 4 учебно-педагогических комплекса детский-сад – средняя школа и 1 комплекс детский сад – базовая школа [8].

Как и в прежние годы, определяющее значение в успешном поступательном развитии системы образования играет Отдел образования, спорта и туризма Малоритского райисполкома, общее руководство деятельностью которого и подведомственных учреждений осуществляет Т.М. Лавриенко. На высоком профессиональном уровне руководитель обеспечивает сбалансированное решение сложного комплекса определяющих сферу образования района вопросов социально-экономического, организационно-кадрового, учебно-методического и воспитательного характера.

Районный отдел образования, районный совет депутатов постоянно уделяли внимание развитию материально-технической базы учреждений образования. Выделялись средства на ремонт школ, закупку учебного оборудования, спортивного инвентаря. Например, в 2013 г. для районной гимназии приобретены учебные пособия в каби-

неты биологии, химии, географии на сумму 68,6 млн руб., а для оснащения школьных мастерских – современные швейные машины, станочное оборудование на сумму 52,6 млн руб., а также электроплиты на 14,6 млн руб. Для ряда школ были закуплены компьютеры для укомплектования или модернизации кабинетов информатики.

Активно решаются вопросы обеспечения здоровых и безопасных условий обучения и воспитания. По программе энергосбережения в течение 2013 г. выполнена замена светильников на энергосберегающие приборы в 4 учреждениях образования на сумму 194 млн руб. Проведена работа по замене 21 единицы энергоемкого технологического и холодильного оборудования более экономичным на общую сумму 117 млн руб., капитальному ремонту 3 котельных: в Олтушской средней школе, Чернянском и Ляховецком детских садах.

В 2012 г. приобретены новые автобусы для Хотиславской, Олтушской и Мокранской средних школ. В 2013 г. закончен капитальный ремонт спортивного зала Малоритской средней школы № 2, капитальный ремонт кровли и отделка пищеблока, обеденного зала, санузлов в Радежской средней школе, ремонт спортивных залов Пожежинской, Олтушской, Хотиславской средних школ. 1 сентября 2012 г. было сдано в эксплуатацию новое здание средней школы на 120 учеников в д. Гвозница. Всего на ремонт, модернизацию, оснащение учреждений образования Малоритского района при подготовке к 2013/14 учебному году выделено из всех источников финансирования более 6 млрд руб. В значительных объемах использовались средства, предоставляемые спонсорами, активно работали попечительские советы.

Не меньше внимания руководство уделено профессиональной подготовке педагогических кадров, качеству образования и воспитания. Педагоги района, находясь в постоянном творческом поиске, чутко и с пониманием относились к необходимости совершенствования учебно-воспитательной работы. В частности, основные вопросы организации учебного процесса и качества образования решались в соответствии с подписанным 17 июля 2008 г. Президентом Республики Беларусь Декретом № 15 «Об отдельных вопросах общего среднего образования». Практическая реализация требований этого документа была направлена на повышение профессиональных компетенций педагогов, освоение ими нормативно-правового и учебно-методического сопровождения образовательного процесса, развитие профессиональных умений. Так, в 2006 г. из 825 педагогов, работавших в районе, 79,3% имели высшее образование, остальные среднее специальное. В последующие годы число работников с высшим образованием росло и достигло своего пика в 2010 г. – 82,5%. Некоторый спад произошел в 2012 г., когда этот показатель снизился до 77,4%, что было вызвано уходом ряда учителей на пенсию или переходом на другую работу. Ситуация исправилась в текущем учебном году: сейчас в школах района 84,5% педагогов имеют высшее образование [6; 7].

В 2006 г. из 825 педагогов 114 человек (14,35%) имели высшую категорию, 332 – первую и 214 – вторую. В 2010 г. число учителей высшей квалификации увеличилось до 19,6%, а в 2014/15 учебном году достигло 23,6%, а среди педагогов дошкольных учреждений – 17,6%. Ежегодно несколько учителей из каждой школы повышают квалификацию на базе Брестского областного института развития образования или других учреждений дополнительного образования.

Основным видом деятельности учреждений системы образования является учебно-воспитательный процесс и его учебно-методическое сопровождение. Особую роль в его организации сыграл созданный решением Малоритского районного исполнительного комитета учебно-методический кабинет, который начал работу 14 сентября 2000 г. В 2014 г. в штате учебно-методического кабинета числятся 6 работников: заведующий и пять методистов. Районный учебно-методический кабинет является основной базой и центром систематической, целенаправленной практической деятельности по органи-

заци непрерывного образования педагогов. Методическая учеба педагогов строится на диагностической основе с учетом особенностей учреждений образования, запросов педагогов, а также проблем, выявленных в процессе методического мониторинга.

За долгие годы в Малоритском районе сложилась действенная модель методической работы, охватывающая разные направления. Активно работает районный методический совет, 3 методических объединения руководящих кадров, 28 методических объединений учителей-предметников, 8 методических объединений педагогических работников дошкольных учреждений, 4 школы молодого педагога. Организована работа 9 творческих групп, консультационных пунктов, с целью обмена опытом работы регулярно проводятся мастер-классы.

Районный отдел образования гордится многими достижениями педагогов района. Одно из самых существенных – победа в конкурсе профессионального мастерства педагогических работников «Учитель года Республики Беларусь» в 2001 г. педагога Ланской средней школы Вадима Павловича Шпетного. На базе школ района 4–6 марта 2013 г. был организован республиканский семинар-акция «Учитель года – образованию Малоритского района» с целью распространения передового педагогического опыта участников республиканского конкурса профессионального мастерства разных лет. В программе семинара были представлены открытые уроки, мастер-классы членов клуба «Хрустальный журавль», семинар «Современный урок – это...».

Каждый год на базе района проводятся различные мероприятия областного уровня, направленные на повышение качества подготовки учащихся, формирование инновационных площадок, внедрение современных методов обучения и воспитания. Например, в мае 2013 г. проведен областной семинар «Пути повышения качества физического образования школьников», в ходе которого были посещены уроки физики в 6 классе в Малоритской средней школе № 2 (учитель С.И. Морощук), математики в Луковской средней школе (учитель Н.В. Клебанович). Учителем А.Ф. Грузинским проведен мастер-класс по использованию ресурса кабинета физики в практической части преподавания предмета. В апреле 2014 г. в Малорите был организован областной семинар ведущих районными учебно-методическими кабинетами [8].

Педагоги школ и внешкольных учреждений активно участвуют в различных областных, республиканских и международных конкурсах. Дипломом I степени управления и Министерства образования награждена программа по гражданско-патриотическому воспитанию «Я – Малоритчанин», составленная заместителем директора районного центра дополнительного образования детей и молодежи Т.А. Лаптевой. Победителем областного этапа республиканского конкурса «Исследуя гуманитарное право» стала учитель истории и обществоведения Олтушской СШ Е.Я. Олесик. В областном конкурсе профессионального мастерства в сфере применения информационных и коммуникационных технологий в управленческой деятельности дипломом управления образования II степени награждена Н.В. Прокопук – директор Малоритской СШ № 1. Профессиональный опыт педагогов Ивановского района, результаты инновационной деятельности регулярно представляются на областных и республиканских методических выставках, конференциях и семинарах.

Инновационная деятельность педагогов района включала как освоение отдельных методик и технологий педагогами, так и реализацию локальных педагогических проектов коллективами учителей. На протяжении 2012–2014 гг. эффективно работали над реализацией проекта «Внедрение модели специально организованной информационной образовательной среды школы как фактора становления субъективной позиции старшеклассников» педагоги ГУО «Луковская средняя школа». Активно трудились над своими проектами учителя ГУО «Малоритский ясли-сад № 1» («Внедрение модели формирования у детей старшего дошкольного возраста осознанного отношения к свое-

му здоровью») и педагоги ГУО «Малоритская районная гимназия» («Внедрение технологии тьюторского сопровождения одаренных учащихся как способа построения индивидуальной образовательной траектории»). Проектная деятельность педагогов, создание авторских дидактических систем способствовали решению проблемных вопросов общеобразовательных учреждений, развитию системы образования района в целом.

В 2004/05 учебном году была систематизирована работа по выявлению, изучению, обобщению и распространению эффективной педагогической практики. К 2010 г. был обобщен опыт более 50 педагогов на уровне учреждений образования, 15 – на уровне района. Увеличилось использование нестандартных форм описания и представления опыта: презентаций, логико-смысловых моделей, творческих отчетов, портфолио.

Снижение количества учащихся, вызванное демографическим спадом в стране, привело к уменьшению числа выпускников, поступивших в вузы или ссузы. Тем не менее удельный вес таких выпускников оставался относительно стабильным, что отражает рисунок 2. В 2014 г. в высшие учебные заведения поступили 54,3% выпускников школ района, в средне-специальные учебные заведения – 24% выпускников 11 классов.

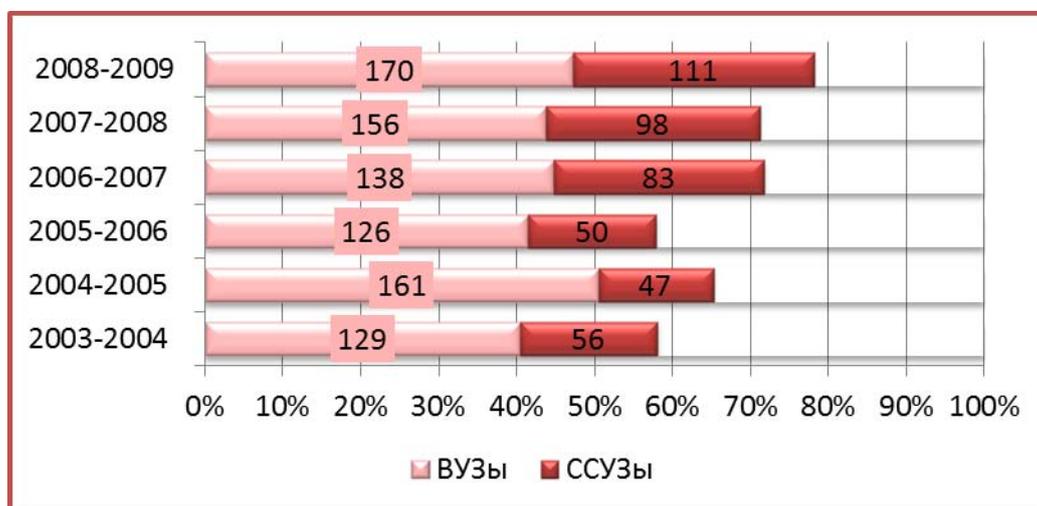

Рисунок 2. – Показатели числа выпускников школ Малоритского района, поступивших в вузы или ссузы (составлено по [6])

Особое внимание уделяется работе с одаренными учащимися, ведется целенаправленная работа по раскрытию их творческого потенциала, что отражают итоги олимпиад и иных конкурсов. Вопросы выявления и развития одарённости, подготовки учащихся к конкурсам и олимпиадам, организация исследовательской деятельности постоянно рассматривались на заседаниях районных и школьных методических объединений, на семинарах и конференциях. В 2006 г. на областных предметных олимпиадах школьники Малоритского района завоевали 11 дипломов, в 2007 и 2008 гг. – по 6, в 2009 г. – 11, в 2010 г. – 13, в 2011 г. – 12, в 2012 г. – 9, в 2013 г. – 11 и в 2014 г. – 12. Дипломами республиканских олимпиад были награждены учащиеся района в 2005, 2006 и 2010 гг. [6; 7].

В 2009 г. 10 научных работ учеников школ района были отмечены дипломами VIII научно-практической конференции учащихся «С наукой в будущее», в следующем году число работ, отмеченных дипломами, составило 7. В 2014 г. работы учащихся 4 класса Малоритской СШ № 1 «Осторожно: громкая музыка» (руководитель Л.В. Власюк), учащегося 11 класса Ляховецкого УПК «Носители информации как дифракционные решетки» (руководитель С.В. Кульбеда), учащегося 8 класса районной гимназии

«Влияние антропогенного фактора на численность броненосца связанного» (руководитель А.С. Чуль), учащихся 8 и 11 классов Луковской средней школы «Утраченные безвозвратно» (руководитель Н.В. Балицевич) отмечены дипломами управления образования III степени.

Уделялось должное внимание вопросам профессионального образования, которое давало возможность старшеклассникам получить дополнительную профессию. Так, в 2010 г. были организованы группы подготовки трактористов-машинистов категории «А» на базе Олтушской, Ореховской, Чернянской и Хотиславской средних школ. Также подобные курсы для учеников еще 7 школ были организованы на базе Учебно-курсового комбината Малоритского райсельхозпрода. Кроме того на базе Малоритского государственного профессионального лицея сельскохозяйственного производства учащиеся школ г. Малорита могли пройти подготовку водителей категории «С».

Отделом образования решалась задача создания условий для обучения детей-инвалидов и детей с особенностями психофизического развития. В районном банке данных детей с особенностями психофизического развития по состоянию на 01.01.2014 состоял 391 ребенок в возрасте до 18 лет. Коррекционно-педагогической помощью и специальным образованием было охвачено 389 детей (99,5%), в 2012/13 учебном году – 370 детей (93,7%). В школах района в 2012/13 учебном году работали 34 класса интегрированного обучения, в районном центре коррекционно-развивающего обучения и реабилитации получили коррекционно-педагогическую помощь и поддержку 33 ребенка, организована работа специальной дошкольной группы, которую посещали 3 ребенка с тяжелыми и множественными нарушениями развития. С 12 школьниками специалисты работали на дому [8]. Опыт работы районного центра коррекционно-развивающего обучения и реабилитации с семьями, воспитывающими детей-инвалидов, обобщался в мае 2013 г. в рамках работы одной из секций III международной конференции педагогов специального образования в г. Бресте.

Педагогическими коллективами учреждений образования района постоянно разрабатывались мероприятия по программам воспитания, в которых учитываются конкретные возможности учебного заведения, социума, потенциал родителей и детей. Данные мероприятия предусматривали планомерную и целенаправленную работу по идейно-нравственному и гражданско-патриотическому воспитанию и были реализованы через работу клубов, кружков, краеведческую, экологическую, трудовую, спортивную, поисковую и природоохранную деятельность, взаимодействие с воинскими частями, ветеранской организацией, общественными объединениями.

Одним из эффективных методов приобщения школьников к духовному наследию своего народа и развитию патриотизма является краеведческое направление – походы и экскурсии по родному краю. Так, в 2010/11 учебном году для учащихся района было организовано 176 походов, в которых приняли участие 2 558 учеников, и 454 экскурсии с охватом 8 017 учащихся. За 2013 г. организовано 207 походов с охватом 2 330 учащихся и 656 экскурсий с охватом 9 101 учащегося [6; 7].

Усилия педагогических коллективов учреждений образования региона направлены на формирование широкой сети кружков и спортивных секций, которые учащиеся выбирают в соответствии со своими интересами и способностями.

Ежегодно проводятся районные спартакиады учащейся молодежи по 11 видам спорта (в 2013 г. в составе 167 команд приняло участие 1 448 участников). В рамках областной спартакиады школьников в 2013 г. команда Малоритского района по гандболу заняла 2 место (девушки) и 3 место (юноши). По итогам областной спартакиады 2013 г. команда района заняла общее 4 место. В составе сборной команды области представительница Малоритчины заняла 1 место в республиканской спартакиаде.

Здоровье детей укрепляется через работу оздоровительного лагеря «Ровесник», а также лагерей на базе центра детско-юношеского туризма и краеведения, Мокранской средней школы, Луковской средней школы. Организована работа профильных смен: военно-патриотической, физико-математической, лингвистической, туристической. Круглосуточным оздоровлением в 2013 г. было охвачено 440 детей, с дневным пребыванием – 734 ребенка.

Творческие и иные команды школьников Малоритского района успешно принимают участие в областных и республиканских конкурсах, смотрах, фестивалях. Так, неоднократным призером областного смотра-конкурса юных инспекторов дорожного движения становился отряд Збуражского учебно-педагогического комплекса (руководитель И.В. Наврось). Далек за пределами района известны фольклорные коллективы «Вытокі» Доропеевичского УПК (руководитель Г.П. Бегеза), «Крынічка» Мельниковской БШ (руководитель Л.В. Лавреенко), образцовые театральные коллективы Малоритского РГЦВР «Большая перемена» (руководитель З.И. Лещинская) и «Каламбур» (руководитель В.В. Самуйлик) и др.

В числе основных проблем, обсуждаемых на заседаниях советов районного отдела образования, спорта и туризма, можно отметить вопросы материального обеспечения учреждений образования. Несмотря на отмеченные выше объемы выделяемых средств, большинство школ нуждается в текущем и капитальном ремонте, замене оборудования в рамках программы энергосбережения. Одной из неотложных задач является необходимость обеспечения школьных кабинетов современным учебным и лабораторным оборудованием, замена морально и физически устаревшей техники, в особенности компьютерной. Еще большей проблемой становится обеспечение учреждений образования квалифицированными кадрами, особенно в сельской местности. В данном вопросе следует отметить роль районных властей, которые понимают проблему и прилагают максимум усилий для поддержания сферы образования района на достигнутом уровне и обеспечения точек роста в будущем.

Заключение

В настоящее время в условиях бурно развивающихся информационных технологий образование и получение знания становятся тем «фундаментальным социальным фактом», который лежит в основе экономического развития. Приобретение новых знаний, информации, умений, навыков, утверждение ориентации на их обновление и развитие становятся основными характеристиками современной личности, которая претендует на завоевание успеха в самых разнообразных сферах деятельности.

За 1990–2010-е гг. система образования Малоритского района прошла долгий и тернистый путь от советской до национальной школы, от идеологического до гуманистического подходов в образовательном процессе. Педагогические работники, опираясь на собственный опыт и опыт коллег, сохраняя традиции и внедряя инновации, смогли обеспечить преемственность старой и новой школы, поддержать высокий уровень образования. Понимание руководством Малоритского района значимости образования как важного условия успешного поступательного развития производственной и непроизводственной сфер и принятие определенных мер оставляет надежду на дальнейшее развитие системы образования в районе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистические отчеты школ Малоритского района на начало 1991/92 учебного года // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1295. Оп. 1. Д. 472. – 59 л.

2. Сводный статистический отчет Малоритского районного отдела народного образования на начало 1991/1992 учебного года // ГАБр. – Ф. 1295. Оп. 1. Д. 472. – 14 л.
3. Сводный статистический отчет Малоритского районного отдела образования на начало 1993/1994 учебного года // ГАБр. – Ф. 1295. Оп. 1. Д. 489. – 10 л.
4. Протокол № 3 заседания коллегии управления образования исполнительного комитета Брестского областного совета народных депутатов от 15.11.1995 г. «О ходе исполнения Закона “Об образовании в Республике Беларусь” в Малоритском районе» // ГАБр. – Ф. 1041. Оп. 1. Д. 1140. – 33 л.
5. Сводный статистический отчет внешкольных учреждений Малоритского района за 1994 г. // ГАБр. – Ф. 1295. Оп. 1. Д. 503. – 4 л.
6. Годовой отчет о работе Малоритского районного отдела образования за 2010 г. // Текущий архив Малоритского районного учебно-методического кабинета.
7. Годовой отчет о работе Малоритского районного отдела образования за 2013 г. // Текущий архив Малоритского районного учебно-методического кабинета.
8. Система образования, спорта и туризма Малоритского района в 2014 г. // Текущий архив Малоритского районного учебно-методического кабинета.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.02.2015

Panko A.D. System of Education in Malorita District in 1991–2014 years

On the basis of analysis of archival sources and numerous statistical data the process of formation and development of the national education system in the area of Malorita in the 1991-2014's is shown and namely such components as pre-school, school and school education, activities of the governing bodies, educational work and so on. The most significant indicators of the dynamics of the number of schools, students, teachers, and educational activities are given. The attention is focused on the successes and achievements of the industry, as well as the difficulties of the transition period.

УДК 94 (476)

Свирид А.Н.

канд. ист. наук, доц. каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ, СОЦИАЛЬНОМ, ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ МАЛОРИТСКОГО РАЙОНА в 1921–1939 гг.

По условиям Рижского мирного договора в марте 1921 г. территория современного Малоритского района оказалась в составе Польского государства. Во второй половине XX в. в белорусской исторической науке господствовал стереотип, согласно которому вся территория Западной Беларуси находилась под тяжелейшим социальным и национальным гнётом и не развивалась. В наши дни такой взгляд всё ещё можно встретить на страницах различных изданий. Целью данного исследования является определение справедливости этой точки зрения на основе анализа документов Государственного архива Брестской области. Поставленная цель определяет задачи: рассмотреть элементы социальной, культурной и экономической жизни населения земель современного Малоритского района в период 1921–1939 гг.

Введение

После окончания Первой мировой войны в марте 1921 г. по условиям Рижского мирного договора переходившая несколько раз из рук в руки территория современного Малоритского района оказалась в составе Польского государства.

Во второй половине XX в. в белорусской исторической науке господствовал стереотип, согласно которому вся территория Западной Беларуси находилась под тяжелейшим социальным и национальным гнётом и не развивалась ни в каком плане. В наши дни такая точка зрения далеко не редкость. Анализ документов Государственного архива Брестской области позволяет увидеть совершенно иную картину.

Проведение комплексной земельной реформы

На территории Малоритского района в рассматриваемый период проводилась комплексная земельная реформа, целью которой была интенсификация и улучшение землепользования. Отдельные направления этой реформы получили название «парцелляция», «комасация», «хуторизация». Так, в 1936 г. на основе § 25 распоряжения министра сельского хозяйства и сельскохозяйственных реформ от 6 июня 1935 г. проводилась хуторизация в Корче, Збураже, Осово и Мокранах Малоритской гмины [1].

Земельная реформа проводилась медленно. Одним из её направлений была парцелляция – процесс разукрупнения больших участков и передача их в пользование, собственность или обработку отдельными мелкими участками новым обладателям. Так, процесс парцелляции в Мокранах растянулся более чем на 12 лет: с 1924 по 1936 гг. [2]. Не менее простым он был и в имении Радеж Олтушской гмины. Посвящённое этому вопросу архивное дело насчитывает 247 листов [3]. Относительно быстро прошла парцелляция в Збуражском имении Анны Марковской. Процесс занял 9 лет: с декабря 1926 г. по апрель 1935 г. [4]. Немного быстрее (с июня 1930 г. по апрель 1936 г.) прошла парцелляция в принадлежавшем Марии Ушицкой имении Витвинец Малоритской гмины [5]. Часть земель, принадлежавших её родственникам Вацлаву и Луциану Ушицким, была распарцеллёвана ещё активнее: с октября 1934 г. по март 1936 г. [6]. Но в среднем процесс парцелляции занимал около 5 лет, как, например, в принадлежавшем Владиславу Шит-Немировичу имении Карч Малоритской гмины, что заняло период с 29 июля 1932 г. по 9 ноября 1937 г. [7]. В Олтушской гмине во второй половине 1930-х гг. было распарцеллёвано имение Чеслава Петуковского [8], а в Малоритской – имение Мокраны [9].

Другим направлением земельной реформы была комасация – перегруппирование отдельных земельных участков между собственниками с целью более эффективного зе-

млепользования. В среднем на крестьянское хозяйство приходилось разное количество гектаров земли. Те, у кого земли было менее 2 га, считались малоземельными. Росли сыновья, обзаводились своими семьями, и земельные полосы делились, становясь еще уже. Когда в семье появлялись дополнительные денежные средства, старались прикупить землю на стороне. Это считалось лучшим вложением сбережений. В глазах крестьян она была главной ценностью, ее не хватало, не пустовало ни клочка. Эти беспорядочные приобретения привели к тому, что земли были раздроблены: почти каждый хозяин владел наделами в трех, четырех, а то и больше местах. Нормальному ведению хозяйства это не способствовало, и польские власти организовали комасацию – объединение чересполосных участков в единые земельные массивы. С середины 1920-х по конец 1930-х гг. шёл процесс комасации земель в Великоритской гмине [10]. Не менее долгим и трудным был процесс комасации в Малоритской гмине [11].

Велась борьба с летучими песками в окрестностях деревни Збураж [12]. Эта деятельность сопровождалась посадкой леса в окрестностях деревень Збураж и Закий [13].

Среди мероприятий властей следует выделить организацию деятельности по поддержанию в надлежащем порядке мостов и дорог [14], а также целого комплекса мероприятий по мелиорации. С 1927 г. в имении Кухарево Великоритской гмины проводились мелиоративные работы с целью осушения участка на пересечении дороги и канала, соединяющего озёра Турское и Луковское. Дорога связывала Брест и Ратно, и через канал был построен мост (до Бреста было 53 км, до Ратно 54 км) [15, л. 5]. Мелиоративные работы имели целью сохранение участка земли в окрестностях моста и дороги в пригодном для эксплуатации состоянии, а также строительство отводного канала, соединяющего Турское и Луковское озёра. Поскольку вода периодически заливала дорогу, необходимо было при наводнении удалять воду в Луковское озеро через дополнительный отводной канал [15, л. 8]. При проведении мелиоративных работ были учтены интересы Евгения Райского, хозяина рыбных угодий в Мокранах [15, л. 10]. Мелиоративные работы велись ещё в марте 1931 г., а за их ходом следило Дорожное управление [15, л. 11].

Социальная политика

Социальная активность жителей Малоритского района в рассматриваемый период не всегда отличалась лояльностью к существующим порядкам. Так, в первой половине 1936 г. на Малоритском лесопильном заводе состоялась забастовка рабочих [16]. В это же время о своей деятельности заявили профессиональные союзы [17]. Ярким проявлением социальной жизни была деятельность обществ добровольной пожарной охраны. Они имелись в Луково [18], Борках [19], Збураже [20], Мельниках [21].

Деятельность добровольной пожарной охраны в Мельниках заслуживает отдельного рассмотрения. Она имела зарегистрированный устав № 763 от 14 мая 1930 г., и в 1935 г. подводила итоги своей пятилетней работы. Председателем правления в 1935 г. был Михаил Кивачук, крестьянин, солтыс, православный по вероисповеданию. Начальником стражи – Станислав Стрелецкий, единственный среди членов правления римокатолик. Обязанности секретаря выполнял Максим Хелешко, также крестьянин, как и все остальные члены. Финансовой стороной ведал казначей Павел Мерчук, а хозяйственной – завхоз Савва Кивачук. Контролирующим органом была ревизионная комиссия, председателем которой был Фёдор Касценчук, а членами ревизионной комиссии значились Захарий Яковлевич Кивачук и Захарий Васильевич Кивачук. Численность членов общества добровольной пожарной охраны составляла 22 человека (с правлением и ревизионной комиссией). За 1934–1935 гг. состоялось 10 протокольных собраний правления (10.04; 27.05; 29.07; 26.08; 28.10; 18.11; 10.12; 20.01; 03.03; 31.03).

Согласно отчёту, правление руководствовалось планом работы, принятым общим собранием. За 1934–1935 гг. члены добровольной пожарной охраны в Мельниках провели 5 публичных представлений, 46 лекций, 5 чтений, 56 собраний. Охрана имела свой театральный кружок численностью 22 человека, в том числе 5 женщин.

За отчётный год корпус пожарной охраны насчитывал 1 офицера, 3 подофицеров, 19 рядовых, 2 младших чина. Члены добровольной пожарной охраны принимали участие в региональном съезде пожарников в Малорите и на проводимых там соревнованиях заняли 1 место. Обучение проводили строго по плану. Среди мероприятий – одна учебная тревога и участие в государственных праздниках. 18 членов принимали участие в соревнованиях по стрельбе. Лучшим стрелком оказался Максим Хелешко, который 12 августа 1934 г. получил золотую медаль и премию. Лучшим прыгуном был Дмитрий Кивачук, прыгнувший на 4 метра 50 см. Лучшим метателем гранаты стал Оксентий Мирчук, который бросил гранату на 35 и 45 метров (вероятно, левой и правой рукой). Лучший бегун – Дмитрий Кивачук, преодолевший дистанцию 100 м. за 13 секунд. В отчёте упомянуты и наименее активные члены пожарной дружины – Филипп Кивачука и Ицко Борисовского. В целом за 1934 г. были отмечены выезды на 2 пожара; при этом были задействованы 3 конные повозки (в общей сложности – 30 часов работы).

О деятельности общества добровольной пожарной охраны в Мельниках позволяет судить финансовый отчёт и инвентарная опись имущества. Пункты финансового отчёта выглядели так (в злотых): членские взносы – 5; поддержка из гмины – 136,73; доходы от представлений – 51,53; другое – 93, 67. Общая сумма доходов за 1934–1935 отчётный год составила 286 злотых и 93 гроша. Не меньший интерес представляют и расходы: музыка на представлениях – 6; обучения и курсы – 33,45; организация мероприятий – 34,30; взносы – 5, закупка и поддержание инвентаря – 46,75; закупка обмундирования – 9. Общая сумма расходов составила 254 злотых. Согласно инвентарной описи, имущество составляли здание (600 злотых), кони и зброя (1 450 злотых), счёт в банке (50 злотых), наличность в кассе (32,24 злотых). Также на балансе были: 1 лестница, 1 пожарный рукав, 6 шлемов, 3 брезентовых мундира, 3 пояса, 17 шапок, 3 воза. Общая стоимость имущества оценивалась в 2 050 злотых [21, л. 1–2об.].

Пожарная дружина в Мельниках продолжала функционировать и во второй половине 1930-х гг. В январе 1937 г. в состав правления изменился: Борис Иванов (председатель), лесничий; Николай Кивачук (заместитель), крестьянин; Иван Леон (начальник), директор школы; Афанасий Струнец (его заместитель); Бронислав Рогальский (секретарь), учитель; Павел Мирчук (казначей) и Савва Кивачук (завхоз) [21, л. 5]. Включение в состав правления общества добровольной пожарной охраны в Мельниках директора школы, учителя и лесничего свидетельствует о популярности и определённой престижности нахождения в этой организации.

В Малоритском регионе в рассматриваемый период была отмечена деятельность благотворительных организаций. В конце 1930-х гг. в г. Малорите действовала христианская касса беспроцентной кредитной взаимопомощи [22].

Во второй половине 1930-х гг. началась подготовка гражданского населения к возможным военным действиям. Военная подготовка затрагивала работников железной дороги [23] и лесников [24].

Среди направлений проводимой государственной политики, оказавших существенное влияние на жизнь, необходимо выделить здравоохранение. В Малорите, например, работала больница, которая, кроме своих непосредственных функций, занималась просветительской работой, в том числе организовывала лекции о вреде алкоголя [25].

Достаточно насыщенной была и культурная жизнь. В Великорите действовал театр [26]. Жители района смогли впервые увидеть кино, но его демонстрация была связана с необходимостью соблюдения целого комплекса требований. Открыть передвиж-

ной кінотеатр в Малорите в 1937 г. разрешили кружку противовоздушной и противохимической обороны. Полицейский участок в Малорите получил в связи с этим такие указания от поветового старосты:

1. После прибытия на местность, где будет демонстрироваться фильм, хозяин установки должен лично обратиться в полицейский постерунок и уведомить о намерении организовать зрелище, предоставить разрешение на этот вид деятельности и лицензию на фильмы, предназначенные для показа, а также указать место, в котором будут демонстрироваться фильмы. Место должно соответствовать этому предназначению, о чём должна засвидетельствовать полицейско-строительная комиссия.

2. Организатор должен присутствовать во время демонстрации фильма. Он не может оставлять вместо себя заместителя, а сам выезжать в другую местность по причине подготовки там рекламных и организаторских компаний.

3. О замеченных неточностях и не порядке следует доносить [27, л. 4].

Деятельность передвижной малоритской киноустановки контролировалась на уровне воеводы. 2 января 1937 г. Полесское воеводское управление на основании статьи 7 закона о фильмах и их демонстрации от 13 марта 1934 г. направило правлению кружка противовоздушной и противохимической обороны в Малорите разрешение на демонстрацию фильмов на следующих условиях:

1. Перед всеми демонстрациями фильмов необходимо предварительно предупредить полицейские постерунки, которые должны убедиться, что избранное помещение соответствует требованиям санитарной и общественной безопасности.

2. Все фильмы, независимо от их направленности, должны безусловно иметь лицензию на показ, выданную МВД.

3. Право на показ не может быть передано другому физическому или юридическому лицу.

4. Руководителем кинотеатра и ответственным за соблюдение санитарно-полицейских и полицейско-архитектурных требований будет Зигмунд Кохановский. В случае, если Кружок захочет изменить ответственное лицо, оно должно быть утверждено в соответствующем порядке.

5. Если демонстрируется фильм, не разрешённый для показа молодёжи, на кассе должно висеть соответствующее объявление.

6. Начало фильма должно произойти точно во время, указанное в объявлении.

7. Показ фильмов должен начинаться не ранее 14 часов, а заканчиваться не позднее 23 часов.

8. Перерывы между сеансами не должны превышать 15 минут.

9. Показ рекламы не должен превышать 10 минут.

10. Показ дополнительного короткометражного фильма согласуется вместе с показом основного [27, л. 5].

Что касается промышленных производственных предприятий, то на территории современного Малоритского района они представлены были достаточно широким спектром. В начале 1930-х гг. Шмуль Олтушский построил в Малорите маслобойню [28], а в 1936 г. Абрамом Каменецким здесь была открыта кузница [29].

Достаточно характерной частью пейзажа межвоенного периода были мельницы. В деревне Полично Великоритской гмины в конце 1930-х гг. Станислав Раевский построил ветряную мельницу [30]. Но гораздо большее распространение получили мельницы паровые [31]. В 1932 г. Генрих Антонович Олещук продал Нафтулу Плотникову паровую мельницу в деревне Радеж. Мощность мельницы составляла 10 кВт, и для её обслуживания требовалось 2 работника. Вместе с Нафтулом Хаимовичем Плотниковым в право собственности мельницей вступил Хершко Менделевич Голдвайц. Земля, на которой находилась мельница, была 13 мая 1931 г. предварительно выкуплена сроком

на 19 лет у Яна и Исидора Тыщиков, Яна, Стефана и Якоба Шульжиков. Проект мельницы был утверждён Полесским воеводским правлением 16 июля 1931 г. Цена мельницы составила 3 000 злотых наличными. Возможно, что причиной продажи мельницы Генрихом Олещуком стало то обстоятельство, что в марте 1932 г. производственное помещение было опечатано полицией в связи с отсутствием необходимой документации на паровой котёл и нарушением статьи 5 закона от 31 мая 1921 г. об использовании паровых котлов. По инструкции министерства промышленности и торговли, вращающиеся части должны быть изолированы, несмотря на высоту потолков в 2,13 м. Передаточный ремень должен быть убран в защитный металлический кожух в целях безопасности работающих. Необходимо было также организовать аварийное выключение механизма без возможности его самопроизвольного запуска. Закон оговаривал санитарное состояние прилегающей территории, которое должно быть соответствующим, не иметь рядом хлева и туалета ближе чем на расстоянии 12 метров от мельницы. При мельнице необходимо было иметь обогреваемое помещение, где можно было бы помыть руки, пообедать, а также в котором должны быть установлены отдельные шкафы для хранения спецодежды каждого работника. В этом же помещении должна быть аптечка, утверждённая доктором, а также ёмкость с краном с подготовленной питьевой водой и кружкой. Во всех помещениях должны быть установлены эмалированные плевательницы с дезинфицирующим средством, что, вероятно, было обусловлено большой запыленностью подобных производств. Здание также должно соответствовать противопожарным требованиям. План мельницы представлен на рисунке 1 [32, л. 21]. Закон разрешал запускать производство только в случае полного соблюдения всех условий [32, л. 6, 12, 19].

В начале 1930-х гг. в Малорите было организовано предприятие по разливу пива. Организованное в одном помещении производство включало мойку и сушку бутылок, их дальнейшую подготовку, розлив, газирование и закупорку пива в бутылки [33]. Подробный план разливочной представлен на рисунке 2 [33, л. 12].

Достаточно развита была и торговля. Кроме постоянно действующих магазинов, во всех гминных центрах и многих деревнях были организованы ярмарки. Например, такая ярмарка во второй половине 1920-х гг. функционировала в деревне Антоново [34].

Заключение

На основе представленных выше фактов можно сделать вывод, что в период 1921–1939 гг. на территории современного Малоритского района шла оживлённая социальная, экономическая и культурная жизнь. Активно развивалось местное производство и торговля. Наличие театральных кружков, киноустановки, проводимых различными организациями мероприятий просветительского характера свидетельствуют об активной культурной работе. В рассматриваемый период проводилась серия мероприятий по совершенствованию экономической жизни. Поскольку ведущим занятием большинства жителей было сельское хозяйство, в этой области была развёрнута по многим направлениям аграрная реформа, которая проводилась постепенно и взвешенно. Её целью было улучшение организации земледелия и разукрупнение больших земельных участков.

Анализ документов Государственного архива Брестской области свидетельствует о несостоятельности сложившегося ещё в советское время стереотипа об угнетающем в социальном, экономическом и культурном плане характере власти польского государства на белорусских землях в 1921–1939 гг.

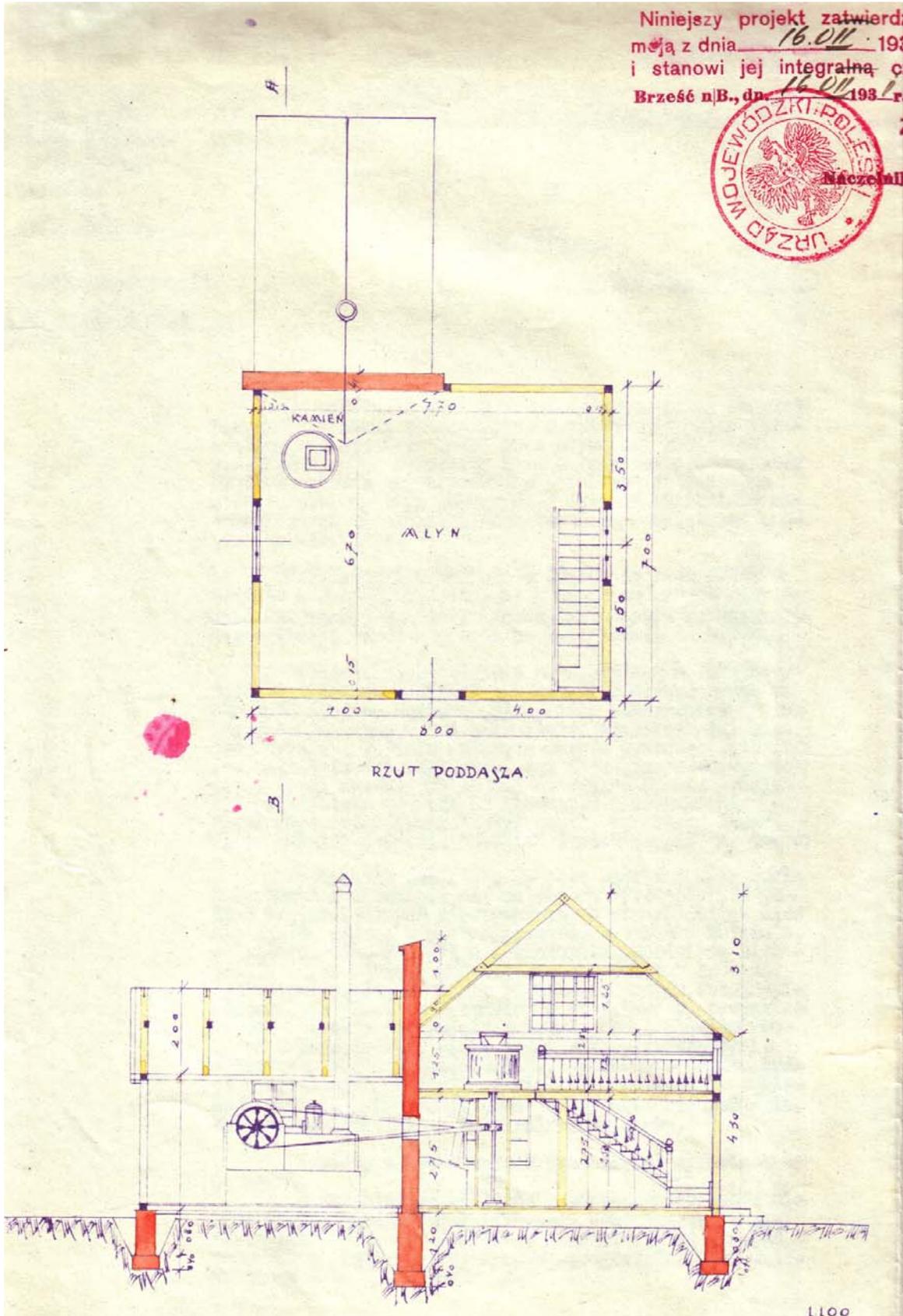

Рисунок 1. – План мельницы

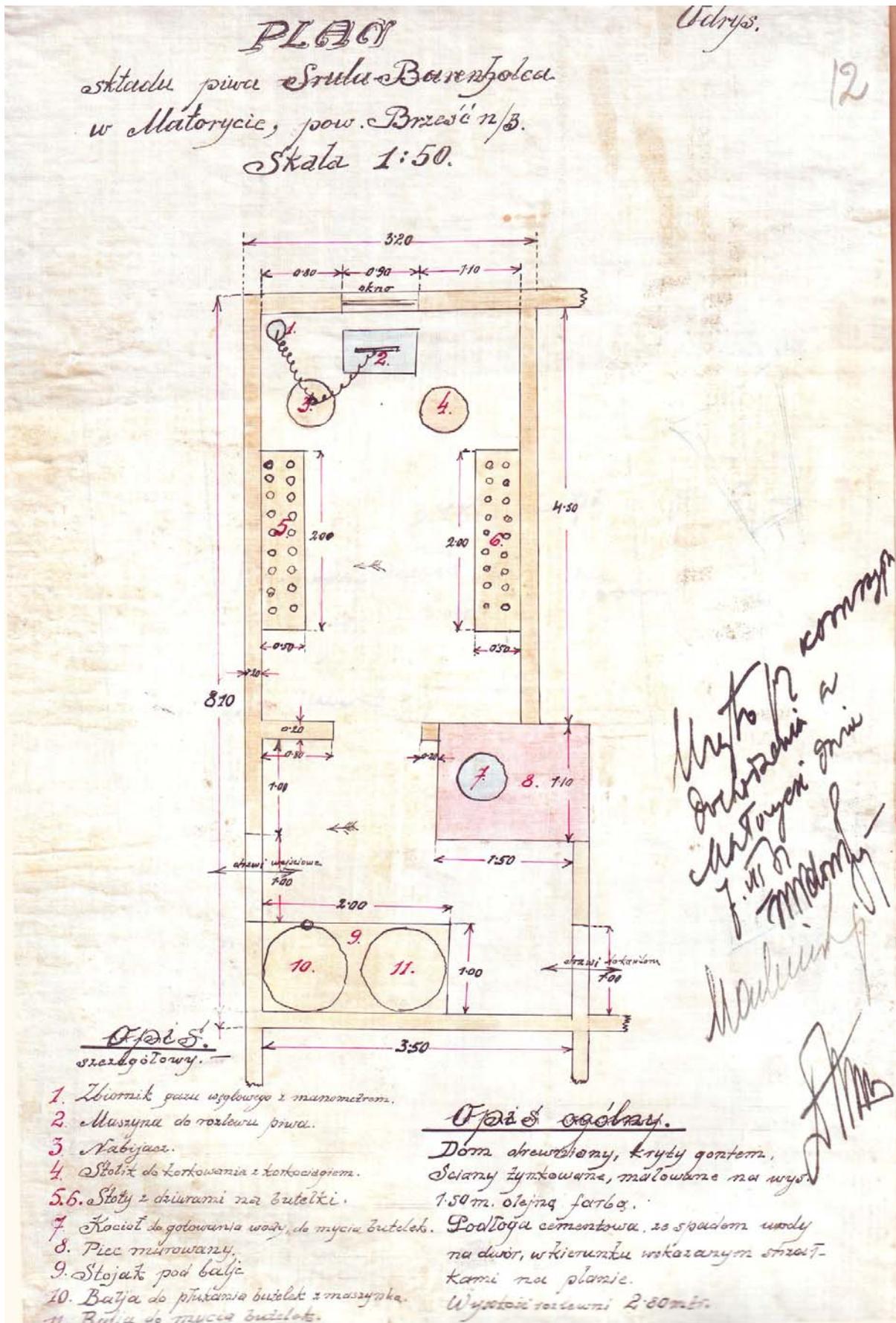

Рисунок 2. – План разливочной

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дело о хуторизации земель деревни Осово гмины Малориты Брестского повета // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 6. Д. 2362. – 67 л.; Дело о хуторизации земель имения Корч гмины Малорита Брестского повета // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 2752. – 75 л.; Дело о хуторизации земель имения Збураж гмины Малоритской, принадлежащего братьям Самошко и Анне Авдеюк 1921–1922 гг. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 2917. – 14 л.; Дело о хуторизации земель д. Осово гмины Малорита Брестского повета 1936–1939 гг. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 2362. – 67 л.; Дело о хуторизации земель д. Осово гмины Малорита Брестского повета 1931–1936 гг. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 7. Д. 1359. – 367 л.; Дело о хуторизации земель д. Осово Малоритской гмины, // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 643. – 361 л.
2. Дело о parcelляции земли государственного имения Мокраны, Малоритской гмины // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 625. – 287 л.
3. Дело о parcelляции земель имения «Радеж» Олтушской гмины, Брестского повета // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 627. – 247 л.
4. Дело о parcelляции земли имения «Збураж», Малоритской гмины принадлежавшего Марковской Анне // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 631. – 121 л.
5. Дело о parcelляции земель имения «Витвинец», Малоритской гмины, принадлежащего Ушицкой Марии // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 638. – 33 л.
6. Дело о parcelляции земель имения «Витвинец», Малоритской гмины, принадлежавшего Ушицким Вацлаву и Люцьяну // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 647. – 6 л.
7. Дело о parcelляции земель имения «Карч», Малоритской гмины принадлежавшего Шит-Немировичу Вадиславу // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 648. – 65 л.
8. Дело о parcelляции земли, принадлежащей Петуковскому Чеславу имения Олтуш Олтушской гмины (1935–1937) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 3414. – 64 + 2 л.
9. Дело о parcelляции земельного участка дер. Мокраны Малоритской гмины (1923–1937) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 3473. – 58 л.
10. Дело о комасации земель д. Масевичи и д. Пожежин Великоритской гмины // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 626. – 299 л.
11. Дело о комасации земель д. Мельники Малоритской гмины // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 628. – 130 л.
12. План занесения летучих песков дер. Збураж гмины Малорита Брестского повета // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 237. – 37 л.; План занесения летучих песков д. Збураж гмины Малорита Брестского повета, принадлежащим громаде этой деревни 1925 гг. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 425. – 7 л.
13. Дело о проведении по лесонасаждению в дер. Збураж и Закия (Каменица-Жировецкая) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 5067. – 26 л.
14. Сообщение министерства внутренних дел об охране железнодорожных мостов; выписка из протокола заседания Мокранского гминного правления, рапорты полицейских органов и переписка с Полесским воеводским управлением о постройке и ремонте мостов // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 4822. – 40 л.
15. Дело о проведении мелиоративных работ в имении Кухарево Великорытской гмины // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 638а. – 11 л.
16. Циркуляры Полесского воеводского управления о правилах выдачи справок о социальном положении граждан, отчеты и информации полицейских органов о забастовке рабочих на Малоритском лесопильном заводе // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 1104. – 21 л.
17. Устав Малоритского отделения профессионального союза строительных работников и переписка с этим отделением о его деятельности // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 1788. – 18 л.

18. Устав, отчет о деятельности и сведения о членах правления Луковского добровольного общества пожарной охраны Велькоритской гмины // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 1154. – 31 л.

19. Устав, сведения о членах правления Барковского добровольного общества пожарной охраны Велькоритской гмины // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 1337. – 23 л.

20. Указания и сообщения Брестского отделения союза мелких купцов, о составе Збуражской пожарной охраны, типовой устав товарищества по оказанию помощи польским гражданам, живущим за границей и списки вернувшихся из Польши // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 307. – 35 л.

21. Устав, сведения о членах правления и отчеты о деятельности Мельниковского добровольного общества пожарной охраны Малоритской гмины за 1934–1935 гг. // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 270. – 30 л.

22. Устав и сведения о членах правления Малоритской христианской кассы беспроцентного кредита // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 1822. – 15 л.

23. Устав, протокол организационного собрания, анкета и сведения о членах правления Малоритского «очага военной подготовки на железной дороге» // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 1991. – 26 л.

24. Протокол собрания и отчет о деятельности Малоритского отделения военного кружка военного обучения лесников // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 1552. – 5 л.

25. Анкеты Малоритской больницы, сообщение Полесского воеводского управления об организации лекций по борьбе с алкоголем // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 4558. – 9 л.

26. Дело об открытии передвижного театра в Велькорите // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 1741. – 14 л.

27. Переписка с органами полиции об организации малоритским кружком противовоздушной и противохимической обороны кинопередвижки // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 347. – 5 л.

28. Дело о постройке маслобойни в дер. Малорите Олтушским Шмулем (1931–1932) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 3020. – 8 л.

29. Дело об открытии кузницы в Малорите Каменецким Абрамом (1936) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 3159. – 7 л.

30. Дело о постройке ветряной мельницы в дер. Полично Велькоритской гмины Раевским Станиславом (1938) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 3245. – 5 л.

31. Дело о постройке паровой мельницы и лесопильни в Малорите Баренгольц Абрамом (1935–1938) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 3165. – 29 л.

32. Дело о постройке паровой мельницы в деревне Радеж Олтушской гмины Генриком Олещуком // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 590. – 21 л.

33. Дело о постройке разливочной пива в Малорите Срулем Беренгольцем // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 585. – 12 л.

34. Выписка из протоколов заседаний гминных рад об открытии ярмарок в Линове и дер. Антоновка // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 1002. – 14 л.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.02.2015

Svirid A.N. To the Question of Cultural, Social, Economic Development of the Development of Malorita District

Under the terms of the Treaty of Riga in March 1921, the territory of modern Malorita district became part of the Polish state. In the second half of the twentieth century in the Belarusian historical science the stereotype dominated that the whole territory of Western Belarus was under severe social and national oppression, and did not develop in any respect. Today, this view can still be found in various publications. The purpose of this study is to identify the validity of this setup based on the analysis of archival documents of the State Archives of Brest Region. The goal defines the objectives: to consider the elements of social, cultural and economic life of the territory of modern Malorita district during the 1921–1939's.

УДК 94(476):27-9

Р.В. Чуль*магистр ист. наук, аспирант каф. истории Беларуси
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ НА БЕЛОРУССКИХ
ЗЕМЛЯХ В 1840–1900-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ВЛОДАВСКОГО БЛАГОЧИНИЯ)**

В статье актуализируются вопросы внутрприходской жизни Православной Церкви на белорусских землях на примере Влодавского благочиния Литовской епархии в XIX в. Сведения о церковно-приходских школах, ремонте и строительстве храмов, кладбищенских часовнях, служивших священниках, земельных владениях, почитаемым святыням содержатся по каждому из пятнадцати приходов, составляющих на современном этапе Малоритское благочиние Брестской епархии Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата.

Введение

После Полоцкого церковного собора 1839 г. все униатские храмы Малоритского региона стали православным. Начало этого процесса можно увить еще раньше, когда в 1828 г. были ликвидированы четыре униатские епархии и образованы две большие православные епархии: Литовская и Белорусская. Это означало, что епархиальные центры находились далеко от окраин, и униатское духовенство при необходимости обращалось к православным архиереям. С 1839 г. приходы Малоритчины вошли в состав Литовской православной епархии, а уже с января 1840 г. они составляют в отдельное Брестское викариатство Литовской епархии. В 1900 г. по определению Священного Синода Церкви была образована самостоятельная Гродненская епархия (в ее составе оказалось и Влодавское благочиние).

Литовская православная епархия существовала в 1839–1922 гг. Она была образована после Полоцкого церковного собора указом Сената от 23 июня 1839 г., а в 1840 г. причислена ко второму классу православных епархий, получив статус архиепископии. В 1840–1842 гг. в территориальном отношении епархии произошли изменения (вхождение в ее состав 447 приходов Виленской, Гродненской и Ковенской губерний). Находившаяся в Жировичах епископская кафедра с 1845 г. перемещается в Вильно. К 1890 г. епархия имела более 510 храмов, около 1 000 церковно-приходских школ, 602 священнослужителя, 592 церковнослужителя (псаломщики, чтецы, звонари, охранники). В подчинении Литовской епархии были 11 монастырей и духовная семинария.

Влодавское православное благочиние занимало почти всю территорию современного Малоритского района Брестской области и размещалось в административных границах Малоритской и Олтушской волостей Брестского уезда Гродненской губернии. Благочиние граничило с Великоритской и Медвянской волостями и формировавшими их Брестским и Кобринским благочиниями. Именами в волостях владели помещики православного, католического и униатского вероисповеданий. Название «Влодавское благочиние» сохранилось со времен существования одноименного церковного благочиннического округа бывшей униатской епархии [6, л. 114].

Территориально Влодавское благочиние охватывало приходы следующих населенных пунктов: Гвозница, Замшаны, Збураж, Ляховцы, Малорита, Мокраны, Олтуш, Орехово, Приборово, Радеж, Страдичи, Хотислав, Черняны [7, л. 42, 42об.].

Научный руководитель – А.Н. Вабишевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

В 1842 г., согласно новому Уставу духовных консисторий 1841 г., бывшие униатские церкви были разделены на шесть классов (в расчет бралось количество прихожан). Приходы Влодавского благочиния относились к пятому (400–700 прихожан) и шестому классам (менее 400 прихожан). Приходы пятого класса должны были иметь штат, состоящий из священника, диакона и псаломщика. Но на самом деле штат прихода пятого класса состоял из священника, псаломщика и просфирни. Псаломщики назначались епархиальным начальством из лиц, имевших школьное или училищное образование. В начале 40-х гг. XIX в. в приходах уже имелись церковные старосты. Они избирались прихожанами сроком на 3 года и утверждались епархиальным начальством. Староста помогал священнику решать в приходе финансово-экономические вопросы.

После восстания 1863 г. российское правительство стало обращать внимание на нужды православных приходов в Беларуси. В 1864 г. при осмотре храмов Влодавского благочиния помощником брестского архитектора стала необходимость построить храмы в селах Радеж, Збураж, Гвозница, Орехово. В ремонте нуждались олтушская, хотиславская и малоритская церкви. Осмотр церковных построек в 1865 г. показал, что в некоторых церквях необходимо было срочно заменить старые иконостасы на новые, так как иконы не соответствовали «лику святых и православному храму», либо установить иконостасы там, где они по греко-униатским канонам отсутствовали. По состоянию на 1866 г. половине приходов благочиния необходимо было построить дома для членов причта.

В Гродненской губернии решением строительных вопросов занималось губернское церковно-строительное присутствие. В уездных городах находились комитеты по устройству православных церквей. Средства на постройку и ремонт храмовых комплексов выдавались только тем приходам, в которых были крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости. Во Влодавском благочинии к 1869 г. крепостными оставались только прихожане Свято-Николаевской церкви населенного пункта Замшаны.

В 1875 г. в Литовской епархии вместо шестиклассной была введена новая классификация приходов. Теперь они стали делиться на штатные и приписные (не имеющие необходимого количества служителей). Приходы Влодавского благочиния оставались штатными, так как их штаты состояли из священника и псаломщика.

Православные приходы Влодавского благочиния в 1840–1900-е гг.

Самым большим приходом в благочинии был *Малоритский Свято-Николаевский*. В 1860 г. священником Иоанном Ситкевичем в приходе была открыта церковно-приходская школа, размещавшаяся в доме причетчика. Приходской храм был построен еще в середине XVII в., поэтому в 1864 г. отец Иоанн убедил своих прихожан в необходимости его ремонта [5, л. 38]. В приходе был организован сбор средств, за 3 года был сделан капитальный ремонт церкви, а самое главное, – установлен новый иконостас. 10 декабря 1867 г. на соборном богослужении духовенства Влодавского благочиния протоиерей Иосиф Снитко освятил отремонтированную малоритскую церковь. Возле храма находилось приходское кладбище. Примерно в 1899 г. в результате пожара в с. Малорита церковь сгорела. Пожар возник от искр паровоза, который проходил по железной дороге. Возведение нового храма шло на средства прихожан до конца 1908 г.

Великоритская Свято-Ильинская церковь в XIX в. владела 84 десятинами земли, которые в 1873 г. местный помещик обменял на 105 десятин лучшей земли. В 1857 г. депутат от дворян Выгоновский «в деле обеспечения духовенства и устройства храмов», осмотрев великоритскую церковь, пришел к выводу, что храм, а также колокольня нуждаются в серьезном и неотложном ремонте. Он обязал помещика имения Руда заняться этим срочным и важным делом. В 1860 г. священник Лука Кунахович открыл

при Свято-Ильинском храме церковно-приходскую школу, которая размещалась в доме причетника.

В 1863 г. на землях Беларуси и Литвы началось национально-освободительное восстание. Повстанцы были враждебно настроены против православной церкви и ее служителей. Так, 28 мая 1863 г. группа повстанцев в составе 28 человек появилась в Великорите. Вероятнее всего, эти люди прибыли из Бреста, так как двигались по дороге Брест – Ковель (до Великориты побывали в с. Пожежин). Появление мятежников, верхом на конях, одетых в красные рубашки, вооруженных ружьями и пиками, вызвало недоумение у православных жителей села. Пьяная банда влетела на двор священника Луки Кунаховича, который, услышав крик шайки, взял ключи от церкви и скрылся в нем. Повстанцы искали священнослужителя (с намерением повесить его) в сундуках и шкафах в его доме, в амбаре, в колокольне, пиками кололи солому в хлевах, пытались открыть церковь. Многочисленные угрозы виселицей и сожжением были адресованы и семье священника, если они не покажут, где находится хозяин. Однако со временем бунтари утихомирились и уехали из села. Подобные случаи наблюдались и в других населенных пунктах Беларуси.

В 1887 г. вместо древней ветхой церкви была построена новая – в честь святого пророка Илии. Инициатором ее возведения стал местный священник Арсений Измаилов. Строительство велось с 1883 г., и по истечении четырех лет 6 декабря 1887 г. новую церковь освятил настоятель одного из брестских соборов протоиерей Иоанн Григорович. Одновременно со строительством Свято-Ильинского храма в 1885 г. на местном кладбище была перестроена кладбищенская церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Местные храмы в 1898 г. посетил архиерей [14, л. 1–7].

Начало XIX в. на *Гвозницком Свято-Успенском приходе* было ознаменовано закладкой униатским епископом Иосафатом (Булгаком) первого камня в строительство нового храма. К 1816 г. церковный объект был построен на средства помещика Ивана д'Оберно, местного братства и прихожан. К местному приходу в качестве приписной относилась кладбищенская каменная Иоанно-Богословская церковь, которая была построена в 1822 г. Гвозницкому приходу принадлежало 76 квадратных сажень земли. В 1854 г. гродненское губернское управление через брестского уездного предводителя дворянства обязало троих помещиков имения Гвозница: Ивана Видацкого, Дарью Высоцкую и Антона Ясколовского – произвести «необходимые починки» в гвозницкой и приписной к ней бродятинской церквях. Ввиду принадлежности помещиков к католической или униатской конфессиям на протяжении 7 лет они отказывались от ремонта храмов. В 1868 г. священник Иосиф Таранович возобновил ходатайства Литовской духовной консистории перед Гродненским губернским правлением о ремонте церкви, так как ей угрожало полное разрушение. Частичный ремонт гвозницкой церкви был произведен в 1873 г. на средства приходского совета (монтаж железной крыши). В 1877 г. прихожане путем проведения сборов и изыскания средств церковно-приходского попечительства (начали образовываться с 1864 г. по указу императора Александра II) смогли получить около 500 руб. По составленной в 1868 г. смете только на каменную колокольню необходимо было затратить более 3 700 руб. [11, л. 6–7]. 1878 г. ознаменовался началом капитального ремонта храма, закончившимся 19 августа 1881 г. торжественным освящением. В 1860 г. священник Иосиф Таранович открыл в собственном доме приходскую школу. Архиерейские инспекции прихода производились в 1879 и 1884 гг.

Нынешняя *Доропеевичская Свято-Рождество-Богородицкая церковь* была построена в XVII – начале XVIII вв. Это самый старый храм в благочинии. Архиерей посещал церковь в 1887 г. На то время церковь владела 409 десятинами земли. В 1900 г. в жизни Доропеевичского прихода произошло событие, связанное со святой горой Афон. В 90-е гг. XIX в. во время массовой эмиграции «малоросских крестьян» в Аме-

рику на заработки уехал один из жителей с. Доропеевичи. В Америке он тяжело заболел, и врачи не могли ему ничем помочь. Как гласит народное предание, только обратившись в молитве за помощью к святому великомученику Пантелеиму, он получил исцеление и выздоровел. В благодарность за это он на заработанные деньги приобрел икону святого великомученика и целителя Пантелеимона и отправил ее в дар родному храму как раз ко дню его освящения после капитального ремонта. В 1907 г. с Афона в доропеевичскую церковь была доставлена икона Пресвятой Богородицы «Скоропослушница». Это был подарок настоятеля Благовещенского монастыря иеросхимонаха Парфения священнику Свято-Рождество-Богородицкого храма Иоанну Ходоровскому, который хорошо знал Афон и представителей тамошнего духовенства. Священник Ходоровский с разрешения епископа Гродненского и Брестского Михаила организовал встречу святыни в г. Кобрине (Свято-Николаевский храм) и крестным ходом с многочисленными молебнами доставил ее в Доропеевичи. Крестный ход, во время которого произносились проповеди, длился около трех дней. Этими действиями отец Иоанн побуждал своих прихожан и население уезда к активной религиозной жизни. В 1908 г. в Доропеевичи была прислана еще одна святыня – крест с мощами великомученика Пантелеимона и частицей древа животворящего креста Господня [4, с. 15].

В XIX в. в селе Збураж существовала *Свято-Симеоновская церковь*. В 1862 г. здесь священник Киприан Дружиловский в собственном доме открыл церковно-приходскую школу. Во время случившегося в 1894 г. пожара храм сгорел. Долгое время прихожане молились во временной церквушке. Новый храм строился на средства Священного Синода в 1908–1910 гг. по ходатайству генерал-майора Александра Николаевича Чичерина (владельца имения Збураж) и был освящен в честь *Покрова Божией Матери*. На возведение кирпичной церкви с колокольной было израсходовано 18 633 руб. При церкви имелось 136 десятин земли. Архиерей посещал Збураж в 1884 и 1895 гг.

В 1819 г. в с. Луково была построена новая *Свято-Рождество-Богородицкая церковь* на месте сгоревшей. В старой церкви находились две почитаемые иконы Спасителя и Божией Матери Скорбященской (Луковской). Во время пожара икона Спасителя сгорела, а икона Божией Матери осталась невредима. После этого икона Луковской Божией Матери получила особый статус и стала почитаться как чудотворная. В 1874 г. в Лукове было открыто народное училище. Случившийся 6 мая 1875 г. пожар уничтожил практически все село, церковные постройки (в том числе и здание народного училища) [1, с. 5]. На начало XIX в. при церкви имелось 44 десятины земли. К приходу относилась и Свято-Троицкая церковь в селении Заболотье, которая находилась на местном кладбище. Архиерей посещал луковскую церковь в 1898 г. Об особом почитании луковских святынь повествует такое предание: «Во время моровой язвы на Украине в середине XIX в., когда вымирал целые села, одной благочестивой женщине из Волынской губернии в сонном видении явилась Божия Мать и велела идти в с. Луково к святому образу и там, в храме, отслужить молебен о здравии. После того, как повеление Божией Матери было выполнено, эпидемия моровой язвы прекратилась». Празднование в честь этой иконы установили в пятницу десятой недели после Пасхи. В этот день в храме собиралось много богомольцев из окрестных селений, были даже паломники из украинского г. Почаева [2, с. 32–33].

Ляховецкая Свято-Рождество-Богородицкая церковь была построена как униатская в 1713 г. На 1895 г. она имела 158 десятин земли. В приход входила также кладбищенская Свято-Николаевская церковь. В 1861 г. священник Василий Лехачевский открыл церковно-приходскую школу, которая размещалась в доме причетника. В 1898 г. состоялось архиерейское посещение приходских храмов. После 1877 г. в храме служили священники Иустин Еленский, Михаил Давидович, Иулиан Кунахович [17].

В 1786–1787 гг. в Мокранах на средства помещика Георгия Лепарского была построена новая *Свято-Рождество-Богородицкая церковь*. Земли при храме было 70 десятин. Эти наделы были подарены церкви еще в 1736 г. В 1861 г. священник Василий Ситкевич в своем доме открыл церковно-приходскую школу. Архиерей посещал приход в 1898 г. В 1907 г. вместо старой церкви была построена новая, деревянная. До 1858 г. настоятелем прихода был священник Алексей Янковский, в 1858–1875 гг. – Василий Ситкевич, в 1875–1879 гг. – Антоний Мижевский, в 1879–1902 гг. – Иоанн Самойлович, а с 1902 г. – Владимир Кавецкий [4, с. 25].

Рисунок. – Спасо-Преображенская церковь в с. Олтуш в конце XIX – начале XX вв.

Олтушская Спасо-Преображенская церковь строилась под руководством иерея Симеона Павловича и была освящена 6 августа 1783 г. Церковь имела 205 десятин земли. Архиерей посещал церковь в 1879, 1884 и 1898 гг. В 1859 г. священник Иоанн Павлович в церковном доме открыл первую в регионе церковно-приходскую школу. В ней крестьянские дети обучались чтению, письму, арифметике, молитвам и основам православной веры. В 1872 г. на территории прихода начала строиться кладбищенская часовня в честь свя-

тителя Алексея, митрополита Московского и всея Руси, освящение которой состоялось в 1873 г. Строительство шло на средства местного помещика Алексея Маймескула, представители рода которого входили в попечительский совет православного братства Свято-Николаевского храма г. Бреста. Внутри церкви был установлен двухъярусный иконостас с тонкой и изящной резьбой по дереву, отделка была выполнена позолотой. В нише храма находилась усыпальница для членов семьи Маймескул [18, л. 1–25об.].

Ореховская Свято-Параскева-Пятницкая церковь строилась в 1791–1793 гг. Храм был деревянный, но на каменном фундаменте общей площадью 252 м². Земельных владений церковь имела 217 десятин. В 1860 г. священник Варфоломей Ситкевич открыл церковно-приходскую школу, которая разместилась в доме одного из прихожан. В 1868 г. в церкви был устроен новый трехъярусный иконостас. Протоиерей Василий Ситкевич в 1873 г. пристроил к храму колокольню. Общая стоимость работ по ее сооружению и установке составила почти 2 100 руб. [10, л. 10]. В 1882 г. начался ремонт церкви (обошелся церковной казне в 1 915 руб. 11 коп.): наружная обшивка досками и покраска [12, л. 1–2]. За церковный счет в 1886 г. для псаломщика был построен дом. В 1884 и 1898 гг. ореховскую церковь посещал епархиальный архиерей. С 1915 г. службы не проводились, так как отсутствовал штатный священник.

Пожежинская Свято-Михайловская церковь в XIX в. имела 82 десятины земли. До воссоединения униатской церкви с православной приход имел фундаторов из священников брестской капитулы (прелат Виленской кафедры Войцех Косаковский, умерший в 1822 г., был похоронен в пожежинской церкви). С 1850 по 1856 гг. между гродненским губернатором и брестским архитектором велась переписка о постройке новой церкви: старая церковь, построенная в 1637 г., находилась в удручающем состоянии. Предполагалось построить церковь, священническую усадьбу с училищем и сельским управлением, но дело так и окончилось на стадии обсуждения из-за отсутствия средств. В настоятельство священника Василия Хомичевского в 1898 г. приход посетил

епископ Брестский Иоаким (Левицкий). В 1915 г. в Пожежине построили новую церковь, освящение которой произошло в межвоенные годы.

Радежская Спасо-Преображенская церковь была построена в 1773 г., после первого раздела Речи Посполитой. Приход имел 119 десятин земли. В 1860 г. священник Иоанн Будзиллович в доме причетчика устроил церковно-приходскую школу. В августе 1868 г. в престольный праздник Преображения Господне в приходе случился пожар, уничтоживший все причтовые постройки включая имущество священника. Но сама церковь не пострадала. Архиерей посещал приход в 1879 и 1898 гг. [9, л. 20об.].

Хотиславская Спасо-Преображенская церковь была построена прихожанами как униатская в 1799 г. [3, с. 40]. Первоначально храм был крыт гонтом, но в 1834 г. на средства прихожан был перекрыт железом. 1860 г. стал годом устройства на приходе священником Симеоном Паевским в собственном доме церковно-приходской школы. В 1878 г. священник Федор Ситкевич на средства братства и прихожан установил в хотиславской церкви четырехъярусный иконостас [8, л. 63]. В 1883 г. к храму была пристроена колокольня с притвором на каменном фундаменте. В 1887 г. наружные стены церкви были обшиты досками и выкрашены белой масляной краской, а в 1889 г. вокруг храма был установлен забор. В 1891–1895 гг. всю церковь внутри выклеили холстом и выкрасили белой масляной краской. Земельных владений имелось 396 десятин (церковный план от 1854 г.). В населенном пункте Мельники (относились к приходу) в непосредственном ведении священника находилась церковно-приходская школа (школьный дом был построен в 1884 г. местными крестьянами). По состоянию на 1901 г. в училище обучалось 30 мальчиков. В конце 1899 г. церковным советом на трехлетний срок был утвержден в должности старосты Георгий Сенчук [17].

В 1870 г. священник *Чернянской Свято-Рождество-Богородицкой* церкви Иоанн Гацкевич предупредил прихожан о необходимости ремонта обветшавшей к тому времени церкви (была построена униатами в 1660-е гг.): при новом распределении церквей была перспектива лишиться своего штатного священника и быть приписанной к великоритской церкви. После этого прихожане менее чем за год произвели ремонт своего храма. В 1883 г. при ней открылось народное училище. В 1898 г. церковь посетил архиерей. В храме служили священники Антоний Филянович, Василий Филянович, Павел Гацкевич, Викентий Центковский, Стефан Волочкевич, Василий Киркевич, Иоанн Гацкевич, Арсений Измайлов, Георгий Крастелев, Александр Балабушевич, Иоанн Стрелецкий, Василий Никольский, Константин Попов [13, л. 348].

Замшанская церковь именовалась в честь святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца. Она была построена, вероятнее всего, в XIX в. В 1860 г. священником Иоанном Проневичем была открыта церковно-приходская школа, которая разместилась в доме причетчика. Прихожане, местные крестьяне, по состоянию на 1869 г. все еще оставались крепостными (единственный приход в благочинии). В 1883–1884 гг. церковно-приходская школа в Замшанах была передана в ведение Министерства народного просвещения и становится народным училищем.

Таблица. – Церковно-приходские школы Влодавского благочиния

Приход	Дата открытия	Священник, открывший школу
Свято-Ильинский (с. Великорита)	1860	Лука Кунахович
Свято-Успенский (с. Гвозница)	1860	Иосиф Таранович
Свято-Рождество- Богородицкий (с. Доропеевичи)	–	–

Продолжение таблицы

Свято-Николаевский (с. Замшаны)	1860	Иоанн Проневич
Свято-Симеоновский (с. Збураж)	1862	Киприан Дружиловский
Свято-Рождество- Богородицкий (с. Луково)	С 1874 г. действовало народное училище	В ведении священника Георгия Калисского
Свято-Рождество- Богородицкий (с. Ляховцы)	1861	Василий Лехачевский
Свято-Николаевский (с. Малорита)	1860	Иоанн Ситкевич
Свято-Рождество- Богородицкий (с. Мокраны)	1861	Василий Ситкевич
Спасо-Преображенский (с. Олтуш)	1859 (первая в благочинии церковно-приходская школа)	Иоанн Павлович
Свято-Параскева- Пятницкий (с. Орехово)	1860	Варфоломей Ситкевич
Свято-Михайловский (с. Пожежин)	–	–
Спасо-Преображенский (с. Радеж)	1860	Иоанн Будзиллович
Спасо-Преображенский (с. Хотислав)	1860	Симеон Паевский
Свято-Рождество- Богородицкий (с. Черняны)	В 1883 г. открыто народное училище	В настоятельство священника Георгия Крестелева

Заключение

Со времени присоединения территории Беларуси к Российской империи практически исчезавшее там православие становится преобладающей религией. Но, несмотря на увеличение числа верующих, которое произошло в основном за счет ликвидации униатской церкви, православие не стало влиятельным. Верующие в большинстве своем были крестьяне и небольшая часть бедной шляхты и мещане. Помещики-католики не заботились о благоустройстве православных храмов и не желали давать образование своим крестьянам-православным.

Если православие укрепляло свои позиции, то униатская церковь в это время очутилась в весьма сложной ситуации: между православными, то католиками. Внутренний раскол в униатской церкви между белым духовенством и монахами базилианского ордена (которые приняли участие в восстании 1830–1831 гг.) ускорило решение ее судьбы царским правительством. Полоцкий церковный собор 1839 г. своим постановлением ликвидировал униатскую церковь, а приходы были присоединены к вновь образованным православным епархиям.

1. В XIX в. в границах Влодавского благочиния сохранились храмы, построенные униатами в 1650–70-е гг. (1-й период униатского строительства) и 1770–90-е гг. (2-й период униатского строительства). После Полоцкого церковного собора и других церковных реформ почти все храмовые комплексы нуждались в капитальном ремонте.

Одной из главных проблем было отсутствие в большинстве храмов иконостасов (если они и были, то греко-униатские). Их установка уже в православных храмах благочиния проходила в середине – второй половине XIX в. Актуальными были вопросы отношения к бывшим униатским святыням (иконам, книгам и другой богослужебной утвари), языку богослужения. Решением этих и других вопросов занималось духовенство Влодавского благочиния на начальном этапе его существования (1839–1863 гг.).

2. Во всех приходах Влодавского благочиния представителями местного духовенства были созданы и действовали церковно-приходские школы. Первая церковно-приходская школа была открыта в 1859 г. священником Иоанном Павловичем в с. Олтуш (обучалось 30 мальчиков). В некоторых приходах действовало несколько приходских школ (в хотиславском приходе были школы в с. Хотислав и населенном пункте Мельники, обе находились в ведении местного священника).

3. Во второй половине XIX в. викарными епископами Брестскими Ианнуарием (Поповым) и Донатом (Бабинским-Соколовым) были положены традиции инспектирования приходов Влодавского благочиния [16]. В 1879 г. состоялись архиерейские инспекции ряда церквей: Свято-Успенской в Гвознице, Спасо-Преображенских в Олтуше и Радеже, Свято-Параскева-Пятницкой в Орехово. В 1898 г. все приходы благочиния инспектировал викарий Литовско-Виленской епархии епископ Брестский Иоаким (Левицкий) [15]. Архиереев встречал колокольный звон, служились соборные богослужения и молебны, совершались крестные ходы вокруг храмов, произносились проповеди, раздавались присутствующим крестики и листы с поучениями.

4. В пяти приходах благочиния действовали приписные кладбищенские часовни (Благовещенская в Великорите, Свято-Троицкая в Заболотье (луковский приход), Свято-Николаевская в Ляховцах, Свято-Алексеевская в Олтуше, Свято-Онуфриевская в Хотиславе). Данные храмы служили для отпевания местных прихожан и погребения представителей семейств помещиков (часовня в честь святителя Алексия, митрополита Московского в с. Олтуш, где были погребены представители рода Маймескулов).

Проведенное исследование является свидетельством того, что существуют очевидные источниковедческие основания для реконструкции конфессионального облика регионов, в том числе Влодавского благочиния.

Перспективы научной разработки темы требуют безусловной активизации поисковой деятельности в архивах Беларуси, России, Украины, Польши и Литвы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баліцэвіч, М. Далекае і блізкае Лукава / М. Баліцэвіч // Голас часу. – 2015. – 28 студ.
2. Брестские епархиальные ведомости : информ. бюлл. – 2003. – № 3.
3. Евтушик, С. Ф. Хотиславский Спасо-Преображенский храм Брестской епархии / С. Ф. Евтушик // Журн. Московской Патриархии. – 2003. – № 3.
4. Кучина, Г. В. Малоритчина православная / Г. В. Кучина, С. Н. Макарук, В. А. Мигалевич ; под ред. Г. В. Кучиной. – Малорита, 2006.
5. Ведомости благочинных со сведениями о духовенстве Гродненской губернии для составления памятной книжки на 1882 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБГ). – Ф. 14. Оп. 1. Д. 448.
6. Вопросные листки и препроводительные отношения волостных управлений со сведениями об урочищах, находящихся в приходах и волостях Гродненской губернии // НИАБГ. – Ф. 14. Оп. 2. Д. 69.
7. Дело об устройстве православных церквей и приютов в Гродненской губ. // НИАБГ. – Ф. 10. Оп. 13. Д. 263.

8. Дело о сборе сведений, о количестве церковной утвари, книг, колоколов и др. в православных церквях Гродненской губернии за 1869–1870 гг. // НИАБГ. – Ф. 97. Оп. 1. Д. 256.
9. Клировые ведомости церквей по Влодавскому благочинию за 1900 г. // НИАБГ. – Ф. 561. Оп. 2. Д. 6.
10. Смета на постройку деревянной православной колокольни в с. Орехово Брестского уезда // НИАБГ. – Ф. 97. Оп. 2. Д. 54.
11. Смета на постройку каменной колокольни в с. Гвозница Брестского уезда // НИАБГ. – Ф. 97. Оп. 1. Д. 206.
12. Смета на ремонт православной церкви в с. Орехово Брестского уезда // НИАБГ. – Ф. 97. Оп. 2. Д. 53.
13. Списки и ведомости чиновников, офицеров и служащих военного и духовного ведомств Гродненской губернии по состоянию на 1890 г. // НИАБГ. – Ф. 14. Оп. 1. Д. 28.
14. Церковно-приходская летопись Ильинской церкви с. Великорита Брестского уезда с 1880 г. // НИАБГ. – Ф. 1687. Оп. 1. Д. 14.
15. Наши архипастыри. Архиепископ Иоаким (Левицкий) и его служение [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.orthos.org>. – Дата доступа: 18.01.2015.
16. Официальный сайт Брестской епархии [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.ekklisia.by>. – Дата доступа: 16.01.2015.
17. Официальный сайт приходов Малоритского благочиния [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.malorita.net>. – Дата доступа: 15.01.2015.
18. Церковно-приходская летопись Преображенской церкви, состоящей в с. Олтуш Влодавского благочиния Брестского уезда Гродненской губернии Литовской епархии с 1880 по 1926 гг. : рукопись. – 25 л.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.03.2015

Chul R.V. The Condition of Orthodox Living on Belarusian Lands in the 1840–1900's years (on the example of Vlodavsky Deanery)

The article actualizes the questions of inner parish life of Orthodox Church in Belarus according to the example of Wlodawa deaneries of Lithuanian diocese in the nineteenth century. The information about the opening parochial schools; bishops' inspection; repair and construction of churches, cemetery chapels; served to priests, land holdings, revered shrines contain in each of the fifteen parishes that constitute the modern stage of Malorita deanery of Brest eparchy of the Belarusian Orthodox Church of Moscow Patriarchate.

УДК 321.08

М.В. Стрелец¹, О.А. Обуховская²¹д-р ист. наук, проф. каф. социально-политических и исторических наук
Брестского государственного технического университета²доц. каф. иностранных языков экономических специальностей
Брестского государственного технического университета**ГЕРМАНСКИЙ МАТЕМАТИК КАРЛ ГУСТАВ ЯКОБ ЯКОБИ:
ПОПЫТКА КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Авторы статьи концентрируют свое внимание на личности выдающегося германского ученого-математика Карла Густава Якоба Якоби. Впервые в научной литературе дается комплексный анализ его биографии, прослеживаются оригинальные научные изыскания и общественно-политические взгляды в контексте реалий первой половины XIX в. Статья рассчитана на лиц, интересующихся историей германской науки.

Введение

В отечественной исторической науке практически отсутствуют работы, посвященные истории науки в Германии XIX в. Авторы настоящей статьи пытаются заполнить этот пробел, обратившись к личности выдающегося ученого-математика Карла Густава Якоба Якоби. Цель статьи – осуществление системной реконструкции жизни и деятельности этого человека.

К вопросу о географических, социальных, этнических, конфессиональных корнях

Судьба отвела Карлу Густаву Якобу Якоби 46 лет. Несомненно, это короткий жизненный путь. Однако он вместил творческие свершения, которые дают основания считать этого человека учёным мирового уровня. Достижение такого уровня было предложено исключительным талантом, пылкостью ума, феноменальной работоспособностью подданного прусского короля. С Пруссией героя очерка связывал не только указанный статус, но и факт перманентного проживания с момента рождения, датированного 10 декабря 1804 г., до физической смерти, наступившей 18 февраля 1851 г. За этот промежуток времени родное для него Отечество пережило наполеоновские войны, создание Германского союза, революцию 1848–1849 гг.

Касательно стартовой точки жизненного пути данного учёного все возможные характеристики выглядели следующим образом. Имя, данное при рождении, – Жак-Симон (Jacques-Simon). Место рождения совпадает со столицей земли Бранденбург в современной Германии. Речь идёт о Потсдаме, который в то время в силу территориального устройства тогдашней Пруссии никак не мог иметь подобного статуса. В этом несомненно городе проживало немало представителей деловой элиты. К представителям к банковского сектора относился отец учёного Симон Якоби. Общее, что связывало его с супругой, состояло в следующем: принадлежность к еврейскому этносу, иудейское вероисповедание, дочь Тереза и сыновья Жак-Симон, Мориц, Эдуард. Имя Жак-Симон чётко коррелировалось с иудейским вероисповеданием нового жителя Потсдама [3, с. 12].

Доходы банкира Симона Якоби были достаточно большими, деловая репутация безукоризненной. Неудивительно, что ни в чём не нуждавшийся Жак-Симон был свидетелем постоянного посещения родительского дома тамошней элитой. Мальчик окунался в тройственную языковую среду. В этой среде язык, на котором писали свои произведения Гёте и Шиллер, органически дополнялся языками соотечественников Шекспира, Жан-Жака Руссо [2, с. 123–124].

Образовательный процесс

У героя очерка образовательный процесс вначале протекал вне конкретного учебного заведения. С 1811 по 1816 гг. Якоби будет, как губка, впитывать знания, полученные от Ф.А. Лемана. Последний, будучи родным братом матери Жака-Симона, в эти годы единолично обеспечивал фундаментальную лингвистическую подготовку племянника. Второй образовательной ступенью для Якоби стала местная гимназия, отличавшаяся сильным преподавательским составом. Мальчик никак не мог пройти мимо того, как преподаватель математики знакомил своих подопечных с наследием великих учёных. Юный Якоби расставляет приоритеты и на первое место ставит Эйлера: у него очень прочно откладывается в памяти «*Introductio in analysin infinitorum*».

Университетский этап проходил уже не Жак-Симон, а Карл-Густав-Якоб Якоби. Почему? В Пруссии фактически продолжался государственный антисемитизм. Если бы власть имущие действовали в строгом соответствии с «эдиктом об эмансипации», датированным 1812 г., то реальное положение прусских евреев было бы несравненно лучше. Но этого не было. Кроме того, принятие данного эдикта не означало снятия препятствий для иудеев, которые надеялись сделать серьёзную карьеру в образовательной и научной сферах. Иудей Якоби принимает протестантство и, естественно, меняет имя. Если бы он этого не сделал, его доцентура стала бы реальной не ранее предреволюционного 1847 г. Именно в этот год обрела реальные очертания правовая основа для потенциального пополнения корпуса доцентов и профессоров иудеями. Конечно, если верить заявлению Якоби, его на этот шаг подвигла не реальная политика властей, а эволюция в убеждениях. Известно, что он читал много филологической, исторической, философской литературы. И всё-таки, на наш взгляд, Якоби не был до конца искрещен и им двигал прагматизм [3, с. 15–26].

Далее Якоби учился в столичном университете. По первым шагам Якоби-студента никак нельзя было сказать, что он фанат математики. Более того, создавалось впечатление, что в столичную студенческую среду влился будущий филолог, который целенаправленно готовит себя к тому, чтобы осваивать проблемы классической филологии. Молодой человек не пропускал ни одного филологического занятия. Профессор Бёк, который руководил семинарами, постоянно восхищался способностью новоиспечённого студента стремительно вникать в сложные проблемы, его потрясающей жаждой лингвистических знаний. Уроженец Потсдама воспринимался одноклассниками докой в языке, на котором разговаривали Аристотель, Геродот, Гомер, Демокрит, Платон, Фукидид. Якоби оказался в среде, о которой всегда вспоминал с трепетом. «Бытовавший в этих кругах идеал высокой чистой научной культуры и выработанная здесь система преподавания сыграли определяющую роль в его дальнейшей педагогической деятельности» [1].

После того, как верх взяла математика, креативный студент из Потсдама по-прежнему читает лингвистическую, историческую литературу и ни в чём не уступает студентам, обучающимся по соответствующим специальностям. «Его называли универсальным умом, обладающим необычайными способностями и высоким духом, охватывающим и понимающим всё без усталости» [1]. Якоби становилось тесно в университетских стенах. Впитав всё, что дали на лекциях доценты и профессора, Якоби решил, что этого для фундаментальной математической подготовки явно недостаточно. Закономерно встал вопрос: «Как усовершенствовать своё математическое образование?» Наиболее эффективным представлялся путь самообразования. Именно так и поступил Якоби. Он усиленно штудирует наследие Эйлера, Гаусса, Лагранжа, Лапласа. Конечно, были и свои предпочтения: особенно близки Якоби были работы Гаусса [3, с. 32].

Этапы научно-педагогической деятельности

Любому исследователю биографии Якоби трудно не поддаться эмоциям, когда выясняется, что двадцатилетний выпускник продемонстрировал свои докторские амбиции. Ему пророчили славное будущее члены государственной экзаменационной комиссии. Ещё не достигнув 21 года, он выносит на суд учёных мужей докторат, который в гораздо большей степени походил на солидный научный труд, чем на стандартную квалификационную работу. Соискатель учёной степени продемонстрировал незаурядные научные результаты [3, с. 33]. «Вследствие этого ему было разрешено совместить защиту докторской работы и «хабилитацию», т.е. одновременно получить и доцентуру» [1]. Ещё до окончания столь богатого на события 1825 г. новоиспечённый доцент дебютирует в альма-матер в качестве лектора. Самый молодой лектор Берлинского университета по фамилии Якоби постоянно показывает образец профессионального мастерства. Так будет длиться целых шесть месяцев. Отлично зарекомендовав себя в Берлине, молодой человек создал основу для успешного трудоустройства вне прусской столицы. Уроженец Потсдама в 1826 г. решил сменить Берлин на ключевой в масштабах Восточной Пруссии город Кёнигсберг: в Кёнигсбергском университете появилась вакансия преподавателя математики. Ушёл из жизни Фридрих Вреде, который был ординарным профессором, и было принято решение о заполнении этой вакансии приват-доцентом Якоби.

Учиться и работать в университете Кёнигсберга считалось престижным. Он входил в число учреждений Германского союза, которые были явными лидерами по части научных изысканий. Там была весьма солидная по тогдашним меркам научная база (достаточно упомянуть самую крупную в Германском союзе астрономическую обсерваторию). В Европе было на слуху имя Иоганна Фридриха Гербарта. Этот философ много лет был профессором университета. Столь же популярен был в Старом Свете Фридрих Вильгельм Бессель, известный своими наработками в области астрономии [3, с. 43–44].

В Кёнигсбергском университете карьерный рост Якоби активно продолжался. Относительно быстрым был путь от доцента к экстраординарному профессору. В этой должности учёный и педагог находился 4 года. Затем последовала новая ступень – ординарный профессор (в неполные 26 лет!). Тогда же на него обратили внимание в столичной академии наук, и членов-корреспондентов стало на одного больше. Через 15 лет Якоби вошёл в состав действительных ординарных членов Кёнигсбергского университета. Якоби постоянно публиковался в выходившем в прусской столице с 1826 г. журнале «Чистой и прикладной математики». Известно, что у истоков этого журнала, который считался одним из авторитетнейших научных изданий, стоял Крелль [2, с. 124].

«Якоби обладал не только тягой к чисто научному познанию, но и живой потребностью изложить познанное. Эта склонность воздействовать на других выразилась в виде блестящего педагогического таланта. Существенную часть своего времени он тратил на образование своих учеников. Отличительной чертой его лекций была живая связь собственных научных исследований с учебным материалом. В лекциях не было ничего завершённого. Поставленные им исследовательские задачи разжигали интерес слушателей. Он вынуждал их к напряжённой умственной работе. Этой же цели служил и физико-математический семинар, основанный совместно с Нейманом при поддержке Бесселя, на котором студенты занимались собственной научной работой. Фактически это была реформа методики преподавания» [1].

Обращаем внимание читателя на то, что временной отрезок, связанный с этим семинаром, можно поделить на два неравных по продолжительности периода. Рубеж между первым и вторым периодами – прекращение работы Якоби в Кёнигсбергском университете. Второй период в разы превышает первый: семинар переживёт Германский союз, кайзеровский рейх. Финальную точку в его истории следует искать в Веймарской Германии. Показательно, что все серьёзные историки математики, стремивши-

еся постигнуть феномен кёнигсбергской научной школы, видели её истоки в указанном детище Якоби и Неймана [2, с. 128].

«Якоби был предназначен для того, чтобы создать большую школу, которой суждено было долгое процветание. Так называемая “кёнигсбергская школа”, основанная Якоби и Францем Нейманом, была первым явлением подобного рода в Германии, имевшим длительное влияние. Кёнигсбергский университет превратился в центр точных наук. Мощный импульс, исходивший от Якоби, распространялся далеко за пределы Кёнигсберга. Линдемман (Lindemann) говорил “о длительном времени возрождения математики в Германии, которым мы обязаны кёнигсбергской школе”. Все германские университеты испытали на себе её воздействие. В Германии непосредственными учениками Якоби были такие известные ученые, как Кирхгофф, Клебш и Гессе. Более того, в то время почти все кафедры математики и математической физики немецких высших учебных заведений занимали питомцы кёнигсбергской школы» [1].

Пристальный интерес к фундаментальным трудам Якоби проявили подданные британского и французского королей. В этой связи следует выделить два аспекта. Первый: желание выстраивать отношение к великому учёному по линии учитель – ученик, не обучаясь никогда под руководством Якоби. Например, французы Эрмит, Лиувилль на многие годы определили развитие математической мысли у себя на родине. Точно таким же было отношение к Якоби и со стороны англичанина Кэли. Второй аспект: членство в престижных научных сообществах. Речь идёт о Лондонском Королевском обществе и Парижской академии. На туманном Альбионе Якоби был признан как член Лондонского Королевского общества, а на родине Робеспьера – как член-корреспондент. Кроме того, учёный был избран членом-корреспондентом Мадридской академии.

Существенным было признание и в России: его имя вошло в историю Петербургской академии наук. Сначала он имел к ней отношение как член-корреспондент, а затем как почётный член. При этом важно не спутать Карла Густава Якоба Якоби с академиком той же академии, видным деятелем физической науки Борисом Семеновичем Якоби. Это родной брат Карла Густава Якоба Якоби, со временем принявший российское подданство и первоначально носивший имя Мориц. Кстати, контакты с россиянами не ограничивались для Якоби его братом: М.В. Остроградский, И.Д. Соколов, О.М. Тихомандрицкий, М.Д. Брашман прочно вошли в круг т.н. народной дипломатии, куда был вовлечён и подданный прусского короля. Эти люди входили в математическую элиту родины Пушкина и Лермонтова [3, с. 87–92].

Работая в Кёнигсберге, профессор Якоби позаботился о создании прочного семейного тыла. Принадлежавший к верхней страте населения янтарной столицы и делавший большие деньги на объёмных торговых операциях Швинк стал тестем учёного. С его дочерью Марией Якоби связали супружеские отношения с 11 сентября 1831 г., а также восемь детей [2, с. 124].

Кёнигсбергский этап научно-педагогической деятельности Якоби продолжался 17 лет. Мог ли он длиться дольше? К сожалению, нет. Дело в том, что за выдающимися научными результатами, достигнутыми Якоби, стоял тяжелейший труд, что, естественно, повлекло за собой весьма серьёзные проблемы со здоровьем. Возникла дилемма: или не обращать внимания на эти проблемы и тем самым ускорить летальный исход, или основательно отдохнуть с целью существенного улучшения здоровья. Учёный и педагог выбрал второе. Он вдоль и поперек изъездил Апеннины. Такой отдых на итальянской земле, оплаченный из прусской королевской казны, продолжался с 1843 по 1844 гг. Важно также отметить, что Якоби отправился в это путешествие, став регулярным получателем прусской королевской пенсии. После возвращения из Италии он не был заинтересован в дальнейшем проживании в столице янтарного края. Климат в прусской столице был несравненно лучше, и Якоби оказывается в городе своей студенческой моло-

дости, имея гарантированное трудоустройство. Правда, учить студентов учёный больше не будет [2, с. 129]. «Ему была предложена чисто академическая должность без определенных педагогических обязанностей. Вместе с Дирихле, Штейнером и Миндингом, работавшими в Берлине, он содействовал подъему берлинской математической школы. Однако прежняя работоспособность больше к нему не возвращалась.

Берлинский период научной деятельности оказался гораздо менее плодотворным, чем кёнигсбергский. Но было бы неправильным недооценивать этот период в биографии героя очерка» [1].

Политическое позиционирование Якоби и его последствия

Весьма непростыми выдались для Якоби 1848–1851 гг. Учёный и педагог на собственном опыте получил исчерпывающий ответ на вопрос: «Каковы последствия неангажированного политического позиционирования в условиях тоталитарного политического режима?» Он не хотел быть статистом в то время, когда началась революция 1848–49 гг. Якоби обнаружил своё убеждение в том, что для его Отечества принципиально важно перейти от абсолютной монархии к конституционной. Была своя логика в том, что этот тезис прозвучал в Конституционном клубе в присутствии таких же политически не ангажированных подданных короля, как и Якоби. В его выступлении под данный тезис была подведена мощная аргументация. Присутствовавшие выразили своё восхищение. Этот летний день 1848 г. означал возведение китайской стены между Якоби и ярыми сторонниками абсолютной монархии, которые обосновались во властных структурах и выразили резко отрицательное к этому отношение. Особенно неистовствовал профильный министр Ладенберг. Как крупный учёный, Якоби мог пополнить корпус ординарных профессоров Берлинского университета. Вопрос этот стал рассматриваться ещё до лета 1848 г., и вначале кандидатура Якоби возражений не вызывала. Но после открытых политических завлечений Якоби данный вопрос был закрыт с отрицательным для него результатом. Пройдёт совсем немного времени, и власти оставят великого соотечественника без средств к существованию: прусский монарх исключил его из числа соотечественников, которым назначено жалованье по королевской милости.

Здесь как раз тот случай, когда следует обратиться к выражению «друзья познаются в беде». Речь идёт о видном астрономе Хансене и весьма влиятельной фигуре в научном мире, имевшей расположение у властных структур, – Александре фон Гумбольдте. Первый принял супругу и детей Якоби. На всех места не хватило, и в столичном отеле Лондрес на одного проживавшего по фамилии Якоби стало больше. Второй обратился непосредственно к королю, проявив дипломатическое искусство, и в итоге король сменил гнев на милость: Якоби вновь стал получения государственное жалование. Более того, оно даже стало ещё большим, чем до лета 1848 г. Конечно, далеко не здоровому человеку пришлось перенести тяжёлый стресс, что добавило проблем со здоровьем. Главное – резко ослаб иммунитет. Болезни следовали одна за другой. Начался следующий год, и не успела семья Якоби провести рождественские каникулы, как главу семьи подкосил грипп. Наконец, с гриппом было покончено и, казалось бы, можно было вздохнуть спокойно. Но, к сожалению, промежуток между началом постгриппозного периода и очередным заболеванием оказался коротким. Это была оспа, которая 18 февраля 1851 г. свела великого математика в могилу [2, с. 132–134].

Общая оценка вклада Якоби в развитие математических наук

«Якоби проводил исследования почти во всех областях математики. Его первой публикацией была диссертация. Его последняя публикация датирована 10 января 1851 г. Чрезвычайно плодотворное математическое соревнование Якоби с Нильсом Хенриком Абелем привело к построению теории эллиптических функций. Центральной идеей бы-

ло рассмотреть эллиптический интеграл первого рода не как функцию предела интегрирования, а, наоборот, предела интегрирования – как функции интеграла. Беря синус и косинус полученной функции, Якоби получил эллиптические функции. Введение вместе с Абелем мнимых величин выявило двоякую периодичность эллиптических функций и придало теории необычайно элегантный вид, отмеченный Лежандром. Якоби ввёл и изучил тета-функции, с помощью которых можно было выразить эллиптические и которые сам он считал своим лучшим творением в чистой математике. Он вывел формулы для эллиптических интегралов третьего рода. Изучая сложение абелевых интегралов сначала в гиперэллиптическом случае, он доказал теорему Абеля в общем случае. Известна принадлежащая Якоби проблема обращения гиперэллиптических функций, разрешенная в общем виде лишь Риманом.

Он существенно продвинулся в решении задачи деления круга и ее приложений к теории чисел, в частности к теории кубических и биквадратичных вычетов. Ему принадлежит обобщение символа Лежандра и формулировка закона взаимности для степенных вычетов пятой и восьмой степеней. Суммы Якоби служат важнейшим инструментом исследования в теории чисел и арифметической геометрии до сегодняшнего дня.

Возникающие в вариационном исчислении дифференциальные уравнения носят имя Якоби. Он ввел и исследовал класс ортогональных многочленов, являющихся обобщением многочленов Лежандра – так называемые многочлены Якоби, и применил их к решению гипергеометрических дифференциальных уравнений. Ему принадлежат методы интегрирования системы линейных дифференциальных уравнений в частных производных первого порядка. Его имя носит многообразие, обладающее структурой группы, соответствующее всякой алгебраической кривой. Он ввел в употребление функциональные определители – якобианы – и указал на их роль при замене переменных в кратных интегралах и при решении уравнений с частными производными. Он открыл закон инерции квадратичных форм» [1].

Естественный интерес представляют рассуждения великого учёного о месте математики в системе наук, о её функциональном назначении. На наш взгляд, эти рассуждения следует оценивать, исходя из конкретно-исторического подхода.

«Для него, как и для Эйлера с Лагранжем, математика оставалась аналитическим искусством, доставляющим удовольствие. Якоби вслед за Гауссом считал, что математика есть центр науки, что понятия математики есть понятия науки вообще, что все учёные должны стремиться стать математиками. Однажды он написал своему брату Морицу: “Жизнь богов есть математика, моя жизнь подобна жизни богов”. Это понимание математики как чистой, не опирающейся на опыт и не зависимой от приложений науки, было перенесено как часть духа кёнигсбергской школы на другие университеты Германии в то время, когда их кафедрами математики руководили бывшие жители Кёнигсберга.

В последнюю треть XX в. математика приобрела новое лицо. Самые абстрактные идеи и теории, возникшие как порождение чистой логики, неожиданно оказались в центре новых приложений. Более того, они оказались одной из основных движущих сил развития этих приложений. Теория эллиптических функций и теория тета-функций, суммы Якоби и круговые поля, якобианы алгебраических кривых – это весьма неполный перечень созданного Якоби, что спустя более 150 лет со времени их открытия составило математическую основу современных методов защиты информации. В этом и состоит, видимо, печать гения» [1].

Заключение

Из изложенных выше пунктов вытекают следующие выводы.

Еврей, иудей, постоянный подданный прусского короля, выходец из состоятельной семьи Карл Густав Якоб Якоби проходил образовательные университеты, форми-

ровался как личность, рос профессионально в условиях антидемократического, антисемитского политического режима. Стремясь к штурму профессиональных высот, он, конечно, не мог не пойти на уступки этому режиму, приняв протестантство. Это дало учёному возможность беспрепятственно преподавать в университетах Берлина и Кёнигсберга, реализовывать себя в педагогическом процессе, решать крупные научные проблемы.

В то же время революционные события 1848–1849 гг. показали его стремление к переменам, желание видеть своё Отечество на пути серьёзного политического реформирования, в результате которого абсолютная монархия стала бы достоянием истории. Важно отметить, что тогда в лице Якоби в оппозицию власти имущим встал великий учёный, с именем которого связаны революционные прорывы во многих отраслях математики. Таким образом, Карл Густав Якоб Якоби является примером системного аналитика в научных исследованиях, неангажированного ученого-математика, имевшего оригинальный взгляд на общественно-политические процессы. Его вклад в науку всегда будет считаться очень весомым.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешников, С. И. Карл-Густав Якоб Якоби [Электронный ресурс] / С. И. Алешников // Википедия – 2014. – Режим доступа: CoolReferat.com›Карл-Густав_Якоб_Якоби. – Дата доступа: 14.09.2014.

2. Pieper, H. Carl Gustav Jacob Jacobi (1804–1851) / H. Pieper // Die Albertus-Universität zu Königsberg und ihre Professoren: aus Anlaß der Gründung der Albertus-Universität vor 450 Jahren / hrsg. von Dietrich Rauschnig; Donata v. Nerée. – Berlin : Duncker & Humblot, 1995.– S. 123–134.

3. Königsberger, L. Carl Gustav Jacob Jacobi. Festschrift zur der hundertsten Wiederkehr seines Geburtstages / L. Königsberger. – Leipzig : Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1904. – 122 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.01.2015

Strelets M.V., Obukhovskaya O.A. German Mathematician Carl Gustav Jacob Jacobi: the Attempt of Complex Analysis of Life and Activity

The authors of the article concentrate their attention on the personality of the outstanding German scientist-mathematician Carl Gustav Jacob Jacobi. For the first time in scientific literature the complex analysis of his biography is presented, original scientific inquiries are traced as well as social and political views in the background of the realities of the first half of the 19th century. The article is aimed at people interested in the history of German science.

УДК [94(476) + 336.55(476)(091)]«1835/1864»

А. У. Ерашэвіч

*канд. гіст. навук, дац., дац. каф. паліталогіі
Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта*

СТАНАЎЛЕННЕ ТЭЛЕГРАФНАЙ СУВЯЗІ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (30–60-я гг. XIX ст.)

У дадзеным артыкуле ўпершыню ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі комплексна аналізуецца працэс пракладкі ліній аптычнага і электрамагнітнага тэлеграфа, вызначаны тэндэнцыі развіцця сістэмы адміністрацыйных устаноў тэлеграфнай сувязі на тэрыторыі Беларусі ў 30–60-я гг. XIX ст., ахарактырававана іх арганізацыйна-штатная структура і дынаміка фінансавага забеспячэння. Каштоўнасць змешчаных у артыкуле звестак, а таксама навуковая абгрунтаванасць асноўных высноваў даследавання заснавана на выкарыстанні аўтарам шырокага комплексу як апублікаваных заканадаўча-нарматыўных актаў, так і неапублікаваных дакументаў з фондаў Нацыянальных гістарычных архіваў Беларусі ў Мінску і Гродне, Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіва ў Вільнюсе.

Уводзіны

У сучасным грамадстве каштоўнасць перадачы звестак разнастайнага характару ў многім залежыць ад хуткасці, аб'ёму, даступнасці і надзейнасці інфармацыйных патокаў. Працэс атрымання, захоўвання, перадачы і пераапрацоўкі інфармацыі выклікае ўмоўнае скарачэнне часу і прасторы. Неабходнасць удасканалення сродкаў камунікацый для павелічэння аператыўнасці перадачы, прыёму паведамленняў і атрымання інфармацыі на значныя адлегласці ў Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст. вызначалася як інтарэсамі ваеннага ведамства і ваенна-стратэгічнымі задачамі ўрада, так і патрэбамі адміністрацыйнага кіравання з мэтай змяншэння тэрмінаў для прыняцця адміністратыўных рашэнняў.

Большасць даследаванняў па гісторыі фарміравання тэлеграфа як віда сродка сувязі і інструмента камунікацыйнай сферы грамадства на тэрыторыі Расійскай імперыі ў 30–60-я гг. XIX ст. прысвечана аналізу дзейнасці вынаходнікаў і тэхнічным аспектам праблемы. У цэлым працэс станаўлення тэлеграфнай сувязі як сукупнасці тэхнічных і адміністрацыйных мерапрыемстваў на тэрыторыі Расійскай імперыі ў XIX ст. без падрабязнага вылучэння рэгіянальнай спецыфікі яе развіцця ў асобных тэрытарыяльных рэгіёнах быў адлюстраваны ў юбілейным выданні Міністэрства ўнутраных спраў [14] і ў дысертацыйнай працы М.С. Высокава (асноўная частка даследавання прысвечана гісторыі сродкаў электрычнай сувязі перыяду капіталізма) [5]. Зразумела, што аўтары навуковых даследаванняў не параўноўвалі ўзровень і тэмпы развіцця сродкаў электрычнай сувязі, формы і метады дзейнасці тэлеграфных устаноў у заходніх губернях з іншымі рэгіёнамі Расійскай імперыі. Толькі ў невялікім раздзеле працы літоўскага гісторыка П. Віткевічуса [3, с. 13–37], прысвечанай развіццю электра- і радыёсувязі ў Літве, адлюстраваны асноўныя этапы станаўлення тэлеграфа на тэрыторыі савецкай Літвы да 1915 г. У айчыннай гістарыяграфіі працэс станаўлення тэлеграфнай сувязі на тэрыторыі Беларусі ў 30–60-я гг. XIX ст. абмяжоўваецца толькі канстатацый факта яе з'яўлення з няпоўным пералікам тэлеграфных ліній і станцый [2, с. 29; 10; 30, с. 199].

Мэта артыкула – ахарактарызаваць у цэлым працэс фарміравання арганізацыйна-штатнай структуры тэлеграфнага ведамства на тэрыторыі Беларусі ў канцы 30-х – сярэдзіне 60-х гг. XIX ст. шляхам абагульнення і сістэматызацыі разнастайнага фактычнага матэрыялу з выкарыстаннем у асноўным агульнанавуковых метадаў даследавання. Асноўная ўвага засяроджана на вывучэнні крыніц і структуры грашовага забеспячэння ўмоў і фінансавых аспектаў дзейнасці адміністрацыйных тэлеграфных устаноў,

на спробе вызначэння дынамікі фінансавых выдаткаў, удакладнення і дапаўнення розных пытанняў вызначэння памераў грашовага ўтрымання тэлеграфных служачых.

Крыніцы па гісторыі станаўлення тэлеграфнай сувязі на тэрыторыі Беларусі ў 30–60-я гг. XIX ст. прадстаўлены як апублікаванымі заканадаўча-нарматыўнымі актамі, так і пераважна неапублікаваных афіцыйна-справавых дакументаў і матэрыялаў з фондаў Нацыянальных гістарычных архіваў Беларусі ў Мінску і Гродне, Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіва ў Вільнюсе, а таксама апублікаванымі матэрыяламі статыстычнага характару ведамаснага часопіса [27; 28], успамінамі вядомага нямецкага інжынера, вынаходніка, прамыслоўца, заснавальніка фірмы Siemens Эрнста Вернера фон Сіменса (1816–1892) [26].

Будаўніцтва і ўтрыманне чыноў Пецябургска-Варшаўскай лініі аптычнага тэлеграфа

Пры дапамозе першага аптычнага семафорнага тэлеграфа паміж Парыжам і Лілем (225 км), сканструяванага братамі механікамі К. і І. Шапамі, у 1794 г. за 30 хвілін была перададзена звестка пра захоп горада Кандэ. Першая лінія аптычнага тэлеграфа паміж Пецябургам і Шлісельбургам па сістэме генерала Козена была адкрыта ў 1824 г. У 1833 г. аптычны тэлеграф злучыў Пецябург з Кранштадтам [14, с. 128].

У 1835–1838 гг. паводле імператарскага загада будавалася Пецябургска-Варшаўская лінія аптычнага тэлеграфа пад кіраўніцтвам Шато. Агульны нагляд за тэлеграфнай лініяй, якая злучыла Пецябург з Варшавай, быў даручаны ў 1835 г. інжынернаму падпалкоўніку Рэрбергу, а па дыстанцыях ад Дынабурга да Вільні – інжынернаму паручніку Давіньёну, ад Вільні да Гродна – паручніку Чайкоўскаму, ад Гродна да мяжы Царства Польскага – капітану Генштаба Папову [20, л. 1 адв. – 2]. Ужо з канца 1837 г. на ўчастку лініі ў Гродзенскай губерні пачалася ўстаноўка тэлеграфных прыбораў [15]. Паводле афіцыйных звестак, з жніўня 1835 г. пачалося ўладкаванне 18 тэлеграфных пастоў у Гродзенскім і Лідскім паветах Гродзенскай губерні. Работы былі скончаны ў верасні 1838 г., калі прыбылі сігналісты. Поўнае выкарыстанне аптычных тэлеграфаў стала магчымым з 25.03.1839 г. [11, л. 95–95 адв.].

Для размяшчэння пастоў тэлеграфістаў дзяржава была вымушана выкупляць прыватную зямлю. Агульнапрынятая практыка заключалася ў тым, што ўладальнікі папрабавалі за пазбаўленую маёмасць грашовую кампенсацыю ў значна большых памерах, чым меркавалася па казённых расцэнках. Так, за набыццё 1 850 квадратных сажняў прыватнай ворнай зямлі ў Рэжыцкім павеце пад пасты № 8, 9, 12 і 13 3-й дырэкцыі Варшаўскай тэлеграфічнай лініі спачатку быў вызначаны значны памер узнагароднай сумы (178,54 руб. серабром (далей – сер.), аднак пазней загадам ад 28.02.1845 г. пераацэнчаная сума склала толькі 93,62 руб. сер. [21, л. 1–2, 11]. Падобным чынам праводзілася ацэнка 465 квадратных сажняў зямлі пад тэлеграфны пост у Гродзенскім павеце паблізу карчмы Дробкі [18, л. 9].

Такім чынам, самая доўгая ў свеце Варшаўская лінія аптычнага тэлеграфа агульнай даўжынёй 1 200 км дзейнічала ў 1839–1854 гг. Яна прайшла з Пецябурга праз Дынабург, Вільню, Гродна да Варшавы. У адпаведнасці з зацверджанымі 29.04.1839 г. штапамі, Пецябургска-Варшаўская тэлеграфічная лінія падзялялася на 6 дырэкцый: 3-я з цэнтрам у Дынабургу, 4-я – у Вільні, 5-я – у Гродне [7, с. 398–401]. У кожнай дырэкцыі мелася тэлеграфічная рота. Дырэкцыя ўключала 25 пастоў, якія падзяляліся на 3 дыстанцыі па 8–9 пастоў у кожнай. 3-я дырэкцыя праходзіла ад мястэчка Ладыжанскага Астроўскага павета да вёскі Гуры Новааляксандраўскага павета праз тэрыторыю Люцынскага, Рэжыцкага, Дынабургскага паветаў; 4-я – ад вёскі Гуры да вёскі Адвернікі Лідскага павета праз Новааляксандраўскі, Завілейскі, Віленскі, Лідскі паветы; 5-я –

ад вёскі Адвернікі да мястэчка Тыкочына ў Царстве Польшкім праз Лідскі, Гродзенскі, Сакольскі, Беластоцкі паветы і Царства Польшкае [7, с. 398–399; 25, с. 203–204].

Па нашых падліках, 23 тэлеграфічных пасты размяшчаліся на тэрыторыі беларускіх паветаў Віленскай і Гродзенскай губерняў: у Новааляксандраўскім (4), Лідскім (11), Гродзенскім (8) [25, с. 209–210]. Паводле губернатарскай справаздачы за 1849 г., у 3 паветах Гродзенскай губерні размяшчалася 18 пастоў (тэлеграфічных сігналаў) Варшаўскай тэлеграфнай лініі даўжынёй 148,5 вёрстаў [12, л. 30 адв.]. У 1852 г. у Гродзенскім павеце лічылася 14 тэлеграфічных пастоў на лініі 53,5 вёрстаў [17, л. 12 адв.].

Па некаторых звестках, у 1843 ці 1846 г. у Гродне адчынілася першая тэлеграфная кантора. На правым беразе Нёмана недалёка ад маста быў пахаваны дырэктар 5-й тэлеграфічнай лініі Платон Аляксеевіч Зуеў, які застрэліўся ў 1847 г. пасля растраты дзяржаўных сродкаў [29, с. 31].

Імператар Мікалай I у 1839 г. зацвердзіў пастанову, якая вызначала арганізацыйна-штатную структуру лініі аптычнага тэлеграфа ад сталіцы Расійскай імперыі да гадоўнага цэнтра Царства Польшкага [7, дадатак да № 12287, с. 135]. У кожнай дырэкцыі мелася тэлеграфічная рота, якая налічвала 183 чыны са штогадовым утрыманнем памерам 20 027,22 руб. асігнацыямі (у рэальнасці за тэлеграфнымі лініямі наглядалі роты з некамплектам ніжніх чыноў). Так, 5-ю дырэкцыю з цэнтрам у Гродне абслугоўвала тэлеграфічная рота № 5 у колькасці 126 чалавек [4, с. 116, 138].

Пецябургска-Варшаўская лінія аптычнага тэлеграфа спыніла сваю дзейнасць 17.08.1854 г. [3, с. 16].

Пракладка ліній электрамагнітнага тэлеграфа

Неўзабаве паветравы, ці аптычны, тэлеграф быў заменены больш тэхнічна дасканалым сродкам сувязі – электрамагнітным тэлеграфам, больш хуткім, дакладным і менш залежным ад надвор'я. Адна з першых канструкцый электрамагнітнага тэлеграфа была створана расійскім вучоным П.Л. Шылінгам у 1832 г. (у 1836 г. ён пабудаваў эксперыментальную падземна-падводную кабельную лінію ў Пецябургу). Камерцыйная эксплуатацыя электрычнага тэлеграфа была распачата ў Лондане ў 1837 г. У 1844 г. у ЗША была ўведзена ў эксплуатацыю лінія тэлеграфнай сувязі, абсталяваная тэлеграфнымі апаратамі С. Морзе, які накіраваў 24.05.1844 г. першую тэлеграму па паветранай лініі з Балтымора ў Вашынгтон.

Першыя лініі электрамагнітнага тэлеграфа ў Расійскай імперыі прайшлі ў 1853 г. ад Гатчыны да Варшавы [13, с. 91]. Электрычны тэлеграф пракладваўся ўздоўж Дынабургскай, Ковенскай і Варшаўскай шашы. 25.06.1854 г. атрады тэлеграфістаў, якія рухаліся адначасова з Пецябурга і Варшавы, сустрэліся ў Дынабургу і такім чынам усталявалі зносіны паміж сталіцамі Царства Польшкага і Расійскай імперыі. Пракладка вялікай надземнай тэлеграфічнай лініі даўжынёй 1 042 вёрстаў, даручанай нямецкай фірме «Сіменс і Гальске», заняла ўсяго некалькі месяцаў, што выклікала здзіўленне ў расійскім грамадстве [26, с. 105].

Усе тэлеграфічныя станцыі Варшаўскай лініі электрамагнітнага тэлеграфа знаходзіліся па-за межамі сучаснай Беларусі. У прыватнасці, тэлеграфічная станцыя размяшчалася ў асобным часовым памяшканні ў Дынабургу. Нагляд за цэласцю ліній электрычнага тэлеграфа паміж Гатчынай і Варшавай ажыццяўляла начальства Дынабургскай, Ковенскай і Варшаўскай шашы. Участкі тэлеграфа былі размеркаваны паміж дарожнай вартай. Ніжнім чынам ваенна-рабочых рот даручалася назіраць за лініямі (з разліку адзін чалавек на кожныя 3 вярсты тэлеграфа), якія яны былі абавязаны абыходзіць не менш двух разоў у суткі. Нагляд за кожнымі 5 ніжнімі чынамі на адлегласці 15 вёрстаў тэлеграфа даручаўся яфрэйтару ці унтэр-афіцэру, які быў абавязаны аглядаць штодня

палову сваёй дыстанцыі. Дарожная варта атрымлівала пастаянна з тэлеграфічнай сумы грошы: унтэр-афіцэры і яфрэйтары па 8 кап., а вартавы – па 6 кап. у суткі [8].

Пад уплывам Крымскай (Усходняй) вайны ў канцы 1854 г. прамая тэлеграфная сувязь звязала Пецябург з прыбярэжнымі гарадамі Балтыйскага (Кранштадтам, Рэвелем, Рыгай, Гельсінгфорсам) і Чорнага (Адэсай, Нікалаевым і Сімферопалем) мораў. У 1854 г. праз тэрыторыю Беларусі прайшлі транзітныя лініі электрычнага тэлеграфа ад Гатчыны праз Дынабург і Коўна да Варшавы (1 041 вёрстаў, адчынены 1.07.1854 г.) і з Масквы праз Доўск да Кіева (850 вёрстаў, адчынены 13 ці 14.12.1854 г.) [14, с. 142].

У 1859 г. было вырашана пракладваць лініі тэлеграфічнай сувязі ад Дынабурга праз Полацк да Віцебска (адтуль да Смаленска і праз Магілёў да Доўска) і з Коўна праз Вількамір, Вільну, Ашмяны, Радашковічы, Мінск, Ігумен, Бабруйск да Магілёва [19, л. 2–3 адв.; 22, л. 9]. У наступныя гады хуткімі тэмпамі пракладваліся новыя тэлеграфныя лініі і веткі, а таксама ўдасканальваліся старыя. Так, у 1860 г. на Пецябургска-Варшаўскай тэлеграфнай лініі была адчынена новая ветка паміж Сувалкамі і Гродна (97 вёрстаў) са станцыяй у Гродне. Новае адгалінаванне тэлеграфнай лініі ад Масквы да Кіева злучыла Доўск і Бабруйск (84 вярсты), у выніку чаго была заснавана станцыя ў Гомелі, а існуючая раней ў Доўску – зачынена [28, с. 39].

У пачатку 60-х гг. XIX ст. тэлеграфныя правады ўздоўж дарог і чыгунак былі працягнуты да губернскіх гарадоў (Вільні, Гродна, Мінска, Віцебска, Магілёва), некаторых гандлёва-прамысловых (Слонім, Ваўкавыск, Пінск, Полацк, Гомель), ваенна-абарончых (Бабруйск, Брэст) цэнтраў. Агульная даўжыня тэлеграфных ліній склала, па падліках М.Ф. Болбаса, каля 2 тыс. вёрстаў [2, с. 29].

Частка запланаваных тэлеграфных станцый так і не была адкрыта. Так, у 1861 г. жыхары Пружан, Кобрына і Слонімскага павета раілі гродзенскаму губернатару адчыніць тэлеграфную станцыю ў мястэчку Картуз-Бяроза Пружанскага павета [16].

Утрыманне чыноў ліній электрамагнітнага тэлеграфа

Хуткае будаўніцтва тэлеграфных ліній абумовіла рэгламентацыю парадка і правілаў іх выкарыстання (эксплуатацыі), а таксама ўладкаванне арганізацыйнай структуры мясцовых устаноў тэлеграфнага ведамства.

Запланаваны ў 1859 г. на 3 гады, часовы штат акладаў утрымання ўсіх чыноў тэлеграфных ліній і станцый (у Брэсце, Дынабургу, Доўску) [6, с. 9; дадатак да № 34012, с. 4–5] у 1860 г. быў перагледжаны [24, с. 521]. У выніку замест планаваных пяці былі заснаваны 12 тэлеграфных аддзяленняў, тры з якіх (Жытомірскае, Варшаўскае, Дынабургскае) уключалі лініі і станцыі, размешчаныя на тэрыторыі Беларусі. Адметнасцю працы службовых асоб тэлеграфнага ведамства было сумяшчэнне тэхнічных і справаводна-канцылярскіх абавязкаў.

Эксплуатацыя ліній электрамагнітнага тэлеграфа

У адрозненне ад аптычнага тэлеграфа хуткасць перадачы інфармацыі па лініях электрамагнітнага тэлеграфа значна павялічылася.

У межах Расійскай імперыі тэлеграмы перадаваліся бясплатна для асоб імператарскай фаміліі, службовых патрэб чыноўнікаў тэлеграфнага ўпраўлення, Галоўнага ўпраўлення шляхоў зносін і публічных устаноў. За ўсе іншыя ўрадавыя і прыватныя тэлеграмы як у межах імперыі, так і па-за яе межамі трэба было плаціць па пэўных тарыфах у залежнасці ад класаў і колькасці слоў [9, с. 40–45]. Па электрамагнітных тэлеграфнах ажыццяўляўся прыём і перадача як дзяржаўных (імператарскіх, урадавых, службовых), так і прыватных тэлеграфічных дэпеш. Напрыклад, з верасня 1861 г. за год Гродзенская тэлеграфная станцыя перадала 3 564 і прыняла 3 482 дэпешы (пераважна гандлёвыя, за якія вылучыла 6 438,8 руб. сер., у сярэднім па 1,8 руб. сер. за дэпешу) [1, с. 41].

Аналіз дынамікі грашовых плацяжоў за адпраўленыя ў 1859, 1862 і 1863 гг. тэлеграмы праз станцыі на тэрыторыі Беларусі [23] дазваляе зрабіць наступныя высновы. Асноўны паток дэпешаў перадаваўся праз тэлеграфныя станцыі ў губернскіх цэнтрах і актывізаваўся ў пачатку 60-х гг. XIX ст. Найбольш значную грашовую выручку за тэлеграмы мелі тэлеграфныя станцыі губернскіх цэнтраў і Брэста.

Адным з асноўных паказчыкаў эфектыўнасці дзейнасці тэлеграфа на тэрыторыі Беларусі з'яўляецца як аб'ём перададзенай інфармацыі, так і ўзровень даходаў і выдаткаў устаноў (мінімізацыя памераў утрымання, ступень даходнасці). Па нашых падліках, праз тэлеграфныя станцыі, размешчаныя на тэрыторыі сучаснай Беларусі, праходзіла больш за 3% усіх дэпешаў Расійскай імперыі, аднак грашовы збор за тэлеграмы не быў аднолькавы: 3–4% за ўнутраную карэспандэнцыю і больш чым 1% за паведамленні, прынятыя з-за мяжы. Звернем ўвагу на тое, што ў пачатку 60-х гг. XIX ст. даход ад выкарыстання тэлеграфных станцый амаль у 3 разы перавышаў памеры іх штогадовага штатнага ўтрымання.

Заклучэнне

Такім чынам, напрамку пракладкі асноўнай тэлеграфнай сеткі Расійскай імперыі вызначаліся не столькі гандлёва-эканамічнымі, колькі ваенна-стратэгічнымі мэтамі царскага ўрада і тлумачыліся спецыфікай развіцця інфраструктуры сувязі (уладкаванне тэлеграфных ліній ад адміністрацыйных сталічных цэнтраў краіны да яе ўскраін). Асноўныя тэлеграфныя лініі спачатку праводзіліся да паўночна-заходніх, заходніх, паўднёва-заходніх межаў імперыі, уключаючы і губерні Беларусі. Дзякуючы гэтым абставінам Беларусь у 60-я гг. XIX ст. атрымала разгалінаваную сетку тэлеграфічных зносін, якая злучыла ўсе губернскія цэнтры і найперш пункты са значнымі фартыфікацыйнымі ўмацаваннямі (Брэст, Бабруйск).

Неабходнасць надзейнага і спраўнага абслугоўвання і выкарыстання тэлеграфных ліній і станцый на тэрыторыі Беларусі ў перыяд 30-х – пачатак 60-х гг. XIX ст. у інтарэсах не толькі адміністрацыйнага апарата кіравання, але і ваеннага ведамства абумовіла мілітарызацыю сістэмы іх кіравання і аб'яднання інжынерна-тэхнічных і справаводна-канцылярскіх службовых абавязкаў персанала.

У пачатку 60-х гг. XIX ст. на землях Беларусі значна павялічылася роля і значэнне тэлеграфнай сувязі, якая задавальняла не толькі ваенна-адміністрацыйныя патрэбы мясцовых органаў дзяржаўнай улады і кіравання (у тым ліку ў сувязі з падзеямі перададзеныя і ў час паўстання 1863–1864 гг.), але і гандлёвыя інтарэсы прадпрыемальнікаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Бобровский, П. О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния / П. О. Бобровский. – СПб. : Тип. департамента Ген. штаба, 1863. – Ч. 1. – Приложения. – 247 с.
2. Болбас, М. Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795–1861 гг.) / М. Ф. Болбас. – Минск : Наука и техника, 1966. – 268 с.
3. Виткевичюс, П. П. Развитие электро- и радиосвязи в Литве / П. П. Виткевичюс. – Вильнюс : Минтис, 1972. – 268 с.
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое при 1-м отделении департамента Генерального штаба : в 17 т. – СПб. : Тип. департамента Ген. штаба, 1848–1858. – Т. 9. – Ч. 3 : Гродненская губерния / сост. подполк. Калмберг. – 142 с.
5. Высоков, М. С. Российская империя на путях модернизации: зарождение и развитие электросвязи в XIX – начале XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. / М. С. Высоков. – СПб., 2004. – 468 л.

6. Высочайше утверждённый 3.01.1859 г. временный штат личного состава и окладов содержания всех чинов телеграфных линий и станций и сигнальной школы // Полн. собр. законов Российской империи : собрание 2-е с 1825 по 1881 г. : в 55 т. (Далей – ПСЗ-2). – СПб. : Тип. 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830–1862. – Т. 34-1. – № 34012. – С. 9; Т. 34-2. – Приложения к № 34012. – С. 4–5.

7. Высочайше утверждённое 29.04.1839 г. положение о Варшавской телеграфической линии // ПСЗ-2. – Т. 14-1. – № 12287. – С. 398–401; Т. 14-2. – Приложения к № 12287. – С. 135.

8. Высочайше утверждённое 15.04.1854 г. положение об электромагнитном телеграфе между Санкт-Петербургом и Варшавою // ПСЗ-2. – Т. 29-1. – № 28169. – С. 426–427.

9. Высочайше утверждённое 15.01.1855 г. положение о приеме и передаче телеграфических депеш по электромагнитному телеграфу, опубликованное 5.07.1855 г. // ПСЗ-2. – Т. 30-1. – № 28940. – С. 34–53.

10. Зарэмскі, У. Тэлеграфная сувязь / У. Зарэмскі, З. Свірыдава // Энцыкл. гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2001. – Т. 6, кн. 1. – С. 557–558.

11. Отчет гродненского губернатора за 1839 г. – 1840 г. // Литовский государственный исторический архив в Вильнюсе (ЛГИА). – Ф. 378, общий отдел, 1840 г. Д. 1388.

12. Отчет гродненского губернатора за 1849 г. – 1850 г. // ЛГИА. – Ф. 380. Оп. 101. Д. 1574.

13. Материалы по истории связи в России XVIII – начало XX вв. Обзор документальных материалов / под ред. Н. А. Мальцевой. – Л. : Центральный музей связи имени А. С. Попова, 1966. – 335 с.

14. Министерство внутренних дел: исторический очерк. Приложение 2. Почта и телеграф в XIX столетии. – СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1901. – 5, 225, 5 с., 47 л.

15. Список телеграфных постов по 5 дистанции Варшавской телеграфной линии и переписка с полицмейстерами об установлении телеграфных приборов 1837–1838 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБГ). – Ф. 1. Оп. 4. Д. 652.

16. Дело по прошению жителей Пружан, Кобрин и Слонимского уезда об устройстве телеграфной станции в местечке Картуз-Березе Пружанского уезда 1861 г. // НИАБГ. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 123.

17. Отчет о состоянии Гродненской губернии за 1852 г. // НИАБГ. – Ф. 1. Оп. 28. Д. 210.

18. О выдаче жителям Гродненского уезда денег за землю, отошедшую под строительство Варшавской телеграфной линии 1838–1840 гг. // НИАБГ. – Ф. 2. Оп. 36. Д. 1330.

19. Об открытии телеграфа 1859 г. // Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НИАБМ). – Ф. 24. Оп. 1. Д. 1116.

20. Об устройстве телеграфной линии от Петербурга до Варшавы 1835 г. // НИАБМ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 9117.

21. Дело по отношению Главного управления путей сообщения и публичных зданий о вознаграждении владельцев за земли, подходящие под телеграфные посты 1843–1848 гг. // НИАБМ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 10354.

22. Дело по отношению Главного управления путей сообщения и публичных зданий об устройстве телеграфной линии от Ковно до Довска и от Динабурга через Полоцк, Витебск, Могилёв в Довск 1859 г. // НИАБМ. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 740.

23. О движении депеш по телеграфным линиям в России в 1859, 1862, 1863 гг. // Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий. – 1860. – Т. 32, кн. 4. – Смесь. – Приложение к с. 55; 1864, кн. 2. – Смесь. – С. 84–87; кн. 6. – Смесь. – С. 74–77.

24. О дополнительном штате телеграфного управления и временном штате личного состава и окладов чинов телеграфных отделений, станций и других частей : именной указ 5.05.1860 г., объявленный Сенату главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями // ПСЗ-2. – Т. 35-1. – № 35762. – С. 521; Т. 35-3. – Приложения к № 35762. – С. 244–245.

25. Первое продолжение Свода военных постановлений. С 1 мая 1838 и по 1 января 1840 г. – СПб. : Тип. 2-го отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1841. – 459, IX с.

26. Сименс, В. Мои воспоминания / В. Сименс : пер. с нем. / В. Сименс ; под ред. и с предисл. М. Б. Паппе. – СПб. : Тип. и фототипия В. И. Штейна, 1893. – XII, 286 с.

27. Телеграфные станции, открытые в России по 10 января 1860 г. // Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий. – 1860. – Т. 31, кн. 1. – Смес. – С. 30–33.

28. Устройство телеграфных линий в России // Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий. – 1861. – Т. 33, кн. 1. – Смес. – С. 38–40.

29. Швед, В. В. Губернскі Гродна. Аповяды з гісторыі горада (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. В. Швед. – Гродна, 2002. – 193 с.

30. Шупляк, Г. В. Из истории создания учреждений связи в Могилёвской губернии (конец XVIII – начало XX в.) / Г. В. Шупляк // Архіварыус : зб. навук.-папуляр. па ведамленняў і арт. – 2011. – Вып. 9. – С. 195–207.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.08.2014

Yerashevich A.U. Formation of Telegraph Communication on Territory of Belarus (30–60 years XIX century)

In this article for the first time in modern Belarusian historiography the process of lining of lines of optical and electromagnetic telegraph, tendencies of the development of administrative agencies telegraphy in Belarus in the 30–60s of the XIX century is analyzed comprehensively, their organizational-regular structure and dynamics of financial security maintenance are defined. The value of information contained in the article, as well as scientific validity of the main conclusions of the study is based on the use of a wide complex of published of legislatively-statutory acts, as well as unpublished documents from the funds of the National Historical Archives of Belarus in Minsk and Grodno, the Lithuanian State Historical Archive in Vilnius.

УДК 94(476) «1863/1864»

С.М. Токць

*ст. навук. супрацоўнік Навукова-даследчай часткі
Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы,
дактарант каф. новай і навейшай гісторыі Беларусі
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*

ЗАСЦЯНКОВАЯ ШЛЯХТА БРЭСЦКАГА І КОБРЫНСКАГА ПАВЕТАЎ У МАТЭРЫЯЛАХ ГУБЕРНСКАЙ АДМІНІСТРАЦЫІ 1863–1864 гг.

У артыкуле аналізуюцца статыстычныя дадзеныя адносна засцянкавай шляхты Брэсцкага і Кобрынскага павеатаў Гродзенскай губерні, сабраныя мясцовай дзяржаўнай адміністрацыяй у 1863–1864 гг. Гэтыя дадзеныя дазваляюць выявіць дэмаграфічныя структуры азначанай сацыяльнай групы, а таксама вызначыць ступень удзелу яе прадстаўнікоў у паўстанні 1863–1864 гг. Большасць мясцовай шляхты пражывала ў невялікіх нуклеарных сем'ях. Адсутнічала ў межах свайго сталага пражывання адносна невялікая колькасць асобаў. На падставе дадзеных крыніц нельга гаварыць пра масавы ўдзел прадстаўнікоў засцянкавай шляхты названых павеатаў у паўстанні.

Уводзіны

Дробная засцянкавая шляхта з'яўлялася вельмі важнай саслоўнай групай ў сацыяльнай структуры беларускага грамадства ў XIX ст. Гісторыя гэтай групы ў апошнія гады выклікае вялікую зацікаўленасць з боку даследчыкаў [1; 2]. У часе паўстання 1863–1864 гг. менавіта з прадстаўнікоў шляхты ў значнай ступені фармаваліся паўстанцкія атрады. Таму шляхта прыцягвала асаблівую да сябе ўвагу з боку дзяржаўнай улады. У гэты перыяд ў матэрыялах мясцовай адміністрацыі былі сабраныя грунтоўныя статыстычныя матэрыялы, якія дазваляюць стварыць абагульнены сацыяльны партрэт дадзенай сацыяльнай групы.

Паколькі засцянкавая шляхта адыгрывала вельмі значную ролю ў паўстанні, віленскі генерал-губернатар Міхаіл Мураўёў загадаў накласці на гэтую групу грашовую кантрыбуцыю. Гэта быў прыклад ужывання ўладамі прынцыпу калектыўнай адказнасці. Мясцовая адміністрацыя павінна была падаць спісы сямей шляхты з указаннем колькасці спагнанных з яе грашовых сумаў. Гэтыя сумы маглі адрознівацца ў розных ваколіцах. Напрыклад, у Кобрынскім павеце кантрыбуцыя складала з аднаго двара ад 10 да 25 руб. Найбольшыя сумы (па 25 руб.) былі спагнаны з Антона Галембеўскага і Аляксандра Мільневіча, а таксама з Івана Канцэвіча (15 руб.) з ваколіцы Андронава, якія асабіста падазраваліся «в участии в мятеже». У Івана Стэфаноўскага з вёскі Асаўцы ў «шайцы» быў брат, у Ігната Андраноўскага з ваколіцы Андронава – сын. Усе астатнія падазраваліся ўладамі «в сношениях с мятежниками во время прохождения через их места шаек». Усяго было спагнана 305 руб. з 16 двароў шляхты і 11 двароў аднадворцаў ваколіц Андронава, Ляхавіцы, Хадынічы, Верхполле, Вярхі, Задарнова [3, арк. 54].

У Брэсцкім павеце з 143 двароў шляхты было спагнана 1 430 руб. кантрыбуцыі. Гэтая шляхта пражывала ў наступных ваколіцах: Звонніца (4 двары), Сколдычы (10), Цярпіловічы Малыя (13), Цярпіловічы Вялікія (39), Івахновічы (9), Завяртаны (7), Лясота (22), Чэрнева (4), Забалоцце (3), Звады (6), Токары (14), а таксама ў розных вёсках, аднаселых і ў мястэчку Камянец [3, арк. 126–127].

Расійскія ўлады разглядалі дробную шляхту ў якасці асноўнай сацыяльнай базы студзеньскага паўстання, таму яе прадстаўнікі падлягалі асобаму кантролю з боку мясцовай адміністрацыі ва ўмовах ваеннага становішча. Былі строга абмежаваны магчымасці перамяшчэння шляхты па-за месцамі пастаяннага пражывання. Генерал-губернатар Міхаіл Мураўёў выдаў цыркулярнае распараджэнне аб складанні асобых «дамавых

кнігаў», на падставе праверкі якіх можна было ўстанавіць адсутнасць якой-кольвек асобы ў роднай ваколіцы. 11 снежня 1863 г. Мураўёў загадаў даставіць яму копіі гэтых кніг з усіх павеатаў [4]. Ваенныя начальнікі павеатаў дасылалі азначаныя кнігі спачатку губернатару, а апошні перасылаў іх у Вільню.

У канцылярыі гродзенскага губернатара захаваліся такія кнігі па Кобрынскім і Сакольскім павеатах, а таксама адосна большай часткі Брэсцкага павеата. Гэтыя дакументы ўяўляюць сабой вельмі цікавую статыстычную крыніцу для вывучэння дробнай шляхты часоў студзенскага паўстання. Як можна меркаваць, яны складаліся мясцовымі ўладамі на падставе матэрыялаў рэвізскага перапісу 1858 г. і ўключалі інфармацыю як пра зацверджаную ў дваранстве дробную шляхту, так і пра аднадворцаў. У надзвычайных умовах паўстання ўлады разглядалі іх як адну сацыяльную групу.

Ваенны начальнік Кобрынскага павеата 24 сакавіка 1864 г. даслаў гродзенскаму губернатару «список лицам, именующимся шляхтою и отыскивающим дворянское происхождение». Згодна з гэтым спісам, у Кобрынскім павеце налічваліся 102 сям'і неаседлай шляхты (не мела нерухомай уласнасці) і 159 сямей аседлай. Паводле роду заняткаў група неаседлай шляхты падзялялася так: эканомы ў панскіх маёнтках – 31 чалавек, служба (без акрэслення дэталей) – 8, наёмныя «подельные» заработкі – 6, палясоўшчыкі – 6, арандатары зямлі – 4, трымальнікі фермаў – 4, арандатары маёнткаў – 3, упраўляючыя маёнткамі – 2, вінакуры – 2, стражнікі – 2, настаўнікі – 2, гаспадарка («хозяйство») – 3. Па адным чалавеку налічвалася прадстаўнікоў наступных заняткаў: гурменны, млынар, садоўнік, агароднік, пісар у маёнтку, землемер, наглядчык лесу, пісар у мястэчку, пісар на ферме, карчмар, вясковы пісар, валасны пісар, пісьмавод пры станавым прыставе, арганіст у касцёле. Адносна трох асобаў было пазначана, што яны жывуць у сваякоў, адзін шляхціч быў малалетнім, адзін у «богадельне при костёле», адзін на «призрении у помещика». Адносна яшчэ двух асобаў было запісана: «по бедности ничем не занимаются» [4, арк. 2–33]. Незразумела, з якой прычыны да гэтай катэгорыі «неаседлай шляхты» быў далучаны Аляксандр Лягуцкі (63 гады), якому належалі 80 дзесяцін зямлі [4, арк. 18].

Аседлай шляхты налічвалася ў Кобрынскім павеце 159 сямей. Паводле роду заняткаў гэтыя сям'і падзяляліся так: занятка сельскай гаспадаркай – 119 чалавек, эканомы – 19, упраўляючыя маёнткамі – 4, арандатары маёнткаў – 5, служба ў маёнтку – 1, трымальнік казённай карчмы – 1, наглядчык пры вінакурні – 1, пісар пры вінакурні – 1, прыватнае вымярэнне зямель – 1, падзённыя заробкі – 1, тысячкі – 1, палясоўшчыкі – 3, пісар на казённай ферме – 1, пісьмавод пры станавым прыставе – 1. Памеры землеўладання сярод гэтай шляхты былі наступнымі: уладальнікі да 5 дзесяцін зямлі – 12 гаспадароў, 5–10 дзесяцін – 23, 10–20 дзесяцін – 47, 20–50 дзесяцін – 25, 50–100 дзесяцін – 13, больш 100 дзесяцін – 10. Адносна 11 асоб было запісана, што яны маюць «зямлю і пабудовы». Маёнткі з сялянамі ва ўласнасці мелі 3 асобы, фальваркі – 2, дамы з пабудовамі (без зямлі) – 8. Зусім не мелі нерухомасці 5 асобаў з гэтай катэгорыі. Зноў паўстае пытанне пра крытэрыі далучэння апошніх да «аседлай шляхты». Толькі адзін прадстаўнік гэтай групы Ігнат Калянкевіч меў чын тытулярнага саветніка.

На час складання спісаў адсутнічалі ў сваіх дамах 28 чалавек. З іх ліку чатыры, паводле дадзенага дакумента, знаходзіліся «ў мецяжы». Гэта былі наступныя асобы: сын эканомы Дамініка Смялоўскага Гіпаліт (20 год), Аляксандр Бараноўскі (45 г.), Людвік Багноўскі (44 г.) (меў шасцёра дзяцей), сын уладальніка фальварка Міхайлаўшчына Клеафаса Мыслоўскага Павел (17 г.). Яшчэ 13 асобаў былі арыштаваныя ўладамі. Хаця прычыны арышту не называліся, але можна меркаваць, што ў большасці выпадкаў яны былі звязаныя з паўстаннем. У паўстанні маглі быць яшчэ тры асобы, пра якіх было запісана, што яны знаходзяцца «в неизвестной отлучке». У табліцы 1 прыведзены звесткі

пра прадстаўнікоў кобрынскай дробнай шляхты, якія знаходзіліся на час складання перапісу па-за межамі свайго сталага пражывання.

Табліца 1. – Шляхта Кобрынскага павета, якая знаходзілася па-за межамі свайго сталага пражывання [4]

Апісанне адсутных	
АСЕДЛЫЯ	
1	Сын Вікенція Ягалкоўскага Гіпаліт служыць у маёнтку Сягневічы Пружанскага павета. Жыве там разам з жонкай і 3 дзецьмі.
2	Дачка Ксаверыя Ягалкоўскага Юзэфа (28 г.) знаходзіцца на службе ў Слуцку Мінскай губерні
3	Сын Франца Гронастайскага Баляслаў (20 г.) знаходзіцца ў Новай Рудзе Брэсцкага павета, другі сын Рамуальд (27 г.) знаходзіцца «в неизвестной отлучке».
4	Сын Вікенція Ягалкоўскага Людвік (19 г.) у Гродне ў турэмным астрозе.
5	Гаспадар Адам Ягалкоўскі арыштаваны ў Брэсце.
6	Сын удавы Паўліны Гронастайскай Казімір (13 г.) навучаецца ў Свіслацкай прагімназіі.
7	Пасынак Юзафа Завістоўскага Франц Сінкевіч (22 г.) знаходзіцца ў Адэсе.
8	Брат Уладзіслава Ягалкоўскага Юзаф (27 г.) разам з сям'ёй у маёнтку Брэсцкага павета, другі брат Ян (20 г.) у Гродзенскім астрозе.
9	Брат Фелікса Чарвінскага Антон (60 г.) на службе ў Пружанскім павеце.
10	Брат Антона Астраменцкага Тэафіл (42 г.) на службе ў Брэсцкім павеце.
11	Сын Антона Андронаўскага Гіпаліт «в неизвестной отлучке».
12	Дочки Юзафа Задарноўскага Эва (25 г.), Юзэфа (19 г.) і Юлія (15 г.) на службе ў Кобрыне.
13	Сын Антона Камінскага Юры (16 г.) у Кобрыне пад арыштам.
14	Сыны Тэафілі Івашкевіч Рафал (23 г.) і Аляксандр (21 г.), а таксама іх сваяк Бернард Івашкевіч «в неизвестной отлучке».
15	Гаспадар Клеафас Мыслоўскі (48 г.), уладальнік фальварка Міхайлаўшчына, арыштаваны, старэйшы сын Павел (17 г.) «у мецяжы».
12	Леанард Рашкевіч (35 г.), тысяцкі, арыштаваны.
13	Сын Альбіна Хадыніцкага Павел (19 г.) навучаецца ў Казанскім універсітэце. Другі сын Канстанцін (18 г.) у Гродзенскай гімназіі, дочки Тэрэза (14 г.) і Фларэнтына (13 г.) у Гродзенскім пансіёне. Альбін Хадыніцкі (54 г.) меў дом і 10 дзесяцін зямлі ў ваколіцы Крушыняны.
14	Сын Ганны Задарноўскай (80 г.) адстаўны ротмістр Пётр (57 г.) пражывае ў Падольскай губерні. У іх уласнасці было 85 дзесяцін зямлі ў ваколіцы Задарнова.
15	Сын Ігната Завіскага (52 г.) Фелікс (18 г.) знаходзіцца ў Тыфлісе, другі сын Карл (17 г.) у Кіеве. Ігнат Завіскі меў дом і 4 дзесяцін зямлі.
16	Сын Аляксандра Даноўскага (52 г.) Бенедыкт (20 г.) арыштаваны. У іх было 220 дзесяцін зямлі ў маёнтку Вінча.
17	Васіль Пянькоўскі (48 г.) арыштаваны, меў 12 дзесяцін зямлі ва ўрочышчы Домбрава.
18	Брат Антона Галембоўскага (50 г.) Юзаф (36 г.) арыштаваны. У іх была 61 дзесяцін зямлі.
19	Сын Станіслава Сямашкі (60 г.) Антон (25 г.) арыштаваны. У іх дом на «казённай» зямлі.
НЕАСЕДЛЫЯ	
20	Наглядчык лесу Антон Бучынскі (52 г.), арыштаваны.
21	Стражнік Пётр Стэфаноўскі (29 г.).
22	Палясоўшчык Валерыян Чарніцкі (55 г.) і яго сын Апалінары (21 г.), арыштаваны.
23	Наглядчык вінакурні Альберт Скабейка (28 г.), арыштаваны.
24	Сын эканомы Юзафа Кардашэвіча (64 г.) Гіпаліт (20 г.) навучаецца ў Харкаўскім універсітэце.
25	Людвік Багноўскі (44 г.), служыў у маёнтку, знаходзіцца ў «мецяжы», меў жонку і шасцёра дзяцей.
26	Сын эканомы Дамініка Смялоўскага Альберт (20 г.), «у мецяжы».
27	Аляксандр Бараноўскі (45 г.), род заняткаў – «нічым не займаецца», «у мецяжы», меў жонку і сына.
28	Эканом Фелікс Маеўскі (49 г.) арыштаваны, яго сын Юльян (13 г.) навучаецца ў гімназіі.

Абсалютная большасць кобрынскай шляхты належала да каталіцкага веравызнання. Толькі ў некаторых сем'ях сустракаліся прадстаўнікі іншых канфесій. Напрыклад, у палясоўшчыка Бенядыкта Астраменцага была праваслаўная жонка. У Івана Сцяпурскага праваслаўнымі былі жонка, дзве дачкі і цешча. Ён меў 7 дзесяцін зямлі, але працаваў эканомам у панскім маёнтку. У Антона Яблонскага (74 г.) жонка Эва (47 г.) была лютэранкай. У ваколіцы Босяч ім належала 17 дзесяцін зямлі. У той жа ваколіцы лютэранін Вікенці Вольмер меў жонку і чацвёрта дзяцей каталіцкага веравызнання. У Франца Вішаватага і Міхала Чарвінскага жонкі былі праваслаўнымі. У Міхала Міхалоўскага жонка была праваслаўная, старэйшы сын каталіком, а малодшы сын і дзве дачкі – праваслаўнымі. У мястэчку Дывін Міхалоўскаму належалі 47 дзесяцін зямлі. Толькі адзін з прадстаўнікоў гэтай групы эканом Якуб Шпакоўскі быў праваслаўным. Ён меў 10 дзесяцін зямлі.

Усяго ў Кобрынскім павеце засцяпковай шляхты налічвалася 569 мужчын і 512 жанчын (табліца 2). Прычым мужчын ва ўзросце ад 15 да 50 гадоў было 292 асобы. У «меяжы», паводле дадзеных мясцовых уладаў, знаходзіліся 4 асобы з гэтай катэгорыі (1,4%); калі ж дадаць сюды 13 арыштантаў, то атрымаецца, што 17 асобаў (5,8%) маглі мець дачыненне да паўстання. А разам з тымі, хто знаходзіўся «в неизвестной отлучке», гэты працэнт узростаў да 6,8.

Табліца 2. – Полава-ўзроставаая структура шляхты Кобрынскага павета ў 1864 г. [4]

Узрост	Разам	Мужчыны	Жанчыны
Агульная лічбы			
0–4	133	61	72
5–9	99	54	45
10–14	103	52	51
15–19	133	58	75
20–29	193	101	92
30–39	125	65	60
40–49	117	68	49
50–59	97	57	40
60–69	51	33	18
70–79	24	15	9
80–	6	5	1
Разам	1 081	569	512

Намі быў таксама праведзены аналіз структуры сямейных дворагаспадарак аседлай шляхты Кобрынскага павета, з якога вынікае, што для гэтай шляхты характэрнымі былі невялікія нуклеарныя сем'і, якія складаліся з сямейнай пары і іх дзяцей (табліца 3). Такіх сямей налічвалася 85 (53,5%). Вялікіх складаных сямей, у якіх супольна пражывала некалькі шлюбных параў, было ўсяго 18 (11,3 %).

Табліца 3. – Структура сямейных дворагаспадарак аседлай шляхты Кобрынскага павета ў 1864 г. [4]

Катэгорыі	1 пакаленне	2 пакалення	3 пакалення	Разам
1. Гаспадаркі самотных асобаў	15	–	–	15
2. Несямейныя гаспадаркі (без шлюбнай пары)	3	–	–	3
3. Простыя (нуклеарныя) сем'і	11	74	–	83
4. Пашыраныя сем'і	1	28	5	34
5. Складаныя сем'і	–	12	7	18
6. Іншыя	2	1	–	3
Разам	32	115	12	159

Па Брэсцім павеце інфармацыя захавалася па 4-х паліцэйскіх станах з пяці [4, арк. 274–313]. У гэтых чатырох станах налічвалася 112 сямей дробнай засцянкавай шляхты, якія можна размеркаваць у залежнасці ад таго, чым займаўся гаспадар: эканомы – 39, лясныя стражнікі – 12, земляробы – 7, упраўляючыя маёнткамі – 6, арандатары маёнткаў – 6, надляснічыя – 4, «прыказчыкі» – 3, наглядчыкі за вінакурнямі – 3, гуменныя – 3, сіроты пад апекай – 2, пісары ў маёнтках – 2, цесляры – 2, маляр – 1, кучар – 1, трымальнік казённай фермы – 1, аб'ездчык казённага лесу – 1, арандатар панскага саду – 1, справавод пры паліцэйскім прыставе – 1, столяр – 1, млынар – 1, пісьмавод – 1, пастух – 1. Акрамя таго, адносна трох шляхціцаў было адзначана, што яны выехалі назаўсёды з павеата, пра трох не было ніякай інфармацыі, а яшчэ пра аднаго было запісана, што ён шукае службу. З 106 шляхціцаў, пра якіх была інфармацыя адносна іх уласнасці, 67 (63,2 %) не мелі нерухомасці, 4 асобы мелі зямельныя уладанні памерам ад 20 да 40 дзесяцін, 6 асобаў валодалі ад 10 ад 15 дзесяцінамі, 7 сямей – ад 5 да 10 дзесяцін, 11 сямей – менш чым 5 дзесяцінамі. У дакуменце не ўказваліся памеры зямлі, якой валодалі 11 асобаў.

Адсутнічалі ў сваіх дамах 17 асобаў з ліку брэсцкай шляхты, з іх 9 знаходзіліся пад арыштам (табліца 4). Напрыклад, Вікенці Абухоўскі (48 г.) утрымліваўся ў гродзенскай турме, а яго сын Ксаверы быў ужо высланы ў Табольскую губерню. Дома засталіся толькі жонка і дзве дачкі. Упраўляючы маёнтка генерала Малахоўскага Карл Ляскоўскі знаходзіўся ў брэсцкай турме, а яго сын Аляксандр з красавіка 1863 г. быў «в отлучке».

Табліца 4. – Шляхта Брэсцкага павеата, якая знаходзілася па-за межамі свайго сталага пражывання [4]

1	Дачка Юзафа Тапчэўскага Марыя (20 г.) служыла ў памешчыка Жабкевіча.
2	Арандатар маёнтка Ліскі Міхал Адамовіч (55 г.) пад арыштам у Пружанах.
3	Лясны наглядчык памешчыка Кавальскага Лука Ількоўскі пад арыштам у Брэсце. Дворкаўскае валасное праўленне пісала пра яго: «В сочувствии мятежу замечен».
4	Арандатар маёнтка Падбелае памешчыка Старавольскага Рыгор Кахімоўскі (63 г.) арыштаваны ў Пружанах. Яго сыны Ян (21 г.), Казімір (18 г.), Юзаф (16 г.) «в неизвестной отлучке».
5	Самсон Эйман (35 г.) з маёнтка Надолін – у Брэсце пад арыштам.
6	Сын арандатара маёнтка Галоўчыцы Марцэлія Тваркоўскага Клімент (18 г.) знаходзіцца ў Чыжах Бельскага павеата.
7	Эканом маёнтка Грынцэвічы Рох Мачульскі (48 г.) утрымліваўся пад арыштам з 8 верасня 1863 г. па 20 лютага 1864 г., а цяпер знаходзіцца пад параўкай.
8	Дочкі Міхала Радзевіча з маёнтка Войская Канстанцыя (40 г.) замужам у Пружанскім павеце, Саламея ў Брэсце, сын Фелікс – калежскі сакратар у Брэсце.
9	Сын палясоўшчыка Антона Фалькоўскага Фердынанд у Трасцяніцы.
10	Адольф Класоўскі з Камянца знаходзіцца ў Бельску пад арыштам, «общество аттестует благонадежным»; яго жонка і два сыны праваслаўныя.
11	Ян Класоўскі з Камянца пад арыштам у Бельску, аседласці не мае, шукае службу, «не замечен, о благонадежности его по недавнему прибытию определительно неизвестно обществу».
12	Эканом маёнтка Прускі Марцэлі Чарноцкі (26) у Брэсце пад арыштам.
13	Вінакур Юзаф Татарэнка выбыў у Брэст.
14	Дачка Яна Ізбіцкага Браніслава «в отлучке».
15	Вікенці Абухоўскі (48 г.) пад арыштам у Гродзенскай турме, яго сын Ксаверы высланы ў Табольскую губерню, засталіся яго жонка і дзве дачкі.
16	Сям'я Франца Цярпілоўскага пражывае ў 5-ым стане Брэсцкага павеата, дакладных дадзеных пра іх няма.
17	Упраўляючы маёнткам Сычы генерала Малахоўскага Карл Ляскоўскі (50 г.) знаходзіцца ў Брэсцкай турме, яго сын Аляксандр с красавіка 1863 г. «в отлучке».

Таксама, як у Кобрынскім павеце, абсалютная большасць брэсцкай шляхты належала да каталіцкага веравызнання. У эканоме Яна Палькоўскага (38 г.) жонка (35 г.)

і сын (2 г.) былі праваслаўнымі. Праваслаўнай была сям'я ляснога наглядчыка Лукі Ількоўскага. Упраўляючы маёнткам Станіслаў Сабалеўскі меў жонку і чатырох дзяцей, якія былі праваслаўнымі. Тасама праваслаўнымі былі жонка і дзеці Адольфа Класкоўскага з Камянца. З ліку гаспадароў праваслаўным быў толькі вінакур Юзаф Татарэнка. Стражнік казённага лесу Стэфан Міцкевіч быў магаметанінам, а яго жонка Алена каталічкай. Паводле полавай структуры сярод гэтай шляхты налічвалася 176 асоб жанчыночага полу і 201 мужчынскага (табліца 5). Мужчын ва ўзросце ад 15 да 50 год было 100 чалавек. Такім чынам, пад арыштам знаходзілася 9% ад гэтай полова-узроставай групы.

Табліца 5. – Полава-ўзроставае структура засцяпковай шляхты Брэсцкага павета ў 1864 г. [4]

Узрост	Разам	Мужчыны	Жанчыны
Агульная лічбы			
0–4	52	27	25
5–9	50	24	26
10–14	29	14	15
15–19	38	19	19
20–29	50	23	27
30–39	66	31	35
40–49	42	27	15
50–59	29	21	8
60–69	14	9	5
70–79	6	5	1
80–	1	1	–
Разам	377	201	176

Статыстычныя звесткі, сабраныя ўладамі адносна дробнай засцяпковай шляхты, служылі падставай для далейшых урадавых рэпрэсій супраць дадзенай групы. Гэтыя рэпрэсіі на беларускіх землях у часе і пасля паўстання 1863–1864 гг., а таксама актывізацыя палітыкі «разбору» шляхты (пераводу яе прадстаўнікоў у падатныя станы) прывялі да вельмі істотнага скарачэння яе колькасці ў беларуска-літоўскіх губернях з 228,5 тыс. чалавек у 1863 г. да 121,7 тыс. у 1867 г. [5]. Перапіс насельніцтва 1897 г. зафіксаваў у пяці «паўночна-заходніх» губернях 241 029 дваран абодвух палоў, што складала 2,9% ад усяго насельніцтва [6]. Дробная засцяпковая шляхта ў той час ужо ўлічвалася у складзе мяшчанскага і сялянскага насельніцтва.

Заклучэнне

Статыстычныя даследаванні шляхецкага саслоўя, якія праводзіліся мясцовымі дзяржаўнымі ўладамі, несумненна, адыгралі істотную ролю ў рэалізацыі ўрадавай палітыкі адносна шляхты. У цэлым яны дастаткова поўна адлюстравалі колькасць шляхты і яе ўнутраную структуру. Нягледзячы на мноства недакладнасцей, сабраныя ўладамі статыстычныя дадзеныя ўяўляюць сабой выключна важную крыніцу для даследавання шляхецкага саслоўя.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Макарэвіч, В. С. Палітыка разбору імперскімі ўладамі маргінальных катэгорый шляхты Беларусі ў 30-я–80-я гг. XIX ст. / В. С. Макарэвіч // Славянскі свет: мінулае і сучаснае : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф. – Мінск, 2004. – Ч. 3. – С. 98–103; Макарэвіч, В. С. Перасяленне маргінальных катэгорый шляхты з Беларусі ва ўнутраныя і памежныя губерні Расіі ў 30–60-я гг. XIX ст. / В. С. Макарэвіч // Працы гістарычнага

факультэта БДУ. – Вып. 1. – Мінск, 2006. – С. 46–50; Макарэвіч, В. С. Эвалюцыя форм нацыянальнай ідэнтычнасці шляхты Беларусі ў XVI–XIX стст. / В. С. Макарэвіч // Беларус. гіст. часопіс. – 2007. – № 1. – С. 30–35; Макарэвіч, В. С. «Антыразбор» шляхты: падробкі дваранскіх дакументаў і нелегальныя наблітацыі ў Беларусі ў XIX ст. / В. С. Макарэвіч // АРСНЕ. – 2008. – № 11. – С. 221–236; Макарэвіч, В. С. «Панскі разбор шляхты»: абезземельванне чыншавікоў і чыншавая рэформа 1886 г. у Беларусі / В. С. Макарэвіч // Беларус. гіст. часопіс. – 2011. – № 4. – С. 3–14.

2. Радзюк, А. Знішчэнне шляхецкіх ваколіцаў на Гарадзеншчыне ў 1863–1864 гг. / А. Радзюк // АРСНЕ. – 2010. – № 12. – С. 151–174.

3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродне (НГАБГ). – Ф. 1. Воп. 22. Спр. 1373.

4. НГАБГ. – Ф. 1. Воп. 6. Спр. 425.

5. Корелин, А. П. Дворянство в пореформенной России: 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация / А. П. Корелин. – М., 1979. – С. 294–295.

6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / под ред. Н. Тройницкого. – СПб. : Издание центр. стат. ком-та М-ва внутр. дел, 1903. – Вып. XI: Гродненская губерния. – 319 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.01.2015

Tokts S.M. The Nobility of Brest and Kobrin Areas in Statistical Materials of Provincial Administration in the 1863–1864s

The article deals with statistical data on the nobility of Brest and Kobrin district, Grodno region in the 1863–1864s. These data were collected by the local state administration during the uprising, in which active nobles took part. These data allow us to determine the characteristics of the demographic structure of the nobility. They also allow us to determine the degree of participation of the local nobility in the revolt. Most nobles lived in small families. A small part of the nobility was absent in native houses during the test. On the basis of these sources we can not speak about the mass participation of the nobility of Brest and Kobrin areas in the uprising.

УДК 94(476)«19»:378:342.25

Н.С. Моторова

канд. ист. наук, доц. каф. всеобщей истории и мировой культуры
Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

**ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ
В ХОДАТАЙСТВАХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НАЧАЛА XX в.**

В статье проанализированы ходатайства городских дум Вильно, Витебска, Минска и Минского губернского земского собрания об открытии высшего учебного заведения на территории белорусско-литовских губерний, которые разрабатывались и направлялись на рассмотрение Министерства народного просвещения и правительства в 1901–1903, 1906–1908 и 1913–1914 гг. Охарактеризована степень участия органов местного самоуправления в финансировании этих инициатив, их взаимодействие с губернской администрацией и общественными организациями в этом направлении. Отмечено, что в своих ходатайствах городские думы и земства выступали с предложениями открыть классический университет либо любое другое специальное высшее учебное заведение (предпочтение отдавалось сельскохозяйственному институту). Выделены основные причины отрицательных решений правительства по вопросу об открытии университета на территории региона.

Введение

В начале XX в. органы местного самоуправления белорусско-литовских губерний активно обсуждали вопрос о возможности открытия в регионе высшего учебного заведения. Это была актуальная проблема, так как Виленский учебный округ, который охватывал территорию современных Беларуси и Литвы, был единственным на территории Российской империи округом без университета.

В отечественной историографии этот вопрос не получил всестороннего освещения, как и в целом роль органов местного самоуправления в развитии системы народного образования на территории белорусско-литовских губерний в пореформенный период. Исключения составляют работа В.И. Пичеты «Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым», а также монографии С.В. Снапковской «Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст.» и «Гісторыя адукацыі і педагагічнай думкі ў Беларусі (60-я гг. XIX – пачатак XX стст.». В этих исследованиях авторы уделили внимание описанию отдельных инициатив Витебской и Минской городских дум по открытию высшего учебного заведения на территории Беларуси.

Цель данной статьи состоит в целостном анализе и оценке ходатайств городских дум и земств, направленных на решение такой важной социальной проблемы, как открытие высшего учебного заведения на территории региона. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: рассмотреть постановления городских дум, принятые в 1901–1903 гг.; проанализировать ходатайства органов самоуправления, подготовленные в 1906–1908 гг.; охарактеризовать инициативы местных властей, выдвинутые в 1913–1914 гг.

Постановления городских дум, принятые в 1901–1903 гг.

В начале XX в. первым из всех административных центров белорусско-литовских губерний к рассмотрению вопроса об открытии высшего учебного заведения приступил Вильно. На заседании Городской думы 8 ноября 1901 г. семнадцать гласных выступили с соответствующим предложением. На этом основании Дума поручила Управе разработать проект высшего учебного заведения и внести предложения о размере материальной помощи со стороны города [1, с. 108–110, 112]. К 24 ноября 1901 г. поручение было выполнено. Виленская городская дума, заслушав доклад Управы, постанови-

ла ходатайствовать об открытии в Вильно политехнического института с сельскохозяйственным и лесным, механическим, химическим, строительным отделениями. Городские власти выразили готовность пожертвовать из своих средств на эти цели 300 000 руб. [1, с. 122, 129, 130]. Одновременно в Минске в 1901 г. Дума создала особую комиссию под председательством городского головы К.Э. Чапского для обсуждения вопроса о возможности учреждения в городе земледельческого института [2, л. 248], но ее работа не привела ни к каким конкретным результатам.

В 1903 г. со своими детально разработанными проектами открытия высшего учебного заведения выступили Минск и Витебск. На заседании 3 марта 1903 г. Минская городская дума, заслушав заявление гласного В.О. Янчевского, постановила ходатайствовать об открытии в городе университета, выразила готовность уступить участок земли для строительства зданий и предоставить субсидию в размере 500 000 руб. [3, л. 167]. В Витебске по инициативе гласного М.С. Пакшвера Дума обсудила аналогичный вопрос на заседании 27 августа 1903 г. и также постановила подать ходатайство об открытии университета. Городские власти решили безвозмездно предоставить участок земли в Билево-Сокольниках, а также обратиться к обществам и учреждениям губернии с призывом оказать содействие в реализации этого проекта [4, л. 644, 668]. После детального рассмотрения вопроса в Учебной и Финансовой комиссиях Витебская городская дума на заседании 10 декабря 1903 г. постановила выделить 600 000 руб. на открытие университета (но из-за отсутствия свободных средств эту сумму планировалось получить путем займа). Многие гласные из числа состоятельных горожан выразили готовность сделать пожертвования. Н.Ф. Кронберг предложил безвозмездно отвести из своих земель, прилегающих к третьей части города, 20 десятин для строительства зданий университета или учреждений, с ним связанных; П.Ф. Коссов для этих же целей отдавал 10 десятин. И.И. Гринберг, Е.Ф. Реблин, Ф.Е. Синяков были готовы пожертвовать по 500 руб. на эти цели, обещая при этом привлечь и других жертвователей из своего сословия [4, л. 1074, 1075].

Ходатайства органов самоуправления, подготовленные в 1906–1908 гг.

Первые ходатайства наиболее крупных губернских центров белорусско-литовских губерний об открытии высшего учебного заведения в регионе не принесли результатов. К обсуждению этого вопроса органы местного самоуправления вернулись в годы революции 1905–1907 гг., однако это было связано с внешними обстоятельствами. В связи с закрытием университета в Варшаве и планами правительства перевести его в один из городов Российской империи Витебская городская дума на заседании 7 декабря 1906 г. вновь обсудила вопрос об открытии высшего учебного заведения. В итоге было решено направить ходатайство в Министерство народного просвещения с подтверждением постановлений от 17 августа и 10 декабря 1903 г. о выделении средств и отводе участка земли для университета. Кроме того, на эти цели городские власти были готовы перевести капитал Гильзена Шадурского (198 000 руб.) [5, л. 99, 102].

К вопросу об открытии университета вернулась и Минская городская дума, которая обратилась за содействием к Губернскому комитету по делам земского хозяйства. Городские власти просили выделить 500 000 руб., причем городской голова С.М. Стефанович отметил, что управление по делам земского хозяйства должно быть не менее городского самоуправления заинтересовано в том, чтобы Минск превратился в образовательный центр для всего Северо-Западного края. Однако после голосования на заседании 3 января 1907 г. Губернский комитет отказался участвовать в реализации этого проекта [6, с. 1, 4–5]. В итоге в феврале 1907 г. Минская городская дума вынуждена бы-

ла принять к сведению это постановление Комитета и отказалась предпринимать дальнейшие шаги в этом направлении [7, л. 31, 31а, 50].

В Вильно в конце 1906 г. Городская дума постановила учредить Комиссию для повторного рассмотрения вопроса об открытии университета [8, с. 260, 263]. Работа Комиссии активизировалась в конце 1907 г. после введения в ее состав гласных С.Я. Кевлича, Ю.Ю. Янушевского, В.И. Батурина, О.Ф. Рука, А.И. Антоновича, Д.Ф. Рымкевича, В.И. Баньковского, М.М. Прозорова, А.В. Войнич, Б.Л. Перковского [9, с. 191, 195–197]. Кроме того, городские власти Вильно решили привлечь к участию в Комиссии представителей других городов белорусско-литовских губерний, чтобы таким образом упрочить свои позиции при представлении ходатайства правительству. Соответствующие приглашения от имени виленского городского головы были разосланы в 1908 г. городам Северо-Западного края. В ответ некоторые городские думы направили своих представителей для участия в работе Комиссии. Например, Двинск представляли гласные К.И. Ноишевский и А.В. Головкин [10, л. 141а]. Витебская городская дума сначала избрала в качестве депутата В.П. Федоровича, но затем на заседании 7 мая 1908 г. постановили отказаться от участия в работе Виленской комиссии и возобновить ходатайства об открытии университета в Витебске [5, л. 162–162об.].

Новый городской голова И.Ю. Сабин-Гус подготовил и направил специальную докладную записку в Министерство народного просвещения, в которой были подтверждены все прежние постановления Думы по этому поводу, а также были приведены новые доводы в пользу открытия высшего учебного заведения именно в Витебске. Автор записки подчеркивал: «Исходя из той мысли, что вновь открываемый университет должен быть прежде всего русским государственным университетом, что он, помимо подъема культуры страны, должен служить прочным оплотом русского начала против иноплеменного влияния, нельзя не признать, что Вильно в этом отношении является наименее удачным пунктом, что Виленский университет будет и польским, и литовским, только не русским. Почти то же самое можно сказать и о Минске. Занимая более центральное, чем Витебск, положение в Белоруссии, Минск, тем не менее, напоминает передовую позицию, наполовину уже занятую неприятелем. Целесообразнее всего укрепиться на еще совершенно уцелевшей позиции и оттуда повести наступление более сплоченными и организованными силами. Этим условиям более всего удовлетворяет Витебск, сохранивший наиболее чистоту Белоруссии, не поддавшийся ни полонизму, ни юдаизму, несмотря на высокий, как и во всех городах черты оседлости, процент еврейского городского населения» [5, л. 164–164об.]. Однако и это ходатайство не принесло городским властям желаемого результата. В итоге университет при поддержке премьер-министра П.А. Столыпина был открыт в 1909 г. в Саратове.

Инициативы местных властей, выдвинутые в 1913–1914 гг.

Новый попытка органов местного самоуправления ходатайствовать об открытии университета на территории белорусско-литовских губерний пришлась на 1913 г. и была связана с масштабным празднованием трехсотлетия царствования династии Романовых. На этот раз главные инициативы исходили от Минска. 8 февраля 1913 г. во время работы второго очередного Минского губернского земского собрания выступил минский городской голова С.Б. Хржонстовский. Он предложил в честь юбилея правящей династии ходатайствовать об открытии в губернском центре высшего сельскохозяйственного учебного заведения или политехнического института, полагая, что эту инициативу поддержат все уездные земства. Губернское земское собрание, обсудив это предложение, приняло резолюцию М.В. Ястржембского и учредило специальную Комиссию, поручив ей к следующей очередной сессии изучить вопрос об открытии в Минске высше-

го сельскохозяйственного института [11, с. 57, 68–70]. Комиссия была избрана на заседании 9 февраля 1913 г. В ее состав вошли В.А. Кандыгробов, И.М. Ивануха, Р.А. Скирмунт, М.В. Ястржембский, С.Б. Хржонстовский [11, с. 70–71].

Инициативу в этом вопросе проявляло не только Минское губернское земство, но и Западно-Русское общество. На заседании 17 февраля 1913 г. оно обсудило вопрос о необходимости открыть в Северо-Западном крае университет и сельскохозяйственный институт. Этот вопрос более подробно был рассмотрен на заседании Законодательно-административного отдела Общества 5 марта 1913 г. при участии представителей от Минска и Витебска. В ходе обсуждения отмечалось, что на территории Виленского учебного округа проживало 13 млн человек, функционировало 35 мужских гимназий и 14 реальных училищ, но не было своего высшего учебного заведения. Местные уроженцы, закончив средние учебные заведения, вынуждены были продолжать свое обучение в других регионах Российской империи и, как правило, получив высшее образование, не возвращались в свой край. С другой стороны, сюда приезжали доктора, агрономы, учителя из других регионов, мало знакомые с местными условиями, а потому «край живет займом чужих культурных сил» [12, с. 35–36]. После обсуждения в Законодательно-административном отделе этот вопрос поступил на заключение Совета Общества, который 20 марта 1913 г. созвал Особое совещание из русских членов Государственно-Совета и Государственной Думы от Западного края, членов Совета и Законодательно-административного отдела для разработки конкретных шагов для открытия университета и сельскохозяйственного института. В итоге была избрана специальная депутация, которая 4 июня 1913 г. была принята председателем Совета министров В.Н. Кокорцевым и главноуправляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным, а 7 июня 1913 г. – министром народного просвещения Л.А. Кассо. Все три министра отнеслись с сочувствием к проявленной инициативе. Для усиления своих позиций в этом вопросе Западно-Русское общество обратилось за моральной и материальной поддержкой к местным земствам [12, с. 36–38].

Органы земского самоуправления неоднозначно восприняли эту инициативу. Так, Мстиславское и Сенненское уездные земские собрания выразили свое сочувствие проекту открытия высших учебных заведений, но отказались выделить средства на его реализацию [12, с. 38–39; 13, с. 26]. Гомельское земство поддержало проект, но отметило, что университет нужно открыть в Витебске, Минске или Могилеве [14, с. 7–8]. Мозырское уездное земское собрание высказалось за открытие политехникума с агрономическим отделением в Минске [15, с. 20], Пинское – за открытие высшего агрономического института в Минске [16, с. 37, 41, 224]. Третье очередное Могилевское губернское земское собрание в постановлении от 18 декабря 1913 г. поддержало ходатайство Западно-Русского общества об открытии университета и сельскохозяйственного института в Северо-Западном крае, но указало, что наиболее подходящим пунктом для размещения последнего должны стать Горки [17, Отдел народного образования, с. 5–6].

Витебская дума к рассмотрению вопроса об открытии университета вернулась на заседании 6 марта 1913 г. в связи с заявлением гласного П.Ф. Коссова. Было решено поручить Училищной и Финансовой комиссиям совместно с Городской управой и гласными в течение недели подготовить докладную записку о необходимости открытия университета в Витебске, а после утверждения её текста избрать специальную комиссию для ходатайства в высших правительственных учреждениях [18, л. 231–231об.].

Уже 13 марта 1913 г. Витебская городская дума заслушала докладную записку, в которой отмечалось, что с ухудшением состояния городских финансов город может выделить незначительное денежное пособие казне в случае открытия университета. Однако городские власти выразили готовность безвозмездно предоставить для высшего

учебного заведения участок земли любых размеров в пригороде (например, в Билево). Кроме того, существовала возможность обложения торговых документов и земельной недвижимости в губернии дополнительным ежегодным сбором в пользу университета. В докладной записке отмечалась готовность частных лиц сделать пожертвования (правда, в незначительных размерах), а также предложение П.Ф. Коссова предоставить участок земли в размере 10 десятин в черте города. В этом документе подчеркивалась настоятельная необходимость открытия университета в Витебске, как «городе, сохранившем вполне русский облик, стоящем на рубеже края, где русское движение борется с инородческим влиянием». Авторы также предложили еще до отправления официальной депутации в Санкт-Петербург направить в Министерство народного просвещения городского голову В.Е. Литиевского и П.Ф. Коссова для поддержания ходатайства лично перед министром. Городская дума полностью одобрила эту инициативу, но поручила ходатайствовать об открытии высшего или среднего специального учебного заведения, если в открытии университета будет отказано [18, л. 251–252].

Несмотря на эти проекты, к началу 1914 г. инициатива оставалась в руках Минска. Во многом это было обусловлено тем, что здесь губернское земство и городское общественное управление действовали совместно. 25 января 1914 г. состоялось заседание третьего очередного Минского губернского земского собрания, на котором выступил председатель Комиссии по разработке вопроса об открытии в Минске высшего учебного заведения в честь трехсотлетия династии Романовых В.А. Кандыгробов. В своем докладе он отметил, что Минская городская дума уже высказалась за открытие высшего учебного заведения, постановила пожертвовать 28 десятин земли и принять материальное участие в расходах казны по строительству зданий института. На основании рекомендаций Комиссии Губернское земское собрание единогласно постановило ходатайствовать об открытии в Минске сельскохозяйственного института и выделить в случае положительного разрешения вопроса 100 000 руб.; уполномочить В.А. Кадыгробова и Б.Н. Самойленко поддерживать это ходатайство перед правительством и членами законодательных палат в Петербурге [19, с. 60–60а].

В целом накануне Первой мировой войны правительство склонялось к открытию высшего сельскохозяйственного учебного заведения в Минске. Ходатайство земства было сочувственно встречено в Главном управлении по землеустройству и земледелию, в Государственной думе и Государственном совете. Но начало военных действий помешало реализации этого проекта [20, л. 23об.].

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, все ходатайства органов местного самоуправления об открытии высшего учебного заведения на территории белорусско-литовских губерний начала XX в. можно условно разделить на три этапа: 1) 1901–1903 гг.; 2) 1906–1908 гг.; 3) 1913–1914 гг. На первом этапе инициатива в этом вопросе исходила от Виленской городской думы; на втором – органы городского самоуправления вернулись к обсуждению вопроса об открытии высшего учебного заведения в связи с закрытием университета в Варшаве и его возможным переводом в один из городов Российской империи. На третьем этапе вопрос открытия высшего учебного заведения был связан с празднованием трехсотлетия правления династии Романовых и стремлением приурочить открытие университета к этому торжественному событию. На этом этапе инициатива исходила от Минского губернского земства, а в обсуждение этого вопроса активно включились и другие земские учреждения.

Во-вторых, несмотря на активную позицию органов местного самоуправления, на поддержку со стороны общественности, выделение финансовых средств и других ресурсов, ни одно из ходатайств об открытии высшего учебного заведения так и не было удовлетворено. Наиболее благожелательно правительство отнеслось к проекту учреждения сельскохозяйственного института в Минске. Его поддержали в Главном управлении по землеустройству и земледелию, в Государственной думе и Государственном совете. Однако в связи с началом Первой мировой войны институт так и не был открыт.

В-третьих, можно выделить следующие причины, по которым на протяжении 1901–1914 гг. правительство отказывалось открывать высшее учебное заведение на территории белорусско-литовских губерний. С одной стороны, в официальных кругах были опасения, что открытие университета в регионе будет способствовать распространению оппозиционных настроений среди молодежи и сепаратизму на фоне нерешенного «польского вопроса» и преобладания евреев среди городского населения, по отношению к которым проводилась ограничительная политика. С другой стороны, при открытии нового высшего учебного заведения правительство стремилось переложить основную часть расходов на органы местного самоуправления, а городские власти Вильно, Витебска и Минска не располагали достаточными денежными средствами. Как видно из соответствующих постановлений и ходатайств, деньги, необходимые для открытия университета или института, они планировали получить путем займов или кредитов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Протоколы Виленской городской думы за второе полугодие 1901 г. – Вильно : Тип. М. Б. Жирмунского, 1901. – 195 с.
2. Постановления Думы (за второе полугодие 1899–1907 гг.) // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 24 (Минская городская дума). Оп. 1. Д. 3600.
3. Журналы и протоколы заседаний Думы (за 1903 г.) // НИАБ. – Ф. 24. Оп. 1. Д. 3606.
4. Доклады Управы Городской думе о благоустройстве города, аренде земель, оценке имущества, постройке и ремонте домов, отчеты Управы о доходах и расходах города за 1899–1902 гг. и сметы на 190–1904 гг., отчет Городского банка за 1902 г., списки гласных Городской думы и пр. // НИАБ. – Ф. 2496 (Витебская городская управа). Оп. 1. Д. 623.
5. Переписка с министром народного просвещения, учебными заведениями и общественными учреждениями об открытии в г. Витебске университета и изыскании средств на его содержание // НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 4330.
6. Сборник постановлений Минского губернского комитета по делам земского хозяйства за 1907 г. – Минск : Тип. В. и И. Тасьман, 1908. – 170 с.
7. Журналы и протоколы заседаний Думы (за 1907 г.) // НИАБ. – Ф. 24. Оп. 1. Д. 3629.
8. Журналы Виленской городской думы за второе полугодие 1906 г. – Вильно : Тип. Б. А. Клецкина, 1909. – 303 с.
9. Журналы Виленской городской думы за второе полугодие 1907 г. – Вильно : Тип. Б. А. Клецкина, 1911. – 210 с.
10. Постановления Двинской городской думы за 1908 г. // НИАБ. – Ф. 2508 (Витебское губернское по городским и земским делам присутствие). Оп. 1. Д. 3773.
11. Журналы второго очередного (Минского) губернского земского собрания. Сессия 1–11 февраля 1913 г. – Минск : Губ. тип., 1913. – 114 с.
12. Журналы и доклады Мстиславского уездного земства за 1913 г. – 562 с.

13. Журналы заседаний третьего очередного Сенненского уездного земского собрания. Сентябрьская сессия 1913 г. (24–27 сент.). – Сенно : Тип. И. Я. Хитрика, 1913. – 39 с.
14. Журналы Гомельского 3-го очередного уездного земского собрания, октябрь 1913 г. – Гомель : Тип. Л. Д. Захарина и И. Я. Марголина, 1913. – 126 с.
15. Журналы Мозырского уездного земского собрания третьей очередной сессии 1913 г. – Мозырь : Тип. С. Б. Козелла, 1913. – 50 с.
16. Журналы Пинского очередного уездного земского собрания 1913 г. 3 сессии (с 4 по 9 нояб. 1913 г.). – Пинск : Тип. Вилькович, 1914. – 436 с.
17. Доклады Могилевской губернской земской управы. Журналы заседаний четвертого чрезвычайного Могилевского губернского земского собрания / Четвертое чрезвычайное Могилевское губернское земское собрание (12–13 июня 1914 г.). – 180 с.
18. Доклады Управы Городской думе о расширении трамвайной линии и устройстве тротуаров, о заключении договора с акционерным обществом «Витебский трамвай» на устройство освещения, о возбуждении ходатайства об открытии университета и адресного стола в г. Витебске, о состоянии городской пожарной команды и расквартировании городских, план г. Витебска // НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 440.
19. Журналы третьего очередного Минского губернского земского собрания. Сессия 20–28 янв. 1914 г. – 143 с.
20. Материалы VIII чрезвычайного Минского губернского земского собрания 27 сент. 1916 г. // НИАБ. – Ф. 325 (Минская губернская земская управа). Оп. 1. Д. 943.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.01.2015

Motorova N.S. Projects of Opening the Higher Education Institution on the Territory of Belarus and Lithuania Provinces in Petitions of Local Governments of the early XXth Century

The article analyzes petitions of city councils of Vilna, Vitebsk, Minsk and Minsk provincial assembly of zemstvo on opening the higher education institution on the territory of Belarus and Lithuania provinces. These projects were worked out and sent to the Ministry of Public Education and the government in the 1901–1903s, 1906–1908s and 1913–1914s. The paper highlights the involvement of local governments in financing of these initiatives, their interaction with the provincial administration and public organizations in this direction. It is noted that in their petitions city councils and zemstvo made proposals to open a classical university or any other special institution of higher education (preference Agricultural Institute). The article characterizes the basic reasons for negative decisions of the government on the issue of opening a university in the region.

УДК 930(476):94:334.7:338.43(476) «18/19»

П.П. Бухавец

*магістр гіст. навук, аспірант 2 года дзённай формы навучання
каф. славянскай гісторыі і метадалогіі гістарычнай навукі
Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка*

СУЧАСНАЯ БЕЛАРУСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧЫХ ТАВАРЫСТВАЎ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

Артыкул прысвечаны разгляду сучаснай беларускай гістарыяграфіі стварэння і дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў у другой палове XIX – пачатку XX стст. Агляд прац беларускіх даследчыкаў сведчыць аб ускосным вывучэнні дадзенай праблемы ў айчынай гістарычнай навучы. Дасюль не існуе агульнапрызнанага азначэння тэрміна «сельскагаспадарчае таварыства», што спараджае тэрміналагічную блытаніну і ўключэнне ў іх шэраг камерцыйных аб'яднанняў. Пашырэнне крыніцавай базы ў апошняй чвэрці XX ст. дазволіла акрэсліць арганізацыйны склад, структуру, асноўныя накірункі дзейнасці найбольш буйных сельскагаспадарчых таварыстваў. Разам з тым маладаследаванымі застаюцца такія аспекты, як фактар дзяржаўнай палітыкі ў працэсе стварэння сельскагаспадарчых таварыстваў, узаемаадносін таварыстваў і вертыкалі ўлады, асабовы склад і асветніцкая дзейнасць.

Уводзіны

Апошнія дваццаць пяць гадоў вызначыліся павышэннем цікавасці да сацыяльна-эканамічнай, палітычнай і культурнай гісторыі Беларусі ў складзе Расійскай імперыі. Айчыныя даследчыкі звярнуліся да вывучэння, бадай, адзінай легальнай магчымасці аб'яднання дваранства беларускага краю ва ўмовах абмежавальнага заканадаўства – сельскагаспадарчых таварыстваў у 70-х гг. XIX – пачатку XX стст. Гэтыя грамадскія аб'яднанні з моманту заснавання хутка ператварыліся ў асяродкі распаўсюджвання перадавых на той час сельскагаспадарчых ведаў, сталі цэнтрамі грамадскага жыцця. Іх існаванне ў значнай ступені кампенсавала адсутнасць земстваў на Беларусі. Дзейнасць сельскагаспадарчых таварыстваў істотна садзейнічала працэсам гаспадарчай мадэрнізацыі шырокіх колаў насельніцтва.

Трэба падкрэсліць, што стварэнне і дзейнасць сельскагаспадарчых таварыстваў у другой палове XIX – пачатку XX стст. у беларускай савецкай гістарыяграфіі спецыяльна не вывучаліся [1, с. 16–19]. Даследчыкі гісторыі Беларусі парэформеннага часу зрэдку закраналі асобныя аспекты дзейнасці грамадскіх аб'яднанняў гэтага тыпу [2–4]. Сітуацыя пачала мяняцца ў другой палове 1980-х гг., калі з'явіліся першыя працы В.М. Бусько, які даследаваў эканамічныя погляды сяброў беларускіх сельскагаспадарчых таварыстваў [5; 6]. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца аналіз прац сучасных айчынных даследчыкаў, якія закранаюць праблему стварэння і дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў Беларусі ў парэформенны перыяд.

Адным з першых звярнуў увагу на дзейнасць сельскагаспадарчых таварыстваў В.П. Пічукоў. Аўтар ахарактарызаваў перыядычны друк сельскагаспадарчых таварыстваў Магілёўскай губерні. Ім быў адзначаны буржуазна-ліберальны характар выданняў, цэнтральнае месца ў якіх адводзілася аграрнаму пытання і яго вырашэнню [7, с. 46–47; 8, с. 86–87]. Шэраг артыкулаў, прысвечаных таварыствам, з'явіўся ў «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі». Больш разгорнутую іх характарыстыку даў М.В. Верабей у артыкуле, прысвечаным Віцебскаму таварыству сельскіх гаспадароў. Але дзейнасць таварыства

Навуковы кіраўнік – А.П. Жытко, доктар гістарычных навук, загадчык кафедры славянскай гісторыі і метадалогіі гістарычнай навукі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка

пасля 1903 г. фактычна не адлюстравана [9, с. 321]. Агульныя звесткі аб працы Гродзенскага таварыства сельскай гаспадаркі з 1900 па 1915 гг. былі пададзены В.В. Шведам [10, с. 122]. Мінскаму таварыству сельскай гаспадаркі прысвяціў артыкул З.В. Шыбека, які даў сціслую характарыстыку структуры і дзейнасці арганізацыі, яе асабовага складу. Канчатковая дата існавання таварыства – 1914 г. – паказана памылкова [11, с. 170]. Як вядома з успамінаў Эдварда Вайніловіча, актыўнага ўдзельніка і апошняга кіраўніка, грамадскае аб'яднанне спыніла сваё існаванне 1 мая 1921 г. [12, с. 331]. Магілёўскае і Віленскае таварыствы сельскай гаспадаркі ўвогуле не знайшлі свайго асвятлення.

Х.Ю. Бейлькін у межах даследавання кааператыўнага руху ў Беларусі разглядаў дробныя сельскагаспадарчыя таварыствы як адзін з тыпаў кааперацыі. Пры гэтым аўтар, не зважаючы на існаванне істотных адрозненняў, падкрэсліваў тоеснасць земляробчых гурткоў і дробных сельскагаспадарчых таварыстваў [13, с. 5, 44–45]. Пры стварэнні сельскагаспадарчых таварыстваў і гурткоў на тэрыторыі Віленскай і Гродзенскай губерняў існавалі даволі сур'ёзныя абмежаванні, якія мелі нацыянальна-канфесійны характар [13, с. 46]. Адзначаючы адсутнасць паўнаважнасці статыстыкі, Х.Ю. Бейлькін выказаў меркаванне аб існаванні перад Першай сусветнай вайной 200–250 сялянскіх гурткоў і таварыстваў [13, с. 47–48]. У адной са сваіх апошніх манаграфій даследчык выдзеліў асобны параграф, прысвечаны сельскагаспадарчым таварыствам. У ім былі разгледжаны праявы эканамічнай дзейнасці створаных пры сельскагаспадарчых таварыствах камерцыйных арганізацый. Пры гэтым статутная дзейнасць таварыстваў амаль цалкам засталася па-за ўвагай даследчыка [14, с. 127–131].

У кантэксце даследавання гісторыі грамадскіх аб'яднанняў і рухаў у Беларусі да праблемы стварэння і дзейнасці таварыстваў сельскай гаспадаркі звярталася М.А. Сакалова. Яна ўпершыню асвятліла нерэалізаваную спробу мінскага дваранства па стварэнні сельскагаспадарчага таварыства яшчэ ў 1859 г. [15, с. 40]. Губернскія сельскагаспадарчыя таварыствы ёй ахарактарызаваны перадусім як навуковыя аб'яднанні, якія былі створаны найбольш актыўнай і прагрэсіўнай часткай памесных дваран і чыноўнікаў [16, с. 30].

Н.Я. Новік у працы, прысвечанай гісторыі прафесійнай адукацыі ў Беларусі, з'явілася дзейнасць Магілёўскага таварыства сельскай гаспадаркі ў кантэксце стварэння і функцыянавання Зіноўеўскай практычнай школы садаводства [17, арк. 77]. Пазней, дзякуючы пашырэнню крыніцавай базы, даследчыца выявіла ўдзел сельскагаспадарчых таварыстваў у стварэнні і дзейнасці Азярніцкай пачатковай сельскагаспадарчай школы, Лужаснянскага і Варанецкага ніжэйшых сельскагаспадарчых вучылішчаў [18, с. 45–46].

Значны ўклад у вывучэнне гісторыі сельскагаспадарчых таварыстваў зрабіў В.Ф. Бацяеў. У артыкулах, прысвечаных грамадскім аб'яднанням Беларусі XIX – пачатку XX стст., ён упершыню ў беларускай гістарыяграфіі звярнуўся да разгляду прававога боку праблемы заснавання і дзейнасці таварыстваў [19, с. 93–94]. Аўтар упершыню параўнаў арганізацыйную структуру, склад і парадак фарміравання асноўных губернскіх сельскагаспадарчых таварыстваў. Ён указаў, што пашырэнне дзейнасці таварыстваў адбывалася праз стварэнне асобных секцый, камісій, аддзелаў, а таксама арганізацыі суполак (даследчык выкарыстоўвае менавіта гэта азначэнне для рускага «товарищество», такім чынам размяжоўваючы гэтыя аб'яднанні [20, с. 80–83]). Але такое размежаванне больш носіць тэрміналагічны, а не сутнасны характар. У «Часовых правілах аб таварыствах і саюзах» ад 4 сакавіка 1906 г. пад таварыствам разумелася «аб'яднанне некалькіх асоб, якія, не маючы задачай атрымання для сябе прыбытку ад выдзення якога-небудзь прадпрыемства, абралі прадметам сваёй сукупнай дзейнасці пэўную мэту» [21, с. 201]. Такім чынам, заканадаўцы адасобілі грамадскія аб'яднанні ад камерцыйных аб'яднанняў. Уключэнне камерцыйных арганізацый, якімі былі суполкі, у спіс грамадскіх аб'яднанняў з'яўляецца памылковым.

Навукова-асветніцкая дзейнасць таварыстваў характарызувалася правядзеннем статыстычных і аграрна-эканамічных даследаванняў, абмеркаваннем навуковых паведамленняў, арганізацыяй бібліятэк, сельскагаспадарчых школ, земляробчых гурткоў, курсаў, конкурсаў, экскурсій і выстаў [20, с. 83]. Пачатак XX ст. разглядаецца В.Ф. Бацяевым як перыяд актыўнага развіцця грамадскіх сельскагаспадарчых аб'яднанняў, які характарызаваўся стварэннем новых і разрастаннем арганізацыйнай структуры раней узніклых. Аўтар налічыў 212 сельскагаспадарчых аб'яднанняў, большасць з якіх была заснавана ва ўсходніх губернях Беларусі [22, с. 87–88]. Выданне манаграфіі В.Ф. Бацяева, прысвечанай развіццю беларускіх грамадскіх аб'яднанняў у XIX – 20-я гг. XX ст., з'яўляецца пэўным падсумаваннем яго папярэдніх даследаванняў у гэтым накірунку. Аўтар прапанаваў сваю класіфікацыю грамадскіх аб'яднанняў, у аснове якой ляжыць мэтавы крытэрыі. Згодна з імі, сельскагаспадарчыя таварыствы былі аднесены да катэгорыі гаспадарчых грамадскіх аб'яднанняў [23, с. 340].

Да пытання аб ролі сельскагаспадарчых таварыстваў у развіцці эканамічнай думкі края звярнуўся В.М. Бусько. Ён прыйшоў да высновы аб пераважна рэгіянальнай накіраванасці эканамічных даследаванняў сяброў Віцебскага таварыства сельскіх гаспадароў. Таварыства найбольшую ўвагу звяртала на пытанні агульнага стану сельскай і лясной гаспадаркі, ільняной прамысловасці, шляхоў зносін і знешніх эканамічных сувязяў [24, с. 201].

А.Л. Кіштымаў у сваім даследаванні прыйшоў да высновы, што выставачная дзейнасць сельскагаспадарчых таварыстваў была найбольш актыўнай сярод грамадскіх аб'яднанняў. Аўтар адзначыў актывізацыю губернскіх сельскагаспадарчых таварыстваў у гэтым напрамку з 80-х гг. XIX ст. Асабліва было выдзелена Мінскае таварыства, якое стала арганізатарам розных спецыялізаваных і ўніверсальных выстаў [25, с. 9–10].

Пэўныя аспекты дзейнасці таварыстваў закрануў А.П. Жытко. Даследчык прыйшоў да высновы, што менавіта дзякуючы сельскагаспадарчым таварыствам адбыўся пераход да практычнага ўкаранення найноўшых дасягненняў тагачаснай сельскагаспадарчай навукі [26, с. 141]. А.П. Жытко звярнуў увагу на нерэалізаваную ініцыятыву віцебскага дваранства па стварэнні сельскагаспадарчага таварыства ў 1862 г. [26, с. 204].

В.А. Шаршуноў зрабіў спробу разгледзець таварыствы сельскай гаспадаркі як навуковыя арганізацыі. Яго асноўную ўвагу прыцягнулі праявы выдавецкай дзейнасці сяброў найбольш буйных таварыстваў сельскай гаспадаркі краю. Акрамя навуковага накірунку, аўтар закрануў элементы камерцыйнай дзейнасці і стварэнне пад патранажам сяброў таварыстваў камерцыйных арганізацый. Разам з тым В.А. Шаршуноў паўтарае памылкі сваіх папярэднікаў, якія атаясамлівалі таварыствы і суполкі, зыходзячы толькі з іх агульнага падабенства назваў [27, с. 75].

Да пытанняў утварэння і дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў звярнуўся А.Ф. Смалянчук. Аўтар акцэнтуюе ўвагу на грамадскай і гаспадарчай значнасці таварыстваў, іх ролі ў супраціўленні русіфікацыйным і антыпольскім захадам. Ён першы ў беларускай гістарыяграфіі адзначыў першапачатковую мэту стварэння губернскіх сельскагаспадарчых таварыстваў як арганізацый па падтрымцы рускага землеўладання. Найбольш паспяховым аб'яднаннем, па меркаванні даследчыка, было Мінскае таварыства сельскай гаспадаркі, якое спрабавала гаспадарчай актыўнасцю кампенсаваць адсутнасць палітычных правоў [28, с. 92–93]. У.С. Пуцік звярнуўся да такога маладаследаванага аспекту, як удзел таварыстваў ва ўрадавых праграмах па абмеркаванні аграрнага заканадаўства і самакіравання ў канцы XIX – пачатку XX стст. [29, с. 5–6; 30, с. 57–59].

Першую спробу асэнсавання польскай гістарыяграфіі дзейнасці Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі зрабіў І. Мельнікаў. Даследчык прыйшоў да высновы аб даволі доўгім і глыбокім вывучэнні дзейнасці таварыства, якое пачалося яшчэ ў дарэвалюцыйны перыяд і працягваецца ў сучаснай Польшчы. Аднак пры гэтым аўтар абмінуў

перыяд 1939–1989 гг. [31, с. 108–115]. У некалькіх артыкулах І. Мельнікаў звяртаўся да вывучэння ініцыятыў і іх рэалізацыі па стварэнні камерцыйных арганізацый пры сельскагаспадарчых таварыствах у беларуска-літоўскіх губернях. Разгледзеўшы дзейнасць крэдытна-фінансавых і страхавых арганізацый, якія былі створаны Мінскім таварыствам сельскай гаспадаркі, аўтар прыйшоў да высновы аб тым, што апошнія ў значнай ступені спрыялі мадэрнізацыі эканомікі Беларуска-Літоўскага краю. Акрамя таго, яны дапамаглі захаваць пазіцыі памеснага дваранства ў рэгіёне ва ўмовах абмежавальнага заканадаўства [32, с. 69]. Акрамя ініцыятыў Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі, даследчыкам былі разгледжаны падобныя захаваны Віцебскага і Віленскага таварыстваў. Дзейнасць іншых губернскіх таварыстваў у гэтым накірунку засталася не даследавана [33, с. 68–69].

Выданне даведнікаў па Мінскай і Віцебскай губернях ў пэўным сэнсе з’яўляецца паказчыкам разумення статуса сельскагаспадарчых таварыстваў у сістэме грамадскіх аб’яднанняў. З 4 сельскагаспадарчых таварыстваў да грамадскіх аб’яднанняў укладальнікі аднеслі толькі Беларускае вольнае эканамічнае таварыства [34, с. 397–399]. Мінскае таварыства сельскай гаспадаркі і Мінскі адзел Расійскага таварыства садоўніцтва былі аднесены да гаспадарча-эканамічных устаноў і арганізацый [35, с. 225–228]. Туды ж аднеслі і Віцебскае таварыства сельскіх гаспадароў [34, с. 338–340].

Заклучэнне

Сучасная айчынная гістарыяграфія сельскагаспадарчых таварыстваў Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX стст., абапіраючыся на напрацоўкі савецкага перыяду, зрабіла пэўны крок наперад. Беларускія навукоўцы звярнуліся да даследавання стварэння і дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў. Пашырэнне крыніцавай базы дазволіла акрэсліць перыяд стварэння, арганізацыйны склад, структуру, асноўныя накірункі дзейнасці найбольш буйных сельскагаспадарчых таварыстваў. Аднак маладаследаванымі застаюцца дзяржаўная палітыка ў працэсе стварэння сельскагаспадарчых таварыстваў, узаемаадносіны таварыстваў і адміністрацыі, асабовы склад, асветніцкая дзейнасць. Дагэтуль не вызначаны змест самога тэрміна «сельскагаспадарчыя таварыствы», што спараджае тэрміналагічную блытаніну і ўключэнне ў іх шэраг камерцыйных аб’яднанняў. Гэта, у сваю чаргу, ставіць пад сумніў атрыманыя звесткі аб колькасці сельскагаспадарчых таварыстваў, прыводзіць да памылковых высноў аб іх дзейнасці. Сярод таварыстваў найбольш даследаваны стварэнне і дзейнасць Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі. Іншым губернскім, а яшчэ ў большай ступені павятовым і дробнараённым таварыствам надавалася значна менш увагі. Трэба падкрэсліць што даследчыкі разглядалі факты стварэння і дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў толькі ў кантэксце сваіх даследаванняў; за рэдкім выключэннем, яны не выкарыстоўвалі напрацоўкі сваіх папярэднікаў. Такім чынам, вызначэнне ролі і месца сельскагаспадарчых таварыстваў ў сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі ў парэформенны перыяд застаецца актуальным і патрабуе спецыяльнага асвятлення.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Батяев, В. Ф. Развитие белорусских общественных объединений в XIX – 20-е гг. XX в. Этнологическое исследование : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07 / В. Ф. Батяев ; ИИЭФ. – Минск, 2011. – 50 с.
2. Липинский, Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии. II половина XIX в. / Л. П. Липинский. – Минск : Наука и техника, 1971. – 256 с.
3. Самбук, С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / С. М. Самбук ; под ред. В. П. Панютяча. – Минск : Наука и техника, 1980. – 224 с.

4. Бейлькин, Х. Ю. Сельскохозяйственный рынок Белоруссии. 1861–1914 гг. / Х. Ю. Бейлькин ; под ред. М. О. Бича. – Минск : Наука и техника, 1989. – 288 с.
5. Бусько, В. М. Беларуска сельскагаспадарчыя таварыствы (канец XIX – пачатак XX ст.) / В. М. Бусько // Вес. АН БССР. Сер. грам. навук. – 1987. – № 1. – С. 39–46.
6. Бусько, В. Н. Экономическая мысль Белоруссии середины XIX – начала XX в. : очерки / В. Н. Бусько ; под ред. М. В. Научителя. – Минск : Наука и техника, 1990. – 144 с.
7. Пичуков, В. Сельскохозяйственная пресса Могилёвской губернии в конце XIX – начале XX вв. / В. Пичуков // Могилёвщина : сб. ст. / Могилёв. гос. пед. ин-т. ; сост. и отв. ред. В. А. Юшкевич. – Могилёв, 1991. – С. 46–47.
8. Пичуков, В. П. Малоизвестные издания сельскохозяйственных обществ Могилевской губернии / В. П. Пичуков // Чернобыль і духоўная спадчына беларускага народа : матэрыялы навук. чытанняў, Гомель, 25 крас. 1991 г. / М-ва народнай адукацыі БССР, Гомел. дзярж. ун-т ; пад рэд. У. І. Каваля. – Гомель, 1991. – С. 86–87.
9. Верабей, М. В. Віцебскае таварыства сельскіх гаспадароў / М. В. Верабей // Энцыкл. гісторыі Беларусі : у 6 т. – Т. 2. – Минск, 1994. – С. 321.
10. Швед, В. Гродзенскае таварыства сельскай гаспадаркі / В. Швед // Энцыкл. гісторыі Беларусі : у 6 т. – Т. 3. – Минск, 1996. – С. 122.
11. Шыбека, З. Мінскае таварыства сельскай гаспадаркі / З. Шыбека // Энцыкл. гісторыі Беларусі : у 6 т. – Т. 5. – Минск, 1999. – С. 170.
12. Woyniłłowicz, E. Wspomnienia 1847–1928, część pierwsza / E. Woyniłłowicz. – Wilno : Druk J. Zawadzkiego, 1931. – 368 s.
13. Бейлькин, Х. Ю. Кооперативное движение в Беларуси (эпоха капитализма) / Х. Ю. Бейлькин. – Гомель : ГКИ, 1998. – 79 с.
14. Бейлькин, Х. Ю. Капиталистическая трансформация сельского хозяйства Беларуси в начале XX в. (1901–1914 гг.) / Х. Ю. Бейлькин. – Гомель : ЦИИР, 2006. – 296 с.
15. Соколова, М. А. Общественные объединения и движения в Беларуси в конце XVIII – начале XX в.: проблемы становления гражданского общества / М. А. Соколова ; НАН Беларуси, Ин-т ист. – Минск, 2002. – 134 с.
16. Сакалова, М. Легальныя грамадскія арганізацыі Беларусі ў 70–90-я гг. XIX ст. / М. Сакалова // Беларус. гіст. часоп. – 1999. – № 3. – С. 29–32.
17. Новик, Н. Е. Профессиональное образование в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. Е. Новик. – Минск, 1998. – 129 л.
18. Новік, Н. Я. Сельскагаспадарчая адукацыя як фактар аграрнай мадэрнізацыі Беларусі ў XIX – пачатку XX ст. / Н. Я. Новік // Беларус. гіст. часоп. – 2009. – № 10. – С. 43–48.
19. Бацяеў, В. Ф. Грамадскія аб’яднанні беларусаў: станаўленне і развіццё / В. Ф. Бацяеў // Вес. НАН Беларусі. Сер. гум. навук. – 1999. – № 4. – С. 92–97.
20. Бацяеў, В. Ф. Грамадскія сельскагаспадарчыя аб’яднанні беларусаў у XIX ст. / В. Ф. Бацяеў // Вес. НАН Беларусі. Сер. гум. навук. – 2000. – № 2. – С. 79–84.
21. О временных правилах об обществах и союзах // Полн. собр. законов Рос. империи. – 3-е собр. – отд. I. – Т. 26. – № 27479.
22. Бацяеў, В. Ф. Развіццё грамадскіх сельскагаспадарчых аб’яднанняў беларусаў ў пачатку XX ст. / В. Ф. Бацяеў // Вес. НАН Беларусі. Сер. гум. навук. – 2000. – № 4. – С. 87–92.
23. Батяев, В. Ф. Развитие белорусских общественных объединений в XIX – 20-е годы XX века. Этнологическое исследование / В. Ф. Батяев ; под науч. ред. А. И. Локотко. – Минск : Право и экономика, 2007. – 381 с.
24. Бусько, В. Н. Витебское общество сельских хозяев и его роль в развитии экономической мысли края / В. Н. Бусько // Беларусь и Европа: взаимодействие культур (история, уроки, опыт, современность) : материалы междунар. науч.-практ. конф., Ви-

тебск, 30 нояб. – 1 дек. 2000 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: В.А. Космач [и др.]. – Витебск, 2000. – С. 195–202.

25. Киштымів, А. Л. Беларусь на выставках XIX – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Л. Киштымів ; Ин-т ист. НАН Беларуси. – Минск, 2001. – 22 с.

26. Жытко, А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861–1914 / А. П. Жытко ; пад рэд. В. М. Фаміна. – Мінск : БДПУ, 2003. – 233 с.

27. Шаршунов, В. А. Деятельность научных обществ и губернских комитетов по развитию сельского хозяйства в дореволюционной Беларуси / В. А. Шаршунов // Изв. НАН Беларуси. Сер. агр. наук. – 2003. – № 4. – С. 72–77.

28. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 гг. / А. Ф. Смалянчук. – 2-е выд., дап. – СПб. : Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.

29. Пуцік, У. С. Таварыствы сельскай гаспадаркі Паўночна-Заходняга краю ў канцы XIX – пачатку XX ст. (агляд матэрыялаў пасяджэнняў) / У. С. Пуцік // Весн. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2005. – № 4. – С. 3–8.

30. Гісторыя Беларусі перыяду капіталізму : у 5 ч. / рэдкал.: А. П. Жытко (агул. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. дзярж. пед. ун-т, 2005–2011. – Ч. 1. Урадавая сацыяльная палітыка ў аграрным сектары эканомікі / А. П. Жытко [і інш.]. – 2005. – 138 с.

31. Мельнікаў, І. Польская гістарыяграфія дзейнасці Мінскага сельскагаспадарчага таварыства / І. Мельнікаў // Знакамітыя мінчане : матэрыялы бел.-пол. навук. канф., Мінск, 9 ліст. 2004 г. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: А. Вялікі [і інш.]. – Мінск ; Вроцлаў, 2005. – С. 108–115.

32. Мельнікаў, І. Да пытання страхавой і крэдытна-фінансавай дзейнасці / І. Мельнікаў // Банк. весн. – 2011. – № 16. – С. 67–69.

33. Мельнікаў, І. Па старонках гісторыі дваранскіх крэдытна-фінансавых арганізацый / І. Мельнікаў // Банк. весн. – 2011. – № 31. – С. 68–69.

34. Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802–1917) / Департамент по архивам и делопроизводству Мин-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. ист. архив Беларуси ; сост.: Т. Е. Леонтьева [и др.] ; редкол.: А. К. Голубович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2009. – 524 с.

35. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793–1917) / Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Респ. Беларусь ; сост. Т. Е. Леонтьева ; редкол.: В. И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2006. – 392 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.05.1014

Buchaviec P.P. Modern Belarusian Historiography of Agricultural Societies of Belarus in the Second Half of XIX – the Beginning of the XX centuries

The article is devoted to consideration by modern Belarusian historiography of creation and activity of agricultural associations in the second half of the XIX – the beginnings of the XX centuries. The analysis of Belarusian researchers' works testifies to indirect studying of this problem in our historical science. Now there is no conventional definition of «agricultural association» that generates terminological confusion and inclusion in their number of commercial associations. The expansion of source base in the last quarter of the century allowed to outline organizational membership, structure, the main activities of the largest agricultural associations. At the same time, such aspects as the factor of state politics in the process of creation of agricultural associations, the relationship of associations and power vertical, specific construction and educational activity remain underexamined.

УДК 303.446.4: 94(976)

И.И. Вавренюк¹, А.С. Войтещик²

¹соискатель каф. истории славянских народов

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина,
преподаватель каф. истории славянских народов

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина,

²канд. ист. наук, зам. декана факультета истории, коммуникаций и туризма
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

В статье определены основные периоды и направления в изучении культурного развития еврейского народа Западной Беларуси (1921–1939 гг.) в отечественной и зарубежной историографии, рассмотрены особенности различных историографических позиций, проанализирована наиболее характерная тематика, определены основные противоречия между существующими оценками и позициями в отечественной и зарубежной историографии, выявлены малоисследованные и перспективные для изучения проблемы. Несмотря на значимый интерес к истории развития культуры еврейского народа Западной Беларуси (1921–1939 гг.), необходимо отметить отсутствие специального комплексного исследования по данной теме в отечественной и зарубежной исторической науке. Достаточно разнообразная и репрезентативная историографическая база по теме при системном подходе и использовании соответствующих методов исследования позволяет вести научный поиск и решать поставленные задачи.

Введение

Евреи – народ Торы, который пронёс сквозь все испытания верность своему духовному идеалу и поэтому сохранил национальные особенности вопреки всем гонениям и преследованиям. Еврейский народ обладал значительной духовной культурой, которая передавалась из поколения в поколение. Актуальность исследований еврейской культуры обусловлена многовековым опытом развития, который прошел еврейский народ в Беларуси, внося огромный вклад в общенациональную культуру страны. История и культура евреев Беларуси XX в. сегодня интересует многих ученых, однако проблема культурного развития еврейского народа Западной Беларуси в 1921–1939 гг. не получила широкого освещения в отечественной и зарубежной историографии.

Историография 1920–30-х гг.

Первый этап в развитии историографии по рассматриваемой проблеме совпадает с периодом вхождения Западной Беларуси в состав Польши (1921–1939 гг.). Вопросы культурной жизни еврейского населения тесно переплетались в отечественной и зарубежной историографии с национальными и общеполитическими вопросами.

Политику колонизации Польское государство определило ещё в 1919 г., а впоследствии и проводило её, ущемляя права и интересы непольского населения. Польская конституция 1921 г. официально гарантировала полную свободу всем гражданам государства без различия национальности и вероисповедания. Однако в реальности отношение к ним со стороны властей было отнюдь не одинаковым. Одни представители национальных меньшинств (евреи, немцы, литовцы) ими признавались – другие, к примеру, украинцы, назывались русинами, при выдаче же документов белорусам графа «национальность» вообще не заполнялась [1].

Население Западной Беларуси отличалось полиэтническим составом, в котором значительную долю составляли евреи. Характеристика национально-демографических процессов на территории региона в 1921–1939 гг. показывает, что:

1) размещение еврейского населения сохранило традиционные черты расселения евреев времён «черты оседлости»;

2) наблюдалась урбанизация еврейского населения, обусловленная историческими, политическими и экономическими факторами;

3) в миграционных процессах доминировала эмиграция (в Палестину, Аргентину, США, Канаду и др.).

Первые попытки дать оценку еврейскому вопросу в истории Польши 1921–1939 гг. были сделаны польскими исследователями: В. Студницкий [2], И. Схипер [3] попытались в своих работах определить роль евреев в экономическом, политическом и культурном развитии Польши в 1921–1939 гг.

В 1925 г. в Вильно была основана Идишская научная организация – международная еврейская организация, проводившая исследования языка идиш, литературы и фольклора на идише, а также еврейской истории и культуры. В этой организации существовал отдел истории под руководством И. Чериковера, который специализировался на изучении истории евреев. В годы Второй мировой войны организация продолжила работу в США, а в последующем – в США и Израиле.

Периодическая печать, издаваемая в Польше, играла значимую роль в жизни еврейской общественности. Огромное количество газет, бюллетеней, журналов, издававшихся евреями в 1921–1939 гг., свидетельствовало о том, что, с одной стороны, периодика была важным источником информации, с другой стороны, являлась «трибуной мысли» для журналистов, исследователей, писателей, политиков, экономистов, государственных органов и местной администрации. На страницах «Echo Żydowskie» («Еврейское эхо»), «Głos Żydowski» («Еврейский голос»), «Miesięcznik Żydowski» («Еврейский ежемесячник»), «Polsko-Żydowski Tygodnik Kresów Wshodnich» («Польско-еврейский еженедельник восточных окраин»), «Gmina Żydowska» («Еврейская гмина») и др. нашли своё отражение не только новости и актуальные проблемы общественно-политической жизни, но и основные события культурной деятельности еврейского общества (новинки театра и кино, мода, влияние западноевропейских тенденций на живопись и музыку, оценки еврейских искусствоведов и др.). Статьи Х.-Н. Бялика [4], Ю. Вольфонга [5], Н. Вейнинга [6], Т. Кляфтеневой [7] знакомили читателя с новаторскими тенденциями еврейской музыкальной жизни, новинками еврейской поэзии и прозы, с проблемами начального и среднего образования в 20–30-е гг. XX в. Жизни и творчеству известного еврейского философа Хафец Хаима (Израиль Меир га-Когена) был посвящен материал М. Роснера. Имя этого великого талмудиста навсегда прославило местечко Радунь, где он создал свои галахические работы и занимался просветительской деятельностью [8]. Для евреев Западной Беларуси пресса была единственным источником сведений об общемировых тенденциях культурной жизни. Роль, которую выполняла пресса в жизни еврейского общества, попытались проанализировать в своих работах А. Пачковски [9] и И. Шайн [10].

На страницах варшавского научно-популярного журнала «Architektura i budownictwo» («Архитектура и строительство») был опубликован ряд статей, отражавших политику польского правительства в деле реконструкции памятников архитектуры и искусства. Научно-исследовательские учреждения: Центральное управление инвентаризации памятников архитектуры в Варшаве (Centralne Biuro Inwentaryzacji Zabytków), отдел архитектуры Варшавского технологического университета (Zakład Architektury Polskiej Politechniki Warszawskiej) под руководством профессора О. Сосновского – с 1921 г. начали проводить инвентаризацию и реконструкцию памятников еврейского культового зодчества XVIII–XIX вв. Инвентаризацию и архитектурное описание 30 еврейских деревянных синагог Гродненско-Белостокской группы провел историк, искусствовед Шимон Зайчик. Им была создана уникальная коллекция фотографий этих синагог и их

проектов. Его статьи в журнале «Архитектура и искусство» познакомили читателей с историей строительства синагог в городах и местечках Белостокского воеводства: Озера, Волпа, Сидра, Пески, Крынки, Одельск [11–14].

Традиции изучения истории евреев на территории Беларуси были заложены в стенах Института белорусской культуры – предшественника Академии наук. В уставе Ин-белкульта было записано положение о том, что для исследования еврейского языка, литературы, истории и археологии учреждается еврейский отдел. В 1925 г. был создан еврейский сектор, самый большой по составу и разнообразию тематики. К 1929 г. еврейский сектор имел в своём составе 5 комиссий: лингвистическую, терминологическую, комиссии по изучению истории еврейской литературы, еврейского фольклора и еврейского наследия. Они занимались сбором материалов и исследованиями, тематика которых была разнообразной, но носила ярко выраженную идеологическую направленность. После ликвидации в 1936 г. Института исследования были свёрнуты, а большинство сотрудников репрессированы.

Историография 1940–80-х гг.

Культурная жизнь евреев Западной Беларуси 1921–1939 гг. долгое время не была объектом отдельных исследований. Для изучения истории евреев Польши в 1944 г. в Варшаве была основана Центральная еврейская историческая комиссия, которая специализировалась на истории Холокоста. Но в 1947 г. работа этой комиссии была прекращена. Отдельной вехой в историографии стало основание Еврейского исторического института (1947 г.), ставшего правопреемником Центральной еврейской исторической комиссии, который занялся исследованием истории и культуры евреев Польши.

В польской историографии 1940–80-х гг. превалировала общественно-политическая и социально-экономическая тематика. Исследованием еврейской культуры занимались Р. Бенкин [15], Е. Мендельсон [16], Г. Рабинович [17], Я. Томашевский [18] и др., но в общем контексте вопросов социально-экономической и политической истории Польши в 20–30 гг. XX в. Недоступность архивных источников зачастую была преградой для исследователей провести более глубокое и детальное рассмотрение проблемы. В работах нередко наблюдались элементы идеализации уровня развития еврейской культуры, которую в межвоенном Польском государстве авторы называли «Второй Гаскалой» («Вторым Возрождением»).

Анализируя культурные процессы в 1921–1939 гг., О. Голберт-Мулькевич отмечала, что значительным центром еврейской науки, искусства и этнографии Польши в 1920–30-е гг. был город Вильно. Исследовательница высоко оценила работу крупнейшего в Польше Виленского Еврейского научного института этнографии и фольклора. Богатейший архив этого учреждения являлся важной и порой единственной источниковой базой для исследования традиционной еврейской культуры [19].

Архитектура синагог стала предметом исследования супругов Казимира и Марии Пехотков. Авторы отмечали, что после Первой мировой войны закончился период строительства больших синагог на территории северо-восточных воеводств Польши. Исследователи правильно указали, что строительство деревянных синагог было характерно для местечек и малых городов, а каменных – для крупных городов Западной Беларуси. Большинство деревянных синагог было уничтожено во времена Второй мировой войны. Так, например, из 80 деревянных синагог на территории Белостокского воеводства к 1950-м гг. сохранилось только 10 [20, с. 163].

Вопросам еврейского образования 1921–1939 гг. посвящена монография М. Эйзенштейна, которая является одной из первых работ о развитии еврейского образования в Польше [21].

Польский исследователь А. Херц в монографии «Евреи в польской культуре» не только охарактеризовал особенности традиционной еврейской культуры, но и дал обстоятельные ответы на многие спорные вопросы: кто такой «еврей», этнические черты менталитета и характера еврея, чем и почему евреи отличаются от других национальностей и др. [22].

Современная историография (1990-е гг. – нач. XXI в.)

Кардинальные изменения 1990-х гг. позволили реализовать интерес к исследованиям истории Беларуси. На современном этапе развития белорусской исторической науки учёные стали фундаментально заниматься вопросами культурного развития евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.). Появились отдельные монографии, издания энциклопедического характера, диссертации, увеличилось количество научных статей, стали проводиться конференции, посвященные еврейской проблематике XX века.

Первой работой постсоветского периода, посвящённой истории евреев на территории Беларуси, стала научно-популярная работа Э.Г. Иоффе «Страницы истории евреев Беларуси (XIV–XX вв.)», где автор даёт общую характеристику культуры евреев Западной Беларуси [23].

Системно вопросы культурного развития евреев Западной Беларуси через призму национально-культурной жизни региона стали рассматриваться в работах и докторской диссертации А.Н. Вабищевича [24]. Учёный детально изучил различные формы культурного развития евреев, отметил позитивные и негативные тенденции в культуре евреев, которые на территории Польского государства проживали на положении национального меньшинства. Автором были подробно рассмотрены типы учебных заведений, культурно-просветительские организации, деятельность театров, библиотек. А.Н. Вабищевич выделил начальные школы и иешивы как формы еврейских религиозных учебных заведений, показал, как полонизация влияла на учебный процесс. Автором были названы следующие типы иудейских начальных школ: «Талмуд Торы», хедеры, «Хорев», «Ябне», «Бет-Яков», «Тахкемоны». Подробно в исследовании рассматривается процесс обучения в сети товарищества «Тарбут», которая была уникальным явлением для еврейской общности. Отмечено, что, несмотря на увеличение количества учреждений образования евреев, активную работу организаций по организации досуга, повседневная жизнь евреев была традиционной. Особенно это наблюдалось в жизни ортодоксальных местечек (штетлов), где продолжал сохраняться традиционный уклад жизни. Факторами, препятствующими развитию культуры евреев, были политика полонизации, антисемитизм и экономические проблемы. Несмотря на это, в еврейской среде набирали обороты процессы национально-культурного возрождения, а идиш признавался фундаментом еврейской сущности. Отдельные аспекты деятельности евреев рассмотрены автором в работах по истории еврейского культурно-просветительского движения [25]. Исследователь утверждает, что оно было организованным, разнообразным и политизированным. Таким образом, А.Н. Вабищевич в своих исследованиях всесторонне и полно охарактеризовал культуру евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.).

Ряд вопросов культурного развития евреев Западной Беларуси 1921–1939 гг. затрагивался в кандидатских диссертациях А. Мощука [26], П. Стецкевича [27], Е. Пашкович [28], А. Войтешик [29]. В диссертационном исследовании А. Мощука «Деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг.» культура евреев рассмотрена в свете политической обстановки. В работе подчёркивается значимость Бунда в политической жизни западнобелорусских территорий и политической активности еврейского населения четырёх западнобелорусских воеводств Польского государства (около 9% от общего числа жителей). Автор рассматривает антисемитизм в межэтнических отношениях региона и роль Бунда в борьбе с этим явлением. В пункте 2 главы 4

«Деятельность бундовских образовательных и культурно-просветительских организаций на территории Западной Беларуси» автор изложил систему деятельности бундовских организаций в области культуры. А. Мошук выделил два периода в культурно-просветительской работе сионистов: 1) в 1920-е гг. она носила аполитичный характер; 2) в 1930-е гг. она приобрела открыто сионистский политический характер. Автор отмечает, что большинство еврейских политических организаций взяли курс на создание в Польском государстве еврейской национально-культурной автономии. Разногласия возникали по языковому вопросу: идиш, иврит или польский язык. Наиболее детально А. Мошук рассматривает деятельность «Тарбута», ЦИШО (Центральная Еврейская /Идиш/ Школьная организация), ОЕШ (Объединение еврейских школ) и приводит статистические данные по размещению сети учреждений образования на территории Западной Беларуси, указывая специфику их деятельности. Среди молодёжных организаций, которые поддерживал Бунд, учёный выделил «Цукунфт» («Будущее») и «Скиф», которые фактически вербовали еврейскую молодёжь в ряды партии. Ведущим элементом системы культурно-просветительских организаций Бунда А. Мошук называет «Культур-Лигу», которая пропагандировала идеи необходимости переустройства существующего общественного строя в духе так называемой «пролетарской культуры» [26].

В диссертационном исследовании П. Стецкевича «Деятельность еврейских политических партий и организаций на территории Западной Беларуси (1918–1926 гг.)» особое внимание уделено активности еврейских политических партий в 1922–1926 гг., связанное с организацией на территории Западной Беларуси выборов 1922 г. в польский сейм и сенат. Автор утверждает, что деятельность еврейских политических партий в 1923 – мае 1926 гг. проходила в условиях нарастающего в польском обществе антисемитизма и обострения отношений с властями. Сеть еврейских школ и культурно-просветительских организаций еврейские политические партии использовали как агитационную трибуну. В 1926 г. прошла окружная конференция ортодоксов, созванная по инициативе «Союза Израиля». Её главной темой стал вопрос об иудейских религиозных школах. В результате дебатов было принято решение о необходимости существования как иудейских религиозных школ, так и учебных учреждений товарищества «Тарбут» и ЦИШО. Под влиянием «Союза Израиля» в Западной Беларуси находились такие учреждения, как школьная организация «Бейс-Яков», Союз ортодоксальных женщин, Организация ортодоксальной молодёжи и др. Деятельность партии носила узконаправленный религиозно-ортодоксальный характер. Наибольшим влиянием среди сионистских партий пользовалась «Сионистская организация в Польше», которая проводила работу в духе культурного и политического сионизма. Под её влиянием находились товарищество «Тарбут», Товарищество воспитания детей «Капля молока», вечерние курсы имени Винчевского, Военно-спортивное товарищество «Югенд», Товарищество «Пионер», Товарищество собирания Палестинского фонда и др. [27].

В диссертационном исследовании «Местечки Западной Беларуси (1921–1939 гг.): социально-экономическое и культурное развитие» А.С. Войтещик на основе множества источников даёт характеристику жизни местечек Западной Беларуси, которые зачастую представляли собой штетлы (ортодоксальные еврейские местечки). Глава 4 «Социально-культурные процессы в местечках Западной Беларуси» раскрывает сущность организации культурной жизни местечек. Автор отмечает, что главную роль в сохранении традиционных и формировании новых ценностей, играли основные культурные очаги, вокруг которых развивалась духовная жизнь населения. Такими центрами в местечках были школа, театр, кино, культурно-просветительские кружки и товарищества, административные учреждения, центры массового отдыха населения. А.С. Войтещик отмечает заинтересованность польских властей в существовании этих культурных центров: они содействовали быстрому распространению польской культуры в местечках, так как ду-

ховная жизнь провинции в 1921–1939 гг. оставалась традиционной и замкнутой. Культурное пространство местечка представляло, по мнению автора, сочетание и взаимодействие культурных новаций и традиций. А.С. Войтещик, рассматривая вопросы образования в еврейской среде, делает выводы о модернизации традиционной системы еврейского образования в 1920–1930-е гг., так как наблюдался процесс секуляризации еврейского образования (посещение детьми одновременно и иудейских, и государственных польских школ; появление т.н. «шабатовки» – государственных школ для еврейских детей; расширение сети двухязычных школ и др.). Театральная жизнь была представлена любительскими, профессиональными, передвижными, антрепризными театрами. Наибольшей активностью в 1932–1939 гг. отличался Виленский еврейский театр «Unzer teatr». Город Вильно А.С. Войтещик по праву называет культурным центром западнобелорусских земель. Примечательно, что в диссертационном исследовании значительное место уделяется материальной культуре евреев, например, архитектуре. Характерными особенностями еврейских жилых домов, указывает автор, было наличие отверстия в крыше, необходимого для проведения религиозного праздника Суккот. Дома евреев по сравнению с домами христиан имели более вытянутую форму, несколько входов, обязательным было наличие балкона или галереи (наземных или приподнятых на цоколе) [29].

В диссертационном исследовании Е.И. Пашкович «Деятельность благотворительных организаций на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг.» дана характеристика еврейской благотворительности. Автор отмечает, что традиционно благотворительностью занимались еврейские религиозные общины и товарищества, цели которых соответствовали одному из иудейских религиозных постулатов. Активизация еврейской благотворительности была обусловлена не только религиозным фактором, но и общественной ситуацией, ухудшением экономического положения. Так в Польше возникли благотворительные организации, деятельность которых не была напрямую связана с религиозной традицией. Наиболее значительными были «Товарищество охраны здоровья еврейского населения в Польше» (ТОЗ) и «Общество здравоохранения евреев» (ОЗЕ), в задачу которых входило распространение знаний по медицине и гигиене с целью физического возрождения евреев как обязательного элемента национального и культурного развития народа. ТОЗ проводило широкую просветительскую работу по улучшению санитарно-гигиенической ситуации через распространение среди населения элементарных знаний по гигиене и медицине [28].

В последние десятилетия появились работы по истории культурного развития Западной Беларуси в 1921–1939 гг., где частично представлен материал по истории еврейской культуры. Например, Н. Царюк, анализируя театральную жизнь Западной Беларуси в 1921–1939 гг. и ссылаясь на архивные источники, особо отмечает активность еврейской общественности. На основе статистических данных автор отмечает, что в количественном отношении на территории Западной Беларуси еврейские театры уступали только польским. Различные общественные организации имели театральные кружки, но существовали и собственно театры: профессиональные и любительские, стационарные и передвижные, театры марионеток. В работе автор также анализирует политику Польского государства по отношению к национальным театрам [30].

Работы краеведческого характера рассматривают историю евреев определённого региона. Среди первых необходимо назвать исследование Е.С. Розенבלата «Жизнь и судьба брестской еврейской общины XIV–XX вв.» [31]. Заслуживает особого внимания работа О.А. Соболевской и В. Гончарова «Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы», где авторы детально рассматривают культуру евреев в период 1921–1939 гг., отмечая такие её черты, как традиционность, сионизм, билингвизм (иногда – полилингвизм), модернизацию. В работе рассматривается деятельность еврейских учебных учре-

ждений Гродно: «Талмуд Тора I» и «Талмуд Тора II». Исследование изобилует статистическими данными, яркими примерами из повседневной жизни общины [32]. Культурное развитие воложинской еврейской общины рассматривается в статье В. Горбачевского «Жизнь и гибель еврейской общины в Воложине» [33], где автор отмечает традиционализм жизни ортодоксальной общины Воложина до 1939 г. Работа С. Пивоварчика «Гродненские евреи: хронология событий» представляет собой описание основных вех развития еврейской общины [34]. В книге И. Романовой и И. Маховской «Мир: история местечка, что рассказали его жители» изложена повседневная жизнь местечка Мир, большинство жителей которого составляли евреи [35].

Особого внимания заслуживают книги «Память», иллюстрирующие культурную жизнь различных регионов белорусских земель. Например, в историко-документальной хронике «Память. Брест» культурному развитию еврейского населения в межвоенный период посвящена статья А. Суворова, где автор подробно рассматривает формы культурной деятельности еврейских организаций и товариществ, приводит много примеров [36, с. 240–241]. В другой статье А. Суворов в соавторстве с А. Никоновым изучил работу культурно-просветительских еврейских организаций региона [37, с. 65–69].

Структура системы образования евреев на западнобелорусских землях Польского государства, а также типология и периодизация национально-культурной жизни евреев рассмотрены в работах А.Н. Вабищевича [38–40]. Вопросы книгоиздания и печати, деятельность сионистских организаций поднимались в исследованиях О.В. Кореневской [41] и О. Щукой [42]. Попытки по-новому рассмотреть проблемы периодики Западной Беларуси в 1921–1939 гг. предприняты в статьях О.В. Кореневской «Из истории развития периодической печати в межвоенной Западной Белоруссии», «Условия развития белорусской прессы в межвоенной Польше», «Палітыка урада II Рэчы Паспалітай у адносінах да друку нацыянальных меншасцей (1921–1926 гг.)». Автор рассматривает польскую печать, делая акцент на разработку концепции трёхвекторной ориентации. О.В. Кореневская приходит к выводу, что вопрос о периодической печати в рассматриваемый период является достаточно проблематичным. Атаки властей были направлены в первую очередь против изданий славянских меньшинств и коммунистической прессы. Еврейская пресса имела ряд привилегий, и она количественно превосходила прессу других национальных меньшинств [41, с. 56–61]. Гродненский историк О. Щука рассмотрела основные направления, периодизацию и характерные черты функционирования молодёжных сионистских организаций Западной Беларуси [42, с. 151–152]. Деятельности еврейской ортодоксальной партии «Агудас Исраэль» посвятил исследование брестский историк А.Н. Свирид, проанализировавший программные положения и специфику её работы на территории Западной Беларуси [43]. Деятельность «Джойнта» на западнобелорусских территориях подробно рассмотрена в исследовании Э. Иоффе и Б. Мельцера [44]. В другой работе Э. Иоффе «По достоверным источникам: евреи в истории городов Беларуси» определяется роль евреев в культурной жизни региона в целом [45]. Системно исследует культуру евреев Западной Беларуси в 1921 – 1939 гг. брестский историк И.И. Вавренюк, опубликовавшая за последние годы более 20 работ по теме исследования [46].

Необходимо отметить, что в последние годы в научный оборот вводится большое количество архивных документов. Публикации белорусских учёных отличаются глубиной проработки различных источников.

Культурное развитие евреев Западной Беларуси, по мнению большинства учёных, проходило в сложных политических, социально-экономических и культурных условиях. Можно выделить следующие характерные черты этого процесса:

1) сосредоточение культурной жизни евреев в городах и местечках в силу высокой степени урбанизации, а также по причине особенностей коммуникации;

2) модернизация культуры еврейской общности под влиянием процессов дальнейшего приобщения к европейской культуре, роста сионизма, что выразилось в билингвизме (полилингвизме), эмансипации, европеизации;

3) секуляризация культурной жизни в целом;

4) функции культурных центров выполняли культурно-просветительные организации, товарищества, благотворительные общества, учреждения образования, которые соперничали с религиозными гминами;

5) развитию еврейской культуры препятствовали полонизация, пауперизация, сокращение финансовой помощи из-за границы, эмиграция, антисемитизм, государственная политика национальных демократов;

6) пик активности культурного развития в 1920-е гг. был обусловлен политикой Польского государства и благоприятной экономической обстановкой;

7) еврейское искусство не смогло в полной мере получить своего развития, а некоторые его области (живопись, архитектура, скульптура) не получили своего полного развития из-за отсутствия творческого потенциала, а также по причине финансовых трудностей, правовых ограничений, эмиграции еврейской интеллигенции; музыка, театр находились на уровне любительского искусства.

На современном этапе развития исторической науки исследователи Польши, Франции, Великобритании, США и Израиля стали фундаментально заниматься вопросами культурного развития евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.). За последние два десятилетия были изданы и переизданы коллективные работы и энциклопедические издания, посвященные как в целом истории евреев, так и их культурной жизни [47; 48].

Актуальными для зарубежных авторов стали следующие направления исследования культуры евреев 1920–30 гг.: развитие искусства (Я. Малиновский [49]), архитектуры (Т. Вишневецкий [50], А. Жбиковский и Я. Томашевский [51]), образования (Ш. Штампфер [52; 53], Э. Гаморан [54]), культурная деятельность политических партий и общественных организаций (А. Грабон [55]), обрядность и традиции (О. Голберт-Мулькевич [56]). Изучением специфики штетла как центра еврейской истории и культуры и роли местечек в системе поселений в 20–30 гг. XX в. занимаются учёные США и Англии: Е. Весель [57], С. Кассов [58], Д. Мирон [59], А. Полонски [60]. При исследовании культурного развития местечек не обойтись без упоминания о публикациях М. Зборовского [61] и Э. Хоффман [62].

Обсуждение проблемы евреев в Польше и Западной Беларуси в 1921–1939 гг. проходит и в наше время: на научных конференциях, на страницах научных сборников, и наиболее популярными являются вопросы поликультурности, многоконфессиональности, а также проблемы межнациональных отношений. Межкультурный диалог в славянской и еврейской народной традициях и фольклоре стала объектом пристального внимания как отдельных российских исследователей (А. Белова [63], А. Львова [64], А. Соколова [65]), так и масштабных коллективных проектов, осуществляемых Центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» и Институтом славяноведения РАН. Материалы конференций, изданных по результатам полевых исследований, дают представления лишь о некоторых аспектах межкультурного диалога евреев и славян на современном этапе в условиях трансформации устоявшихся культурных моделей. Современные фольклорные нарративы показывают, как различные, но пребывавшие в длительном соседстве традиции, не смешиваясь, но взаимодействуя, поддерживали друг друга перед лицом «внеэтнического» современного общества.

Заключение

Анализ историографии развития культуры еврейского народа в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. позволяет прийти к следующим выводам:

1. Культурное развитие еврейского народа в отечественной историографии до 1990-х гг. не было предметом специальных исследований. В последние два десятилетия белорусские учёные обратились к ряду вопросов культурного развития евреев западнобелорусского региона. Публикации белорусских ученых отличаются глубиной проработки различных источников, в первую очередь архивных документов.

2. В зарубежной историографии значительный интерес к еврейской проблематике наблюдался в 1950–80 гг., что позволило исследователям заложить фундаментальную базу для дальнейшего изучения проблемы. Большое количество работ современных авторов свидетельствует о популярности изучения еврейской проблематики. Однако культурное развитие евреев Западной Беларуси рассматривалось в общем контексте культурных процессов Польши в 1921–1939 гг.

3. Несмотря на значительный интерес к истории культурного развития еврейского народа Западной Беларуси (1921–1939 гг.), необходимо отметить отсутствие специального комплексного исследования по данной теме в отечественной и зарубежной исторической науке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черепица, В. Национальные меньшинства и национальный вопрос / В. Черепица // Беларус. думка. – 1996. – № 2. – С. 125.
2. Studnicki, W. Sprawa Polsko-Żydowska / W. Studnicki. – Wilno : Druk. J. Zawadzkiego, 1936. – 123 s.
3. Schiper, I. Dzieje handlu żydowskiego na ziemiach polskich / I. Schiper. – Warszawa : Nakładem Centrali związku kupców w Warszawie, 1937. – 792 s.
4. Bialik, H. N. O kulturze, książce i polityce / H. N. Bialic // Miesięcznik Żydowski. – 1931. – Т. II. – Zesz. 7–12. – S. 481–489.
5. Wolfson, J. Uwagi o muzyce i muzykach żydowskich / J. Wolfson // Miesięcznik Żydowski. – 1931. – Т. II. – Zesz. 7–12. – S. 136–144.
6. Wejning, N. Z socjologii nowoczesnej literatury żydowskiej / N. Wejning // Miesięcznik Żydowski. – 1930–1931. – Т. I. – Zesz. 1–6. – S. 227–238.
7. Kłafienowa, C. Zagadnienie produktywizacji i szkolnictwo zawodowe wśród żydów / C. Kłafienowa // Miesięcznik Żydowski. – 1931. – Т. II. – Zesz. 7–12. – S. 123–135.
8. Rosner, M. Izrael Majer Hakogen (Chofec Chaim) / M. Rosner // Miesięcznik Żydowski. – 1933. – Т. II. – Zesz. 7–12. – S. 261–271.
9. Paczkowski, A. Prasa polska w latach 1918–1939 / A. Paczkowski. – Warszawa : Państwowe Wyd-wo Naukowe, 1980. – 534 s.
10. Szajn, I. Bibliografia dzienników i czasopism żydowskich wydawanych w Polsce w latach 1918–1939 w języku polskim / I. Szajn // Biuletyn Żydowskiego instytutu historycznego w Polsce. – Kwiecień–czerwiec. – 1971. – № 2/78. – S. 107–132.
11. Arhitektura i Budownictwo. – 1925–1926. – № 3. – S. 26–30.
12. Arhitektura i Budownictwo. – 1925–1926. – № 5 – S. 47.
13. Arhitektura i Budownictwo. – 1930 – № 11. – S. 145–170.
14. Arhitektura i Budownictwo. – 1935. – № 2. – S. 59.
15. Benkin, R. Social and cultural development of Jewish life in Eastern Europe and specification of American Jewishness / R. Benkin. – Ann Arbor : University Microfilms International, 1980.
16. Mendelson, E. The Jews of East Central Europe between the World Wars / E. Mendelson. – Bloomington : Indiana University Press, 1987. – 300 s.
17. Rabinowicz, H. A History of the Jews in Poland / H. Rabinowicz. – London : Hiller Hous, 1972. – 8 s.

18. Tomaszewski, J. Zarys dziejów żydów w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa : Wyd-wo Uniwersytetu Warszawskiego, 1990. – 114 s.
19. Goldberg-Mulkewicz, O. Ethnographic Topics Relating to Jews in Polish Studies / O. Goldberg-Mulkewicz. – Jerusalem : The Magnes Press, 1989. – 69 p.
20. Piechotek, M. Bożnice drewniane / M. Piechotek, K. Piechotek. – Warszawa : Budownictwo i Architektura, 1957. – 220 s.
21. Eisenstejn, M. Jewish Shoosls in Poland 1919–1939 / M. Eisenstejn. – New York : Columbia University, 1950. – 112 s.
22. Hertz, A. Żydzi w kulturze polskiej / A. Hertz. – Warszawa : Wiedza, 1988. – 291 s.
23. Иоффе, Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси (XIV–XX вв.). Крат. науч.-попул. очерк / Э. Г. Иоффе. – Минск : АРТИ-ФЕКС, 1996. – 292 с.
24. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст, 2010. – 356 л.
25. Вабішчэвіч, А. Яўрэйскі культурна-асветніцкі рух у Заходняй Беларусі (1921–1939): паміж рэлігійнасцю і свецкасцю / А. Вабішчэвіч // Гісторыя: праблемы выкладання. 2006. – № 10. – С. 34–37.
26. Мошук, А. В. Деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Мошук. – Брест, 2007. – 135 л.
27. Стецкевич, П. Деятельность еврейских политических партий и организаций на территории Западной Беларуси (1918–1926 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / П. Стецкевич. – Гродно, 2008. – 159 л.
28. Пашковіч А. І. Дзейнасць дабрачынных арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. І. Пашковіч ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2007. – 132 с.
29. Войтещик, А. С. Местечки Западной Беларуси (1921–1939 гг.): социально-экономическое и культурное развитие : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. С. Войтещик. – Гродно, 2013. – 203 с.
30. Царук, Н. Тэатральная дзейнасць у Заходняй Беларусі / Н. Царук // Беларус. гіст. часопіс. – 2002. – № 5. – С. 60–67.
31. Розенблат, Е. С. Жизнь и судьба Брестской еврейской общины. XVI–XX вв. / Е. С. Розенблат. – Брест, 1993. – 84 с.
32. Соболевская, О. А. Евреи Гродненщины: жизнь до катастрофы / О. А. Соболевская, В. В. Гончаров. – Донецк : НОРД-ПРЕСС, 2005. – 375 с.
33. Гарбачэўскі, В. Жыццё і пагібель яўрэйскай абшчыны ў Валожыне / В. Гарбачэўскі // Куфэрак Віленшчыны. – 2001. – № 3. – С. 91–100.
34. Пивоварчик, С. Гродненские евреи: хронология событий / С. Пивоварчик // Евреи Гродно: очерки истории и культуры. – Гродно : Белорус. гос. музей ист. религии, Обществ. об-ние «Гродненский еврейский общинный дом Менора», 2000. – С. 5–19.
35. Раманава, І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары / І. Раманава, І. Махоўская. – Вільня : ЕГУ, 2009. – 248 с.
36. Суворов, А. Культурное развитие еврейского населения г. Бреста в межвоенный период / А. Суворов // Памяць. Брэст: гіст.-дакум. хроніка : у 2-х кн.– Мінск : БЕЛТА, 1997. – Кн. 1. – 576 с.
37. Суворов, А. Культурная жизнь еврейского населения г. Бреста в межвоенный период / А. Суворов, А. Никонов // Евреи Беларуси / Израил. культ.-информ. центр ; Открытый ун-т Израиля в Беларуси. – Вып. 1. – С. 65–69.
38. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): праблемы перыядызацыі, тыпалогіі ўзаемаадносін / А. М. Вабішчэвіч // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманітар. і грамад. навук. – 2009. – № 4 (39). – С. 110–118.

39. Вабішчэвіч, А. М. Культурна-асветніцкае жыццё нацыянальных меншасцей у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч // Берасцейскі хранограф : зб. навук. пр. / Брэсц. дзярж. ун-т ; пад рэд. М. Э. Часноўскага [і інш.]. – Брэст, 2004. – Вып. 4. – С. 212–217.
40. Вабішчэвіч, А. Заходняя Беларусь пад уладай Польшчы / А. Вабішчэвіч, У. Палуян // Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / М. Біч [і інш.]. – 2006. – С. 352–458.
41. Каранеўская, В. У. Палітыка урада II Рэчы Паспалітай у адносінах да друку нацыянальных меншасцей (1921–1926 гг.) / В. У. Каранеўская // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2000. – № 2. – С. 56–61.
42. Щука, О. Деятельность молодёжных сионистских организаций на территории Западной Беларуси в межвоенный период / О. Щука // материалы шестнадцатой ежегод. междунар. междисциплинар. конф. по иудаике : в 3-х ч. – М. : Сэфер, 2009. – Ч. 3. – С. 148–153.
43. Свирид, А. Еврейская ортодоксальная партия «Агудас Исраэль» в социально-политическом движении Западной Беларуси / А. Свирид // Евреи Беларуси / Израил. культ.-информ. центр ; Открытый ун-т Израиля в Беларуси. – Минск : ПКП «АРТИ-ФЕКС», 1997. – Вып. 1. – С. 60–64.
44. Иоффе, Э. Джойнт в Беларуси / Э. Иоффе, Б. Мельцер. – Минск : МэджикБук, 1999. – 94 с.
45. Иоффе, Э. Г. По достоверным источникам: евреи в истории городов Беларуси / Э. Г. Иоффе. – Минск : Четыре четверти, 2001. – 352 с.
46. Вавренюк, И. И. Антисемитизм как проблема развития еврейского населения Полесского воеводства (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі ў XIX – пачатку XXI ст. : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: І. П. Крэнь, І. В. Соркіна (адк. рэдактары) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2010. – С. 63–73; Вавренюк, И. И. Национальные школы «Тарбут» на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // История и культура евреев Европы и Ближнего Востока : материалы междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, СПб., 29 апр. 2013 г. / отв. ред. А. Л. Львов, М. О. Мельцин. – СПб., 2013; Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». – Вып. 7. – С. 163–167; Вавренюк, И. И. Архитектура иудейских молитвенных домов Бреста-над-Бугом (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // III междунар. науч.-практ. Интернет-конф. студентов и аспирантов «Энергия науки» (Ханты-Мансийск) / Отв. ред. А. С. Змановская, И. С. Балов [Электронный ресурс]. – Ханты-Мансийск : Изд-во Югорского гос. ун-та, 2013. – С. 36–39; Вавренюк, И. И. Образовательная деятельность Артура Ашера в Пинске / И. И. Вавренюк // Цайтшрифт (журнал по изучению еврейской истории, демографии и экономики, литературы, языка и этнографии). – Минск – Вильнюс, 2013. – Т. 8 (3) – С. 90–101.
47. The encyclopedia of Jewish life before and during Holokost / S. Spector, G. Wigeroder, E. Wiesel : in 3 vol. – Jerusalem : Yad Vashem, 2001. – Vol. 1: A–N. – 580 s.
48. Żydzi w Polsce odrodzonej: działalność społeczna, gospodarcza, oświatowa i kulturalna / pod. red. I. Schipera, A. Tartakowera, A. Nafftki. – Warszawa : Nakładem wyd-wa «Żydzi w Polsce odrodzonej», 2003. – 617 s.
49. Malinowski, J. Malarstwo i rzeźba Żydów Polskich w XIX i XX wieku / J. Malinowski. – Warszawa : Państwowe Wyd-wo Naukowe, 2000. – 434 s.
50. Wiszniewski, T. Jewish Białystok and Surroundings in Eastern Poland / T. Wiszniewski. – Massachusetts : The Ipswich press, 1998. – 147 p.
51. Żydzi w Polsce. Dzieje i kultura. Leksykon / red. J. Tomaszewski, A. Żbikowski. – Warszawa : Cyklady, 2001. – 572 s.

52. Штампфер, Ш. Еврейское образование / Ш. Штампфер. – Иерусалим : Еврейский ун-т в Иерусалиме, 2001. – 147 с.
53. Штампфер, Ш. Хедерное образование, знание Торы и поддержание социального расслоения в традиционном еврейском обществе восточно-европейской диаспоры / Ш. Штампфер // Еврейская школа. – Январь–март. – 1993. – С. 53–64.
54. Gamoran, E. Changing Conception in Jewish Education / E. Gamoran. – New York : New York Times Company, 1975. – 187 p.
55. Grabon, A. Problematyka Żydowska na lamach prasy akademickiej w okresie międzywojennym / A. Grabon. – Kraków : MCDN, 2008. – 445 s.
56. Golberg-Mulkewich, O. Stara i nowa ojczyzna. Ślady kultury Żydów polskich / O. Golberg-Mulkewich. – Łódź : Multikram, 2003. – 238 s.
57. Wiesel, E. The World of the Shtetl / E. Wiesel // The Shtetl: New Evaluations / edited by Steven T. Katz. – New York ; London : New York University Press, 2003. – P. 290–306.
58. Kassow, S. The Shtetl in Interwar Poland / S. Kassow // The Shtetl: New Evaluations / edited by Steven T. Katz. – New York ; London : New York University Press, 2003. – P. 1–28; 121–139.
59. Miron, D. The Image of the Shtetl / D. Miron. – New York : Syracuse University Press, 2000. – 412 s.
60. Polonski, A. From Shtetl to Socialism / A. Polonski. – London ; Washington : The Littman Library of Jewish Civilization, 1993. – Vol. 2. – 581 s.
61. Zborowski, M. Life is with People. The Culture of the Shtetl / M. Zborowski. – New York : Schocken Books, 1976. – 452 s.
62. Hoffman, E. Shtetl: The Life and Death of a Small Town and the World of Polish Jews / E. Hoffman. – New York : Public Affairs, 2007. – 270 s.
63. Белова, О. В. Интеграционные аспекты еврейско-славянского межкультурного диалога / О. В. Белова // Этнограф. обозрение. – 2009. – № 6. – С. 29–37.
64. Львов, А. Штетл в XXI веке и этнография постсоветского еврейства / А. Львов // Штетл, XXI век: полевые исследования / сост.: В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 9–26.
65. Соколова, А. В. Домостроительная традиция штетлов Подолии в памятниках и памяти / А. В. Соколова // Этнограф. обозрение. – 2009. – № 6. – С. 38–57.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.09.2014

Vavrenyuk I.I., Vojteschik A.S. Cultural Development of Jewish People of West Belarus in 1921–1939: Historiography Question

This article defines the main periods and trends in the study of the cultural development of Jewish people of Western Belarus in 1921–1939 in Belarusian and foreign historiography, describes the features of different historiographical positions, analyzes the most distinctive themes, defines the main contradiction between the existing estimates and positions in Belarusian and foreign historiography.

УДК 930 (476) (1921 – 1939)

А.С. Горны

*аспірант каф. гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін
Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы*

**БЕЛАРУСКІЯ ПАЛАНАФІЛЬСКІЯ АРГАНІЗАЦЫІ
Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1937 гг.):
АРГАНІЗАЦЫЙНАЯ СТРУКТУРА І ПРАГРАМНЫЯ МЭТЫ**

Артыкул прысвечаны праблеме дзейнасці ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд беларускіх паланафільскіх арганізацый і партый. Галоўная ўвага надаецца аналізу арганізацыйнай структуры паланафільскай плыні беларускага руху і разгляду палітычных праграм Краёвай сувязі, Часовай беларускай рады, Беларускай радыкальнай народнай партыі, групы Луцкевіча – Астроўскага і іншых арганізацый. Зроблены высновы аб адсутнасці ў беларускіх паланафілаў моцнай арганізацыйнай структуры.

У міжваенны перыяд у Заходняй Беларусі, якая ўваходзіла ў склад Польшчы, назіралася станаўленне розных плыняў беларускага нацыянальнага руху. Аб'яднання ідэяй злучэння беларускіх земляў, многія дзеячы, тым не менш, па-рознаму глядзелі на іх будучыню. Частка беларускай палітычнай эліты прытрымлівалася незалежніцкіх поглядаў і абаявалася на нацыянальна-дэмакратычныя ідэалы Беларускай народнай рэспублікі. Іншая (даволі прадстаўнічая) частка, выказваючы левыя погляды, заклікала змагацца за далучэнне Заходняй Беларусі да БССР. Аднак у гэты перыяд выкрышталізавалася і яшчэ адна плынь беларускага руху, якая бачыла будучыню Беларусі толькі ў моцным саюзе з Польскай дзяржавай. На тагачасным палітычным лексіконе яна атрымала назву «беларускага паланафільства». Гэтая плынь, як і дзве вышэй адзначаныя, імкнулася стварыць сваю арганізацыйную структуру і распаўсюдзіць уплыў на шырокія слаі беларускага насельніцтва Заходняй Беларусі.

У айчынай гістарыяграфіі некаторыя аспекты дзейнасці беларускіх паланафілаў былі закрануты ў працах А. Чарнякевіча [1], А. Пашкевіча [2] і А. Вабішчэвіча [3]. Таксама гісторыю беларускага паланафільства спрабавалі асэнсаваць польскія даследчыкі К. Гамулка [4] і І. Янушэўская-Юркевіч [5]. Аднак нягледзячы на пэўныя напрацоўкі, дзейнасць беларускіх паланафільскіх арганізацый па-ранейшаму з'яўляецца маладаследаваным пытаннем навішай гісторыі Беларусі. Глыбокага асэнсавання патрабуюць, перад усім, пытанні арганізацыйнай структуры беларускага паланафільства і яго палітычнай платформы.

Першай паланафільскай арганізацыяй, якая пачала дзейнічаць на заходнебеларускіх землях пасля польска-савецкай вайны, была Краёвая сувязь. Яна разгарнула сваю дзейнасць у межах непрызнанага дзяржаўнага ўтварэння «Сярэдня Літва», што існавала на землях этнаграфічнай Віленшчыны ў 1920–1922 гг. Афіцыйна арганізацыя была заснавана 24 красавіка 1921 г. у Вільні падчас агульнага сходу паланафільскіх дзеячоў [6, арк. 15]. На сходзе была прынята дэкларацыя, дзе прапісваліся асноўныя праграмныя тэзісы Краёвай сувязі. Яе мэтамі вызначаліся абуджэнне беларускай свядомасці ў духу краёвага саюза з Польшчай, дамаганне правоў для народа Сярэдняй Літвы свабодна вырашаць свой лёс праз заканадаўчыя органы, барацьба з Савецкай Расіяй як крыніцай імперыялізму і інш. [6, арк. 15]. Кіраўнічым органам арганізацыі з'яўляўся, утвораны ў маі 1921 г. Цэнтральны камітэт, у склад якога ўваходзілі В. Пупка (старшыня), П. Аляксюк (віцэ-старшыня), А. Біруковіч (сакратар), В. Шышкоў (скарбнік), Я. Бекіш і А. Кабычкін [7, арк. 9]. Рэальным лідарам паланафілаў з'яўляўся П. Аляксюк, які фактычна самастойна кантраляваў усе сферы дзейнасці Краёвай сувязі.

Дзеячы Краёвай сувязі не змаглі распрацаваць канкрэтны праграмны дакумент арганізацыі. Тым не менш з мая 1921 г. выдаваўся друкаваны орган Краёвай сувязі – газета «Jednaścé», на старонках якой друкаваліся палітычныя ідэі паланафілаў. Арганізацыя актыўна выкарыстоўвала ў сваёй дзейнасці лозунгі краёвасці, распаўсюджаныя на беларускіх землях у пачатку XX ст., галоўным з якіх быў тэзіс пра дасягненне згоды ўсіх народаў краю [8, с. 1] (на пячатцы Краёвай сувязі назва арганізацыі была напісана на трох мовах: польскай, літоўскай і беларускай). Аднак гэтая краёвая рыторыка паступова пераходзіла ў палітычнае паланафільства. Прадстаўнікі арганізацыі выступалі за далучэнне беларускіх земляў да Польшчы на правах аўтаномнай адзінкі [6, арк. 15]. «З нашым найбліжэйшым суседям – польскім народам жадаем узнаўлення гістарычнай злучнасці», – падкрэслівалася ў адным з артыкулаў паланафільскай газеты [9, с. 1]. Значнае месца ў праграмных пастулатах Краёвай сувязі займаў антыбальшавізм.

У першыя месяцы існавання Краёвая сувязь ажыццявіла на тэрыторыі Сярэдняй Літвы і за яе межамі пэўныя арганізацыйныя крокі. Мясцовыя філіялы арганізацыі былі створаны ў шэрагу мястэчак і гарадах Заходняй Беларусі: у Мураванай Ашмянцы, Залессі, Глыбокім, Радашковічах, Нясвіжы, Сіняўцы, Баранавічах, Слоніме, Гродне і інш., аднак большасць з гэтых філіялаў існавала толькі намінальна. Асноўную ўвагу прадстаўнікі Краёвай сувязі звярталі на кааператыўны рух. Пад іх кантролем знаходзіліся каля сямі віленскіх кааператываў, аптovy склад, пякарня, кааператыўныя аддзелы ў некалькіх мястэчках краю [7, арк. 9адв.]. Акрамя гэтага, паводле ўласных сведчанняў паланафілаў, Краёвая сувязь здолела адчыніць у Заходняй Беларусі 52 беларускія школы, якія падтрымлівала матэрыяльна [10, с. 3]. Тым не менш, як падкрэсліваў пазней кіраўнік віленскай паліцыі, большасць гэтых школ існавала толькі на паперы, а ў астатніх працавалі беларускія эсэры, варожа настроеныя да паланафільства [7, арк. 9адв.].

Каб набраць галасоў беларускага насельніцтва Віленшчыны напярэдадні выбараў у Віленскі сейм, дзеячы Краёвай сувязі 11–12 снежня 1921 г. склікалі ў Вільні «з'езд беларускага сялянства, партый і арганізацый Заходняй Беларусі». Нягледзячы на гучную назву, на з'ездзе не былі прадстаўлены тагачасныя найбольш уплывовыя беларускія арганізацыі, а большасць дэлегатаў, якія нікім не абіраліся, прытрымліваліся паланафільскіх поглядаў, напрыклад, прадстаўнікі Беларускага палітычнага камітэта і партыі «Зялёны дуб» [11, № 2, с. 2]. Даслаўшы маршалу Пілсудскаму і іншым вышэйшым польскім чыноўнікам прывітальныя тэлеграмы, старшыня з'езду П. Аляксюк пацвердзіў ідэалы польска-беларускага саюза [11, № 1, с. 2–3]. Акрамя гэтага, прыхільнікі Краёвай сувязі заклікалі ўлады не чыніць перашкодаў у пашырэнні беларускіх школ, аказаць матэрыяльную дапамогу бежанцам, рацыяланьна выкарыстоўваць лясное багацтва Беларусі, правесці зямельную рэформу і перадаць зямлю мясцовым сялянам, перад усім беззямельным і малазямельным [6, арк. 126–131].

Нягледзячы на агітацыйную дзейнасць і падтрымку з боку польскіх уладаў, Краёвая сувязь не змагла пашырыць свого ўплыву на беларускае насельніцтва Заходняй Беларусі. Падчас выбараў у сейм Сярэдняй Літвы, якія адбыліся ў студзені 1922 г., выбарчыя спісы арганізацыі не карысталіся поспехам, і паланафілы пацярпелі поўнае паражэнне [12, с. 27]. Неўзабаве пасля выбараў Краёвая сувязь паступова развалілася. Затым перасталі існаваць мясцовыя аддзелы і кааператывы, падкантрольныя арганізацыі.

У 1922 г. частка беларускіх паланафілаў актывізавала сваю працу на тэрыторыі Гродзеншчыны. Лідарам гэтай групы, якая ў асноўным складалася з былых сябраў партыі «Зялёны дуб», з'яўляўся Я. Міткевіч [13, с. 96]. У пачатку 1922 г. разам са сваімі прыхільнікамі ён утварыў Арганізацыю беларускіх беспартыйных актывістаў (АББА). Паводле сцверджанняў Міткевіча, яго арганізацыя брала свой пачатак з вышэй згаданага «з'езда беларускага сялянства, партый і арганізацый Заходняй Беларусі» 1921 г., на якім частка дэлегатаў утварыла фракцыю «беспартыйных актывістаў» [14, арк. 1].

Каб надаць пэўную легітымнасць АББА, паланафілы склікалі 23 красавіка 1922 г. «беларускі з'езд прадстаўнікоў Гарадзенскага павета». У распрацаванай на з'ездзе рэзалюцыі было выказана асуджэнне П. Алексюку за тое, што ён павёў працу Краёвай сувязі ў шкодным напрамку, і прынята пастанова аб падтрымцы палітычнай платформы АББА, якая вядзе «да цеснага аб'яднання з братнім польскім народам». У Цэнтральны прэзідыум АББА ўвайшлі Я. Міткевіч (старшыня), Я. Шурпа (сакратар), Я. Цлоўка, У. Фёдараў, Я. Манюта і інш. [13, с. 100; 15, с. 3].

Стваральнікі АББА абапіраліся ў сваёй дзейнасці на мінімум праграмных патрабаванняў. Яны дамагаліся рэалізацыі культурных правоў і паляпшэння эканамічнага становішча беларускага насельніцтва ў Польшчы [13, с. 100]. Дзеля гэтага Цэнтральны прэзідыум АББА ажыццяўляў рэгістрацыю аграномаў і настаўнікаў, якія вярталіся на Гродзеншчыну з бежанства [16, с. 2]. Тым не менш асноўным палітычным крэда арганізацыі была ідэя лаяльнасці да Польскай дзяржавы. «Актывісты» імкнуліся дапамагаць польскім уладам у барацьбе з пракамуністычнымі элементамі і беларускімі нацыянальна-дэмакратычнымі арганізацыямі, у першую чаргу, з Беларускай нацыянальным камітэтам у Вільні [13, с. 101].

Згодна з данясеннямі польскіх спецслужбаў, АББА мела значны ўплыў на грамадска-палітычныя жыццё Гродзеншчыны, а ў некаторых мясцовасцях змагла выцесніць нават беларускія антыпольскія арганізацыі [13, с. 101]. Аднак гэтая ацэнка здаецца нам даволі завышанай і неаб'ектыўнай. Можна дапусціць, што ўяўленні польскіх спецслужбаў аб дзейнасці АББА абапіраліся на дадзеныя саміх паланафілаў, якія нярэдка перабольшвалі ступень свайго уплыву. У рэальнасці паланафільская арганізацыя знаходзілася на пераферыі палітычнага жыцця краю. Падчас парламенцкіх выбараў 1922 г. АББА, выставіўшы выбарчыя спісы ў Лідскай і Віленскай акругах, панесла паражэнне: за паланафілаў было ададзена ўсяго каля 70 галасоў [2, с. 162–163]. Дзейнасць АББА рэзка крытыкавалася з боку іншых беларускіх арганізацый і перыядычных выданняў, якія лічылі Я. Міткевіча «дэфензіўшчыкам», які працуе «за панскія грошы» [17, с. 2]. Фактычна з канца 1922 г. арганізацыя не праяўляла якой-небудзь значнай актыўнасці. Выключэннем можа быць толькі выданне паланафіламі ў 1923 г. у Гродне газеты «Селянская гутарка» і спроба некаторых «актывістаў» усталяваць кантроль над гродзенскім беларускім прытулкам і іншымі дабрачыннымі ўстановамі горада [18, с. 5].

У 1924 г. вектар развіцця беларускага паланафільскага руху зноў перамясціўся ў Вільню. У гэты час назіралася кансалідацыя шэрагу беларускіх дзеячоў прапольскай арыентацыі вакол Беларускага грамадзянскага схода. Гэтая арганізацыя, якая была ўтворана ў Вільні ў 1911 г. як інтэлігенцкі клуб, адыграла вельмі важную ролю ў выбарчай кампаніі 1922 г. у польскі парламент і пашырэнні беларускіх уплываў на Віленшчыне. Аднак у адзначаны перыяд унутры Беларускага грамадзянскага сходу ўзнікла т.зв. польская партыя, на чале якой стаяў адыёзны беларускі дзеяч з крымінальным мінулым С. Валейша [19, с. 2]. Яго прыхільнікі цалкам кантралявалі арганізацыю, якая паступова пераўтварылася ў звычайнае казіно [20, арк. 329]. Разам з тым Валейша планавала аказваць уплыў і на палітычнае жыццё краю. 21 верасня 1924 г. ён сумесна з групай аднадумцаў склікаў «канферэнцыю прадстаўнікоў беларускіх дэмакратычных партый, сялянства і інтэлігенцыі». Раскрытыкаваўшы дзейнасць Беларускага пасольскага клуба ў польскім сейме і Беларускага нацыянальнага камітэта, паланафілы паставілі ўтварыць Часовую беларускую раду (ЧБР) [21, арк. 5]. ЧБР павінна была ўвайсці ў кантакт з польскімі ўладамі і грамадскімі арганізацыямі дзеля забеспячэння правоў беларускага насельніцтва, гарантаваных польскай канстытуцыяй. Прэзідыум ЧБР склалі: старшыня – А. Паўлюкевіч, віцэ-старшыні – Г. Канапацкі і У. Більдзюкевіч, сакратары – В. Шышкоў і А. Кабычкін, член з правам рашучага галаса – С. Валейша [21, арк. 5адв.].

Прысутнасць прыметніка «часовая» ў назве арганізацыі тлумачылася тым, што яна павінна была ў бліжэйшым часе склікаць агульны «з'езд Заходняй Беларусі», дзе, згодна з планамі паланафілаў, было абрана сталае прадстаўніцтва беларусаў у Польшчы [21, арк. 5]. Скліканне з'езда, аднак, доўгі час адкладвалася з-за адсутнасці ў ЧБР неабходных сродкаў. Арганізацыя не мела распрацаванай праграмы, але час ад часу яе сябры публікавалі на старонках газет некаторыя тэзісы сваёй палітычнай платформы. Так, паланафілы прызнавалі польскую дзяржаўнасць, заклікалі беларусаў ляльна адносіцца да інстытутаў гэтай дзяржаўнасці, дамагаліся абвяшчэння аўтаноміі Заходняй Беларусі, правядзення зямельнай рэформы і скасавання асадніцтва, заклікалі да нацыянальнай і класовай згоды ўсіх жыхароў «усходніх крэсаў». Цікавым праграмным паправаваннем сяброў ЧБР было вызваленне Усходняй Беларусі ад бальшавікоў і далучэнне яе да Польшчы [22, с. 1]. Паланафілы актыўна крытыкавалі дзейнасць амаль усіх беларускіх арганізацый, апазіцыйна настроеных да польскіх уладаў, у першую чаргу камуністаў і беларускіх паслоў польскага парламента. Дэпутатаў дзеячы ЧБР асабліва востра абвінавачвалі ў дэструктыўнай рабоце і распаўсюджванні рэвалюцыйных настрояў сярод беларусаў Польшчы [23, с. 2]. Нярэдка крытыка паланафілаў пераходзіла дапушчальныя межы і пераўтваралася ў звычайныя паклёпы і знявагі.

Сваі ідэі прадстаўнікі ЧБР імкнуліся распаўсюдзіць на правінцыю. На працягу 1925–1927 гг. Рада ўтвальыла шэраг сакратарыятаў у гарадах, мястэчках і вёсках Віленскага, Навагрудскага і Беластоцкага ваяводстваў. Так, сакратарыяты арганізацыі існавалі ў гарадах Гродна, Баранавічы, Нясвіж, Клецк, Ліда, Дзятлава, вёсках Сіняўка Нясвіжскага павета, Уша Маладзечанскага павета [24, арк. 36 – 37; 25, арк. 170, 194]. Але большасць з іх фактычна бяздзейнічала ці не аказвала значнага ўплыву на мясцовае грамадска-палітычнае жыццё. На чале сакратарыятаў стаялі ў асноўным прадстаўнікі мясцовай беларускай інтэлігенцыі без дакладна акрэсленай ідэалогіі, але з выразнымі антыкамуністычнымі поглядамі. Напрыклад, баранавіцкі сакратарыят ЧБР узначальваў былы ўдзельнік Слуцкага паўстання 1920 г. Н. Кернажыцкі [13, с. 305]. У Лідзе за ЧБР актыўна агітаваў праваслаўны святар У. Кірык, які распаўсюджваў улёткі арганізацыі і ў царкве заклікаў моладзь не далучацца да камуністычных групак [26, с. 6; 27, с. 4].

Нярэдка прадстаўнікі беларускіх радыкальных плыняў выкарыстоўвалі сакратарыяты ЧБР дзеля ажыццяўлення легальнай працы, пазбягаючы такім чынам пераследванняў з боку польскай паліцыі. Так, сакратарыят паланафільскай арганізацыі, які быў створаны ў 1925 г. ў в. Казлоўшчына Слонімскага павета, фактычна цалкам складаўся з дзеячоў антыпольскай скіраванасці. Сакратаром гэтага аддзела быў вядомы ў будучым пісьменнік С. Сіняк (Хмара). Паводле яго ўспамінаў, рашэнне аб арганізацыі сакратарыята было прынята з мэтай «замаскіраваць» ад паліцыі дзейнасць мясцовага беларускага актыву [28]. Гэты крок дазволіў Сіняку і яго аднадумцам без перашкод заснаваць бібліятэку, арганізоўваць беларускія спектаклі і канцэрты, дамагацца адкрыцця беларускіх школ і правядзення беларусізацыі царкоўнага жыцця. Летам 1926 г. аддзел ЧБР у Казлоўшчыне перайшоў пад кантроль Беларускай сялянска-работніцкай грамады.

27–28 чэрвеня 1926 г. Часовая беларуская рада з мэтай дэманстрацыі сваёй палітычнай праграмы і пашырэння ўплыву арганізавала ў Вільні т.зв. «з'езд Заходняй Беларусі». На мерапрыемстве прысутнічала каля 100 чалавек, у тым ліку 40 дэлегатаў з правінцыі [29, арк. 14]. Нягледзячы на такую колькасць, многія з правінцыйных прадстаўнікоў былі апазіцыйна настроены да дзейнасці паланафілаў і асабіста Паўлюкевіча. На з'ездзе не прысутнічалі ані беларускія паслы польскага парламента, ані ўпаўнаважаныя ад іншых беларускіх арганізацый і партый. Распачынаючы мерапрыемства, арганізатары даслалі прывітальныя тэлеграмы на адрас прэзідэнта Польшчы І. Масціцкага, маршала Ю. Пілсудскага, прэм'ер-міністра К. Бартля, віленскага ваяводы У. Рачкевіча, у якіх заклікалі польскія ўлады ісці насустрач жаданням беларускага народа [30, с. 1].

У сваіх прамовах лідары паланафілаў падкрэслілі, што будуць імкнуцца да ажыццяўлення беларускіх нацыянальных ідэалаў разам з прадстаўнікамі польскай дэмакратыі. Дзеля гэтага Часовая беларуская рада была пераўтворана ў Беларускаю нацыянальную раду, якую паланафілы прапанавалі лічыць «сталым пазапарламентарным прадстаўніцтвам беларусаў у Заходняй Беларусі» [30, с. 2]. Былі прынятыя рэзалюцыі па палітычным, зямельным, школьным і рэлігійным пытаннях.

Нягледзячы на актывізацыю працы і гучную назву, Беларуска нацыянальная рада ўжо ў другой палове 1926 г. сутыкнулася з шэрагам праблемаў. У верасні з яе складу выйшаў вядомы беларускі пісьменнік і тэатральны дзеяч Ф. Аляхновіч [13, с. 315]. Праз месяц Раду пакінулі А. Кабычкін і шэраг іншых паплечнікаў Паўлюкевіча. Неўзабаве яны арганізавалі ініцыятыўную групу па ўтварэнні «Беларускага нацыянальна-дэмакратычнага аб'яднання», аднак гэты праект так і застаўся на паперы [31, арк. 61адв.]. Многія з членаў ЧБР былі незадаволены самаўладнымі паводзінамі Паўлюкевіча, які самастойна распараджаўся фінансамі арганізацыі і не выплачваў грошай сваім супрацоўнікам. Напрыклад, старшыня ЧБР пасля атрымання субсідыі ад Дэлегатуры польскага ўраду ў Вільні забраў сабе каля 800 злотых у якасці пенсіі, астатнія грошы расходзіліся безгаспадарча: на вялікую арэндную плату і іншыя выдаткі [24, арк. 76]. Такія акалічнасці прымушалі найбольш актыўных дзеячоў пакідаць шэрагі гэтай паланафільскай арганізацыі. У пачатку 1928 г. па прычыне ўнутранага і фінансаванага канфліктаў з пасады старшыні Беларускай нацыянальнай рады сышоў А. Паўлюкевіч. Фактычна пасля гэтага арганізацыя перастала існаваць і знікла з палітычнай сцэны Заходняй Беларусі.

У пачатку 1927 г. у Беларускай нацыянальнай рады з'явіўся сур'ёзны канкурэнт па паланафільскай дзейнасці. У гэты час пасля разгрому Беларускай сялянска-работніцкай грамады польскі ўрад планаваў пэўным чынам зменшыць палітычную напружанасць у паўночна-ўсходніх ваяводствах і арганізаваць выданне праўрадавага беларускага часопіса, вакол якога згуртавалася б група паланафільскай інтэлігенцыі. Па прапанове вядомага польскага публіцыста і грамадскага дзеяча Л. Васілеўскага лідарам гэтай групы стаў беларускі пісьменнік Ф. Умястоўскі [32, с. 1]. Можна дапусціць, што група Умястоўскага павінна была кантралявацца непасрэдна варшаўскімі ўладамі ў супрацьвагу Беларускай нацыянальнай радзе, якую курывала Віленскае ваяводства ўпраўленне і асабіста ваявода У. Рачкевіч [33, с. 38].

7 сакавіка 1927 г. Ф. Умястоўскі распачаў выданне ў Вільні часопіса «Беларускі дзень». Паступова вакол яго згуртавалася кола прыхільнікаў, куды ўвайшлі былы камуніст лідар т.зв. «сэцэсіі» КПЗБ М. Гурын, публіцыст і літаратар Макар Касцевіч (Макар Краўцоў), Ф. Цяўлоўскі, Я. Міткевіч, Я. Бартуль, А. Зянюк і інш. [34, s. 7–8]. Часопіс актыўна прапагандаваў ідэю беларуска-польскага «братэрскага» супрацоўніцтва па ўзоры філаматаў і філарэтаў XIX ст., заклікаў да шырокай культурніцка-гаспадарчай працы сярод беларускага насельніцтва, а таксама крытыкаваў савецкую палітычную і эканамічную сістэму. 25 кастрычніка 1927 г. у Вільні была склікана «канферэнцыя» карэспандэнтаў і прыхільнікаў часопіса, падчас якой было вырашана ўтварыць на базе групы новую праўрадавую арганізацыю – Беларускаю радыкальную народную партыю (БРНП) [35, s. 2]. Нягледзячы на наяўнасць у назве слова «радыкальны» (што рабілася спецыяльна для прыцягнення ўвагі сялянства), ідэалогія партыі не вылучалася патрабаваннямі кардынальных зменаў у палітычным і эканамічным жыцці Заходняй Беларусі. Яе праграма ўтрымлівала наступныя тэзісы: 1) стварэнне спрыяльных варункаў на «ўсходніх краях» для трывалага развіцця гаспадаркі і культуры мясцовага беларускага насельніцтва; 2) прадастаўленне ўсходнім ваяводствам Польшчы тэрытарыяльнай аўтаноміі з краёвым соймам у Вільні; 3) забеспячэнне правоў беларускай меншасці ў Польшчы на падставах польскага заканадаўства і Канстытуцыі [34, s. 7–8]. Як падкрэслівалася ў адной

з партыйных улётак, усяго гэтага неабходна здабываць легальна, «шануючы Польшкую дзяржаўнасьць і яе прадстаўніка Маршалка Пілсудскага» [36, арк. бадв.].

Кіраўнічым органам БРНП з'яўляўся Выканаўчы камітэт, на чале якога стаяў Ф. Умястоўскі. На сваім першым паседжанні 26 кастрычніка 1927 г. камітэт пастанавіў разаслаць у правінцыю дакументы для адкрыцця мясцовых аддзелаў партыі і пачаць арганізацыю культурна-спартыўнага таварыства «Сокал». Агітатары паланафілаў неўзабаве пачалі працаваць у Гродне, Баранавічах, некалькіх вёсках і мястэчках Гродзенскага, Навагрудскага і Дзісенскага паветаў [37, с. 2–3]. У лістападзе 1927 г. партыя далучылася да Краёвага народнага саюза літоўска-беларускіх земляў «Аб'яднанне», куды ўваходзілі некалькі польскіх сялянскіх арганізацый – актыўных прыхільнікаў палітыкі Пілсудскага [38, арк. 28]. Тым не менш БРНП па прычыне сваіх празмерна лаяльных адносін да польскіх уладаў не карысталася вялікай падтрымкай з боку беларускага грамадства і апынулася на перэферыі палітычнага жыцця краю. Пра гэта яскрава сведчыць выпадак у мястэчку Турэц, калі мясцовыя сяляне прагналі агітатара з БРНП, палічыўшы яго словы падманам, а самога паланафіла – агентам дэфензівы [39, с. 6]. Гэтыя акалічнасці выявілі ідэйную слабасць групы Умястоўскага, ад якой паступова пачалі адыходзіць апошнія прыхільнікі. У кастрычніку 1928 г. Умястоўскі спыніў сваю дзейнасць і знік з палітычнай арэны настолькі імгненна, як і з'явіўся.

У 1920-я гг. у Заходняй Беларусі дзейнічала яшчэ некалькі дробны беларускіх паланафільскіх груп. Сярод іх заслугоўвае ўвагі Цэнтральны камітэт па беларускіх справах (ЦКБС). Гэта арганізацыя была ўтворана ў верасні 1924 г. у Варшаве і аб'ядноўвала вакол сябе былых дзеячоў з партыі «Зялёны дуб» і Арганізацыі беларускіх беспартыйных актывістаў. На чале яе стаяў малавядомы ў беларускім руху дзеяч Ф. Цяўлоўскі [13, с. 316]. У сваёй праграме ЦКБС вылучаў памкненні да шырокага беларуска-польскага супрацоўніцтва, паляпшэння эканамічнага становішча беларусаў і барацьбы з пракамуністычнымі і беларускімі нацыянальна-дэмакратычнымі сіламі [1, с. 68].

Распачынаючы сваю палітычную кампанію, Цяўлоўскі актыўна шукаў спонсараў і апекуноў. У лістападзе 1924 г. ён прапанаваў польскай дэфензіве выкарыстоўваць ЦКБС у вывадоўчых і прапагандысцкіх мэтах на «крэсах», але атрымаў адмову [1, с. 68]. Аднак на яго звярнулі ўвагу ў Міністэрстве ўнутраных спраў. Тут вырашылі зрабіць стаўку на ЦКБС і з яго дапамогай стварыць ў паўночна-ўсходніх ваяводствах Польшчы падкантрольны беларускі рух. Гэтую ідэю падтрымліваў чыноўнік міністэрства па прозвішчы Руткоўскі, які, не маючы ніякага ўяўлення аб асаблівасцях беларускага палітычнага жыцця, пачаў фінансаваць арганізацыю Цяўлоўскага [40, s. 253].

У канцы 1924 г. Цяўлоўскі выехаў у Заходнюю Беларусь дзеля ажыццяўлення сваёй дзейнасці ў асноўным на тэрыторыі Навагрудскага ваяводства. Тут, паводле рэкамендацыі МУС, ён павінен быў выхоўваць мясцовае насельніцтва «ў духу, прыхільным да Польскай дзяржавы» [41, арк. 3]. У мястэчках і вёсках ваяводства, у асноўным падчас кірмашоў, Цяўлоўскі ад імя ЦКБС ладзіў лакальныя мітынгі, дзе агітаваў супраць Беларускага пасольскага клуба, камуністаў і іх прыхільнікаў, заклікаў дапамагаць уладам у барацьбе з партызанамі і г.д. Аднак гэтыя мерапрыемствы не карысталіся асаблівым поспехам сярод насельніцтва. Напрыклад, падчас мітынгу ў Ляхавічах адзін з прысутных падкрэсліў, што Цяўлоўскі працуе за польскія грошы і не мае ніякага ўяўлення аб сялянскіх праблемах, бо апрануты ў дарагія боты і футра [42, арк. 229]. Таксама беспаспяховай была спроба стварыць мясцовыя аддзелы ЦКБС у гарадах краю, таму што вакол арганізацыі пачалі гуртавацца амаральныя асобы і прагныя да грошай авантурысты. Р. Зямкевіч, канфідэнт польскай дэфензівы, у сваім рапарце так характарызаваў «дзейнасць» гродзенскага аддзела ЦКБС: «Камітэт складваўся з крымінальных элементаў. Іх палітычная дзейнасць цалкам фікцыйная. Пьюць, ужываюць какаін, нічога не ро-

бязь. Ніякага ўплыву ня маюць» [40, с. 253]. Праваліўшы сваю акцыю, Цяўлоўскі ў канцы 1925 г. ліквідаваў ЦКБС і перайшоў у іншую палітычную арганізацыю.

Фактычна ў канцы 1920-х гг. пасля развалу ўсіх паланафільскіх арганізацый прапольская плынь беларускага нацыянальнага руху не мела выразнага арганізацыйнага афармлення і знаходзілася ў глыбокім ідэалагічным крызісу. Адсутнасць шырокай падтрымкі паланафільскіх ідэй з боку беларускага насельніцтва была ў значнай ступені абумоўлена палітыкай паланізацыі, якую праводзіў польскі ўрад у Заходняй Беларусі. Немалаважную ролю ў адсутнасці попыту на паланафільства адыгрываў і той фактар, што паланафільскі рух узначальвалі малавядомыя дзеячы з сумніўнай рэпутацыяй, якія займаліся не столькі палітыкай, колькі палітычным бізнесам. На рубяжы 1920–1930-х гг. ім на змену прыйшла новая фармацыя палітыкаў, якія зрабілі спробу павярнуць праўрадавую плынь у канструктыўнае рэчышча.

Пасля ліквідацыі польскімі ўладамі ў 1927 г. Беларускай сялянска-работніцкай грамады група беларускіх дзеячоў вырашыла аддзяліць культурную працу ад палітыкі. З успамінаў А. Луцкевіча, ініцыятарам такой змены ў тактыцы барацьбы выступаў Б. Тарашкевіч, які на той час знаходзіўся ў польскай турме [43, с. 256]. Паводле разлікаў, неабходна было засяродзіцца на дзейнасці культурна-асветніцкіх арганізацый і спрабаваць знайсці кампраміс з польскімі ўладамі, а менавіта з санацыйным урадам Пілсудскага, каб пазбегнуць далейшых рэпрэсій у адносінах да беларускага руху ў Польшчы. Ажыццяўляць гэтыя ідэі было наканавана дзеячам, вызваленым з-пад арышту пасля працэса над Грамадой, у прыватнасці, А. Луцкевічу, Р. Астроўскаму, Я. Шнаркевічу [43, с. 257]. Свае пазіцыі А. Луцкевіч абгрунтоўваў наступным чынам: «Трэба выкарыстоўваць усякія магчымасці, каб змагацца з дэнацыяналізацыяй» [44, с. 4].

Пачатак дзейнасці згаданай групы можна аднесці да лютаўскіх падзеяў 1929 г. у Віленскай беларускай гімназіі. Тады дырэктар гімназіі Р. Астроўскі выключыў з яе некалькі вучняў, падазраваных у камуністычнай агітацыі, праводзячы тым самым лінію аддзялення школьніцтва ад палітыкі [45, с. 176]. Таксама ў маі 1929 г. частка сяброў Таварыства беларускай школы (ТБШ) пачала актыўна дамагацца «дэпалітызацыі» арганізацыі. На нелегальным з'ездзе ТБШ 19 мая 1929 г. гэтыя дзеячы былі абвінавачаны ў «шкоднай дзейнасці» і выключаны са складу таварыства [3, с. 47; 43, с. 258]. Паступова ў беларускай нацыянальна-дэмакратычнай і левай прэсе пачалася вострая крытыка дзейнасці гэтай групы, якая за свае памяркоўныя пазіцыі і спробы «аздараўлення» мясцовага палітычнага жыцця атрымала назву «беларускай санацыі» (адзін з першых фактаў выкарыстання гэтага азначэння сустракаецца ў газеце «Беларуская крыніца» за 14 ліпеня 1929 г. – А.Г.). У айчыннай гістарыяграфіі замест тэрміна «беларуская санацыя» нярэдка выкарыстоўваецца іншае найменне – група Луцкевіча – Астроўскага.

У канцы 1929 г. група пачала выдаваць газету «Наперад», дзякуючы якой пашырала ідэю т.зв. «пазітыўнай працы». У агульным плане «беларуская санацыя» адмаўлялася ад радыкальных метадаў барацьбы і заклікала беларусаў займацца актыўнай культурна-асветніцкай дзейнасцю, у прыватнасці, пашырэннем сеткі беларускіх школ. Нацыянальную працу неабходна было ажыццяўляць выключна канстытуцыйным шляхам [46, с. 1]. Таму дзеячы групы Луцкевіча – Астроўскага імкнуліся наладзіць кантакты з польскімі ўладамі, каб паказаць, што беларусы з'яўляюцца раўнапраўнымі грамадзянамі Польшчы і таму маюць права на падтрымку свайго нацыянальна-культурнага развіцця з боку дзяржавы. Гэтыя погляды былі агучаны, напрыклад, падчас сустрэчы прадстаўнікоў групы з прэзідэнтам Польшчы І. Масьціцкім у чэрвені 1930 г. [47, с. 184].

Каб надаць сваёй дзейнасці арганізацыйную форму, прадстаўнікі «беларускай санацыі» ўтварылі ў жніўні 1930 г. Цэнтральны саюз беларускіх культурна-асветных і гаспадарчых арганізацый і інстытуцый (Цэнтрсаюз), мэтай якога абвешчалася развіццё і сумесная каардынацыя культурнай, грамадскай і гаспадарчай працы беларускага

насельніцтва ў Польшчы. Як заўважыў Ю. Туронак, Цэнтрсаюз павінен быў стаць своеасаблівым «холдынгам», які аб'ядноўваў бы з цягам часу шматлікія культурныя арганізацыі памяркоўнага характару [48, с. 288]. Падчас устаноўчага сходу 27 верасня 1930 г. у Цэнтрсаюз увайшлі наступныя таварыствы і суполкі: Беларускае навуковае таварыства, Беларускі настаўніцкі саюз, Аб'яднанне беларускіх жанчын, Беларускае дабрачыннае таварыства, Бацькоўскія камітэты Віленскай, Наваградскай і Клецкай гімназій, Беларускі гаспадарчы звяз, кааператывы «Спулдзельца» і «Пчала», рэдакцыя часопіса «Саха». У прэзідыўм Галоўнай рады Цэнтрсаюза былі абраны А. Трэпка (старшыня), Р. Астроўскі (скарбнік), Ф. Акінчыц (сакратар), С. Кароль, І. Цеханоўскі і інш. [49, арк. 58].

Пры ўдзеле Цэнтрсаюза на тэрыторыі Заходняй Беларусі было адчынена каля 16 бібліятэк-чытальняў, арганізаваны шэраг адукацыйных лекцый, выдадзены некалькі брашур антысавецкай скіраванасці [48, с. 288; 50, с. 43–44]. Намаганьнямі Р. Астроўскага «беларуская санацыя» кожны месяц атрымлівала ад уладаў фінансавую субсідыю памерам 6 500 злотых, якая размяркоўвалася паміж арганізацыямі, аб'яднанымі ў Цэнтрсаюз [51, арк. 17]. Тым не менш дзейнасць Луцкевіча і Астроўскага, якая шмат у чым праходзіла толькі ў межах віленскага культурнага асяроддзя, не карысталася шырокай падтрымкай з боку беларусаў і пастаянна крытыкавалася левымі і нацыянальна-дэмакратычнымі групамі. Паступова па прычыне асабістых канфліктаў і адсутнасці рэальных вынікаў працы з Цэнтрсаюза пачалі сыходзіць найбольш актыўныя прадстаўнікі, у прыватнасці, Ф. Акінчыц і Я. Станкевіч [49, арк. 43]. Няздольнасць Цэнтрсаюза абараніць Клецкую беларускую гімназію, якую ўлады зачынілі ў чэрвені 1931 г., канчаткова паказала слабасць і недзеяздольнасць арганізацыі.

У канцы 1932 г. на месцы Цэнтрсаюза была створана новая арганізацыя – Таварыства беларускай асветы (ТБА), якая абвясціла выключна культурныя мэты распаўсюджвання роднай асветы [51, арк. 20]. Кіраўніцтва ТБА цесна супрацоўнічала і ўзгадняла сваю дзейнасць з мясцовымі адміністрацыйнымі ўладамі. На працягу 1933 г. сябры арганізацыі адчынілі 33 бібліятэкі-чытальні, правялі каля 10 лекцый на вёсках і зладзілі 4 спектакля вандроўнага тэатра [52, арк. 24; 53, с. 1]. Аднак неўзабаве ўнутры ТБА ўзнік канфлікт паміж двума лідарамі «беларускай санацыі» – Р. Астроўскім і А. Луцкевічам. Можна дапусціць, што асноўнай прычынай гэтага канфлікту былі амбіцыйныя памкненні Астроўскага адносна лідарства ў групе. Таксама яшчэ адной прычынай магла стаць распрацоўка далейшай стратэгіі працы. А. Луцкевіч разам са сваімі прыхільнікамі выступаў за пошук кампрамісаў з беларускімі хрысціянскімі дэмакратамі і іншымі нацыянальна-дэмакратычнымі суполкамі, а Астроўскі, са свайго боку, заклікаў працягваць лінію супрацоўніцтва з уладамі [4, с. 71]. Акрамя гэтага, да канфлікту яшчэ дадалася раскрыццё фінансавых злоўжыванняў Р. Астроўскага. Грамадскі суд, які праходзіў у 1934–1935 гг. паміж папличнікамі Луцкевіча і Астроўскім, вынес пастанову не на карысць апошняга, падкрэсліўшы, што той «хаатычна і арбітральна» распараджаўся грашыма розных беларускіх устаноў [51, арк. 211]. Гэты раскол прадвызначыў далейшы заняпад «беларускай санацыі». У 1936 г. улады перасталі выдаваць субсідыі для ТБА, а ў наступным годзе таварыства было афіцыйна ліквідавана [52, арк. 9].

Такім чынам, у Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд дзейнічаў шэраг беларускіх арганізацый праўрадавай арыентацыі. Гэтыя арганізацыі ў палітычных праграмах заклікалі беларусаў лаяльна адносіцца да польскіх уладаў, змагацца супраць беларускіх прасавецкіх і нацыянальна-дэмакратычных груп, актыўна супрацоўнічаць з польскім грамадствам. Аднак беларускія паланафілы не змаглі арганізацыйна ўзмацніць свае пазіцыі ў заходнебеларускім грамадска-палітычным жыцці. Фактычна ўся іх дзейнасць абмяжоўвалася лакальным асяроддзем Вільні, а правінцыйныя аддзелы некаторых арганізацый былі недзеяздольны ўплываць на настроі насельніцтва. Слабасць праўрадавай рыторыкі шмат у чым была абумоўлена палітыкай нацыянальнага ўціску беларусаў, ад-

сутнасцю ва ўладаў рэальнага плана сацыяльных і эканамічных рэформаў ва ўсходніх ваяводствах. Гэтыя акалічнасці цалкам нівеліравалі паланафільскую прапаганду і дазвалялі левым і нацыянальна-дэмакратычным сілам актыўна пашыраць свой уплыў на беларускае насельніцтва.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Чарнякевіч, А. Беларускія паланафілы і Грамада. 1925 – пачатак 1927 г. / А. Чарнякевіч // Гіст. альманах. – 2006. – Т. 12. – С. 64–78.
2. Пашкевіч, А. В. Беларускія паланафільскія арганізацыі і дзеячы падчас парламенцкіх выбараў у Польшчы ў 1922 г. / А. В. Пашкевіч // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII do XXI wieku / Pod red. P. Franaszka, A. N. Nieczuchrina. – Kraków : Wyd-wo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2007. – S. 161–164.
3. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч – Брэст, БрДУ. – 2008. – 319 с.
4. Gomółka, K. Białoruskie partie i organizacje prorządowe w II Rzeczypospolitej / K. Gomółka // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1997. – № 7. – S. 63–74.
5. Januszewska-Jurkiewicz, J. Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie w latach 1920–1939 / J. Januszewska-Jurkiewicz. – Katowice : Wyd-wo Uniwersytetu Śląskiego, 2010. – 710 s.
6. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). – F. 22. Ap. 1. V. 42.
7. LCVA. – F. 15. Ap. 2. V. 483.
8. Nie za harami // Jednaść. – 1921. – № 10. – S. 1.
9. Nasze credo // Jednaść. – 1921. – № 1. – S. 1.
10. Што зрабіла Краёвая сувязь Беларускаму Грамадзянству за апошнія два месяцы // Раніца. – 1922. – № 4. – С. 3–4.
11. Стэнаграма 3’езду Зах. Беларусі // Раніца. – 1921. – № 1. – С. 2–3; № 2. – С. 2.
12. Пашкевіч, А. В. Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921 – 1930 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. В. Пашкевіч. – Мінск, 2006. – 162 л.
13. Кароткі нарыс беларускага пытання. – Мінск : Логвінаў, 2009. – 396 с.
14. Цэнтральная навуковая бібліятэка НАН Беларусі імя Я. Коласа. Адзел рэдкай кнігі і рукапісаў. – Ф. 4. Воп. 1. Спр. 61.
15. Беларускі 3’езд // Беларускі шлях. – 1922. – № 2. – С. 3.
16. Чівекціме. Новыя сілы / Чівекціме // Беларускі шлях. – 1922. – № 6. – С. 2.
17. Zdradniki Baćkauščyny // Krynica. – 1922. – № 9. – S. 2.
18. Niomaniec. Kalectwa białoruskich dzieciak / Niomaniec // Krynica. – 1923. – № 8. – S. 5.
19. «Польская партыя» ў Беларускай Грамадзкай Сабраньні // Голас Беларуса. – 1924. – № 18. – С. 1–2.
20. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГр). – Ф. 662. Воп. 2а. Спр. 8.
21. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 189.
22. Наша праграма // Беларус. слова. – 1926. – № 1. – С. 1.
23. Паўлюкевіч, А. Хто вінаваіцы? / А. Паўлюкевіч // Грамадскі голас. – 1925. – № 23. – С. 2–3.
24. LCVA. – F. 15. Ap. 2. V. 232.
25. ДАГр. – Ф. 662. Воп. 3. Спр. 11.
26. Лідчанін. Трэіцяга мая ў Лідзкай царкве / Лідчанін // Беларус. справа. – 1926. – № 7. – С. 6.

27. «Апец духоўны» стараецца! // Наш голас. – 1927. – № 10. – С. 4.
28. Хмара, С. Кароткія даныя аб сабе / С. Хмара [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://belarus8.tripod.com/ZapisyBINIM/24.05.htm>. – Дата доступу: 14.05.2014.
29. LCVA. – F. 53. Ap. 23. B. 831.
30. Зъезд Заходняй Беларусі // Беларус. слова. – 1926. – № 20. – С. 1–4.
31. LCVA. – F. 53. Ap. 23. B. 778.
32. A-lis. Gudai, lenkų politika ir mes / A-lis // Vilniaus Aidas. – 1927. – № 52. – С. 1.
33. Аляхновіч, Ф. У капцюрох ГПУ / Ф. Аляхновіч. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 283 с.
34. Informator społeczno-polityczny Województwa Wileńskiego. – Wilno, 1927. – Zesz. 4, Roz. 3. – S. 3–23.
35. Smreczyński, K. Konferencja polonofilskiej grupy F. Umiastowskiego / K. Smreczyński // Kurjer Wileński. – 1927. – № 256. – S. 2.
36. БДАМЛіМ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 213.
37. 3 жыцця Беларускае Радыкальнае Народнае Партыі // Беларус. дзень. – 1927. – № 35. – С. 2–3.
38. LCVA. – F. 51. Ap. 7. B. 296.
39. Умястоўскага «агітатары» працуюць // Голас працы. – 1928. – № 1. – С. 6.
40. Czerniakiewicz, A. Raporty Romualda Ziemkiewicza z lat 1923–1925 / A. Czerniakiewicz // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2007. – № 27. – S. 224–275.
41. ДАГр. – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 974.
42. ДАГр. – Ф. 664. Воп. 3. Спр. 8.
43. Луцкевіч, А. Да гісторыі беларускага руху / А. Луцкевіч. – Беласток : Беларус. гіст. тав-ва ; Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2010. – 342 с.
44. Склубоўскі, В. 3 мінулых год / В. Склубоўскі // Ніва (Беласток). – 1982. – № 25. – С. 4–5.
45. Сідарэвіч, А. Хроніка пераломнага часу: Антон Луцкевіч як ідэолаг і правадыр нацыянал-фашызму і нацыянал-дэмакратыі / А. Сідарэвіч // Дзеяслоў. – 2004. – № 8. – С. 167–194.
46. Эра [Астроўскі, Р.]. Яшчэ адна – можа апошняя – спроба / Эра [Р. Астроўскі] // Наперад. – 1930. – № 21. – С. 1.
47. Ладысеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам. Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 2003. – 307 с.
48. Туронак, Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. – Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2006. – 877 с.
49. LCVA. – F. 53. Ap. 23. B. 2078.
50. Цэнтрсаюз і яго праца // Беларус. каляндар на 1932 г. – Вільня, 1932. – С. 43–44.
51. БДАМЛіМ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 270.
52. LCVA. – F. 53. Ap. 23. B. 2005.
53. За мінулы год // Родны край. – 1933. – № 25. – С. 1.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.06.2014

Gorny A.S. Belarusian Polonophilic Organization in Western Belarus (1921–1937): Organizational Structure and Program

In the article is considering the problem of activity of Belarusian polonophilic organizations in Western Belarus in the interwar period. The main attention is paid to the analysis of the organizational structure of the polonophilic flow in Belarusian movement and review the political programs of Krajovaja сувяз, Temporary Belarusian Council, Belarusian radical People's Party, group a Lutskievich – Astrouski and other organizations. The author pointed low impact belarusian polonophilic organizations on the socio-political life in Western Belarus.

УДК 94(476)

Е.Я. Олесик*учитель истории Олтушской средней школы
Малоритского района Брестской области***ПОДГОТОВКА ЖЕНЩИН-СПЕЦИАЛИСТОВ В ВУЗАХ БССР (1944–1991 гг.)**

В статье рассматриваются основные направления подготовки женщин-специалистов в вузах БССР в 1944–1990 гг., исследуется динамика доли женщин в вузах, определяются факторы, обусловившие изменение представительства студенток на различных профессиональных направлениях и формах обучения. На основании статистических данных было установлено, что динамика женщин в вузах имела неравномерный характер, выделены четыре этапа изменения доли женщин в составе студентов. Первый этап (1944–1946 гг.) характеризуется наибольшей степенью феминизации студенческого состава; второй (1947–1960 гг.) – сокращение доли студенток в вузах; третий (1961–1986 гг.) – период возобновления роста доли женщин в студенческом контингенте; четвёртый (1987–1991 гг.) – снижение доли женщин в вузах республики. На основе сравнительного анализа доказывается, что образовательная политика БССР обеспечивала равноправие женщин и мужчин на получение высшего образования, но доля женщин в числе студентов вузов на разных этапах определялась рядом факторов, в том числе особенностями демографической ситуации, образовательной социальной политики государства.

Введение

Рост числа женщин-специалистов – одна из наиболее заметных тенденций послевоенного развития БССР. Изучение исторического опыта подготовки специалистов в вузах и изменения состава студенчества может способствовать определению причин, масштабов, образовательных и социальных последствий феминизации высшей школы.

Общей чертой историографии развития высшего образования и положения женщин в БССР является недостаточная исследованность этих проблем. Вопросы подготовки кадров в контексте развития всей системы высшего образования БССР на разных исторических этапах затрагивали Н.И. Красовский [1], Е.И. Фирсова [2], И. Ильюшин, С. Умрейко [3] и другие авторы. Более пристальное внимание исследователи высшей школы уделяли вопросам развития педагогического образования – наиболее феминизированной отрасли высшего образования. Г.А. Качан в фундаментальном труде о развитии высшего педагогического образования БССР в 1944–1960 гг. дала комплексный анализ условий развития, направлений и содержания педагогического образования [4]. Значительный интерес представляют работы И.А. Андарало, который впервые в качестве самостоятельного объекта исследования выделил развитие заочного образования, дал характеристику основным тенденциям и проблемам развития высшего заочного педагогического образования в 1930–1940-х гг. [5; 6]. В.И. Андрееву и А.В. Степанову [7] удалось выявить ряд особенностей развития белорусской системы образования, в том числе высшей школы, на основе сравнительного анализа опыта развития отечественного и зарубежного образования.

Среди исследований гендерного направления необходимо отметить работы И.Р. Чикаловой, осуществившей исследование влияния гендерных стереотипов на профессиональный рост женщин в науке, выявление ряда противоречий в политике советской власти по обеспечению равенства мужчин и женщин в БССР [8; 9]. Вместе с тем в трудах по истории высшей школы советского и постсоветского периодов отсутствует анализ подготовки женщин-специалистов, хотя в некоторых работах обращается внимание на проблему феминизации высшего образования. По сравнению с историками и педагогами несколько большей активностью в изучении гендерных проблем высшего образования отличались социологи. Так, социологические исследования 1980–1990-х гг. показали различие ценностных и мотивационных установок у студентов и студенток,

выявили ряд проблем в подготовке кадров [10; 11]. Однако в целом комплексный исторический анализ подготовки женщин в вузах БССР осуществляется впервые.

Данная статья имеет целью восполнить пробел в отечественной исторической науке и представить анализ подготовки женщин-специалистов в контексте общего развития образовательных процессов в БССР 1944–1990 гг.

Отличительной чертой развития высшей школы в первые годы после окончания войны стала ярко выраженная феминизация студенчества, обусловленная резким сокращением и изменением половозрастного состава населения БССР в период Великой Отечественной войны. Возобновление деятельности вузов инициировало резкий приток женщин в высшее образование. Возрастанию интереса женщин к высшему образованию способствовали военный «образовательный люфт» (отсутствие возможности приобрести высшее образование), повышение производственной и семейной роли женщин в военные годы. Однако сохранились традиционные профессиональные предпочтения.

Анализ половозрастной структуры студентов вузов БССР в 1944/45 учебном году затруднен из-за послевоенной территориальной мобильности студентов и недостаточно чёткого ведения документации в вузах. Отчёты вузов за 1945/46 учебный год свидетельствуют о росте удельного веса женской составляющей студенчества и доминировании женщин-специалистов в педагогических вузах. В этом учебном году общее количество студенток в вузах БССР на очной форме обучения составляло 6 587 человек, из них 3 865 человек (3/5 общего количества студентов БССР) обучались в вузах педагогического профиля (педагогических и учительских институтах, БГУ) [12, л. 9–36], а доля женщин в вузах на дневных отделениях достигла наивысшего показателя – 80% (рассчитано по: [12, л. 9–36]).

Восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства БССР в годы IV пятилетки (1946–1950 гг.) сопровождалось снижением удельного веса женщин в составе обучающихся вузов: в 1946/47 учебном году доля студенток в вузах БССР составляла 67% (рассчитано по: [13, л. 10, 11, 13–16, 21, 24, 25, 27]). Тенденция выравнивания полового состава студенчества сохранялась до конца пятилетки, когда темпы роста числа женщин в вузах отставали от общих темпов увеличения числа студентов. В частности, общее количество студентов с 1945 по 1950 гг. увеличилось на 62%, а женщин – только на 17% (рассчитано по: [12, л. 8; 14, л. 15–46]). Анализ структуры студенчества вузов БССР в годы первой послевоенной пятилетки показывает значительные колебания в составе учащихся вузов. Если первые годы перехода к мирной жизни отмечены интенсивной феминизацией студенческого состава, то с 1946/47 учебном года прослеживается курс на уменьшение удельного веса женщин в вузах БССР. Темпы роста численности студенток в вузах значительно сократились и начали отставать от общих показателей увеличения студенческого контингента.

На следующем этапе (1950–1960-х гг.) динамика удельного веса женщин в вузах БССР была во многом обусловлена реструктуризацией системы высшего образования в пользу технического образования. Политехнизация обучения, предоставление преимуществ при зачислении в вузы лицам, имеющим стаж практической работы, курс на приоритетное развитие высшего образования без отрыва от производства препятствовали росту удельного веса женщин в вузах страны. На протяжении 1950-х гг. было осуществлено массовое сокращение педагогических заведений на территории БССР, были закрыты все учительские институты, ликвидирован Полоцкий педагогический институт. Вместе с тем много внимания со стороны государственных и партийных органов в 1950–1960 гг. уделялось подготовке кадров для промышленности, строительства и сельского хозяйства [15, с. 45]. С целью подготовки инженерно-технических кадров были открыты Белорусский институт инженеров железнодорожного транспорта в Гоме-

ле (1953 г.) и Белорусский институт механизации сельского хозяйства (1954 г.). Эти два новых вуза технического профиля пользовались популярностью и среди девушек. В 1954/55 учебном году среди студентов дневной формы обучения в Белорусском институте инженеров железнодорожного транспорта женщины составляли 23%, в Институте механизации и электрификации – 10% (рассчитано по: [16, л. 32, 49]). Выросли наборы студентов и в другие технические и сельскохозяйственные вузы республики.

Приоритетное развитие высшего технического и сельскохозяйственного образования, непопулярного среди девушек, повлияло на сокращение их удельного веса в составе студенческого контингента вузов БССР в период 1950–1960 гг. с 60% до 42% (рассчитано по: [17, л. 7,36; 18, л. 12, 19, 24]). Однако, несмотря на общее сокращение числа женщин в системе высшего образования, реформы, проведенные в первой половине 1950-х гг., по-разному отразились на половом составе студенчества отдельных вузов. С одной стороны, значительное увеличение набора в Витебский ветеринарный, Витебский и Минский медицинский институты, Белорусский лесотехнический институт не отразилось на росте числа женщин: количество студенток в данных вузах сокращалась [14, л. 21, 57, 58; 16, л. 17, 18, 30]. С другой стороны, прекращение приёма в учительские институты способствовало усилению феминизации традиционно популярных у девушек вузов: БГУ, Институт народного хозяйства, педагогические институты. В частности, число девушек на дневных отделениях данных вузов в 1954/55 учебном году по сравнению с 1949/50 учебным годом выросло: в БГУ на 7%, в Институте народного хозяйства на 8%, в педагогических институтах на 3% (рассчитано по: [14, л. 15, 53, 56; 16, л. 11, 45, 46]). Кроме того, многие девушки в условиях сокращения мест на популярных педагогических, медицинских, гуманитарных направлениях более активно вынуждены были выбирать технические специальности.

Одним из направлений реформы 1958 г., нацеленной на укрепление связи образования с жизнью, было расширение сети вузов во всех районах страны и ежегодное увеличение численности студенческого контингента [15, с. 69]. Росту количества студентов вузов на рубеже 1950–1960-х гг. способствовало повышение спроса на высшее образование, связанное с увеличением числа выпускников средних школ и отменой в 1956 г. платы за среднее и высшее образование. Однако, несмотря на стремительный количественный рост студенчества в БССР, со второй половины 1950-х гг. высшее образование перестаёт быть доступным в равной мере для всех граждан. Государство, взяв на себя все расходы по подготовке специалистов, усилило контроль над составом студентов вузов, что проявлялось в ежегодном изменении правил приёма в высшие учебные заведения. Изменение политики приёма в вузы также повлияло на снижение доли женщин в вузах БССР. Как следствие, в 1960/61 учебном году среди зачисленных на первый курс девушки составляли всего 45% (рассчитано по: [19, л. 176–179]).

Реформа 1958 г. в качестве основного пути развития высшей школы определяла вечернее и заочное образование [20, с. 30–32]. Темпы роста числа студентов заочных и вечерних отделений в 1960–1965 гг. значительно превышали темпы роста числа студентов стационарных отделений [21, л. 47; 22, с. 150, 151]. В 1960-х гг., когда было популярно получение образования без отрыва от производства, доля студенток в общем числе студентов-заочников была невысокой. В 1959/60 учебном году для получения высшего образования заочной формой обучения воспользовались 31% студенток БССР. Достаточно низкую долю женщин в общем числе студентов заочных отделений в 1955–1960 гг. можно объяснить ликвидацией учительских институтов, а также активным освоением заочной формы вузами непедагогических профилей. Если в 1954/55 учебном году на заочных отделениях педагогических и учительских институтов обучалось 11 529 студентов (в том числе 6 986 девушек), то в 1960/61 учебном году в педагогических институтах было всего 4 417 студентов-заочников (рассчитано по: [23, л. 5, 7;

18, л. 80, 102, 119, 120, 142, 178]). Для многих женщин обучение без отрыва от производства было проблематично использовать из-за необходимости совмещать работу, учёбу и семью. Большинство студенток вечерней и заочной форм обучения были в возрасте 20–30 лет – наиболее благоприятном для вступления в брак. По данным переписи 1959 г., число замужних женщин в возрасте до 24 лет было вдвое выше, чем женатых ровесников-мужчин (рассчитано по: [24, л. 10, 23, 36, 51, 65, 71, 79, 96]). Наличие семьи часто создавало значительные трудности даже для присутствия на сессии. Сочетание женщинами работы, учебы и семейных обязанностей в 1950–1960-х гг. в значительной степени было затруднено низким уровнем сферы обслуживания в республике. Именно этот период характеризуется наименьшим представительством женщин среди студентов вечерних и заочных отделений вузов.

В первой половине 1960-х гг. многие мероприятия реформы 1958–1959 гг. были признаны неэффективными и отменены, однако постоянное рост числа студентов технических вузов и приоритетное развитие технического образования превратились в устойчивую тенденцию развития высшего образования БССР. Увеличение приёма на педагогические специальности, пересмотр положений реформы 1958–1959 гг., возвращение в середине 1960-х гг. дневной форме обучения приоритета в процессе подготовки специалистов способствовали устойчивому росту представительства женщин в вузах БССР. Начиная с 1961/62 учебного года доля женщин в вузах БССР неуклонно росла и достигла в 1986/87 учебном году 61% [25, с. 108].

Крах эксперимента по приоритетному развитию заочного образования повлёк за собой сокращение либо закрытие многих заочных отделений, как правило технического профиля. Главными профессиональными направлениями, за счёт которых продолжали развиваться заочные отделения, были педагогические, гуманитарные и экономические (наиболее феминизированные специальности). В 1965–1971 гг. численность студентов дневных отделений была увеличена на 33,3 тыс. человек, в то время как число студентов заочных и вечерних отделений выросло всего на 9,5 тыс. человек. В целом в 1960–1970-х гг. наблюдается устойчивый рост доли женщин на всех формах обучения без отрыва от производства. Удельный вес женщин в вузах за этот период вырос с 45% в 1964/65 учебном году до 52% в 1970/71 (рассчитано по: [26, л. 8–10, 27, л. 12, 17, 21]). В ряде вузов: педагогических институтах, Институте народного хозяйства, Витебском технологическом институте – доля девушек в общем числе студентов вечерних отделений была выше, чем на стационаре (например, в 1959/60 учебном году в Минском педагогическом институте [18, л. 184]). В педагогических институтах на специальностях «Иностранный язык» без отрыва от производства в 1970/71 учебном году удельный вес женщин превышал долю женщин на дневном отделении (на заочном она достигла 92%, на вечернем – 91%, на дневном – 85%) (рассчитано по: [28, л. 3–5]). В 1980/81 учебном году в Мозырском педагогическом институте 99% студентов вечернего отделения составляли женщины (рассчитано по: [29, л. 48]). Однако вечерняя форма обучения не получила широкого распространения в педагогических вузах и применялась в основном при подготовке специалистов для различных отраслей промышленности и транспорта.

Росту представительства женщин на всех формах обучения способствовала также успешная политика советского государства в 1960–1980-х гг. по развитию сферы обслуживания и расширению сети дошкольных учреждений. Кроме того, в первой половине 1980-х гг. из-за снижения количества выпускников средних школ в условиях непрерывного увеличения числа студентов вузы снова столкнулись с проблемой набора, уменьшением конкурса и снижением требований к абитуриентам. Расширение доступности обучения в 1980-е гг. привело к дальнейшей феминизации студенчества. Феминизация студенчества вузов в 1960–80-е гг. во многом была связана и с падением престижа образования. После взятого в 1960-х гг. правительством БССР курса на формиро-

вание социально однородного общества, сопровождавшегося выравниванием доходов населения путем повышения зарплаты рабочих и служащих-неспециалистов, высшее образование перестало быть гарантией материального достатка. Более того, экономически неоправданное расширение количества студентов вузов в сочетании с проводимой политикой всеобщей занятости и обязательным трудоустройством всех молодых специалистов привели к созданию большого количества рабочих мест с низкой заработной платой и отсутствием определённых обязанностей. Уже в первой половине 1960-х гг. Центральное статистическое управление БССР отмечало, что многие специалисты, окончившие сельскохозяйственные вузы, работают в различных отраслях промышленности, в культурно-просветительских учреждениях, а также занимаются другой деятельностью, не связанной с сельским хозяйством. В дальнейшем эта проблема стала актуальной и для других отраслей народного хозяйства БССР [30, л. 133]. В 1986 г. в проекте постановления ЦК КПСС по реформированию высшей и средней специальной школы отмечалось, что в СССР каждый второй специалист с высшим образованием в промышленности работает на должности, не требующей подобной квалификации и специальности [31, с. 1–6].

Выяснение, почему на отдельных машиностроительных предприятиях дипломированные инженеры и техники трудятся как рабочие показало, что 62% этих специалистов были простыми рабочими из-за более высокого заработка [32, л. 238]. С другой стороны, общее снижение уровня высшего образования и требований к специалистам сделали более привлекательным высшее образование для значительного числа женщин. В условиях реализации в советском обществе курса на массовое привлечение женщин в экономику диплом давал возможность иметь чистую и необременительную «женскую» работу, что также способствовало повышению среди женщин спроса на высшее образование [33, с. 5].

Социально-экономические преобразования времён «перестройки» в 1987–1991 гг. привели к сокращению доли женщин в составе студенчества вузов БССР с 61% до 52% [34, с. 207]. Впервые за многие годы численность женщин-студенток вузов сократилась с 109,8 тыс. человек в 1986/87 учебном году до 98,7 тыс. человек в 1990/91 учебном году [35, л. 12; 36, л. 2]. При этом больше всего это сокращение в 1987–1991 гг. наблюдалось в промышленных (с 48% до 31%) и сельскохозяйственных (с 38% до 31%) вузах [34, с. 207].

Основной причиной сокращения числа студенток в вузах являлось реформирование системы высшего образования. Демократизация общественно-политической системы содействовала вскрытию многих недостатков в системе высшего образования СССР [31, с. 1–18]. Согласно постановлению Пленума ЦК КПСС от 18 февраля 1988 г. «О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по её осуществлению» была ликвидирована ведомственность в системе высшего образования, все белорусские вузы были подчинены Министерству народного образования БССР, что позволило упростить управление ими [37, с. 1–7]. Важным направлением реформирования высшего образования в данный период являлось расширение взаимодействия вузов и отраслей народного хозяйства через подготовку для предприятий специалистов на договорной основе [31, с. 1–18]. Практика подготовки специалистов за счёт предприятий получила в 1980-х гг. более широкое распространение, чем в 1960-х гг. В 1985 г. были значительно расширены целевые наборы в педагогические вузы и университеты; впервые произведён приём абитуриентов по целевым путёвкам организаций и предприятий в Белорусском институте народного хозяйства, в Витебском технологическом институте лёгкой промышленности, Могилёвском технологическом институте [32, л. 75]. Переход промышленных и сельскохозяйственных предприятий на самофинансирование и хозрасчёт содействовал тому, что они в большей степени, чем государственные орга-

низации, были заинтересованы в эффективном использовании средств на подготовку специалистов. Однако, несмотря на существовавшие обязательства молодых специалистов, подготовленных за счёт предприятий, советское законодательство позволяло женщинам избегать трудоустройства на предприятии, направившем их на обучение. Кроме того, учитывая льготы, которые были предоставлены женщинам-матерям советским законодательством в 1970–80-х гг. (для работодателя молодой специалист – женщина был не выгоден), предприятия предпочитали направлять на учёбу и брать на работу юношей. Как следствие, женщины оказались наиболее уязвимой категорией населения в вопросах трудоустройства. Во второй половине 1991 г. их удельный вес в числе безработных составлял 83%, при этом 68% всех безработных имели высшее образование [38, с. 4, 7].

В конце 1980-х гг. более активно, чем в предыдущий период, руководство системой высшего образования БССР заботилось о привлечении на учёбу в вузы мужчин. В результате усиления профессиональной ориентации среди юношей долю женщин в педагогических вузах в 1990/91 учебном году удалось снизить до 71%, в медицинских – до 70%, в экономических – до 76% [39, л. 1–2].

Одним из факторов, способствовавших в 1989–1991 гг. уменьшению удельного веса женщин в вузах, был рост популярности высшего образования среди юношей, вызванный предоставлением в 1989 г. студентам вузов отсрочки от призыва на действительную военную службу [40, с. 1–3].

Заключение

В хронологических рамках, ограниченных завершением Великой Отечественной войны и распадом СССР, в изменении полового состава студентов высших учебных заведений БССР можно выделить четыре фазы: 1) 1944–1946 гг.; 2) 1947–1960 гг.; 3) 1961–1986 гг.; 4) 1987–1991 гг.

В 1944–1946 гг. студенческий контингент вузов всех отраслевых групп отличался наибольшей феминизацией, обусловленной демографическими особенностями послевоенной структуры населения и ростом образовательных потребностей женщин.

В 1947–1960 гг. доля женщин в вузах БССР сокращалась в результате перехода к мирной жизни, профессиональной реструктуризации высшего образования, а также реформы высшего образования конца 1950-х гг., достигнув наименьшего показателя за весь послевоенный период истории БССР.

Период 1961–1986 гг. характеризовался устойчивым ростом удельного веса женщин в вузах БССР, главными причинами которого являлись активное расширение студенческого контингента педагогических вузов, политика привлечения женщин в народное хозяйство, падение престижа и рост доступности высшего образования.

В 1987–1991 гг. произошло снижение удельного веса студентов-женщин в вузах БССР, которое было вызвано преобразованием общественно-политической системы и высшей школы.

Основная роль в подготовке специалистов-женщин принадлежала стационарной форме обучения, обеспечивавшей качественное образование. Расширение более востребованных у женщин педагогических специальностей заочных отделений и преобладание технических специальностей на вечерних формах получения образования вели к росту значимости заочного образования в подготовке женщин-специалистов за счет вечернего. Тенденция увеличения доли женщин в студенческом контингенте на отделениях обучения без отрыва от производства, требующих значительных усилий, свидетельствует об успехах советского государства в создании условий для сочетания обучения, работы и материнства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красовский, Н. И. Высшая школа Советской Белоруссии: история, события, факты / Н. И. Красовский. – 2-е изд., перераб. и расш. – Минск : Выш. шк., 1972. – 330 с.
2. Фирсова, Е. И. Подготовка специалистов для народного хозяйства и культуры БССР / Е. И. Фирсова. – Минск : Наука и техника. – 1976. – 176 с.
3. Ильюшин, И. М. Народное образование в Белорусской ССР / И. М. Ильюшин, С. А. Умрейко. – Минск : Учпедгиз Белорус. ССР, 1961. – 201 с.
4. Качан, Г. А. Развитие системы высшего педагогического образования в Белоруссии (в период с 1944 по 1960 годы) / Г. А. Качан : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 – Минск : БГПУ имени М. Танка, 1995. – 19 с.
5. Андарало, И. А. Заочное высшее педагогическое образование Беларуси в послевоенный период (1946–1950 гг.) / И. А. Андарало // Адукацыя і выхаванне. – 2003. – № 2. – С. 69–72.
6. Андарало, И. А. Становление и развитие заочного высшего педагогического образования (30–40-е гг. XX в.) / И. А. Андарало. – Минск : БГПУ, 2003. – 73 с.
7. Андреев, В. И. Реформы высшего образования в постсоциалистических странах Европы на рубеже веков / В. И. Андреев, В. А. Степанов. – Минск : НИО, 2000. – 96 с.
8. Чикалова, И. Р. Социальная идентичность ученых-белорусок / И. Р. Чикалова // Перекрестки. – 2006. – № 3/4. – С. 159–174.
9. Чикалова, И. Р. «Я знала, что красивым девушкам неприлично заниматься физикой...». Женский путь в науку и конструирование дискриминационных практик / И. Р. Чикалова // Гендер и проблемы коммуникативного поведения : сб. материалов Третьей междунар. науч. конф., Полоцк, 1–2 нояб. 2007 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Гугнин [и др.]. – Полоцк, 2007. – С. 7–8.
10. Молодёжь и высшее образование в социалистических странах. – М. : Наука, 1984. – 142 с.
11. Выбор молодежью жизненного пути: опыт межрегионального социологического исследования / Т. И. Адуло [и др.] ; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права ; под ред. Е. М. Бабосова, М. Х. Титмы. – Минск : Наука и техника, 1988. – 158 с.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 30. Оп. 5. Д. 480.
13. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 821.
14. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 2232.
15. Народное образование в СССР: общеобразовательная школа : сб. док-тов. 1917–1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – 559 с.
16. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 4475.
17. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 2675.
18. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 6603.
19. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 73. Д. 210.
20. Аб умацаванні сувязі школы з жыццём і аб далейшым развіцці сістэмы народнай адукацыі ў краіне : тэз. ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларус. ССР, 1958. – 40 с.
21. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 73. Д. 209.
22. Развитие народного хозяйства Белорусской ССР за 20 лет, 1944–1963 гг. : стат. сб. / Центр. стат. упр. при Совете Министров Белорус. ССР ; подгот.: Т. М. Антонова [и др.]. – Минск : Беларусь, 1964. – 214 с.
23. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 4478.
24. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 7149.
25. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1988 г. : стат. ежегодник / Гос. ком. Белорус. ССР по статистике. – Минск : Беларусь, 1989. – 264 с.

26. НАРБ. – Ф. 1250. Оп. 1. Д. 2210.
27. НАРБ. – Ф. 1250. Оп. 1. Д. 5177.
28. НАРБ. – Ф. 1220. Оп. 2. Д. 16.
29. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 7. Д. 1990.
30. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 9. Д. 700.
31. Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране : проект ЦК КПСС // Бюл. М-ва высш. и сред. спец. образования СССР. – 1986. – № 7. – С. 1–18.
32. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 10. Д. 514.
33. Терещенко, О. Вверх по лестнице, ведущей вниз? Парадоксы эмансипации по-советски / О. Терещенко // Иной взгляд. – 2000. – Май. – С. 4–6.
34. Народное хозяйство Республики Беларусь в 1991 г. : стат. сб. / Гос. ком. Респ. Беларусь по статистике и анализу. – Минск : Беларусь, 1993. – 263 с.
35. НАРБ. – Ф. 1250. Оп. 5. Д. 3395.
36. НАРБ. – Ф. 1250. Оп. 5. Д. 8202.
37. О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по ее осуществлению : постановление Пленума ЦК КПСС, 18 февр. 1988 г. // Бюл. М-ва высш. и сред. спец. образования СССР. – 1988. – № 4. – С. 1–8.
38. Социально-демографические характеристики безработных в Республике Беларусь : по материалам исслед. 1991–1992 гг. / Респ. центр занятости населения Респ. Беларусь. – Минск, 1992. – 10 с.
39. НАРБ. – Ф. 1250. Оп. 5. Д. 8202.
40. О предоставлении отсрочки от призыва на действительную военную службу и изменениях в организации военной подготовки студентов высших и учащих средних специальных учебных заведений : приказ Гос. ком. СССР по нар. образованию, 6 мая 1989 г., № 392 // Бюл. Гос. ком. СССР по нар. образованию. Сер. Высш. и сред. спец. образование. – 1989. – № 8. – С. 1–2.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.12.2014

Olesik K.Y. Preparation of Women-specialists in the Institutes of Higher Education of BSSR (1944–1991)

In the article the main directions of preparation of women-specialists in the institutes of higher education of the BSSR since 1944 till 1991 are considered, dynamics of women's part in high schools is researched, the factors which have caused the change of representation of female students at various professional directions and modes of study are determined. On the basis of the statistical data it has been established that dynamics of women in the institutes of higher education had uneven character, four stages of change of women's share as a part of students are marked out. It is proved that ensuring of equality of women and men at higher education was due to a complex of factors: educational and social policy, a demographic situation, etc.

УДК 94 (314.148)

А.М. Жаркенова

*канд. ист. наук, доц. каф. истории Казахстана
Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева
г. Астана, Республика Казахстан*

ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В 1991–2014 гг.

Демографический потенциал в полной мере определяет успешность развития страны. Его значимость особенно возрастает в переломные периоды истории, в то время когда государство решает задачи модернизационного прорыва. Успешность модернизации Казахстана, страны, огромной по территории, но обладающей малочисленным населением, напрямую зависит от эффективности демографической политики. Первое десятилетие независимости республики в силу объективных и субъективных причин ознаменовалось масштабным сокращением численности населения. Начало нового века принесло появление новых тенденций, в результате которых сегодня численность населения страны превысила 17 млн человек (самый высокий показатель в истории Казахстана). Анализ современной ситуации свидетельствует о том, что позитивные тенденции упрочились и развиваются и по прогнозу до 2020 г. численность населения вырастет до 20 млн.

Введение

Республика Казахстан входит в девятку крупнейших государств мира, занимая огромную площадь, равную 2 724,9 тыс. км². В то же время по численности населения страна находится лишь на 62 месте: по данным на 01.03.2014 г. в Казахстане проживало 17 207 594 человека. На территории республики четко выделяется несколько экономико-географических районов: Северный, Западный, Восточный, Центральный и Южный, – имеющих довольно существенные различия в численности населения. Ограниченность человеческих ресурсов сильно затрудняет реализацию задач форсированной модернизации в Республике Казахстан. С первых лет независимости демографическая политика в стране была направлена прежде всего на рост численности населения.

Целью данного исследования является анализ динамики изменения численности населения Казахстана в 1991–2014 гг.

Выдвинутая цель определила следующие задачи:

- 1) определить причины уменьшения численности населения;
- 2) выявить тенденции и динамику количественных показателей движения населения;
- 3) дать прогноз численности населения Казахстана до 2050 г.

Население Казахстана: состояние и тренды

На протяжении последнего десятилетия XX – начала XXI вв. динамика численности населения Казахстана претерпела значительные изменения. Негативные демографические итоги первых лет суверенитета зафиксировала перепись населения Республики Казахстан, проведенная в 1999 г. Резкое сокращение воспроизводства, огромный миграционный отток привели к значительному уменьшению численности населения, прежде всего некоренного. Долговременны ли демографические тенденции, определявшие ход событий в 1990-е гг., формируются ли в начале XXI в. новые, каковы перспективы демографического развития страны в близкой и более отдаленной перспективе? Сегодня имеется достаточный статистический материал, позволяющий оценить инерционный потенциал прошлых явлений и увидеть нарождающиеся закономерности в демографическом развитии населения Республики Казахстан.

Таблица 1. – Изменение численности населения Казахстана в 1991–2014 гг., тыс. чел. [1, с. 6, 17, 28]

Год	Численность населения	Общий прирост
1991	16 793	170,5
1992	16 964	22,1
1993	16 986	– 43,3
1994	16 942	– 263,3
1995	16 679	– 135,2
1999	14 953	– 64,2
2000	14 889	– 47
2001	14 842	– 21
2005	15 074	123
2008	15 571	174
2009	15 982	411
2010	16 203	221
2011	16 440	237
2012	16 673	233
2013	16 910	237
2014	17 208	298

Вплоть до 1993 г. население Казахстана хотя и медленно, но ежегодно увеличивалось. С 1990 по 1992 гг. только показатель естественного прироста позволял обеспечивать абсолютный прирост населения республики и нейтрализовать влияние миграционных процессов. Год 1993 стал переломным: тогда была зафиксирована наибольшая численность населения Казахстана за всю историю. Но именно в этом году возросший показатель миграционной убыли превысил снизившийся показатель естественного прироста, что и сказалось на общей численности населения. С 1993 г. численность населения республики ежегодно сокращается. К началу 2002 г. число жителей Казахстана (по сравнению с началом 1993 г.) уменьшилась на 12,7%. Но к 1 января 2005 г. население страны увеличилось по сравнению с 1999 г. и превысило 15 млн человек.

Первая Казахстанская перепись 1999 г. зафиксировала сокращение численности населения в 1989–1999 гг. на 7,7%. Но после переписи наметилась тенденция некоторого роста (на 0,8% в 1999–2005 гг.) числа жителей. В начале XXI в. в результате роста рождаемости и положительного сальдо миграции численность населения Казахстана вновь стала расти и к 1 января 2005 г. население страны достигло 15 074 200 человек, увеличившись только за год на 123 тыс. человек, или на 0,8%.

Рост численности населения Республики Казахстан в 2002–2004 гг. стал возможен благодаря тому, что естественный прирост перекрывал отрицательное сальдо внешней миграции, а с 2004 г. численность населения Казахстана увеличивалась за счет обеих составляющих. В 2005–2009 гг. эти тенденции демографического роста оформились окончательно. При этом численность населения увеличивается все более быстрыми темпами. Среднегодовые темпы роста в 2005–2010 гг. были почти в 10 раз выше, чем в 1999–2005 гг. Ситуацию определяет процесс воспроизводства населения. В 2008–2009 гг., например, рост численности населения на 98% происходил за счет естественного прироста [2, с. 20].

По результатам Национальной переписи по состоянию на 25 февраля 2009 г. в Республике Казахстан численность постоянно проживающего на ее территории населения составила 16 009 597 человек. За период между переписями численность населе-

ния республики увеличилась на 1 028 316 человек. Прирост численности населения по сравнению с 1999 г. составил 6,9% [3, с. 3].

В дальнейшем сохранялась тенденция увеличения численности населения, которое по данным на 01.04.2014 г. составило 17 208 тыс. человек, то есть превысило максимальную численность, зафиксированную в 1993 г.

В целом современная ситуация характеризуется увеличением численности многонационального населения Республики Казахстан главным образом за счет естественного прироста. Но появились и укрепляются тенденции в сальдо миграции, которое впервые за десятилетия стало положительным. Происходят положительные изменения в размещении населения по областям и регионам (таблица 2).

Таблица 2. – Население Казахстана и его регионов в 1999–2013 гг., тыс. чел. [4, с. 5, 12, 24]

Регион	Год				
	1999	2003	2009	2012	2013
Казахстан	14 953,1	14 862,5	15 982,4	16 673,1	16 909,8
Акмолинская	836,3	748,2	738,8	731,3	732,7
Актюбинская	682,6	668,3	756,7	786,3	795,8
Алматинская	1 558,5	1 560,5	1 804,0	1 908,7	1 946,7
Атырауская	440,3	452	509,1	542,9	555,2
Восточно-Казахстанская	1 531	1 466	598,3	612,5	617,6
Жамбылская	988,8	979,5	1 020,8	1 055,8	1 069,9
Западно-Казахстанская	616,8	601,9	1 341,2	1 357,9	1 362,7
Карагандинская	1 410,2	1 333,6	886,3	879,5	879,9
Костанайская	1 017,7	919,1	677,7	712,9	726,7
Кызылординская	596,2	603,8	482,6	545,8	567,8
Мангистауская	314,6	338,5	2 462,8	2 621,5	2 678,9
Павлодарская	807	748,7	742,3	747,0	749,0
Северо-Казахстанская	726	682,1	597,5	583,6	579,5
Южно-Казахстанская	1 978,3	2 110,8	1 396,9	1 394,7	1 393,6
г. Алматы	1 129,4	1 147,5	1 361,9	1 449,8	1 475,4
г. Астана	319,3	502	605,3	742,9	778,2

В 2005 г. по сравнению с результатами переписи 1999 г. наибольшее падение численности населения (на 6–11%) произошло в Акмолинской, Костанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Карагандинской и Восточно-Казахстанской областях; во всех этих регионах доля русских по данным переписи 1999 г. была наибольшей и превышала среднюю по стране на 9–20%. Наибольший рост населения (на 5–15%) отмечен в Атырауской, Южно-Казахстанской и Мангистауской областях, где доля русских в 1999 г. была на 15–22% ниже средней по стране. На 7% выросло население прежней столицы – города Алматы и на 66% нынешней – Астаны: рост произошел почти исключительно за счет казахов (их доля в населении Астаны в 1999 г. была ниже средней по стране на 11%, а теперь её превысила). В 2009 г. численность населения в 6 областях стала увеличиваться, а наибольший прирост продемонстрировали Мангистауская, Западно-Казахстанская и Атырауская области. В Восточно-Казахстанской, Северо-Ка-

захстанской, Карагандинской, Костанайской и Павлодарской областях продолжилось сокращение численности.

На западе республики прирост населения происходил за счет трудовой миграции в бурно развивающихся нефтедобывающих регионах, а на востоке, севере и в центре уменьшение происходило в основном из-за оттока русскоязычного населения.

Существовавшая региональная дифференциация динамики численности населения сохранилась, но в начале XXI в. она выражена намного слабее. Более явно выделяются зоны миграционного притяжения (Астана, Алматы).

Таблица 3. – Население Казахстана и его регионов в 1989–2013 гг. [5, с. 4, 12, 17]

Регион	Год						
	1989	1999	1999 к 1989, %	2009	2009 к 1999, %	2013	2013 к 2009, %
Казахстан	16 199	14 953	92,3	15 982,4	106,8	16 909,8	105,8
Юг	5 079,6	5 122,1	100,8	4 704,3	91,8	4 978	105,8
Запад	2 111,1	2 054,4	97,3	5 069,8	290,6	5 392,6	106,4
Восток	1 767,2	1 531	86,6	598,3	39,08	617,6	103,2
Центр	1 745,4	1 450,2	80,8	886,3	62,8	879,9	99,3
Север	4 142,6	3 387	81,8	2 756,3	81,4	2 787,9	101,1
Астана	281,3	319,3	113,5	605,3	189,6	778,2	128,6
Алматы	1 071,9	1 129,4	105,4	1 361,9	120,6	1 475,4	10,3

В настоящее время стремительными темпами увеличивается население Западного Казахстана: с 1989 г. оно выросло с 2 111,1 до 5 392,6 тыс. человек, то есть более чем в 2,5 раза. Быстро увеличивается население Астаны и Алматы. До 2009 г. сокращалось население Восточного и Северного Казахстана, но в 2013 г. по сравнению с 2009 г. прирост составил 103% и 101% соответственно. По-прежнему отрицательную динамику демонстрирует численность населения Центрального Казахстана, происходит уменьшение числа жителей Южного Казахстана: в 2009 г. ранее самый многочисленный регион уступил первенство Западному.

Важной тенденцией демографического развития являются изменения, происходящие в численности городского и сельского населения. С начала 1990-х гг. тенденция неуклонного роста городского населения изменилась. Численность городского населения Казахстана ежегодно сокращалась с 1992 г. вплоть до 2000 г. Так, за этот довольно короткий период число горожан уменьшилось на 1 млн человек. Наряду с сокращением численности, снизился (хотя и незначительно – всего на 0,8 пункта) и удельный вес городского населения. Сокращение численности городского населения на протяжении 1990-х гг. было вызвано двумя факторами: выездом людей за пределы Казахстана (эмиграцией), а также снижением рождаемости в городах. Распад СССР, обретение суверенитета, трудности социально-экономического характера привели к сокращению численности городского населения (наряду с сокращением общей численности населения) и некоторому снижению его доли.

Сопоставление данных переписей 1989 и 1999 гг. позволяет выявить области Казахстана, в которых имелось наиболее значительное снижение численности городского населения. Так, за это десятилетие численность горожан в Карагандинской области сократилась на 267,4 тыс. человек, в Восточно-Казахстанской – на 131,9 тыс. человек, а в Акмолинской – на 122 тыс. человек.

Снижение удельного веса городского населения более всего проявилось в Акмолинской (на 24,3%), Карагандинской (на 18,7%) и Восточно-Казахстанской (на 12,8%) областях. В то же время в других областях отмечалась противоположная тенденция – увеличение доли горожан: так, рост в Костанайской области составил 3,7%, Актюбинской – 2,1%, Северо-Казахстанской – 1,9%.

С 2000 г. начинается постепенный рост численности городского населения. К началу 2007 г. численность городского населения Казахстана составила 8 833,2 тыс. человек (примерно уровень 1995 г.), но, хотя удельный вес горожан составлял 57,4% от всего населения страны, численность городского населения не достигла еще уровня 1989 г. (последняя Всесоюзная перепись населения). Соотношение городского и сельского населения Республики Казахстан также менялось незначительно, и основной тенденцией как на протяжении 1990-х гг., так и в начале 2000-х гг. было численное преобладание горожан над сельчанами.

Перепись 2009 г. отразила увеличение численности городского населения в большинстве областей Казахстана. По-прежнему наибольшая численность горожан наблюдалась в Карагандинской области (1 039 005 человек); далее – Южно-Казахстанская область (970 164 человек), а затем Восточно-Казахстанская область (801 145 человек). Сравнение данных переписей 1999 и 2009 гг. показывает некоторое снижение удельного веса городских жителей на 2,2% – с 56,4% до 54,2%. В 2009 г. самыми урбанизированными регионами были Карагандинская (проживало 77,8% городского населения), Павлодарская (67,9%) и Актюбинская (61,1%) области.

Сейчас процесс урбанизации в Казахстане идет достаточно динамично, доказательством чему являются высокие темпы роста численности населения в крупных городах. В 2013 г. городского населения в Республике Казахстан насчитывалось 9 277 657 человек, а его доля увеличилась с 2009 г. на 0,7% и составила 54,9%. По сравнению с 2009 г. удельный вес горожан повысился в Карагандинской (с 77,7% до 78,4%), Павлодарской (с 67,9% до 69,2%) и Актюбинской (с 61,1% до 61,6%) областях. Рост численности городского населения в этих регионах был обусловлен развитием новых производств, связанных с реализацией задач государственной программы форсированного индустриально-инновационного развития.

В 2013 г. по сравнению с 2009 г. абсолютная численность горожан в Южном Казахстане выросла с 2 093 869 человек до 2 238 148 человек; прирост составил 106,9%. В Центральном Казахстане численность городских жителей увеличилась с 1 039 005 человек до 1 068 385 человек; прирост – 102,8%. Городское население Северного региона Казахстана показало прирост в 101,9%, увеличившись с 1 523 192 человек до 1 552 455 человек. Численность городских жителей в Восточном Казахстане увеличилась с 801 145 человек до 815 502 человек; прирост – 101,8%. Наиболее высокие темпы роста городского населения наблюдались в Западном Казахстане, где прирост достиг 108,9%. В абсолютных цифрах численность поднялась с 1 238 577 человек до 1 349 540 человек. Высокие темпы роста городского населения в этом регионе связаны с опережающим развитием нефтегазовой отрасли и интенсивной разработкой топливно-энергетической базы западных областей Казахстана.

Согласно переписи 1999 г. численность сельского населения в целом по республике уменьшилась на 440,7 тыс. человек, или на 6,3%, и составила 6 575,8 тыс. человек (44% от общей численности населения Казахстана). По сравнению с 1989 г. произошло его снижение в Костанайской (на 140,3 тыс. человек, или на 23,2%), Северо-Казахстанской (на 133,3 тыс. человек, или на 22,8%), Акмолинской (на 106,2 тыс. человек, или на 18,9%), Восточно-Казахстанской (на 104,3 тыс. человек, или на 14,2%) областях. А рост числа сельских жителей наблюдался в Южно-Казахстанской (на 164,2 тыс. чело-

век, или на 15,1%), Мангистауской (на 30,8 тыс. человек, или на 83,3%) и Атырауской (на 15,5 тыс. человек, или на 9,2%) областях.

Перепись 2009 г. показала повышение удельного веса сельского населения, которое с 1999 г. увеличилось с 43,6% до 45,8% (рост на 2,4%). Удельный вес сельского населения в общей численности жителей республики в 2013 году составил 45,1% (снижение по сравнению с 2009 г. на 0,7%).

В 2009 г. сельское население в основном было сконцентрировано в Алматинской (76% от всего населения), Северо-Казахстанской (61,5%), Кызылординской (60,8%) и Жамбылской (60,5%) областях. В 2013 г. наибольшая численность сельского населения отмечается в Южно-Казахстанской, Алматинской и Жамбылской областях: соответственно 76,8%, 60,9% и 60,0%.

Еще одной важной демографической тенденцией в Республике Казахстан явилось изменение соотношения основных этносов в структуре населения страны. К моменту провозглашения независимости Казахстана в декабре 1991 г. сформировались регионы концентрации основных этносов: казахи в большинстве своем проживали на юге (Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Южно-Казахстанская области) и западе (Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Мангистауская области); русские – на севере (Акмолинская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская области), на востоке (Восточно-Казахстанская область) и в центре (Карагандинская область). Изменения в этническом составе населения Казахстана определялись миграционным оттоком, прежде всего русского и европейских этносов, а также этническими различиями в рождаемости, традиционного гораздо более высоким у восточных народов, в том числе и казахов. Наибольшее сокращение численности наблюдалось в областях, где преобладало русское (европейское) население, в которых в 1999 г. по сравнению с 1989 г. жителей стало меньше на 17,3%. В остальных областях (без учета Астаны и Алматы – «северной» и «южной» столиц Казахстана) численность населения сократилась на 1,1%. Таким образом, население уменьшалось почти исключительно за счет русскоязычных регионов. В то же время именно в этих областях интенсивность потерь русского населения была значительно ниже, чем в областях, где преобладает казахский этнос. Это различие было наиболее заметно в первой половине 1990-х гг., затем отток русских интенсифицировался и в северо-восточном Казахстане. Но тенденция первой половины 1990-х гг. оказала решающее влияние на результат, зафиксированный переписью 1999 г. В свою очередь, интенсивность роста титульного населения в южном и западном регионах была почти в 2 раза выше, чем в северном, восточном, и центральном. Таким образом, в 1999 г. сохранилась условная этническая поляризация населения: казахи концентрируются на западе и юге, русские – на северо-востоке Казахстана.

Увеличение удельного веса сельского населения и уменьшение городского в 1989–1999 гг. также объясняется, прежде всего, этническим фактором. В период кризиса 1990-х гг. сельское население, представленное преимущественно казахским этносом, хлынуло в города, жителями которых до этого в основном были русские, и не сумело еще компенсировать эмиграцию горожан. К 2005 г. русскоязычный сегмент населения еще более сократился, вследствие чего его влияние на демографические процессы уменьшилось. Анализ этнического состава населения в 1999–2013 гг. свидетельствует о том, что зоны этнического проживания остались прежними: казахи расселены в основном на юге и западе Казахстана, русские – на северо-востоке. Но сегодня фактор этнической дифференциации прослеживается гораздо слабее, чем в конце XX в. Набирает силу тенденция пространственной дифференциации: население концентрируется в регионах большего социального благополучия.

Динамика численности казахского населения на протяжении 1991–2013 гг. характеризовалась значительными темпами роста. Высокие темпы роста титульной нации

были обусловлены многими причинами: рост показателя рождаемости среди казахов, сравнительно низкая миграционная активность коренного населения и репатриацией этнических казахов. Если в 1991 г. численность казахов составляла 6,5 млн человек, в 1999 г. – 8 млн человек, в 2009 г. – 10,1 млн человек, то в 2013 г. – 11,0 млн человек. Только за 1999–2013 гг. численность казахов увеличилась в 1,4 раза. Численность же русских сократилась с 6,2 млн человек в 1991 г. (в 1999 г. – 4,5 млн человек; в 2009 г. – 3,8 млн человек) до 3,7 млн человек в 2013 году; за 1999–2013 гг. снижение в 1,2 раза. Среди других этносов, населяющих Казахстан, уменьшение наблюдалось у украинцев (в 1,78 раза), белорусов (в 1,8 раза), немцев (в 1,95 раза). Сократилась численность и других европейских этносов: поляков, молдаван и особенно греков. Численность же представителей восточных народов увеличилась: узбеков – в 1,37 раза, турок – в 1,36 раза, уйгуров – в 1,15 раза. Существенный рост отмечается среди азербайджанцев, дунган, курдов, таджиков.

Сегодня наибольшее число казахов сосредоточено в Южно-Казахстанской (1 706 334 человек) и Алматинской (1 094 034 человек) областях. Большинство русских проживает в Восточно-Казахстанской (574 074 человек), Карагандинской (529 555 человек) и Костанайской (360 976 человек) областях. Узбеки и уйгуры расселены в основном в южных областях: Южно-Казахстанской и Алматинской. Почти четвертая часть украинцев проживает в Костанайской области – 102 070 человек; немцы проживают в Карагандинской и Костанайской областях. Таким образом, этническое размещение сохраняется: европейское население по-прежнему концентрируется в северных и восточных областях, а казахское и тюркское – в южных.

Заключение

Казахстан вышел из ситуации демографического кризиса: сегодня происходит стабильное увеличение численности населения страны, причем как за счет естественного прироста, так и за счет положительного миграционного сальдо. В целом ситуация продолжает улучшаться, и в 2014 г. в стране, наконец, удалось не только восстановить максимальную численность населения, зафиксированную переписью 1989 г., но и превзойти ее, перешагнув порог 17 млн человек. По прогнозам специалистов, численность казахстанцев к 2020 г. должна увеличиться до 20 млн человек, что обеспечит национальную и демографическую безопасность Республики Казахстан.

Демографические процессы в Казахстане определяются также дальнейшим развитием процесса урбанизации и ростом городского населения. Сегодня Республика Казахстан – самое урбанизированное государство в Центральной Азии, а в рейтинге уровня урбанизации занимает 97 место среди 194 стран мира. В соответствии с реализацией программы по вхождению в число 30-ти наиболее развитых стран мира в республике поставлены задачи по ускоренному развитию городов, являющихся «точками опоры» форсированной модернизации. В целом процессы урбанизации в Казахстане на современном этапе являются многовекторными и характеризуются спектром проблем, специфичных для каждого городского поселения.

Этническая картина Казахстана сегодня значительно отличается от той, которая наблюдалась в 1989 г. Если в 1991 г. численность казахов и русских была почти равной, то в 2013 г. казахов почти в три раза больше. Увеличение численности казахов и других восточных этносов произошло за счет высокого естественного прироста и иммиграции. Численность европейских этносов сократилась, прежде всего, за счет миграционного оттока, а также из-за невысокого естественного прироста.

Территориальное размещение этносов в Республике Казахстан сохраняется прежнее: русскоязычное население концентрируется на востоке и севере страны, а казахское и тюркское – в южных. При этом более 70% русских, украинцев, белорусов,

немцев и поляков сосредоточены в пограничных с Российской Федерацией северо-восточных территориях страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демографический ежегодник Казахстан за 1991–1998 гг. : стат. сб. – Алматы : Агентство по статистике Респ. Казахстан, 1999. – 197 с.; Краткие итоги переписи населения Республики Казахстан 1999 г. – Алматы : Агентство по статистике Респ. Казахстан, 2000. – 267 с.; Итоги переписи населения Республики Казахстан 2009 г. – Астана : Агентство по статистике Респ. Казахстан, 2010. – 299 с.; Численность населения Республики Казахстан в 2014 г. / Комитет по стат. мин-ва нац. экономики Респ. Казахстан [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.gov.stat.kz>. – Дата доступа: 5.02.2014.

2. Демографический ежегодник : стат. сб. – Астана, 2010. – 24 с.

3. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 г. : аналит. отчет / Под ред. А. А. Смаилова. – Астана, 2011. – 65 с.

4. Краткие итоги переписи населения Республики Казахстан 1999 г. – Алматы : Агентство по стат. Респ. Казахстан, 2000. – 267 с.; Итоги переписи населения Республики Казахстан 2009 г. – Астана : Агентство по стат. Респ. Казахстан, 2010. – 299 с.; Численность населения Республики Казахстан в 2014 г. / Комитет по стат. мин-ва нац. экономики Респ. Казахстан [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.gov.stat.kz>. – Дата доступа: 5.02.2014.

5. Краткие итоги переписи населения Республики Казахстан 1999 г. – Алматы : Агентство по стат. Респ. Казахстан, 2000. – 267 с.; Итоги переписи населения Респ. Казахстан 2009 г. – Астана : Агентство по стат. Респ. Казахстан, 2010. – 299 с.; Численность населения Республики Казахстан в 2014 г. / Комитет по стат. мин-ва нац. экономики Респ. Казахстан [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.gov.stat.kz>. – Дата доступа: 5.02.2014.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.03.2015

Zharkenova A.M. Tendencies and Dynamics of the Population Changes of the Republic of Kazakhstan in 1991–2014

Demographic potential fully defines success of development of the country. Its importance especially increases during the critical periods of history, at that time when the state solves problems of modernization break. Success of modernization of Kazakhstan which is the country huge across the territory, but possessing the small population directly depends on efficiency of population policy. The first decade of independence of RK owing to the objective and subjective reasons was marked by large-scale reduction of population. The beginning of a new eyelid brought emergence of new tendencies as a result of which today population of the country exceeded 17 million people – the highest rate in the history of Kazakhstan. The analysis of a modern situation testifies that positive tendencies were strengthened and develop, according to the forecast till 2020 population will grow to 20 million.

А.В. Черновалов¹, Ж.В. Черновалова², Ян Берны³

¹д-р экон. наук, проф. Московского университета имени С.Ю. Витте,
Государственной высшей школы имени Яна Павла II в Бялой Подляске (Польша),

²ст. преподаватель каф. теоретической и прикладной экономики
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина,

³доц. университета имени Я. Кохановского в Кельцах (Польша)

ИНСТИТУЦИОНАЛИСТИКА: CASE STUDY

В статье рассматриваются методологические проблемы становления основ количественного анализа в институциональных исследованиях, а также обсуждаются методические проблемы применения метода кейсов для обучения экономическим дисциплинам. Предлагаются приемы оценки компетентности экспертов и рассматривается проблема оценки институциональной эффективности. Даются практические рекомендации по осуществлению прикладных институциональных исследований.

Введение

В настоящей статье авторы продолжают рассматривать методологию и методику институционалистики в приложении к реальным практическим задачам, связанным с оценкой эффективности возможных институциональных проектов. Предыдущие расчеты и обоснования были изложены в статьях [3–7].

Изложение основ расчетов в рамках институционалистики привело к расширению методического инструментария, которым пользуются экономисты-практики при осуществлении бизнес-планирования. Однако практика использования транзакционных издержек для планово-оценочных расчетов ещё не приобрела широкого применения. Поэтому авторы приняли решение популяризировать рассматриваемую методику при помощи описания отдельных кейсов.

Кейс-метод широко используется в бизнес-обучении во всём мире и продолжает завоевывать новых сторонников. Этот метод был впервые применён в Harvard Business School в 1924 г. Преподаватели Гарвардской бизнес-школы быстро поняли, что не существует учебников, подходящих для аспирантской программы в бизнесе. Первыми шагами в решении данной проблемы был опрос ведущих бизнесменов и составление подробных отчётов о том, чем занимались эти менеджеры, а также о том, какие факторы влияют на их деятельность. Слушателям были предложены описания конкретных ситуаций, с которыми на практике сталкивались бизнесмены, для того чтобы те ознакомились с проблемой и попытались найти решение в ходе коллективного обсуждения.

В России и Беларуси с конца 1990-х гг. используются переводные (западные) кейсы. В последние годы остро стоит вопрос о необходимости создания новых бизнес-кейсов. Со второй половины 2000-х гг. интерес к кейс-методу возрастает: кейс-клубы появляются в разных российских вузах (НИУ ВШЭ, РЭУ имени Г.В. Плеханова, МФТИ, МГТУ имени Н.Э. Баумана, МГИМО, Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина, Финансовый университет при Правительстве РФ). Практика использования кейсов при обучении различным специальным дисциплинам: экономическим, технологическим, туристским, медицинским – становится всё шире. Наиболее популярными видами кейсов становятся *структурированные кейсы* (highly structured case) – короткое и точное изложение ситуации с конкретными цифрами и данными. Они предназначены для оценки знания и/или умения использовать одну формулу, навык, методику в определённой области знаний. Существуют ещё несколько видов кейсов. Например, *неструктурированные кейсы* (unstructured cases), которые представляют со-

бой материал с большим количеством данных и предназначены для оценки стиля и скорости мышления, умения отделить главное от второстепенного и навыков работы в определённой области. Или *первооткрывательские кейсы* (ground breaking cases): наблюдение за решением такого кейса даёт возможность увидеть, способен ли человек мыслить нестандартно (могут быть как очень короткие, так и продолжительные).

Магистрантами и преподавателями Государственной Высшей школы имени Папы Яна Павла II разработан институциональный проект модернизации русла реки Кшна и внедрения в общественную жизнь г. Бяла Подляска новых стандартов отдыха и рекреации. Река Кшна, протекая практически в центре города, остается необустроенным и негативно влияющим на предпринимательскую активность природно-ландшафтным объектом, создает провинциальный характер городской инфраструктуры, что заставляет молодежь города искать более комфортные условия проживания и рекреации. Содержание и методика оценки эффективности проекта представлена в виде структурированного кейса.

Организационный институциональный проект реконструкции русла реки Кшны в Бялой Подляске

Основные цели проекта:

1. Русло реки Кшны должно стать интегральной частью г. Бяла Подляска.
2. Результаты реализации проекта должны положительно воздействовать на уровень жизни жителей города.
3. Процесс реализации проекта будет стимулировать развитие предпринимательства и социальную активность населения.
4. Проект должен стимулировать процесс реализации общественных услуг, направленных на удовлетворение потребностей жителей города и гмины.
5. Реализация функциональных строительных проектов по окультуриванию русла реки позволит преодолеть провинциальный характер местности вдоль реки и закрепить за г. Бяла Подляска субрегиональный статус с соответствующими функциями.

Рисунок 1. – Визуализация организационного институционального проекта

Институциональное содержание проекта характеризуется более полным использованием природных ресурсов и объектов культурного наследия данного региона. Кро-

ме того, в долине реки планируется размещение академического парка факультета физического воспитания и спорта – наиболее крупного подобного центра в восточной Польше, – предназначенного для проведения учебных занятий и организации спортивных соревнований включая соревнования международного уровня. Развитие системы велосипедных дорожек с соответствующей инфраструктурой будет способствовать повышению предпринимательской активности в рамках экологически проектов, а также созданию новых рабочих мест и условий для туристической привлекательности и притоку инвестиций в г. Бяла Поляска (на территории, которую охватывает проект, планируется возведение 3 учебных зданий с социально-санитарных обеспечением и стоянкой для автотранспорта, мобильных трибун, освещение объектов, установка спортивного оборудования, создание пляжа для жителей, пристани и канала для спуска на байдарках и каноэ, зелёного гимнастического зала, поля для подвижных игр и развлечений).

Важный этап работы связан с моделированием условий функционирования институционального проекта, т.е. с необходимостью моделирования *институциональной среды*. Формализация модели институциональной среды представляется сложной задачей, и здесь многое зависит от навыков и новаторства субъекта моделирования – его способности проникнуть в сущностные процессы функционирования институциональной среды и придать им адекватные характеристики. Следует также учитывать, что в социальных науках применение моделей не является гарантией или предпосылкой высокого уровня и качества исследования. В данной области знания трудно вообще говорить о четких доказательствах в строгом смысле слова. Однако этот факт не свидетельствует о том, что от количественных исследований необходимо отказаться: любые цифровые данные имеют свою полезную нагрузку.

Перейдем к процессу *идентификации переменных и установлению вида и параметров экономико-математической модели институциональной среды*. В этих целях выделим важнейшие факторы, обуславливающие и характеризующие институциональную среду г. Бяла Подляска, которые также являются и основными факторами, влияющими на качество этой среды. В процессе применения метода мозгового штурма группа экспертов выделила такие основные факторы, как доступность властей (F1), природно-географические условия (F2), человеческий капитал (F3), индивидуализм (F4) и отношение к праву (F5). Поскольку параметры экономико-математической модели институциональной среды имеют плоские характеристики, то следует выделить два доминирующих фактора из группы основных.

Воспользуемся в этих целях методом FAST – функционально-стоимостного анализа, который основан на постановке двух основных вопросов к каждому фактору: 1) как действует фактор и 2) почему действует фактор. Метод FAST позволяет выделить из определенного набора факторов, или функций, наиболее значимые с точки зрения затрат. Пользуясь в данном случае институциональной методологией для оценки выделенных в таблице 1 факторов, применим транзакционные издержки, а для этого проведём классификацию этих издержек в отношении рассматриваемого проекта.

Таблица 1. – Характеристика основных факторов институциональной среды

Основной фактор	Как действует фактор	Почему действует фактор и возможные барьеры
Доступность властей (F1)	Поддержка с формальной стороны	Многоуровневая координация проекта
	Организационная поддержка	Поддержка проекта в организационной фазе
	Финансовая поддержка	Финансовое участие в проекте

Продолжение таблицы 1

Природно-географические условия (F2)	Формирование русла реки	Уменьшение площади паводковых территорий
	Использование природных ландшафтных территорий в центре города	Развитие территорий для отдыха и рекреации
	Использование природно-ландшафтного потенциала в научных целях	Развитие учебно-методической базы университета в Бялой Подляске
Человеческий капитал (F3)	Повышение уровня образования	Повышение уровня управления инновациями
	Повышение квалификационного уровня	Повышение уровня управления устройствами
	Укрепление здоровья	Более высокая интенсивность и продолжительность труда
Индивидуализм (F4)	Максимизация собственной полезности	В целях увеличения размеров личного имущества
	Максимизация полезности города и гмины	Для повышения выгод города и гмины
	Выделение города из соответствующих окружения и агломераций	Для повышения конкурентных позиций в регионе
Отношение к праву (F5)	Сложность юридических процедур	Необходимость осуществления полной юридической процедуры
	Изменение условий правовой среды	Необходимость учёта нестабильности правовой среды
	Узость правовых рамок	Приспособление содержательной части проекта к юридической системе в нескольких плоскостях

Таблица 2. – Классификация транзакционных издержек проекта

№	Вид транзакционных издержек	Обозначение
1	Поиск информации	Trc 1
2	Рыночный обмен (расчёты)	Trc 2
3	Количественно-качественные измерения	Trc 3
4	Заключение контрактов	Trc 4
5	Охрана прав собственности	Trc 5
6	Оппортунистическое поведение	Trc 6
7	Управление организацией	Trc 7

Эта классификация используется в методе FAST для выделения из перечня основных факторов, или функций, наиболее значимых для дальнейшего моделирования на их основе институциональной среды проекта в качестве регрессионной модели.

Таблица 3. – Функционально-стоимостный анализ основных факторов институциональной среды проекта

Фактор	Почему действует фактор	Транзакции	
		№	Всего
Доступность властей (F1)	Многоуровневая координация проекта Поддержка проекта в организационной фазе Финансовое участие в проекте	1; 1; 2; 2; 3; 4; 4; 4; 5; 5; 6; 7	12

Продолжение таблицы 3

Природно-географические условия (F2)	Уменьшение площади паводковых территорий Развитие территорий для отдыха и рекреации Развитие учебно-методической базы университета в Бялой Подляске	1; 2; 3; 4; 4; 6; 7	8
Человеческий капитал (F3)	Повышение уровня управления инновациями Повышение уровня управления устройствами Более высокая интенсивность и продолжительность труда	1; 2; 3; 4; 5; 5; 6; 7	8
Индивидуализм (F4)	В целях увеличения размеров личного имущества Для повышения выгод города и гмины Для повышения конкурентных позиций в регионе	1; 2; 3; 4; 5; 7	6
Отношение к праву (F5)	Необходимость осуществления полной юридической процедуры Необходимость учёта нестабильности правовой среды Приспособление содержательной части проекта к юридической системе в нескольких плоскостях	1; 1; 1; 3; 5; 6	6

Находясь в рамках институциональной методологии, анализ факторов осуществим путём выделения перечня барьеров, создающих определенные транзакционные издержки, и установления количества таких издержек (при этом фактор, имеющий наибольшее число транзакционных издержек, выбирается для последующего моделирования). Приведенные в таблице 3 данные свидетельствуют о том, что наибольшее количество транзакционных издержек создают барьеры, возникающие при реализации проекта в институциональной среде: доступность властей (F1), природно-географические условия, (F2) человеческий капитал (F3). Представляя данный вывод в графической форме, получаем рисунок 2.

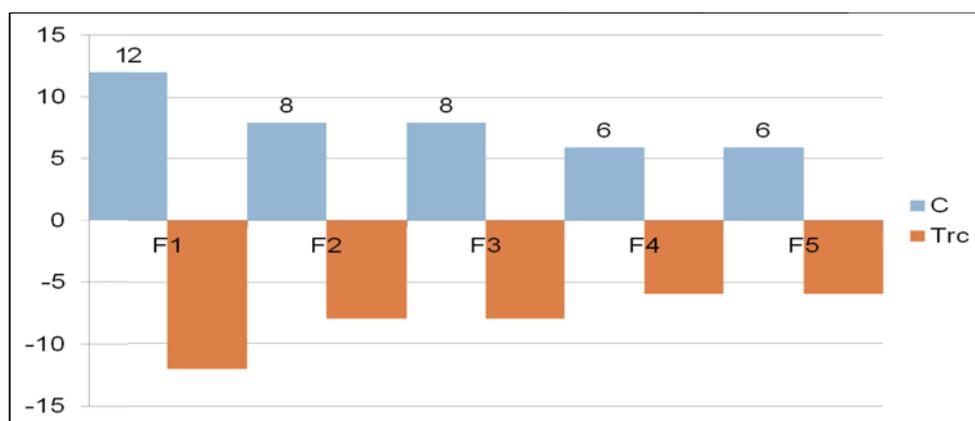

Рисунок 2. – Значимость факторов по показателю Trc

Однако для последующего моделирования институциональной среды следует выбрать два основных фактора. Проверим значение коэффициента корреляции между парами факторов и выберем при последующем анализе ту пару факторов, которая имеет наиболее высокий коэффициент корреляции. В первом случае анализ пары факторов «Природно-географические условия» (F2) и «Доступность властей» (F1) дает очень низкое значение коэффициента корреляции – 0,08, что означает очень слабую связь между

ними. Поэтому анализируется следующая пара: «Доступность властей» (F1) и «Человеческий капитал» (F3). В этом случае коэффициент корреляции значительно выше – 0,7. Поэтому для построения регрессионной модели институциональной среды выбирается последняя пара показателей.

Методика построения моделей институционального проекта и среды рассмотрена в работах [2; 3; 5; 6], поэтому в данной статье остановимся на проблеме оценки коллектива, экспертной группы, которые генерируют оценки для последующего моделирования с их помощью эластичности проекта. Разные методы экспертных оценок и характер их обработки все же не позволяют избежать субъективизма. Для преодоления этого недостатка, особенно в тех случаях, когда нужно получить стабильные значения тех или иных показателей (в нашем случае – значимость функций в типовых функциональных моделях), прибегают к методу коллективной экспертизы.

Коллективная экспертиза проводится в несколько этапов:

- 1) формирование состава экспертной группы из специалистов соответствующего профиля;
- 2) определение компетентности экспертов по предлагаемым проблемам с помощью расчета коэффициента компетентности;
- 3) вычисление параметра репрезентативности экспертной группы как среднее арифметическое предыдущих коэффициентов;
- 4) оценка согласованности мнений группы на основе расчёта коэффициента вариации и параметра степени согласованности L .

Приведем пример соответствующих расчетов для одного из членов коллектива экспертов с последующей оценкой всего состава экспертов. Компетентность эксперта определяют структурой аргументов, послуживших основанием для его ответа (аргументированность) и степенью его осведомленности по рассматриваемым проблемам. Структуру аргументов и в первом, и во втором случаях учитывают ответствующие коэффициенты, рассчитанные на основе данных, приведенных в таблицах, заполняемых членами экспертной группы.

Таблица 4. – Тестовые данные для первого эксперта при расчете коэффициента аргументированности

Параметры	Степень влияния		
	Высокая (В)	Средняя (С)	Низкая (Н)
Теоретический анализ		0,2	
Производственный опыт	0,5		
Источники отечественных авторов		0,05	
Зарубежный производственный опыт			0,05
Источники зарубежных авторов			0,05
Интуитивный подход	0,05		
Сумма $(K_u) = C + B + C + H + H + B =$	0,9		

Соответствующим образом рассчитывается и параметр оценки осведомленности эксперта по обсуждаемым проблемам. Данные, полученные от всех экспертов, группируются в таблице, которая позволяет рассчитать коэффициент вариации.

Таблица 5. – Данные о коллективе экспертов

Эксперты	Коэффициент компетентности (X)
Эксперт 1	0,88
Эксперт 2	0,85
Эксперт 3	0,85
Эксперт 4	0,79
Эксперт 5	0,82

Полученное значение репрезентативности экспертной группы имеет очень высокий уровень: $M = (0,88 + 0,85 + 0,85 + 0,79 + 0,82) / 5 = 0,84$, – что говорит о высокой информированности и аргументированности экспертов. Показатель вариации равен $V = 0,033 \times 100\% = 3,3\%$, а параметр степени согласованности $L = 100\% - 3,3\% = 96,7\%$, что означает высокий уровень правдоподобности экспертов при оценке рассматриваемого институционального проекта.

Показателем институциональной эффективности служит коэффициент эластичности институционального проекта (Ei) к действующей институциональной среде, который в общем виде представляется следующим образом: $Ei = \alpha_{ij} / I_{is}$. В результате графического сопоставления регрессионных моделей институционального проекта и среды и проведённых расчётов оказалось, что параметр эластичности между моделями в соответствии с требованиями целевой функции $TRC \rightarrow \min$ составляет $piM = -0.66$, что представлено графически на рисунке 3.

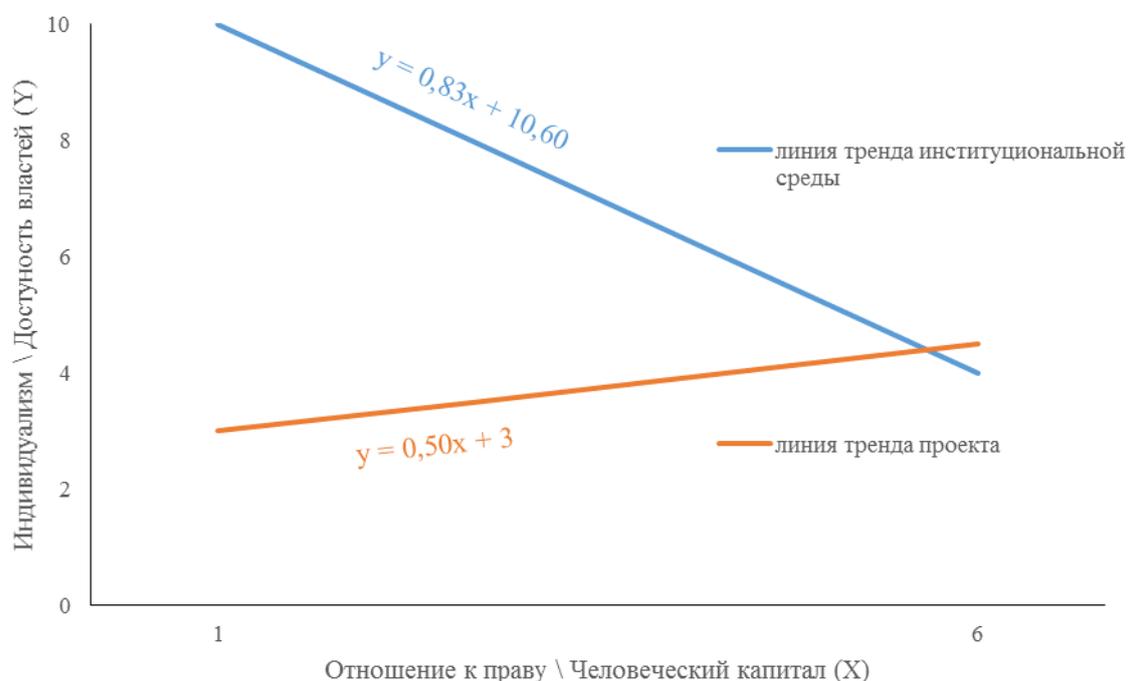
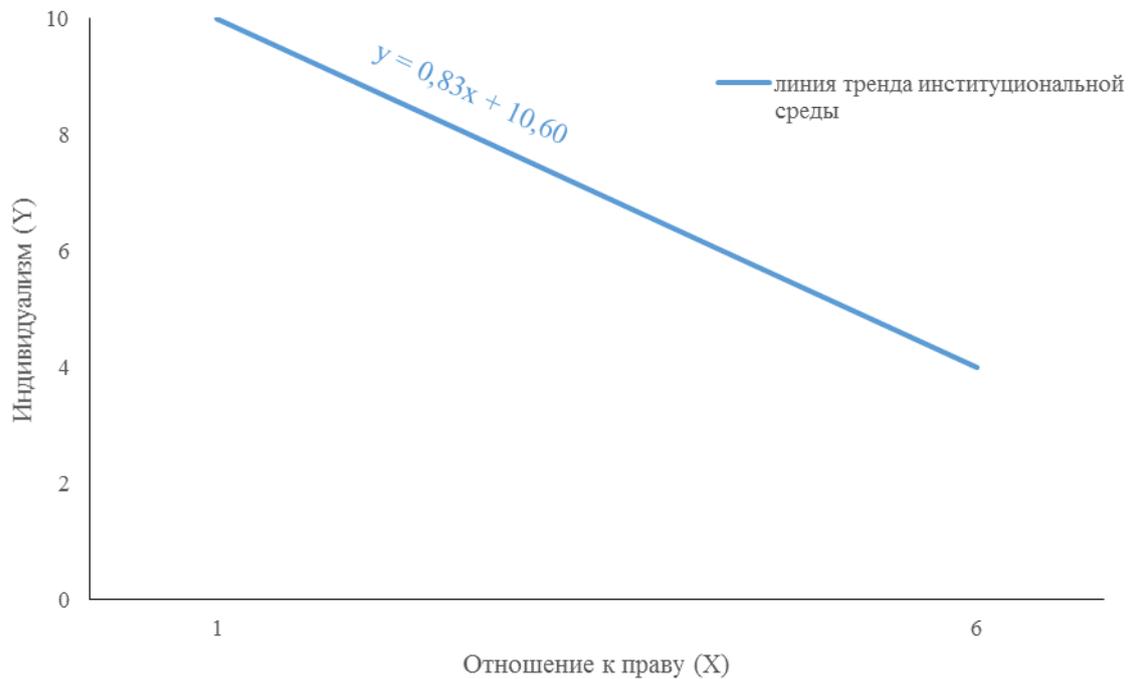

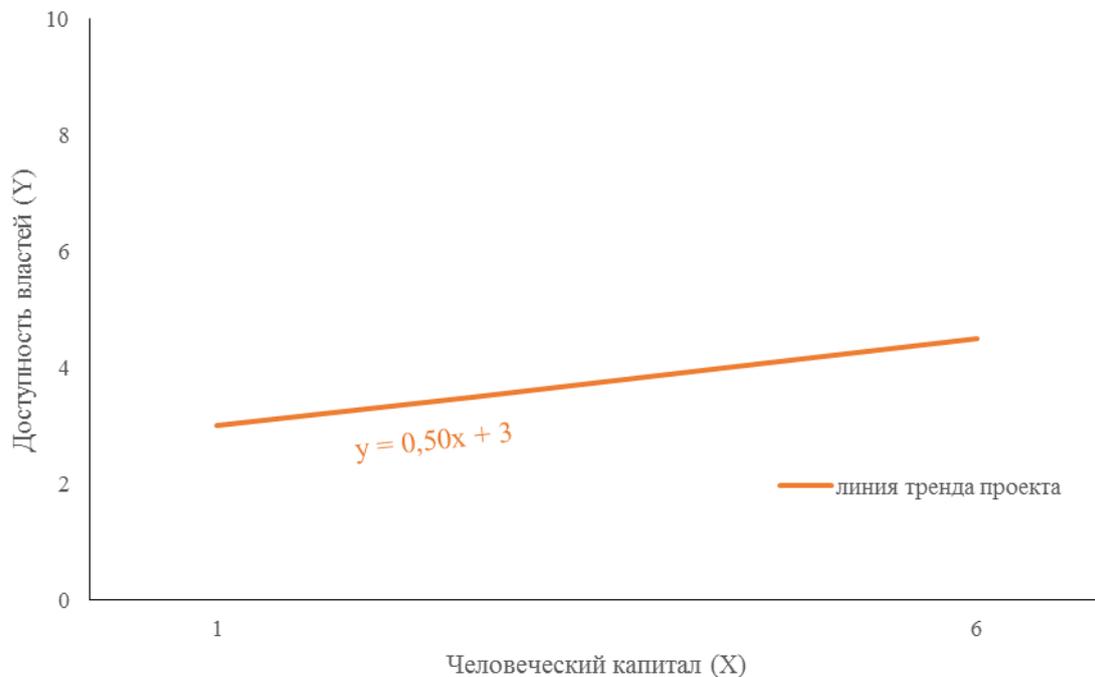
Рисунок 3. – Параметр эластичности между регрессионными моделями

Модель лінейнай рэгрэсіі, характэрнаючай інстытуцыянальную сроду, мае выгляд: $y = -0,83x + 10$, а прамая, зображэнная на рысунку 2, характэрнаючая гэтую мадэль.

Рысунк 4. – Мадэль лінейнай рэгрэсіі інстытуцыянальнай сроды

Мадэль лінейнай рэгрэсіі, характэрнаючай праект рэканструкцыі русла рэкі Кшны в Бялой Подляске, мае выгляд $y = 0,50x + 3$, а прамая, зображэнная на рысунку 2, характэрнаючая гэтую мадэль.

Рысунк 5. – Мадэль лінейнай рэгрэсіі інстытуцыянальнага праекта

Заклучение

Как показал анализ, на условия внедрения проекта реконструкции русла реки Кшны в Бялой Подляске влияют как многочисленные факторы со стороны институциональных характеристик самой среды г. Бяла Подляска, так и разные предметные стороны самого проекта. Конечно, данная проблема многогранна и широка и потому её трудно формализовать, однако проведенные нами исследования достаточно тесно коррелируют с результатами рассмотрения проекта на уровне городского самоуправления.

Параметры эластичности проекта отрицательные, а графическая интерпретация показывает, что тренды институциональной среды и проекта имеют разнонаправленные линии. Это свидетельствует о том, что состояние среды пока не готово для реализации такого масштабного проекта, хотя линия тренда проекта, показывает, что его внедрение имеет положительные эффекты, направленные на развитие города Бяла Подляска. Однако существенное количество барьеров создает чрезмерную величину соответствующих транзакционных издержек [1, с. 28]. Поэтому можно констатировать, что в настоящее время данный проект не имеет институциональной эффективности, и подтверждено результатами рассмотрения проекта в городской управе: проект отклонён.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключня, В. Л. Институциональная среда и эффективность формальных хозяйственных правил / В. Л. Ключня, А. В. Черновалов // Вест. Белорус. гос. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 27–42.
2. Ключня, В. Л. Институционализм : курс лекций / В. Л. Ключня, А. В. Черновалов. – Минск : БГУ, 2010. – 303 с.
3. Черновалов, А. В. Институционализм : монография / А. В. Черновалов. – Брест : БрГУ, 2010. – 234 с.
4. Черновалов, А. В. К вопросу об эффективности рыночных институтов в рамках белорусской институциональной среды / А. В. Черновалов // Вест. Брест. ун-та. Сер. 2. Ист. Экон. Право. – 2010. – № 2. – С. 72–82.
5. Черновалов, А. В. Методика расчета эластичности институционального проекта / А. В. Черновалов, Е. В. Скакун, Ж. В. Черновалова // Вест. Брест. ун-та. Сер. 2. Ист. Экон. Право. – 2010. – № 1. – С. 89–98.
6. Черновалов, А. В. Институционализм / А. В. Черновалов // Вест. Брест. ун-та. Сер. 2. Ист. Экон. Право. – 2011. – № 1. – С. 96–101.
7. Charnavalau, A. Instytucjonalistyka – metodologiczna podstawa oceny działań gospodarczych na Białorusi / A. Charnavalau // Zesz. Nauk. Un-tu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach. – Siedlce, 2010. – № 87.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.02.2015

Chernoalov A.V., Chernovalova J.V., Berny J. Institutionalistic: Case Study

The article discusses the methodological problems of the basis of quantitative analysis in institutional research, discusses methodological problems of applying case methods in learning economic disciplines. The methods of competency assessment of the experts are offered and the problem of assessing institutional effectiveness is considered. Practical recommendations on the implementation of institutional research are given.

УДК 334.7

Н.И. Зайцева¹, Е.А. Бредихина²¹ст. преподаватель каф. экономики и управления

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина,

²студент 5 курса специальности «Государственное управление и экономика» Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина**КЛАСТЕРНАЯ СТРУКТУРА КАК ФАКТОР УВЕЛИЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ И ОБЛАСТИ**

Прибыльность транспортных компаний обуславливается предпочтениями инвестора, который руководствуется общей инвестиционной привлекательностью региона и конкурентоспособностью компании. Кластерный подход помогает повысить конкурентоспособность отраслей и регионов. Ключевым фактором успеха при разработке и реализации стратегий развития кластеров является активная позиция лидеров бизнеса и позитивное партнерство между интересами различных предпринимательских групп в регионе. Эффективность кластеров достигается за счет синергетического эффекта, заключающегося в том, что результат деятельности объединения фирм превосходит сумму результатов их самостоятельного функционирования и, как следствие, роста инвестиций в инновационное развитие производств и формирования новых компаний, усиления экспортного потенциала, повышения занятости населения и качества продукции.

Введение

Инновационная экономика как основа постиндустриального мирового развития инициирует качественные изменения в системе организации и управления бизнесом, который должен адаптироваться к постоянно меняющимся условиям и обострившейся конкурентной борьбе внутри страны и на международном уровне. Поэтому субъекты хозяйствования ищут новые формы взаимодействия и активно включаются в современные интегрированные структуры. Так, на национальном уровне формируются интегрированные кластерные структуры, которые способствуют повышению конкурентоспособности как отдельных отраслей национальной экономики, так и страны в целом.

В экономическую литературу понятие «кластер» было введено в 1990 г. американским ученым М. Портером, согласно которому кластер – это сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, институтов, агентств по стандартизации, а также торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем ведущих совместную работу [1].

Становление и развитие кластерных структур в разных областях национальной экономики

В Республике Беларусь сформированы благоприятные предпосылки для функционирования кластерных структур в разных отраслях национальной экономики [2; 3]. Преимущества от создания кластеров заключаются в:

- 1) увеличении налогооблагаемой базы и доходов бюджета;
- 2) создании новых рабочих мест и сокращении выплат по безработице;
- 3) повышении конкурентоспособности определенной отрасли;
- 4) усилении инвестиционной привлекательности как отрасли, так и региона;
- 5) развитии инфраструктуры региона;
- 6) повышении предпринимательской активности;
- 7) увеличении выпуска высокотехнологичной продукции.

Динамичное развитие кластеров в мировой практике и предпосылки их создания в Республике Беларусь определили необходимость исследования результативности функционирования кластерных интегрированных структур и разработки соответствующей методики оценки, адаптированной для белорусских предприятий. Актуальность данной задачи обусловлена и тем обстоятельством, что отсутствует единый подход, в соответствии с которым можно было бы оценить результативность функционирования кластерных структур. Также отсутствует целостная методика, учитывающая влияние на результативность кластерных структур совокупности факторов внешней и внутренней среды. Соответствующая методика имеется лишь применительно к слияниям и поглощениям в виде классических положений по оценке стоимости компаний.

Некоторые исследователи оценивают функционирование кластера с позиции его конкурентоспособности [4]. Но и в данном случае существуют неоднозначные мнения по поводу критерия оценки. В частности, эксперты ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) предлагают в качестве критерия величину добавленной стоимости; другие экономисты считают критерием «развития кластера» показатель «уровень экспорта» [2]. В качестве показателей оценки эффективности предлагается также показатель производительности труда в кластере, исчисленный по добавленной стоимости [2].

Результативность кластерной структуры представляет собой многоаспектное явление, которое проявляется как на уровне государства (создание новых рабочих мест, сокращение выплат по безработице, увеличение налогов, поступление валютной выручки за счет увеличения экспорта, привлечение иностранных инвестиций) и региона (снижение социальной напряженности, решение вопросов экологической безопасности или улучшение инфраструктуры), так в конкретной отрасли (увеличение доли выпускаемой отраслевой продукции).

Результативность отдельного субъекта хозяйствования, входящего в кластер, оценивается по основным сферам деятельности конкретного предприятия: например, маркетинг – объем продаж, рентабельность продаж, эффективность рекламы и средств сбыта, конкурентоспособность предприятия и ее продукции; производство – фондоотдача, материалоотдача, коэффициент использования производственных мощностей.

Целеопределенность кластера как системы указывает на то, что интегрированная структура выступает как «средство согласования и объединения усилий в решении задач, представляющих общий интерес партнеров» [5; 6]. Несовпадение экономических интересов ведет к противоречиям и конфликтам и, следовательно, невыполнимости намеченной цели. На возникновение противоречий, связанных с согласованием и степенью удовлетворения экономических интересов субъектов хозяйствования, непосредственное влияние оказывают факторы внешней и внутренней экономической среды, которые также необходимо учитывать при оценке результативности функционирования кластера.

Отдельно остановимся на экономических интересах участников интегрированной структуры, так как именно экономический интерес, являясь проявлением экономических отношений, побуждает субъекты хозяйствования действовать в направлении поставленной цели. Экономический интерес представляет собой группу факторов, для реализации которой формируется интегрируемая структура. Данная группа представляет собой набор экономических интересов, преследуемых инициаторами интеграции при объединении предприятий в интегрированный комплекс. Экономические интересы могут носить как количественный, так и качественный характер. Набор экономических интересов индивидуален для каждого конкретного объединения в каждый конкретный момент времени. Для оценки результативности функционирования кластера целесообразно экономические интересы сгруппировать по основным сферам деятельности: тех-

нологические, инвестиционные, финансовые, операционные, управленческие, социальные, экологические. Для органов государственной, отраслевой и региональной власти экономические интересы группируются исходя из приоритетов развития национальной экономики: социальные, экологические, финансовые, институциональные, внешнеторговые. Подобная группировка экономических интересов участников интегрированной структуры позволит оценить текущее состояние кластерной структуры и определить приоритетные направления дальнейшего развития.

Адаптивность и гибкость кластера указывает на возможность интегрированной структуры приспособляться к условиям внутренней (социальные, производственно-технические, информационные, экономические, финансово-инвестиционные и другие факторы) и внешней среды (институциональные, социально-экономические, правовые, технологические и другие факторы). Факторы внешней и внутренней среды оцениваются при помощи количественных и качественных показателей. Следует отметить важность данных показателей при оценке результативности функционирования кластера, так как эффективность его деятельности в решающей степени зависит от воздействия системы факторов внешней и внутренней среды и определяется подготовленностью субъектов хозяйствования к их восприятию.

Исследование основных свойств кластера с позиции системного подхода позволяет предложить методику оценки результативности функционирования кластерной структуры, логическая последовательность которой предусматривает следующие этапы:

1. Анализ существующей системы взаимоотношений участников кластера и выявление уровней интегрированной структуры.

2. Определение и группирование экономических интересов: а) участников интегрированной структуры по сферам деятельности; б) структур, взаимодействующих с кластером.

3. Разработка системы общих и частных критериев эффективности интегрированной структуры, основанных на соответствии экономическим интересам участников интегрированной структуры и учитывающих показатели технологической, инвестиционной, финансовой, операционной, управленческой, социальной и экологической эффективности.

4. Определение показателей функциональной и институциональной эффективности кластерной интегрированной структуры.

5. Выявление факторов внешней среды и определение системы их показателей. На данном этапе рассматривается эффективность как внутри кластерной структуры, так и во взаимодействии с внешней средой, а также обеспечение целей ее развития, не противоречащих национальным интересам государства, социально-экономическим интересам территории ее расположения.

6. Определение интегрального показателя эффективности функционирования интегрированной структуры. Интегральная эффективность должна показать, какой интегральный экономический эффект получен от взаимодействия всех участников кластера.

7. Аналитическая оценка полученных результатов и разработка комплекса мероприятий, направленных на повышение эффективности функционирования кластерной структуры [7].

Особенности экономико-географического положения Брестской области определяют необходимость развития ее транспортного комплекса (прежде всего для надежного транспортного сообщения с остальной территорией страны и расширения обслуживания российских и европейских внешнеторговых и международных транзитных перевозок). Актуальным может быть реформирование мощного транспортного узла, обеспечивающего устойчивые пассажирские и грузовые транспортные связи с государствами ближнего и дальнего зарубежья, а также возможность создания кластера в различных

сферах деятельности, т.е. создание транспортного кластера. При создании регионально-го кластера нужно включение в него широкого состава участников. Помимо компаний разных видов транспорта кластер включает поставщиков необходимых товаров и услуг, в том числе материалов, оборудования и сервисных услуг. Также в него войдут научные центры, возможно, специализированные банки, логистические центры. Вся группа этих компаний должна иметь рынок перспективных кадров. Значит, в общую орбиту попадают высшие и среднетехнические учебные заведения, курсы повышения квалификации. Конечно же, важными участниками кластера станут представители государства в регионе. Они и будут связующим звеном всей кластерной цепи. По роли государства наиболее целесообразен поддерживающий тип кластерной политики, когда государственные органы управления выделяют средства на развитие региональной инфраструктуры и совершенствуют систему подготовки кадров.

Брестская область обладает всеми условиями, необходимыми для создания транспортного кластера, но в регионе есть также ряд сложных задач, которые следует решать как при создании кластера, так и при его функционировании. Географическое положение Брестской области предопределяет выполнение ею функций транспортного коридора.

Разработка кластерной системы СП «СоТЖер» ООО

Совместное белорусско-голландское предприятие «СоТЖер» в форме общества с ограниченной ответственностью, именуемое в дальнейшем СП, образовано на основании договора, заключенного на неопределенный срок в городе Бресте, Республика Беларусь, 08.09.97 г. и действует на основании учредительного договора в новой редакции от 02.06.2004 г., заключенного между частной акционерной компанией с ограниченной ответственностью «ТСВ Холдинг Б.В.», зарегистрированной в Роттердаме 16.05.1994 г., и иностранным частным унитарным экспедиционно-транспортным предприятием «Белконтинентальтранс» фирмы «ТСВ Холдинг Б.В.». Местонахождение предприятия: 224028 г. Брест, Республика Беларусь, ул. Я. Купалы, 112, e-mail: sigbuh@auto.brest.by www.tswgroup.com.

Для обеспечения деятельности СП за счет вкладов участников образуется уставный фонд (состоит из денежных и неденежных вкладов участников). Размер уставного фонда составляет 184 300 долл. США, в том числе 50 000 долл. США – денежный вклад участников, 134 300 долл. США – неденежный вклад. Доли участников в уставном фонде представлены в таблице.

Таблица. – Доли участников в уставном фонде

Участники	Вклад, долл. США			Доля в уставном фонде, %
	Всего	Денежный	Неденежный	
ИП «Белконтинентальтранс»	5 000	5 000	–	2,7
«ТСВ Холдинг Б.В.»	179 300	45 000	134 300	97,3
Итого	184 300	50 000	134 300	100

Основной целью создания и деятельности СП является хозяйственная деятельность, направленная на извлечение прибыли и удовлетворение социальных и материальных потребностей участников СП, удовлетворение общественных потребностей в его продукции, работах, услугах. Предметом деятельности является оказание услуг по перевозкам грузов в международном и междугороднем сообщениях, экспедированию грузов, ремонту и техническому обслуживанию автотранспортных средств, складским услугам, а также оптовая торговля.

Основные направления деятельности предприятия:

1. Эксплуатация автомобильного грузового транспорта.
2. Перевозка пассажиров и грузов (за исключением технологических внутрихозяйственных перевозок пассажиров и грузов, выполняемых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями для собственных нужд) автомобильным, внутренним, водным, морским транспортом:
 - а) внутриреспубликанские перевозки грузов автомобильным транспортом;
 - б) международные перевозки грузов автомобильным транспортом.
3. Организация перевозок грузов.
4. Транспортно-экспедиционная деятельность.
5. Деятельность в области промышленной безопасности (перевозка опасных грузов всеми видами транспорта).
6. Производство тепловой энергии тепловыми электростанциями, самостоятельными котельными, прочими источниками.
7. Техническое обслуживание и ремонт автомобилей.
8. Оптовая торговля автомобильными деталями, узлами и принадлежностями.
9. Розничная торговля автомобильными деталями, узлами и принадлежностями.
10. Аренда асфальтобетонного покрытия.
11. Услуги по хранению транспортных средств.

Основной вид деятельности – международные и внутриреспубликанские перевозки грузов автомобильным транспортом.

Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении. Степень организации управления является одним из факторов, определяющих общий уровень развития производства, его организационно-технический уровень. На автомобильном транспорте, как и любой другой отрасли народного хозяйства, первичным является непосредственный процесс производства, в данном случае процесс перевозок. Совершенство организации управления положительно влияет на производство.

Управление предприятием осуществляется в соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь и Уставом на основе сочетания прав и интересов администрации и трудового коллектива. Фирма самостоятельно определяет структуру управления, устанавливает штаты.

СП «СоТЖер» осуществляет международные/междугородние перевозки грузов тентованными автопоездами и рефрижераторами как в/из стран Западной Европы (Германия, Голландия, Бельгия, Дания, Франция, Испания), Восточной Европы (Польша, Венгрия), РФ, так и в/из Республики Беларусь (Брест, Брестская область; Витебск, Витебская область; Гомель, Гомельская область; Гродно, Гродненская область; Минск, Минская область; Могилев, Могилевская область).

При международных автомобильных перевозках используется документ – товарно-транспортная накладная автомобильного транспорта – СМР, в ней указываются данные о грузе, месте и дате ее составления, наименовании и адресе отправителя, перевозчика, получателя и др. В тоже время СМР является страхованием груза. При международных автомобильных перевозках используется документ – книжка МДП (карнет TIR). Этот документ предназначен для упрощения пересечения таможенных границ, т.к. в соответствии с международной конвенцией груз, перевозимый автомобильным транспортом с карнетом, обычно освобождается от таможенного досмотра в промежуточных таможенных постах и является страхованием перед таможенными органами. Карнет имеет гарантию международного автомобильного транспорта (МСАТ), в Республике Беларусь членом этого международного союза является БАМАП (Белорусская ассоциация международных автомобильных перевозок). Совместное белорусско-гол-

ландское предприятие «СоТЖер» является членом БАМАП. БАМАП является добровольным объединением автотранспортных и туристических предприятий, организаций и фирм, заинтересованных в осуществлении перевозок грузов и пассажиров в международном автомобильном сообщении. БАМАП создана 24 апреля 1992 г. и в настоящее время объединяет свыше 3500 пользователей системы МДП – субъектов хозяйствования Республики Беларусь.

На рисунке представлен примерный транспортно-экспедиционный кластер для СП «СоТЖер» ООО.

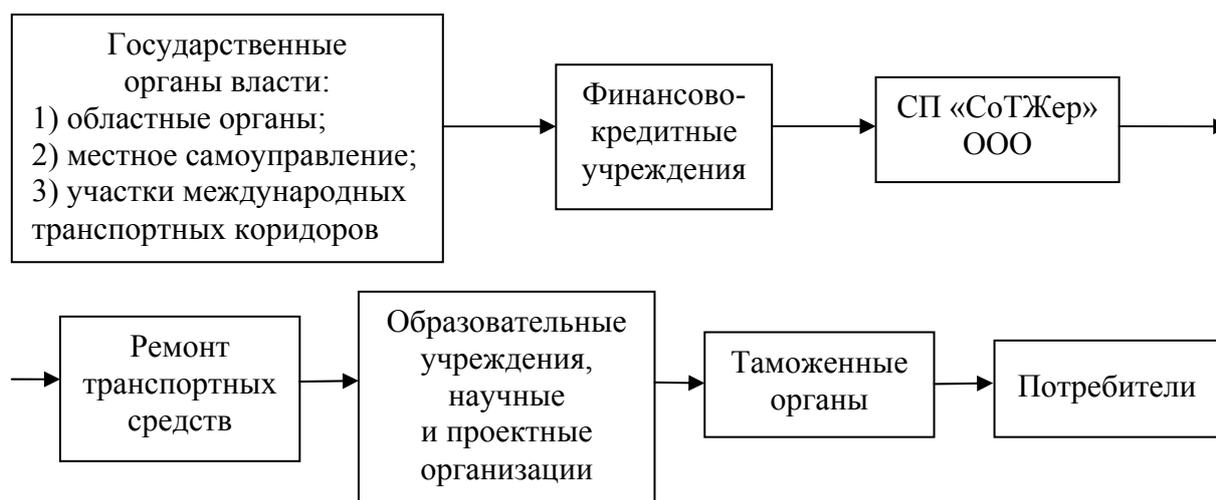

Рисунок. – Пример транспортно-экспедиционного кластера (для СП «СоТЖер» ООО)

Для СП «СоТЖер» ООО кластер это:

1. Поставщики и потребители. Кластеры конкурентоспособных отраслей, которые достигают успеха, представляются в виде вертикальной-горизонтальной цепи, состоящей из большого числа последовательных ступеней предприятий и поставщиков, обеспечивающих оборудованием и другими специализированными ресурсами.

2. Эффект концентрации. На основе соединения множества производителей и доведения их до конечного потребителя происходит мощное мультипликативное воздействие на экономику. Поэтому в регионах, где складывается высокая концентрация смежных производств, возникают предпосылки для формирования кластеров.

3. Инновации. Инновационный кластер представляет собой неформальное объединение усилий различных организаций (промышленных компаний, исследовательских центров, индивидуальных предпринимателей, органов государственного управления, общественных организаций вузов и т.д.). Объединение в инновационный кластер на основе вертикальной-горизонтальной интеграции формирует строго ориентированную систему распространения новых знаний, технологий и инноваций.

4. Конкурентные преимущества. Кластеры начинают появляться и во многих динамично развивающихся странах, что дает им возможность расширять инновационную деятельность, в результате которой на мировые рынки продвигаются новые конкурентоспособные продукты и услуги.

5. Интеграция высоких технологий. Мировой опыт подтверждает, что современное высокотехнологичное производство может базироваться только на процессах интеграции научных, инновационных и производственных предприятий различных типов.

Развитие транспортно-экспедиционного кластера будет осуществляться на основе заключения партнерских соглашений между различными отраслями транспорта

в рамках кластера для предоставления комплексных услуг потребителям, разработки схемы взаимодействия между ними; создания единой базы данных для оптимального выбора маршрутов для перевозки грузов клиентов и анализа всех предоставляемых транспортных услуг; анализа грузопотоков, создания и развития единой транспортной инфраструктуры.

Включение Брестской области в систему международных транспортных коридоров позволит реализовать ее транзитный потенциал. Целью создания транспортного консолидирующего центра является организация эффективного транспортно-экспедиционного обслуживания грузовых и пассажирских перевозок на основе внедрения современных транспортно-экспедиционных и информационных технологий в перевозочный процесс, привлечение международных транзитных потоков, развитие внешнеторговых и межрегиональных связей, повышение конкурентоспособности транспортно-экспедиционных предприятий на рынке транспортно-экспедиционных услуг и других.

В организационно-функциональную структуру экспедиционной системы кластера входят:

- 1) мультимодальные центры складского хранения и грузопереработки;
- 2) мультимодальные терминалы с подъездными автомобильными путями;
- 3) центр грузового транспорта;
- 4) центр технического обслуживания подвижного состава транспорта;
- 5) пункт обмена и ремонта всех видов контейнеров;
- 6) службы производственно-технологического и технического обслуживания;
- 7) информационно-логистический центр;
- 8) центры таможенного оформления и контроля;
- 9) учебный центр подготовки и переподготовки персонала;
- 10) консалтингово-аналитический центр;
- 11) службы маркетинга и рекламы;
- 12) транспортно-экспедиционные и логистические компании;
- 13) центры оптово-розничной торговли;
- 14) страховые компании;
- 15) охранные агентства.

В СП «СоТЖер» ООО при прохождении грузов через мультимодальный контейнерный терминал будет оказывать полный набор услуг: погрузка контейнеров на автомобили (разгрузка с автомобилей); комплектация контейнеров и партий грузов; сортировка, обработка и отправка грузов различными партиями; таможенная очистка; информационное обеспечение и др. Это будет способствовать активному созданию фирм, оказывающих данные услуги.

Увеличение уровня грузовых перевозок будет достигнуто в СП «СоТЖер» ООО за счет более широкого применения контейнерных перевозок в связи с введением в эксплуатацию мультимодального контейнерного терминала.

Повышение эффективности грузовых и пассажирских перевозок невозможно без модернизации парка транспортных средств. Основные фонды всех видов транспорта обновляются недостаточными темпами. В связи с этим необходимо разработать финансово-экономические механизмы, адаптированные к особенностям транспорта и обеспечивающие воспроизводство основных фондов. Транспортные организации остро нуждаются в более современной высокопроизводительной технике, отвечающей мировым стандартам.

Заключение

Несмотря на все сложности, устойчивое развитие транспортного комплекса области с помощью создания транспортного кластера СП «СоТЖер» ООО и объединения

в нем всех заинтересованных сторон в ближайшие годы приведет к увеличению экономического потенциала Брестской области, а успешное функционирование транспортно-экспедиционного кластера региона обеспечит высокие темпы роста внутреннего регионального продукта за счет ускорения товародвижения и снижения удельных транспортных издержек путем применения современных транспортных технологий, логистических схем, повышения технического уровня транспортных средств и оборудования, качества предоставляемых услуг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь : разработана в соответствии с протоколом заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 18 сент. 2012 г. № 32 (п.4.8.3).
2. Яшева, Г. А. Методологические основы кластерного подхода в повышении конкурентоспособности предприятий / Г. А. Яшева // Белорус. экон. журн. – 2006. – № 2. – С. 87–100.
3. Рутко, Д. Ф. Кластерный принцип взаимодействия предприятий черной металлургии Республики Беларусь в условиях глобализации / Д. Ф. Рутко // Проблемы управления. – 2008. – № 3. – С. 238–242.
4. Воронов, Д. С. Конкурентоспособность предприятия: оценка, анализ, пути повышения / Д. С. Воронов, В. В. Криворотов. – Екатеринбург : УГТУ – УПИ, 2001. – 96 с.
5. Котов, А. А. Финансово-промышленные группы в переходной экономике России : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / А. А. Котов ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2000. – С. 15, 17.
6. Калашникова, Н. И. Хозяйственные связи между предприятиями: содержание, функционирование, управление : монография / Н. И. Калашникова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1988. – С. 72.
7. Рутко, Д. Ф. Оценка эффективности функционирования кластерных структур / Д. Ф. Рутко // Науч. труды РИВШ. Филос.-гуманитар. науки : сб. науч. ст. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2009. – Вып. 7 (12). – С. 413–419.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.03.2015

Zaitsava N.I., Bredihina E.A. The Cluster Structure as a Factor of Increase in Economic Capacity of the Enterprise and Region

The profitability of transport companies is determined by the preferences of investors who are followed by the general investment attractiveness of the region and competitive ability of the company. The cluster approach helps to improve the competitiveness of industry sectors and regions. The key factor of success within the development and realization of the strategies of cluster growth is an active position of business leaders and positive partnership among the interests of different enterprise groups in the region. The efficiency of clusters is achieved due to synergistic effect, it means that the activity results of the firms' integration are better than the total results of their self functioning, and as a result of it we have: the rise of investment in to the innovative development of manufacture and formation of new companies, the strengthening of export capacity, rising employment and quality of products.

УДК 338.462

Н.А. Вакулч*аспирантка 3 года обучения, ст. преподаватель каф. экономической теории и логистики Брестского государственного технического университета***СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОГО АУТСОРСИНГА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Статья посвящена исследованию общетеоретических и практических аспектов аутсорсинга логистических услуг. Автором изучены мировые тенденции развития логистического аутсорсинга, приведена классификация логистических провайдеров, выделены выгоды аутсорсинга логистических услуг и обозначены проблемы его развития в Республике Беларусь. В статье разработаны мероприятия, реализация которых позволит укрепить положение малых и средних фирм на глобальном уровне и ускорить развитие логистической системы Республики Беларусь.

Введение

Ведущим фактором в конкурентной борьбе сегодня является логистика. С уверенностью можно говорить о положительной взаимосвязи эффективной логистики и успешной предпринимательской деятельности. Компании, которые используют логистические принципы в своей деятельности, добиваются видимых преимуществ перед своими конкурентами и значительно увеличивают прибыль за счет уменьшения затрат, которые связаны с сокращением производственных издержек. Львиную долю всех предприятий в Республике Беларусь составляют малые и средние. Опираясь на опыт западных стран, можно предположить, что в силу расширения товарно-денежных отношений между малыми предприятиями и организациями сопряженных отраслей, логистика в будущем будет развиваться все большими темпами.

Использование принципов логистики в сфере малого бизнеса может позволить существенно снизить запасы предприятий, что высвободит ресурсы, которые можно будет направить на создание новых, более сложных видов продукции и различного рода ресурсосберегающих технологий. Однако в современном состоянии логистики в Республике Беларусь можно отметить ряд противоречивых тенденций. В наиболее тяжёлом положении оказались именно малые и средние предприятия, которым экономически нецелесообразно создавать отдельные структурные подразделения логистики, а на фоне возрастающего количества предложений товарного рынка всё сложнее получать прибыль лишь за счёт развития маркетинга и производства. В связи с этим необходимым и важным является переход к аутсорсингу различных видов услуг (интеллектуальных, информационных, маркетинговых, финансовых и других) и, в частности, к логистическому аутсорсингу, посредством которого компании смогут осуществлять международные торговые операции, перенося бремя забот, связанных с таможенным оформлением, сопровождением, обработкой, хранением и доставкой грузов.

Практическая и научная значимость исследования рассматриваемого вопроса, его актуальность на современном этапе, а также недостаточная разработанностью его в специальной литературе определили тематику данной статьи. Цель – обобщить имеющиеся результаты исследований теоретических и практических аспектов применения аутсорсинга в логистической деятельности предприятий Республики Беларусь, что позволит продолжить исследования создания регионального логистического кластера Брестского региона как составляющей логистической системы Республики Беларусь.

Краткий анализ развития аутсорсинга логистических услуг за рубежом и в Республике Беларусь

Классическое определение логистического аутсорсинга (англ. outsourcing ← outer-source-using) использование внешнего источника/ресурса) – это делегирование

внешнему логистическому оператору всего комплекса задач по управлению товарными запасами, их транспортировке, складированию и другим сопутствующим этому процессу операциям [1]. Необходимо четко понимать, что контроль передаваемой деятельности в полном объеме переносится на поставщика услуг. Логистический принцип аутсорсинга говорит о том, что любой непрофильный для компании вид деятельности передается на выполнение внешней специализированной организации. С помощью аутсорсинга появляется возможность повышения эффективности выполняемых логистических операций компании, являющейся заказчиком, так как фирма, применяя аутсорсинг первостепенных функций, сосредотачивается на основных.

Аутсорсинг за рубежом развивается достаточно продолжительное время, и рынок аутсорсинговых услуг уже сегодня оценивается во многие миллиарды долларов. К сожалению, в Республике Беларусь этому виду услуг уделяется мало внимания в отличие от стран Азии, Европы, Канады, США и других стран, где в логистической области давно существует тенденция делегирования логистических функций третьей стороне частично или в полном объеме, и аутсорсинг логистических услуг использует подавляющее большинство компаний. В пользу аутсорсинга логистических услуг приведем такие данные: в общем объеме логистических услуг доля аутсорсинга в различных европейских странах составляет около 60% (в России – около 38%, в Беларуси – менее 20%). Отметим, что подобная ситуация наблюдалась на рынке Германии в далёком 2002 г. Тогда доля контрактной логистики составляла лишь 25% от общего рынка логистических услуг. К 2006 г. благодаря грамотной работе по построению партнерских отношений доля логистических функций, переданных на аутсорсинг, увеличилась почти в два раза (до 45%) и составила 67 млрд евро при общем объеме рынка в 150 млрд евро. Сегодня доля таких услуг в Германии более 63% [2].

«Третьей стороной» при делегировании логистических функций сторонним организациям являются провайдеры логистических услуг. Логистические провайдеры – это коммерческие организации, которые оказывают услуги в сфере логистики, а также выполняют комплексные логистические функции (транспортировка, складирование, физическое распределение, управление заказами) либо отдельные операции; кроме того они осуществляют интегрированное управление логистическими цепями предприятия-заказчика. Несмотря на то, что логистический рынок в Республике Беларусь недостаточно развит, уже сегодня любая заинтересованная фирма может найти оптимальное предложение для своих потребностей. Можно выделить следующие группы логистических посредников:

- 1PL-оператор – логистическая организация, осуществляющая свою деятельность в рамках исполнения одной услуги. Примером таких операторов могут служить разные транспортные фирмы либо таможенные брокеры, которые специализируются исключительно на таможенном оформлении грузов. Именно такие компании представлены на рынке Беларуси наиболее массово.

- 2PL-оператор – организации, исполняющие традиционные логистические функции: транспортировка грузов и предоставление складских площадей в аренду.

- 3PL-оператор – компании, которые в совокупности предоставляют ряд услуг: транспортные услуги, аренда складских площадей, обработка грузов, кросс-докинг, управление логистическими процессами при помощи информационных систем, – привлекающих при необходимости субподрядчиков.

- 4PL-оператор – логистическая компания, которая обеспечивает формирование цепи поставки и координирует деятельность привлеченных организаций.

- 5PL-оператор – логистическая организация, занимающаяся интернет-логистикой, при помощи которой происходит формирование логистических схем, цепей поставок и контроль всех процессов.

Во всём мире наиболее распространены 3PL-провайдеры. Фирмы, ведущие глобальную деятельность, уже долгое время пользуются услугами, предоставляемыми такими логистическими компаниями. На диаграмме приведен перечень основных видов логистической деятельности, которые передаются на аутсорсинг предприятиями Западной Европы и Северной Америки.

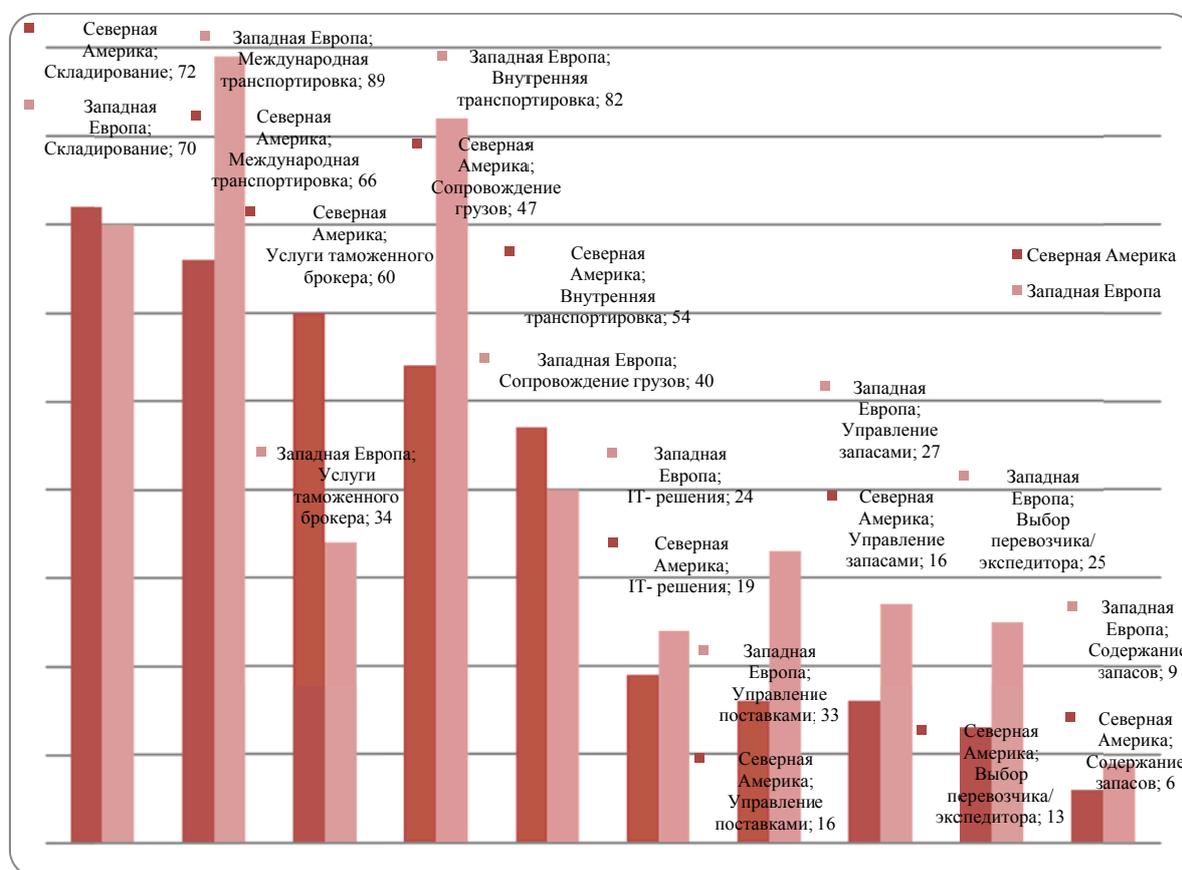

Диаграмма. – Виды логистической деятельности, передаваемые на аутсорсинг, %

Отметим, что на рынке Республики Беларусь логистических операторов 3PL мало. Это можно связать с тем, что логистика в стране сравнительно недавно начала свое становление. На сегодняшний день в Республике Беларусь функционируют 15 логистических центров. У государственных провайдеров логистических услуг сосредоточена значительная инфраструктура, несмотря на достаточно активное участие иностранных компаний в строительстве логистических центров.

Государственный оператор РУП «Белтаможсервис» является крупнейшим на рынке логистических услуг Беларуси. До 2016 г. предприятием запланировано увеличение количества транспортно-логистических центров, находящихся в его собственности, с двух до семи.

РТЭУП «Белинтертранс» – транспортно-логистический центр, находящийся в собственности Белорусской железной дороги. На грузовых терминалах станций Белорусской железной дороги он предоставляет услуги по терминальной обработке грузов.

ОАО «Белмагистральавтотранс» оказывает услуги по складской логистике, ответственному хранению грузов, а также транспортно-экспедиционному обслуживанию.

ОАО «Торгово-логистический центр «Озерцо-логистик», находящийся в ведении Управления делами президента Республики Беларусь, оказывает услуги таможенного оформления и ответственного хранения.

Указанными государственными провайдерами осуществляется контроль значительной части транзитных и экспортно-импортных грузопотоков. Согласно Программе развития логистической системы Республики Беларусь в стадии реализации находится еще 34 инвестиционных проекта по строительству логистических центров (17 из них – в Минском регионе), вне Программы строится еще 15 логистических центров (7 из них – в Минском регионе). Ряд крупных торговых организаций сетевого ритейла также приступили к строительству своих логистических центров в Минске [3].

Проблемы и перспективы развития аутсорсинга логистических услуг в Республике Беларусь

Как видим, проектов достаточно много, однако вряд ли это скажется на успешном развитии рынка логистического аутсорсинга в Республике Беларусь. Большинство проектов заявлены как логистические центры, но в действительности представляют собой обычные склады. Кроме этого, очень часто застройщики сдают площади крупным арендаторам в этих складах, ограничивая все логистические услуги лишь погрузкой, разгрузкой и охраной территории. Связано это в первую очередь с тем, что инвесторы не готовы внедрять автоматизированную систему управления складом, налаживать качественный логистический сервис, набирать штат квалифицированных специалистов по логистике, дефицит которых уже сегодня остро ощущается в нашей стране. Основное же стремление инвесторов направлено на то, чтобы окупить вложенный капитал в кратчайшие сроки путем арендной платы. Как показывает опыт зарубежных стран, у такого бизнеса нет перспектив, так как спрос на логистические услуги гораздо выше, чем на простое хранение, следовательно, и окупаемость увеличивалась бы в разы. Довольно часто логистические центры строятся даже без проработки элементарной концепции проекта и анализа грузопотоков. Встречаются случаи неверного размещения и оборудования складов, строительства железнодорожных веток, которые впоследствии оказываются невостребованными.

Общепризнано, что аутсорсинг логистических услуг имеет ряд преимуществ:

1. Сокращение рисков: все риски, которые связаны с реализацией логистических функций, перекадываются на стороннюю компанию.

2. Снижение доли капитальных инвестиций: нет необходимости использовать собственные ресурсы для организации тех логистических функций, которые можно доверить внешней компании; как следствие – экономия на данных расходах. На предприятиях достаточно редко рассчитываются прямые и косвенные затраты на внутреннюю обработку грузов, но те фирмы, которые задавались таким вопросом, в результате предпочитали логистический аутсорсинг как более экономичный вариант.

3. Фокусирование на ключевых компетенциях: компания может сосредоточиться на решении своих основных задач и совершенствовании ключевых процессов, перекадывая на логистического провайдера выполнение второстепенных функций, что позволяет получать дополнительные конкурентные преимущества.

4. Экономия времени: профессиональный провайдер имеет гораздо больше возможностей в функциональных областях управления грузопотоками, владеет опытом в данной сфере и необходимыми компетенциями.

Таким образом, большинству бизнес-процессов в Беларуси развитие логистического аутсорсинга принесет снижение расходов, однако можно отметить некоторые значимые факторы, затрудняющие его применение.

Первый – сугубо технический: несмотря на положительные сдвиги в течение последних лет, складская и транспортная инфраструктура развиты еще слабо. В итоге доля логистических издержек в Беларуси колеблется в пределах 20–25% от объема ВВП (в России ситуация схожая – более 20%). Для сравнения: в Китае логистические расхо-

ды составляют 18,1%, в Бразилии и Индии – в пределах 11–13%, в США – 8,5%, в Италии – 9,4%, в Японии и Германии – 8,7% и 8,3% соответственно. Среднемировые логистические издержки в 2011 г. оценивались Armstrong & Associates Inc. в 11,4% [3].

Следующий фактор – частичное использование услуг логистического аутсорсинга в Республике Беларусь. Логистический аутсорсинг сводится к выполнению отдельных логистических операций (транспортировка, хранение, дистрибуция), а полный аутсорсинг логистических функций, который предполагает предоставление долгосрочных эксклюзивных прав на ведение логистических операций компании-заказчика, отсутствует. Причины этого кроются в низкой степени доверия белорусских предприятий сторонним организациям и непривлечении их в бизнес на долгосрочную перспективу. Как видим, спрос на отдельные услуги логистики фактически уже сформирован, но чёткое понимание интегрированной логистики отсутствует. Данная функция является новой как для потребителей, так и для операторов.

Отметим также, что в Беларуси передача функций на логистический аутсорсинг не даёт видимого снижения логистических издержек (экономия – всего 2–5%) в большей степени из-за ценовой политики логистических провайдеров. Несколько иные показатели у представителей сетевого ритейла, которые используют собственные дистрибьюторские центры – здесь снижение логистических затрат достигает 5–10%.

Как видим, для Республики Беларусь логистический аутсорсинг – направление сравнительно молодое. Хотя на территории стран бывшего СССР первые шаги по внедрению аутсорсинга были сделаны еще в 1990-е гг., лишь малая часть предпринимателей представляет себе масштаб, комплексность и уровень сервиса и технологического оснащения провайдеров. Как результат – недостаток информации о принципах ведения аутсорсинга, страх делегировать основные логистические бизнес-процессы «чужой» фирме и утратить контроль над ситуацией. Несмотря на все указанные проблемы в развитии логистического аутсорсинга, сегодня перспективы белорусского рынка видятся довольно неплохими. В первую очередь, за счёт того, что данный рыночный сегмент находится на стадии своего становления.

Для устранения выявленных проблем, не позволяющих логистическому аутсорсингу развиваться нужными темпами, необходимо:

- 1) сформировать логистическое мышление на всех управленческих уровнях;
- 2) создать надёжную и устойчивую законодательно-правовую базу для сфер интегрированной логистики;
- 3) обеспечить комплексность и одновременность совершенствования объектов инфраструктуры логистики (для малых и средних экспедиционных и транспортных компаний необходимо объединение усилий на равноправных условиях с владельцами складов);
- 4) разработать специализированную систему обучения специалистов для работы в сфере логистики.

Реализация указанных мер даст возможность укрепить положение малых и средних фирм на глобальном уровне, привлечь инвестиции и стимулировать экономическое развитие Беларуси на микро- и макроуровнях.

Заклучение

Можно выделить наиболее существенные научные результаты, которые были получены в рамках проведенных исследований:

- 1) систематизированы общетеоретические аспекты логистического аутсорсинга, конкретизирована экономическая сущность данного понятия;
- 2) выделены проблемы и перспективы развития аутсорсинга логистических услуг в Республике Беларусь.

Практическая ценность исследований в том, что полученные результаты позволят продолжить исследования в рамках создания регионального логистического кластера Брестского региона как составной части логистической системы Республики Беларусь. Некоторые положения могут использоваться в процессе преподавания в вузах отдельных разделов курса «Национальная экономика».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Логистический аутсорсинг в России [Электронный ресурс] // Свободный журнал. – Режим доступа: http://nnorge.do.am/news/logisticheskij_outsorsing_v_rossii_realnost_i/2013-03-10-132. – Дата доступа: 21.12.2014.
2. Основные тренды в становлении рынка логистических услуг. Иннокентий Сморгачев, аналитик, «КИА центр». Дмитрий Титюхин, менеджер по маркетингу, «КИА центр» [Электронный ресурс] // Логистика. – Режим доступа: <http://loginfo.ru/issue/108/1142>. – Дата доступа: 28.05.2014.
3. Проблемы развития логистических центров в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Логистический журнал. – Режим доступа: <http://logisticsjournal.by/problemy-razvitiya-logisticheskix-centrov-v-respublike-belarus>. – Дата доступа: 18.10.2014.
4. Аутсорсинг иногда направлен только на уклонение от налогов [Электронный ресурс] // Деловой мир. – Режим доступа: <http://delovoymir.biz/ru/articles/view/?did=8168>. – Дата доступа: 07.12.2014.
5. Клуб логистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.logists.by>. – Дата доступа: 12.01.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.02.2015

Vakulich N.A. Specifics of development of logistic outsourcing in Belarus

The article investigates general theoretical and practical aspects of outsourcing of logistics services. The author studied global trends in logistics outsourcing, is a classification of logistics providers, highlighted the benefits of outsourcing logistics services and identifies problems of its development in Belarus. The paper developed measures, the implementation of which will strengthen the position of small and medium-sized firms at the global level and accelerate the development of the logistics system of Belarus.

УДК 339.137:303.722.4(476)

Р.Н. Лысюк

*магістр экон. наук, экономист-исследователь,
ст. преподаватель каф. бухгалтерского учета, анализа и аудита
Брестского государственного технического университета*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА КАК ИНСТРУМЕНТА ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Конкурентоспособность национальной экономики во многом определяется способностью адаптироваться к изменяющимся способам и методам хозяйствования. На текущий момент нет единого определения понятий «конкуренция» и «конкурентоспособность». В данной работе проводится анализ основных подходов к определению конкурентоспособности. Мировой опыт свидетельствует, что эта экономическая категория рассматривается исходя из трех уровней экономических отношений: макро-, мезо- и микроуровня. На основе данных международных организаций, исследующих конкурентоспособность, представлены основные факторы, влияющие на конкурентоспособность макроуровня. Проводится анализ основных видов кластеров и кластерной политики для оценки перспективы применения кластерного подхода в условиях развития национальной экономики с целью повышения ее конкурентоспособности. Предлагаются основные направления применения кластерного подхода в условиях хозяйствования Республики Беларусь.

Введение

Национальная экономика представляет собой сложную, исторически сложившуюся структуру взаимодействия хозяйствующих субъектов, четкое взаимодействие которых определяет ее конкурентоспособность. На протяжении многих лет данная экономическая категория является объектом исследования многих отечественных и зарубежных ученых. Принято считать, что в основе роста конкурентоспособности национальной экономики лежит повышение количественных показателей по отрасли или региону. На наш взгляд, этот подход является не совсем целостным, поскольку не учитывает ряда количественных факторов, которыми обладают более крупные уровни агрегирования экономических отношений.

Мировой опыт свидетельствует, что применение организационных преобразований в отраслях и народнохозяйственных комплексах является наиболее результативным и наименее капиталоемким инструментом повышения конкурентоспособности. Таким образом, целью данной работы является анализ основных видов кластеров и кластерной политики, а также обоснование применения кластерного подхода в условиях развития национальной экономики, как инструмента повышения ее конкурентоспособности.

Понятие «конкурентоспособность» является производным от понятия «конкуренция» и в общем плане трактуется как «способность фирмы, компании конкурировать на рынках с производителями и продавцами аналогичных товаров посредством обеспечения более высокого качества, доступных цен, создания удобства для покупателей, потребителей» [1, с. 89]. Однако единого подхода к определению конкурентоспособности на текущий момент не существует. Во многом это связано с тем, что в научной литературе данное понятие рассматривается на трех уровнях экономических отношений: микроуровень, мезоуровень и макроуровень.

Как правило, на микроуровне конкурентоспособность чаще всего ассоциируют либо с товаром/продукцией, либо с предприятием. По мнению ряда белорусских ученых, конкурентоспособность товара – это комплекс его стоимостных и качественных характеристик, определяющих его цену и качество в сравнении с товарами-аналогами

зарубежных стран [2, с. 3]. А.С. Головачев и С.Л. Горбачевич трактуют конкурентоспособность товара как его преимущество по сравнению с каким-то другим товаром (аналогичным по его назначению или его заменителем) при решении потенциальным покупателем своих проблем [3, с. 26].

Противоположный взгляд выражают ведущие российские экономисты. Так, например, А.Ю. Юданов под конкурентоспособностью товара понимает степень притягательности данного продукта для совершающего реальную покупку потребителя. По мнению Р.А. Фатхутдинова, конкурентоспособность – это свойство объекта, характеризующееся степенью реального или потенциального удовлетворения им конкретной потребности по сравнению с аналогичными объектами на данном рынке [4, с. 23]. На наш взгляд, в данных определениях делается упор на визуальных качествах товара, а не на его стоимостной характеристике.

На мезоуровне конкурентоспособность рассматривается в разрезе отрасли или региона. Это связано с тем, что в зависимости от географического местоположения используемых ресурсов довольно часто конкурирующие фирмы или отрасли могут либо располагаться на одной территории, либо быть тесно связаны с ресурсной базой конкретных регионов. В свою очередь, конкурентоспособность отрасли рассматривают как категорию национальной экономики, отражающую эффективность функционирования её структурной составляющей на национальном и международном рынках [5, с. 29].

На макроуровне конкурентоспособность должна рассматриваться в разрезе возможностей отдельной страны. Под конкурентоспособностью страны понимается её способность в условиях международной конкуренции производить товары и услуги, удовлетворяющие требованиям мирового рынка, реализация которых увеличивает благосостояние ее граждан [6, с. 4]. Организация экономического сотрудничества и развития, определяет макроэкономическую конкурентоспособность как возможность компаний, отраслей, регионов и наций создавать сравнительно высокий уровень доходов и заработной платы, оставаясь открытыми для международной конкуренции [3, с. 12].

Схожее мнение выражают и международные организации, занимающиеся вопросами конкурентоспособности: Всемирный экономический форум (World Economic Forum), Международный институт менеджмента (IMD) и др. Согласно определению Всемирного экономического форума, конкурентоспособность страны представляет собой набор институтов, политик и факторов, которые определяют уровень ее производительности. Ежегодно ВЭФ представляет два индекса: Индекс глобальной конкурентоспособности и Индекс конкурентоспособности бизнеса, однако основным средством обобщенной оценки конкурентоспособности стран является Индекс глобальной конкурентоспособности (GCI). В соответствии с этим индексом конкурентоспособность стран рассчитывается по 12 субиндексам, к которым относятся: «Качество институтов», «Инфраструктура», «Макроэкономическая стабильность», «Здоровье и начальное образование», «Высшее образование и профессиональная подготовка», «Эффективность рынка товаров и услуг», «Эффективность рынка труда», «Развитость финансового рынка», «Технологический уровень», «Размер внутреннего рынка», «Конкурентоспособность компаний», «Инновационный потенциал». Данный рейтинг не только отражает способность страны обеспечить благосостояние своих граждан, но и оценивает ее бизнес-среду.

Действительно, в международных рейтингах большое внимание уделяется бизнес-среде, которая способна повлиять на издержки фирмы; в масштабах отрасли либо региона – на структуру рынка и конкуренцию, а в масштабах страны – на ее инвестиционный климат. Рассмотрим более детально факторы, влияющие на конкурентоспособность национальной экономики, на примере мезоуровня, как ее основы. Анализ показателей внешних конкурентных преимуществ, определяющих конкурентоспособность отрасли и региона, во многом идентичен и показывает, что наиболее значимыми факто-

рами являются такие: открытость общества и рынков; государственная поддержка науки и инновационной деятельности, государственная поддержка малого и среднего бизнеса, наличие дешевых и доступных ресурсов; геополитическое положение страны и др. К внутренним конкурентным преимуществам относят: высокую потребность продукции в отрасли; долю конкурентоспособного персонала в отрасли; наличие свободного доступа к ресурсам; высокую долю экспорта наукоемкой продукции; предпринимательскую и инновационную активность в регионе и др.

Таким образом, залог высокой конкурентоспособности во многом определяется инновационной составляющей. По мнению Н.И. Богдан, за последнее десятилетие представление о том, что включают в себя инновации, существенно изменилось и что в дополнение к НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки – *Р.Л.*) и технологиям они охватывают организационные изменения, испытания, обучение, планирование и маркетинг [7, с. 31]. Действительно, как показывает мировой опыт, организационные изменения являются наименее затратным и наиболее продуктивным. В этой связи в большинстве стран мира произошел переход от отраслевой структуры управления экономикой к кластерной. Рассмотрим более детально виды кластеров и кластерной политики и оценим возможность применения кластерного подхода в условиях хозяйствования Республики Беларусь.

Понятие «кластер» и «кластерный подход» широко применимо в Западной Европе, о чем свидетельствует разработанный Европейский меморандум о кластерах, который посвящен путям стимулирования инноваций в европейских государствах посредством развития кластеров. В этом меморандуме под кластером подразумевают региональные центры концентрации специализированных компаний и институтов, связанных друг с другом по многочисленным каналам, которые создают благоприятную среду для инноваций [8, с. 2]. Родоначальником кластерного подхода в экономике является известный американский ученый М. Портер, который определил, что «кластер – это сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, а также торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем и ведущих совместную работу» [9, с. 206].

Теории кластеров предшествовали труды многих известных ученых-экономистов. Так, например, в конце XIX в. А. Маршалл в своей работе «Принципы экономической науки» говорит о промышленных районах, которые представляют собой группы малых и средних предприятий в некоторых отраслях промышленности, которые при условии концентрации в одном районе страны, специализации на одной определенной стадии единого производственного процесса будут не менее эффективными, чем крупные предприятия. Эта концепция нашла свое продолжение в работах итальянских экономистов во главе с Дж. Бекаттини, исследовавших особенности развития итальянских промышленных округов.

В настоящее время изучены основные виды кластеров, их характеристики и признаки. Однако единства в их определении не существует. Подход, исходящий из уровня промышленного охвата кластера, представлен Организацией экономического сотрудничества и развития, в котором выделяют три уровня:

1. Макроуровень рассматривает национальную экономику в целом (исследуются взаимосвязи между отраслями).
2. Мезоуровень охватывает работу отраслей и подотраслей (исследуются меж- и внутриотраслевые связи).
3. Микроуровень рассматривает фирмы вместе с сетями их поставщиков (исследуются межфирменные связи) [10].

Понятие кластера варьируется в зависимости от *основной черты их функционального назначения*: по региональному уровню, вертикальному уровню и уровню агрегации отраслей промышленности. Региональные кластеры привязываются к университетам, НИИ, различным научным учреждениям, т.е. территориальным научно-исследовательским центрам. Кластеры, образованные по вертикальному принципу, соотносятся с замкнутыми производственными цепочками, т.е. это структура, ядро которых образовано путем слияния смежных этапов производственного процесса. К кластерам по уровню агрегации отраслей промышленности относят те, которые представляют собой совокупность секторов экономики, имеющих тесную технологическую связь между собой, например, агропромышленный кластер [11, с. 7].

М. Энрайт в своих работах делает акцент на *динамике кластеров*. При этом он выделяет следующие виды кластеров:

1. Работающие кластеры, в которых наблюдаются тесные контакты между местными фирмами, обладающими определенными знаниями, компетенцией, трудовыми и иными ресурсами, которые создают экономию от агломерации для успешной конкурентной борьбы.

2. Латентные кластеры, в которых дополнительные возможности не реализуются по причине того, что существует недостаточное взаимодействие между фирмами.

3. Потенциальные кластеры, обладающие необходимыми элементами для своего развития, которые могут быть расширены.

4. Политически управляемые кластеры; они поддерживаются правительством, но не обладают благоприятными условиями для развития.

5. Желательные кластеры; они также поддерживаются правительством, но не имеют критической массы и не обладают какими-либо источниками преимуществ, способствующих их дальнейшему росту [12, с. 12].

По нашему мнению, наиболее системной и научно обоснованной является классификация кластеров, разработанная экспертами ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития – Р.Л.) Д. Якобсом и А. Деманом. Согласно данной классификации, в зависимости от *исходных характеристик кластеров* и их комбинаций существуют 7 видов кластерных стратегий. Так, например, в соответствии с *географической* кластерной стратегией происходит построение пространственных кластеров экономической активности: от сугубо местных до подлинно глобальных. При *горизонтальной* кластерной стратегии несколько отраслей/секторов могут входить в более крупный кластер. *Вертикальная*: в кластерах могут присутствовать смежные этапы производственного процесса. *Латеральная*: в кластер объединяются разные секторы, которые могут обеспечить экономию за счет эффекта масштаба, что приводит к новым комбинациям. *Технологическая* кластерная стратегия представляет собой совокупность отраслей, пользующихся одной и той же технологией. *Фокусная* кластерная стратегия характеризует кластер фирм, сосредоточенных вокруг одного центра – предприятия, НИИ или учебного заведения. При *качественной* кластерной стратегии существенно не только то, действительно ли фирмы сотрудничают, но и то, каким образом они это делают, так как взаимосвязи с поставщиками могут стимулировать инновационные процессы, но они же могут использоваться для перекладывания расходов на партнеров и ущемления их в финансовом отношении [11, с. 13].

В результате развития теории кластеров появилось такое понятие, как *кластерная политика*, которая представляет собой организованную попытку увеличить темпы роста производства и конкурентоспособность фирм в определенном регионе с вовлечением их в процесс интеграции и использованием потенциала государства и исследовательских институтов [13, с. 16].

М. Энрайт выделяет 4 типа кластерной политики *по роли государства* при ее проведении: каталитическая, поддерживающая, директивная и интервенционистская. Суть *каталитической* кластерной политики, состоит в том, что правительство сводит заинтересованные стороны (например, частные компании или исследовательские организации) между собой, но ограничивает финансовую поддержку реализации проекта. При *поддерживающей* кластерной политике каталитическая функция государства дополняется его инвестициями в инфраструктуру регионов, образование, маркетинг и тренинг для стимулирования развития кластеров. *Директивная* кластерная политика осуществляется при поддержке государства путем проведения специальных программ, нацеленных на трансформацию специализации регионов через развитие кластеров. *Интервенционистская* кластерная политика характеризуется тем, что правительство наряду с выполнением своей директивной функции перенимает у частного сектора ответственность за принятие решения о дальнейшем развитии кластеров и посредством трансфертов, субсидий, ограничений или регулирования, а также активного контроля над фирмами в кластере и формирует его специализацию [12, с. 18].

В мировой практике выделяют два типа кластерной политики *по генезису*: «сверху вниз» и «снизу вверх». При проведении кластерной политики «сверху вниз» инициаторами являются органы власти, а объектами внепространственные кластеры, которые представляют собой группы смежных предприятий, формирующих цепочки добавления стоимости. При проведении кластерной политики «снизу вверх» инициатором могут выступать местные объединения предпринимателей с целью реализации программ стимулирования развития кластеров [13].

Государство, в свою очередь, может проводить такие виды кластерной политики:

- 1) «брокерская» (обеспечивает проведение диалога и сотрудничество участников кластерной инициативы);
- 2) стимулирование спроса (размещение госзаказов, финансирование НИОКР и др.);
- 3) содействие установлению международных экономических связей (способствует привлечению иностранных инвестиций, укреплению транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, устранению торговых барьеров);
- 4) расширение рамочных условий функционирования кластера (обеспечение макро-экономической стабильности, содействие устойчивому функционированию рынков факторов производства, товаров и услуг) и др. [14, с. 205].

Принимая во внимание вышеизложенные теоретические основы применения кластерной политики, можно сказать, что ее реализация в условиях хозяйствования Республики Беларусь возможна при условии тесного сотрудничества субъектов кластера с органами государственного управления. В этой связи роль государственной политики в условиях кластеризации экономики может быть выражена:

- 1) в виде прямой поддержки с четко установленным бюджетом, охватывающим конкурентоспособную область или регион;
- 2) в виде поддержки наиболее узких мест кластера, таких как взаимодействие бизнеса и научно-исследовательских организаций;
- 3) в виде составной части государственной стратегии экономического развития путем разработки законодательной базы.

В отличие от отраслевой структуры управления экономикой при кластерном подходе применяется горизонтальный принцип интеграции субъектов хозяйствования. По мнению М. Портера, кластер имеет определенную структуру. Основу (ядро) кластера составляет крупная фирма либо концентрация крупных фирм. Далее выявляют связанные с кластером по вертикали вышестоящие и нижестоящие организации, а по горизонтали отрасли, производящие побочные продукты либо услуги или имеющие общие финансовые либо материальные потоки. На следующем этапе выделяют организации, спо-

собствующие обеспечению кластера новыми технологиями, знаниями и специалистами, и поддерживающими инфраструктуру кластера. Немаловажным является определение роли правительственных или иных регулирующих структур, оказывающих влияние на функционирование кластера [15, с. 258–259].

По мнению Г.А. Яшевой, повышение конкурентоспособности предприятий, входящих в кластер, достигается путем:

1) снижения себестоимости продукции за счет совместных программ маркетинговых исследований субъектов кластера, а также благодаря тесным связям и близости поставщиков ресурсов и услуг и др.;

2) активизации инновационной деятельности в кластере за счет взаимодействия предприятий, входящих в кластер с научно-исследовательскими институтами, обмена информацией и др.;

3) повышения потребительской удовлетворенности клиентов посредством предоставления доступа к информации о спросе и потребностях в результате объединения с корпоративными потребителями и др.;

4) экономического стимулирования и протекционизма субъектов кластера за счет предоставления субъектам кластера налоговых льгот, кредитов и субсидий, а также введения таможенных пошлин и квот на конкурирующие товары и т.д. [16, с. 94].

Заключение

В настоящее время отсутствие единого подхода к определению конкурентоспособности во многом связано с тем, что в научной литературе данное понятие рассматривается на микро-, мезо- и макроуровнях экономических отношений.

Как показывает мировой опыт, кластерный подход широко применяется во многих странах мира с целью формирования и регулирования национальных экономических систем. Однако при его использовании в качестве инструмента повышения конкурентоспособности экономики Республики Беларусь необходимо учитывать особенности развития регионов и народнохозяйственных комплексов. Накопленный теоретический и практический опыт применения данного подхода свидетельствует, что на выбор кластерной стратегии и кластерной политики также влияет ряд институциональных условий.

Применение кластерного подхода имеет такие преимущества, как:

1) свободный обмен знаниями и информацией, способствующий снижению транзакционных издержек и повышению инновационной активности предприятий, входящих в кластер;

2) мобильность материальных и финансовых активов за счет кооперации деятельности внутри кластера;

3) увеличение занятости населения (создание новых рабочих мест) за счет открытия новых или реорганизации старых производств и др.

Следовательно, применение кластерного подхода на государственном уровне по аналогии с зарубежными странами, но с учетом национальных особенностей позволило бы повысить конкурентоспособность национальной экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азоев, Г. Л. Маркетинг. Словарь / Г. Л. Азоев [и др.]. – М. : ОАО «НПО «Экономика», 2000. – 422 с.

2. Гламбоцкая, А. Бизнес-климат в Беларуси: основные проблемы и влияние на конкурентоспособность / А. Гламбоцкая. – Минск : Исслед. центр ИПМ, 2010. – 28 с.

3. Головачев, А. С. Конкурентоспособность страны, предприятия и товара / А. С. Головачев, С. Л. Горбачевич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2001. – 113 с.
4. Фатхутдинов, Р. А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление / Р. А. Фатхутдинов. – М. : ИНФРА М, 2000. – 312 с.
5. Аблязова, О. Н. Конкуренция на разных уровнях / О. Н. Аблязова, С. В. Павловская, В. В. Почекина. – Минск : Право и экономика, 2008. – 159 с.
6. Мясникович, М. В. Конкурентоспособность национальной экономики. Внешняя торговля: состояние и перспективы / М. В. Мясникович, П. Г. Никитенко (науч. ред.). – Минск : Ин-т экон. НАН Беларуси, ИООО «Право и экономика», 2002. – 130 с.
7. Богдан, Н. И. / Инновационная динамика: глобальные тенденции, состояние и перспективы Беларуси / Н. И. Богдан // Белорус. экон. журн. – 2012. – № 1. – С. 30–31.
8. The European cluster memorandum [Electronic resource] / The Center of strategy and competitiveness, Stockholm school of Economics. – Mode of access: http://www.innoclusters.ru/uploaded/docs/european_cluster_memorandum.pdf. – Date of access: 25.11.2011.
9. Портер, М. Международная конкуренция / М. Портер. – М. : Междунар. отношения, 1993 – 896 с.
10. OECD. Boosting Innovation: The Cluster approach [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.dpt.gov.tr/bgyu/abbp/italya/docs>. – Date of access: 19.10.2011.
11. Развитие кластеров: сущность, актуальные подходы, зарубежный опыт / авт.-сост.: С. Ф. Пятинкин, Т. П. Быкова. – Минск : Тесей, 2008 – 72 с.
12. Enright, M. J. Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results [Electronic resource] / M. J. Enright ; Working Paper Institute of Economic Policy and Business Strategy: Competitiveness Program University of Hong Kong and the Competitiveness Institute Barcelona, Spain, 2000. – Mode of access: www.acdivoca.org/acdivoca/Amapbds.nsf.pdf. – Date of access: 10.10.2011.
13. Пилюпенко, И. В. Проведение кластерной политики в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rsr-online.ru/doc/norm/222.pdf>. – Дата доступа: 17.10.2010.
14. Фатеев, В. С. Кластерная политика и инновационное развитие региона / В. С. Фатеев // Перспективы инновационного развития Республики Беларусь : сб. науч. тр. / Брест. гос. техн. ун-т. ; редкол.: А. М. Омелянюк [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2014. – 368 с.
15. Портер, М. Конкуренция / М. Портер. – М. : Вильямс, 2005. – 608 с.
16. Яшева, Г. А. Методологические основы кластерного подхода в повышении конкурентоспособности предприятий / Г. А. Яшева // Белорус. экон. журн. – 2006. – № 2. – С. 87–100.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.01.2015

Lysiuk R.N. The Theoretical Aspects of the Cluster Approach as an Instrument for Raising the Competitiveness of the National Economy

The competitiveness of the national economy is largely determined by the ability to adapt to the changing ways and methods of management. Currently there is no single definition of «competition» and «competitiveness». This article deals with analysis of the main approaches to the definition of «competitiveness». World experience shows that this economic category is considered basing on three levels of economic relations: macro, meso and micro level. Taking into consideration, the data from international organizations, analyzing the competitiveness, the article describes the main factors, which influence the competitiveness on the macro level. The author analysis the basic types of clusters and cluster policy for the assessment of the prospects of the cluster approach in the development of the national economy to improve its competitiveness. The article gives the main directions of the cluster approach in the management of the economy of the Republic of Belarus.

ПРАВА

УДК 614.253.89:341

Д.С. Береговцова

*доц. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ОМБУДСМЕНА ПО ПРАВАМ ПАЦИЕНТОВ

В настоящей статье рассматриваются перспективы введения в Республике Беларусь специализированного органа защиты прав пациента – уполномоченного по правам пациента. С этой целью анализируется опыт отдельных зарубежных государств, таких как США, Финляндия, Великобритания, Кипр, Польша, Италия, Россия. В частности, исследуется опыт создания независимой от органов здравоохранения службы защиты прав пациентов, находящихся в психических стационарах. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что существует потребность в создании специализированной системы органов защиты прав пациента в нашей стране с учётом национальной специфики Республики Беларусь, а также что подобная система позволит более эффективно реализовать права и защитить права лица, обратившегося за медицинской помощью.

Введение

В системе гарантий прав и свобод человека и гражданина значительное место занимает деятельность различных государственных органов, а также общественных организаций, реализующих функцию обеспечения реализации и защиты прав и свобод индивида. В системе таких органов во многих зарубежных странах важную роль играет омбудсмен, деятельность которого выступает в качестве значимой и необходимой составляющей национальных механизмов защиты прав и свобод.

Как правильно отмечает З.М. Шабанова, эффективность и результативность подобного правозащитного института привели к тому, что в настоящее время он получил распространение более чем в 100 государствах, успешно функционируя в странах, принадлежащих к различным правовым семьям и с различными формами правления и государственного устройства [1]. При этом во многих государствах общих уполномоченных по правам человека дополняют так называемые специализированные омбудсмены, которые осуществляют правозащитную деятельность в области реализации и защиты прав некоторых наиболее незащищенных в социальном плане и уязвимых с точки зрения соблюдения прав и свобод категорий населения: например, национальных, религиозных меньшинств, заключенных, потребителей, сотрудников полиции, несовершеннолетних, военнослужащих, учащихся средних и высших учебных заведений и т.д.

В ряде стран мира получили распространение также уполномоченные по правам пациентов, деятельность которых направлена на защиту прав индивидов при получении ими медицинской помощи в организациях здравоохранения. Попытаемся рассмотреть более подробно деятельность этих специализированных омбудсменов, а также возможность и целесообразность введения подобного института в Республике Беларусь.

Опыт зарубежных государств в области формирования специализированных омбудсменов по правам пациентов

Анализ существующей мировой практики учреждения специализированных омбудсменов показывает, что институт уполномоченного по правам пациентов либо существует в качестве самостоятельного органа, либо является обособленной структурой общих омбудсменов.

Изучение системы защиты прав пациентов в США и некоторых европейских государствах позволяет прийти к выводу, что введение в структуру этой системы специализированного органа или должностного лица, деятельность которого направлена на защиту прав пациента, способствует значительному улучшению качества медицинской помощи и связанных с ней медицинских услуг, позволяет минимизировать дефекты оказания медицинской помощи, а также устранить отдельные недостатки работы национальных систем здравоохранения, привлечь внимание к проблеме прав пациентов.

Так, в США, где контроль за соблюдением прав пациента многоступенчатый, более чем в половине медицинских клиник, домов сестринского ухода действуют так называемые адвокаты пациентов, или омбудсмены, которые по закону должны быть представителями медицинского персонала или социального органа.

В Финляндии (первая страна в мире, где в 1992 г. был принят закон о статусе пациента) все организации здравоохранения обязаны иметь омбудсмена пациентов, к которому они могут обращаться, когда испытывают проблемы при получении медицинских услуг или недовольны медицинским уходом. В настоящее время в финских учреждениях здравоохранения имеются более 2 000 омбудсменов.

В Великобритании функционирует Служба Парламентского уполномоченного по правам здравоохранения, которая является отделом Парламентского уполномоченного по правам человека, и специализируется на разрешении жалоб на дефекты в работе национальной системы здравоохранения (администрации и медперсонала стационаров и амбулаторных учреждений, семейных врачей и т.д.). Данная служба неподотчётна правительству и независима от национальной системы здравоохранения. Штат из 80 человек укомплектован специально подготовленными экспертами с медицинским и юридическим образованием. Цель деятельности Службы уполномоченного – независимая оценка государственного здравоохранения и помощь пациентам [2, с. 66].

Медицинским законодательством Кипра (закон «О правах пациента») предусмотрена должность офицера по правам пациента в каждой государственной больнице, который должен помогать пациентам в соблюдении и реализации их прав: например, рассматривает их жалобы, а также осуществляет работу с медицинским и административным персоналом больницы по ознакомлению с положениями законодательства о правах пациента. Это должностное лицо назначается министром здравоохранения при участии министра финансов и действует независимо от администрации учреждения здравоохранения [3].

В Италии функционирует Трибунал по защите прав пациентов, представители которого осуществляют правозащитную деятельность в организациях здравоохранения по всей стране.

Институт омбудсменов по правам пациентов в Польше регулируется законом «О правах пациента и уполномоченном по правам пациента». Польский уполномоченный по правам пациентов является компетентным органом по вопросам защиты прав пациентов, который реализует свои полномочия через управление уполномоченного. Уполномоченный подчиняется непосредственно премьер-министру Польши, который назначает на должность и освобождает от должности уполномоченного, а также осуществляет контроль за его деятельностью [4]. В круг полномочий польского омбудсмена по правам пациентов входит:

- 1) защита прав пациентов организаций здравоохранения;
- 2) разработка и предоставление Совету министров проектов нормативных правовых актов по вопросам соблюдения и защиты прав пациентов;
- 3) другие мероприятия, направленные на расширение знаний о правах пациента и механизмах их защиты.

Крайне интересным представляется позитивный опыт Российской Федерации, где в соответствии со ст. 38 закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» государством создается независимая от органов здравоохранения служба защиты прав пациентов, находящихся в психических стационарах. Представители этой службы защищают права пациентов, находящихся в психиатрических стационарах, принимают их жалобы и заявления, а затем рассматривают их вместе с администрацией данного психиатрического учреждения либо направляют их в органы представительной и исполнительной власти, прокуратуру или суд [5].

Создание подобной службы именно в психиатрических стационарах представляется нам крайне обоснованным, так как психически больные люди, в особенности находящиеся на излечении в медицинском стационаре (в том числе и лица, находящиеся там на принудительном лечении) являются одной из самых незащищенных категорий пациентов, которым крайне сложно полноценно реализовать свои права.

Как правильно отмечает М.А. Курбанов, единственным способом оградить таких граждан от возможного нарушения в будущем их прав является запрет действий, которые могут причинить вред их здоровью, что и является реализацией такого способа защиты, как пресечение действий, создающих угрозу нарушения прав. Чтобы данный способ не носил декларативного характера, как это бывает на практике при оказании психиатрической помощи, в системе государственного регулирования необходима организация, которая выполняла бы прежде всего превентивные функции, осуществляла бы работу с жалобами граждан в сфере медицинских услуг по оказанию психиатрической помощи и эффективно реагировала бы на них. Такая организация должна объединять и представлять интересы пациентов и поддерживаться государством, и именно такой организацией призвана стать предусмотренная российским законодателем в ст. 38 закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» служба защиты прав пациентов, находящихся в психиатрических стационарах [6].

Вместе с тем на данный момент практики применения ст. 38 закона в Российской Федерации нет, так как предусмотренная в нем служба существует лишь *de jure*. Как отмечает Ф. Халиков, тема создания службы защиты прав пациента обсуждается на самых различных площадках (форумах, круглых столах и т.д.), что сопровождается постоянными призывами к государству, чтобы оно создало-таки данную службу, и к общественности и правозащитным организациям, – чтобы они продолжали давление на органы государственной власти. Характерно, что прошло уже более 20 лет с момента принятия закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании», но положение о службе защиты прав пациента так и не принято; в результате нормативной базы для деятельности службы (кроме уже упомянутой ст. 38 закона) нет, как нет и самой службы [7]. Сложно сказать, почему норма, сформулированная в ст. 38 закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании», является недействующей (большинство российских исследователей данной проблемы называют финансовые причины), но сама по себе идея, сформулированная российским законодателем представляется нам достаточно перспективной, интересной и заслуживающей внимания не только по отношению к лицам, находящимся в психиатрических стационарах, но и по отношению ко всем людям, получающим медицинскую помощь и уход в организациях здравоохранения.

Перспективы создания специализированной системы органов защиты прав пациента в Республике Беларусь

Полагаем, что существует настоятельная необходимость введения уполномоченного по правам пациента в Республике Беларусь, причем не только применительно к пациентам психиатрических стационаров, но и по отношению к пациентам любых орга-

низаций здравоохранения в Республике Беларусь как государственной, так и частной формы собственности. По нашему мнению, опыт передовых демократических государств свидетельствует о том, что, во-первых, существует потребность в создании специализированной системы органов защиты прав пациента именно с учётом национальной специфики Республики Беларусь, а, во-вторых, что подобная система позволит более эффективно реализовать права и защитить права лица, обратившегося за медицинской помощью. А спецификой Республики Беларусь является то, что основой системы здравоохранения является государственное здравоохранение.

Существующая система защиты прав пациентов включает в себя органы и организации внесудебной защиты прав пациентов, такие как республиканский орган государственного управления, ведающий вопросами охраны здоровья; главные управления, управления (отделы) здравоохранения местных исполнительных и распорядительных органов; органы местного самоуправления; администрации организаций здравоохранения; общественные объединения потребителей, включая объединения защиты прав пациентов; страховые организации, осуществляющие в соответствии с законодательством страхование медицинских расходов. Кроме органов и организаций внесудебной защиты пациентов в данную систему входят также судебные органы.

Представляется целесообразным ввести в белорусскую систему защиты прав пациента специализированный орган, деятельность которого должна быть направлена на защиту прав пациента, – Службу защиты прав пациента. Служба защиты прав пациента, по нашему мнению, должна выступать в качестве органа государственного управления, реализующего функцию государственного управления в области обеспечения реализации и защиты прав пациента. Необходимость создания подобного органа продиктована несовершенством существующей системы защиты прав индивида при обращении за медицинской помощью.

Считаем, что система Службы защиты прав пациентов должна включать в себя Службу защиты прав пациентов, действующую на республиканском уровне, территориальные органы Службы защиты прав пациентов (службы защиты прав пациентов областей и г. Минска), а также служащих по защите прав пациентов при организациях здравоохранения. Служащий по защите прав пациентов должен осуществлять защиту прав пациентов соответствующей организации здравоохранения и заниматься всеми связанными с соблюдением и реализацией этих прав вопросами. Данное должностное лицо должно быть независимо в своей деятельности от администрации и медицинского персонала организации здравоохранения. К полномочиям служащего по правам пациентов следует отнести:

- 1) осуществление информационно-просветительской деятельности в области защиты прав пациентов;
- 2) рассмотрение жалоб и обращений пациентов, связанных с нарушением их прав;
- 3) осуществление посреднической деятельности между пациентом и медицинскими работниками при рассмотрении обращений пациентов, связанных с нарушением их прав;
- 4) направление администрации организации здравоохранения или конкретному медицинскому работнику, виновному в нарушении прав пациента, предписания о необходимости устранить допущенные нарушения;
- 5) осуществление первичного контроля за соблюдением прав пациентов организациями здравоохранения, составление актов о выявленных нарушениях и направление их в уполномоченные государственные органы;
- 6) обращение к администрации организации здравоохранения с предложениями о привлечении медицинских работников, виновных в нарушении прав пациента, к дисциплинарной ответственности;

- 7) направление в органы прокуратуры материалов проверки при наличии в действиях медицинских работников состава преступления;
- 8) обращение в суд с иском о защите прав пациентов;
- 9) обращение в соответствующий территориальный орган защиты прав пациентов, к администрации организации здравоохранения с предложениями о мерах по повышению качества медицинских услуг.

При осуществлении своих полномочий служащий по защите прав пациентов должен иметь следующие права:

- 1) получать от администрации и работников организации здравоохранения всю необходимую для осуществления его деятельности информацию, в том числе с согласия пациентов знакомиться с их медицинской документацией;

- 2) на обеспечение условий его деятельности в соответствии с требованиями охраны труда.

На служащего по защите прав пациентов необходимо возложить следующие обязанности:

- 1) надлежащим образом исполнять свои профессиональные функции;
- 2) соблюдать конфиденциальность общения с пациентом и информировать других лиц о своих контактах и деятельности с клиентом только после его разрешения.

Заключение

Таким образом, законодательное введение института специализированного государственного органа в области защиты прав пациентов в Республике Беларусь должно стать важным этапом в усовершенствовании системы защиты прав лиц, обращающихся за медицинской помощью. Подобный шаг, во-первых, позволит ликвидировать многие из существующих проблем, связанных с реализацией и защитой прав пациентов, а, во-вторых, окажет положительное влияние на эффективность правозащитной деятельности органов государственного управления здравоохранением, органов местного самоуправления, администрации и медицинского персонала организаций здравоохранения всех форм собственности, индивидуальных предпринимателей, оказывающих медицинские услуги.

Полагаем, что существующая мировая практика уже доказала эффективность института специализированного омбудсмана по правам пациентов как важнейшей формы защиты прав и свобод лиц, получающих медицинскую помощь, так как одной из центральных проблем современного белорусского медицинского законодательства может по праву считаться проблема обеспечения реализации прав пациента. Это связано в первую очередь с тем очевидным фактом, что пациент является одной из ключевых фигур системы здравоохранения, без которой функционирование данной системы теряет всякий смысл.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шабанова, З. М. Специализированные уполномоченные по правам человека в России и зарубежных странах : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.02 / З. М. Шабанова ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации – М., 2004. – 23 с.
2. Глуховский, В. В. Стандарты и механизмы обеспечения прав пациентов в системах здравоохранения / В. В. Глуховский. – М. : Дизайн и полиграфия, 2008. – 136 с.
3. Всегда ли прав медработник [Электронный ресурс] // Вестник Кипра. – 2005 – № 499. – Режим доступа: www.vestnikkipra.com/. – Дата доступа: 17.10.2014.

4. Институт уполномоченного по права пациента в Польше [Электронный ресурс]. – Wielgosz i wspólnicy. – 2014. – Режим доступа: www.wielgosziwspolnicy.eu. – Дата доступа: 17.10.2014.

5. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 // Информ.-правовой портал «Гарант». – 2013. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10136860/>. – Дата доступа: 26.03.2015.

6. Курбанов, М. А. Гражданско-правовая защита права на психическое здоровье граждан РФ [Электронный ресурс] / М. А. Курбанов // SuperInf.ru. – Режим доступа: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=1497. – Дата доступа: 26.03.2015.

7. Халиков, Ф. Служба защиты прав пациентов психиатрических стационаров: так ли она нужна [Электронный ресурс] / Ф. Халиков // Воронежский адвокат. – 2013. – Режим доступа: <http://www.advpalata.vrn.ru/cgi-bin/mag.pl/2010/07/3>. – Дата доступа: 26.03.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.01.2015

Berahautsova D.S. Prospects of Implementation in the Republic of Belarus of International Experience in the Formation of Specialized Ombudsman for Patients' Rights

This article examines the perspectives of implementation in the Republic of Belarus specialized protection body of patients' rights – Ombudsman for patients' rights. With this aim, the experience of foreign countries, such as USA, Finland, UK, Cyprus, Poland, Italy, Russia is analyzed. In particular the experience of creating bodies for protection the rights of patients in mental hospitals independent from health care is investigated. As a result of this survey, the author comes to the conclusion that there is the need to create specialized body systems of protection of patients' rights in our country, taking into account national specifics of the Republic of Belarus, and also that such a system will allow realization and protection of persons seeking medical help in the most effective way.

УДК 349.6(476)(075.8)

Г.И. Зайчук

*канд. юрид. наук, доц., доц. каф. общественно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫХ ЦЕЛЯХ – НОВЫЙ ВИД ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются вопросы природных и природно-антропогенных объектов, природных комплексов и ресурсов, их соотношение друг с другом. Показано, что природный ресурс представляет собой экономическую, экологическую и социальную характеристику природного, природно-антропогенного объекта или природного комплекса, т.е. соответствующую его ценность. Причем каждый из рассматриваемых объектов включает в себя несколько ресурсов, которые могут быть использованы для различных целей, в том числе и для размещения физкультурно-спортивных объектов, занятия физической культурой и спортом вне помещений, на открытом воздухе. Тем не менее природопользование в физкультурных и спортивных целях фрагментарно урегулировано только лесным законодательством и законодательством о растительном мире. В земельном, горном, атмосферном и фаунистическом законодательстве этот вид природопользования закрепления не получил. Рекомендуется восполнить указанный пробел, а также по аналогии с государственным кадастром туристических ресурсов принять положение о государственном кадастре физкультурно-спортивных ресурсов и возложить его ведение на Министерство спорта и туризма Республики Беларусь.

Введение

Физической культурой и спортом человечество занимается с древнейших времен. В начале такие тренировки и соревнования носили исключительно прикладной, практический характер, так как были направлены на подготовку к охоте, рыбной ловле и войне. При этом они проводились вне помещений, в естественно-природных условиях, затем у греков и римлян на специально оборудованных объектах – открытых стадионах. Другими словами, для проведения физкультурных и спортивных мероприятий использовались как специально оборудованные, так и необорудованные участки местности. Такое положение дел, за исключением небольших изменений, так как появились крытые спортивные объекты, сохранилось до нашего времени. О крупномасштабном использовании природной среды для размещения физкультурно-спортивных сооружений, подготовки к соревнованиям и проведении их свидетельствуют данные, приведенные в Государственной программе развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь на 2011–2015 гг. [1], согласно которым в стране функционирует 25 836 спортивных сооружений (в 2006 г. – 22 076), из них 229 стадионов, 10 811 спортивных площадок, 5 025 спортивных залов, 23 крытые арены с искусственным льдом, 46 манежей, 265 плавательных бассейнов, 706 мини-бассейнов и число их непрерывно растет. Тем не менее порядок учета, предоставления и использования природных ресурсов для осуществления природопользования в физкультурно-спортивных целях в законодательстве (экологическом и спортивном) находится в стадии формирования, а на теоретическом уровне не исследован.

Использование природных ресурсов в физкультурно-спортивных целях

Занятие физической культурой, подготовка к спортивным соревнованиям и их проведение неразрывно связаны с использованием окружающей природной среды для этих целей. Последняя в соответствии со ст. 1 закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982–XII «Об охране окружающей среды» [2] представляет собой совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов,

а также антропогенных объектов. При этом в самых общих чертах к природным объектам относятся земли, недра, воды, атмосферный воздух, растительный и животный мир, а природно-антропогенные объекты представлены озеленительными древесно-кустарниковыми и иными насаждениями населенных пунктов и древесно-кустарниковыми насаждениями, расположенными на землях сельскохозяйственного назначения, а также в пределах полос отвода железных и автомобильных дорог, иных транспортных и коммуникационных линий и каналов. Под природными ресурсами в соответствии со ст. 1 указанного закона понимаются компоненты природной среды, природные и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность.

В юридической литературе отмечается, что разделение природопользования и охраны природы получило свое отражение в формировании двух различных понятий – природный объект и природный ресурс. Первое понятие выражает предмет правовой охраны природы, а второе – предмет так называемых природоресурсовых отраслей права. Между тем понятие природного ресурса выражает не что иное, как полезность для общества (ресурс) того или иного природного объекта [3, с. 10]. Поэтому каждый природный объект включает в себя несколько ресурсов, состав которых в зависимости от потребностей общества, обусловленных уровнем его научно-технического и социально-экономического развития, постоянно меняется.

Развитие физкультуры и спорта в Республике Беларусь, ограниченность естественных богатств пределами территории государства и крупномасштабное возведение физкультурно-спортивных объектов и комплексов требуют учета и предоставления природных ресурсов для осуществления не только экономической, но и физкультурно-спортивной деятельности. Причем, как справедливо отмечает профессор В.К. Каменков, «в отдельных белорусских законодательных актах, не имеющих прямого отношения к спорту, есть упоминание о том, что спорт и экономика – это равнозначные отрасли». И далее: «Современный спорт, это не только спорт высших достижений и профессиональный спорт, но и спортивная промышленность, и спортивное строительство, и спортивная услуга» [4, с. 25–28]. Из чего можно сделать вывод, что народное хозяйство и спорт тесно взаимосвязаны и являются одинаково важными видами деятельности, поэтому в равной степени нуждаются в обеспечении природными ресурсами. Однако до сих пор в национальном законодательстве и в теоретических работах приоритет отдается экономике. В частности авторы учебного пособия по экологическому праву пишут, что вовлеченные в хозяйственную деятельность компоненты природной среды рассматриваются экологическим правом в качестве природных ресурсов [5, с. 62–63]. Тем не менее нуждающиеся в обеспечении природными ресурсами физическая культура и спорт относятся не к экономической, а к социальной деятельности, о чем свидетельствует закрепление их определений в национальном и международном законодательстве. В ст. 1 закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте» определено, что физическая культура – составная часть культуры, сфера деятельности, представляющая собой совокупность духовных и материальных ценностей, создаваемых и используемых обществом в целях физического развития человека, совершенствования его двигательной активности, направленная на укрепление его здоровья и способствующая гармоничному развитию личности [6]. «Спорт – органическая часть физической культуры, особая сфера проявления и унифицированного сравнения достижения людей в видах спорта, сложившаяся в форме специальной практики подготовки человека к соревнованиям и соревновательной деятельности с целью достижения спортивных результатов» [7].

В юридической литературе бытует заслуживающая внимания точка зрения, что одним из основополагающих принципов экологического права при осуществлении хозяйственной и иной деятельности является научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства [8, с. 77]. Представляется, что экологические (природоохранные) интересы обеспечиваются путем образования особо охраняемых природных территорий и природных территорий, подлежащих специальной охране, экологически неблагоприятных территорий, посредством полного либо частичного изъятия их из хозяйственного оборота; экономические потребности – в обеспечении природными ресурсами всех отраслей народного хозяйства; социальные интересы – предоставлением природных ресурсов для использования их в культурно-оздоровительных, туристических, рекреационных и физкультурно-спортивных целях.

Мало того, в ряде случаев социальный эффект от использования природных ресурсов для физкультурно-спортивных целей может превосходить их экономическую ценность. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы тот факт, что запросы пользователей США, связанные с Беларусью, после завоевания Дарьей Домрачевой третьей олимпийской золотой медали вошли в десятку трендов поисковой системы Google и поднялись до 6-й позиции в регионе, а в России и Украине они заняли первое место [9, с. 23].

В настоящее время земли используются для размещения и эксплуатации спортивных объектов и спортивных комплексов; недра – для размещения подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, например, тиров для пулевой стрельбы; водные объекты (их части) – для сооружения и эксплуатации спортивных объектов, связанных с водными видами спорта (например, в Бресте и Заславле построены и функционируют гребные каналы), либо напрямую без возведения спортивных сооружений с целью занятия парусным, водномоторным, подводным спортом; атмосфера – для развития технических видов спорта, в том числе занятий авиамодельным, вертолетным, планерным, дельтапланерным, парашютным, самолетным видами спорта; леса – для занятия спортивным ориентированием, туризмом, автомобильным и мотоциклетным спортом, а также размещения спортивных баз; животный мир является объектом спортивной охоты и спортивного рыболовства. Тем не менее в природоресурсных кодексах и законах: (Кодексе Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-3, Кодексе Республики Беларусь о недрах от 14 июля 2008 г. № 406-3, Водном кодексе Республики Беларусь от 15 июля 1998 г. № 191-3, Воздушном кодексе Республики Беларусь от 16 мая 2006 г. № 117-3, законе Республики Беларусь от 16 декабря 2008 г. № 2-3 «Об охране атмосферного воздуха», Лесном кодексе Республики Беларусь от 14 июля 2000 г. № 420-3, законе Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-3 «О растительном мире», законе Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-3 «О животном мире» [10] и природоохранном законодательстве, законе «Об охране окружающей среды» и законе Республики Беларусь от 20 октября 1994 г. № 3335-XII «Об особо охраняемых природных территориях» [11]) требования об использовании указанных природных ресурсов в спортивных целях нашли пока еще только бессистемное и фрагментарное закрепление, да и то только в лесном законодательстве и законодательстве о растительном мире.

Согласно ст. 36 и 62 Лесного кодекса в отдельный вид лесопользования выделено пользование участками лесного фонда в культурно-оздоровительных, туристических, иных рекреационных и (или) спортивных целях, а в соответствии со ст. 44 и 47 Закона «О растительном мире» в один из самостоятельных видов выделено пользование объектами растительного мира в культурно-оздоровительных, туристических, иных рекреационных и (или) спортивных целях, причем без раскрытия содержания понятий пользования лесными ресурсами и ресурсами растительного мира в спортивных целях.

Аналіз прыродорэсурснага і спортыўнага заканадаўства і ўстанавіўшэйся практыкі дае асновы прадполагаць, што прыродныя рэсурсы могуць быць выкарыстаны не толькі ў спортыўных, але і фізкультурных мэтах для размяшчэння фізкультурных і спортыўных аб'ектаў і комплексаў: капітальных будынкаў (будынкаў, збудаванняў), заняткі фізічнай культурай і спортам за такіх аб'ектаў, на адкрытым воздудхе. Прычым фізкультурныя і спортыўныя аб'екты і комплексы прадстаўляюць сабой тэрытарыяльныя афармаванні. Пры гэтым для іх размяшчэння і наступнага эксплуатацыі патрэбныя зямельныя часткі і другія прыродныя рэсурсы. Гэтым мы знаходзім падтвэрджэнне ў навучнай літаратуры і заканадаўстве. Напрыклад, Н.А. Шынгель разглядае зямлі як прыродна-рэсурсавую аснову тэрытарыяў, а тэрытарыі – як прыродна-антрапагенныя афармаванні [12, с. 147]. А згодна ст. 1 Кодэкса аб зямлі зямельны частак прадстаўляе сабой частку зямной паверхнасці, якая мае межы і мэтавае прызначэнне і разглядаецца, як правіла, ў неразрывнай сувязі з размяшчэннямі на ёй капітальнымі будынкамі (будынкамі, збудаваннямі).

Постанавленнем Міністэрства здароўя Рэспублікі Беларусь ад 4 чуня 2013 г. № 43 ўтверджаны Санітарныя нормы і правілы «Трабаванні да ўстановаў дадатковага афармавання дзетай і моладзю, спецыялізаванымі ўчэбна-спортыўнымі ўстановамі» [13]. Галавай 2 гэтага акта вызначаны трабаванні да зямельнаму частку і тэрытарыі спортыўных устаноў. У асабнасці, спортыўныя ўстановы павінны размяшчацца на найбольшага прыятных у прыродна-экалагічным адношэнні тэрытарыях – іх зямельныя часткі павінны быць аддалены ад транспартных магістралей, прамысловых, камунальных і другіх прадпрыемстваў, якія могуць служыць крыніцамі шуму і забруднення воздудха. Пры гэтым ўстаноўлена забарона на размяшчэнне спортыўных устаноў на тэрытарыях санітарна-защитных зонаў. Акрамя гэтага, гэтым актам вызначаны трабаванні ў абласці пешаходна-транспартнага даступнасці і азелення такіх тэрытарыяў.

Трабаванні аб тым, што прыродныя тэрытарыі пры выкарыстанні іх у фізкультурна-спортыўных мэтах павінны быць экалагічна бяспаснымі, знаходзіць косвеннае закрэпленне ў законе Рэспублікі Беларусь ад 26 мая 2012 г. № 385-З «Аб прававым рэжыме тэрытарыяў, падвергнутых радыяактыўнаму забрудненню ў выніку катастрофы на Чэрнобыльскай АЭС» [14] ў ст. 24–26, дзе сфармулявана прамая забарона на выкарыстанне тэрытарыяў зон эвакуацыі (адчужэння), пераважнага перасялення, наступнага перасялення ў рэкрэацыйных мэтах. Такім чынам, фізкультурна-спортыўныя аб'екты павінны размяшчацца на найбольшага прыятных у прыродна-экалагічным адношэнні тэрытарыях. Прадстаўляецца, што ў першую ачэрэд імі могуць быць рэкрэацыйныя тэрытарыі, прызначаныя для аддыха насельніцтва. В.В. Петров пісаў, што ў склад такіх тэрытарыяў могуць ўваходзіць часткі гарадской тэрытарыі (сады, паркі, скверы, спортыўныя комплексы), прыгарадныя зяленыя зоны, лесопаркі, нацыянальныя, прыродныя паркі, у іх склад могуць ўключыцца вызначаныя часткі запаведнікаў і заказнікаў [15, с. 352].

Прымяняючы да сучасных беларускіх умоваў Л.А. Самусенка прапанаваў уключыць ў склад прыродных рэкрэацыйных тэрытарыяў «зоны аддыха; турыстычныя зоны; курортныя зоны; рэкрэацыйныя зоны населеных пунктаў; лесопарковыя часткі зяленых зонаў, рэкрэацыйныя зоны нацыянальных паркаў; зоны біясферных рэзерватаў, выкарыстаныя ў мэтах рэкрэацыі» [16, с. 209].

Такім чынам, з процітанаваных крыніцаў і заканадаўства, а таксама пры дапамозе інтэрпрэтацыі іншых нарматыўных прававых актаў можна зрабіць выснова аб тым, што найбольшага прыятнымі тэрытарыямі для размяшчэння фізкультурна-спортыўных аб'ектаў, а таксама заняткі фізкультурой і спортам на адкрытым воздудхе з'яўляюцца рэкрэацыйныя тэрытарыі, а таксама рад прыродных тэрытарыяў, падлягаючых спе-

циальной охране, состав которых установлен ст. 63 закона «Об охране окружающей среды», это – парки, скверы, бульвары, водоохранные зоны и прибрежные полосы рек и водоемов, типичные природные ландшафты, охранные зоны особо охраняемых природных территорий. Кроме того, озелененные территории физкультурно-спортивных объектов и комплексов сами могут использоваться в целях рекреации.

Государственные кадастры физкультурно-спортивных ресурсов

Государственные кадастры природных ресурсов являются правовой формой учета природных ресурсов и одновременно информационной базой, в которой хранятся официальные сведения о них. Причем кадастры ведутся по двум направлениям. Они могут быть отраслевыми и комплексными. Первые ведутся в отношении отдельных видов природных ресурсов, безотносительно целей, для которых они эксплуатируются. Данные, содержащиеся в этих кадастрах могут быть использованы для разработки и реализации государственных концепций и программ, а также территориальных комплексных схем, программ и мероприятий по рациональному (устойчивому) использованию природных ресурсов и охране окружающей среды. Вторые – в области всех природных ресурсов применительно к конкретным видам деятельности, для которых они используются либо могут быть использованы, например, энергетической, рекреационной, физкультурно-спортивной и т.п.

Общее определение кадастров природных ресурсов, их открытый перечень, порядок ведения и функции (предназначение) установлены в Законе «Об охране окружающей среды». В ст. 1 этого Закона сформулировано, что государственный кадастр природных ресурсов представляет собой систематизированный свод данных о количественных и качественных характеристиках природных ресурсов, их экономической оценке и использовании. Согласно ст. 72 рассматриваемого нормативного акта государственные кадастры природных ресурсов ведутся для учета количественных, качественных и иных характеристик природных ресурсов, а также для учета объема, характера и режима их использования. В Беларуси ведутся кадастры недр, атмосферного воздуха, растительного и животного мира, отходов, земельный, водный, лесной, климатический и иные кадастры природных ресурсов. Кроме перечисленных к другим природоресурсным государственным кадастрам относятся: градостроительный кадастр Республики Беларусь; кадастр возобновляемых источников энергии; кадастр антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов; климатический кадастр; кадастр туристических ресурсов Республики Беларусь.

Наиболее близкими по своему назначению и содержанию к физкультурно-спортивным ресурсам являются туристические ресурсы, чем обусловлено единое государственное управление этими видами деятельности в лице Министерства спорта и туризма Республики Беларусь. Имеется опыт ведения кадастра туристических ресурсов.

В ст.1 Закона Республики Беларусь от 25 ноября 1999 г. № 326-З «О туризме» [17] определено, что туристические ресурсы – это природные, социально-культурные объекты, в том числе недвижимые материальные историко-культурные ценности, удовлетворяющие духовные потребности туристов, экскурсантов и (или) содействующие укреплению и восстановлению их здоровья. Согласно ст. 9 указанного Закона в Республике Беларусь ведется Государственный кадастр туристических ресурсов.

В соответствии с Положением о порядке ведения Государственного кадастра туристических ресурсов Республики Беларусь (в дальнейшем – ГТРК), утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 июня 2004 г. № 730 «Об утверждении Положений о порядке создания туристических зон и ведения Государственного кадастра туристических ресурсов Республики Беларусь» [18] ГКТР является информационной системой, включающей сведения о статусе туристических ресурсов,

их географическом положении и границах, природопользователях, научных, экономических, экологических и культурных ценностях, а также режиме их охраны и использования. Кроме того, в Положении закреплены процедура отнесения ресурсов к туристическим, порядок и цели ведения кадастра и использования его данных. В частности, установлено, что ГКТР ведется отдельно по природным и социально-культурным объектам.

В связи с появлением комплексных кадастров природных ресурсов, возникли первые научные публикации, посвященные этой проблеме. В частности, в научной литературе отмечается, что категория «кадастр» может рассматриваться в узком и широком значении. В узком смысле он представляет описание податных предметов, подлежащих налогообложению. В более общем смысле термин «кадастр» означает систематизированный свод сведений, составляемый путем периодических или непрерывных наблюдений над соответствующим объектом [19, с. 76–82]. При этом отмечается, что Государственный кадастр возобновляемых источников энергии следует рассматривать как разновидность кадастров в широком смысле, так как его создание в первую очередь было ориентировано не на решение вопросов налогообложения, а на систематизацию информации в области возобновляемой энергетики, а также развитие ее инвестиционной привлекательности [20, с. 180–189].

Объектами отдельных кадастров выступают материальные ценности, созданные трудом, – мосты, здания, мелиоративные сооружения и устройства, а также естественные ресурсы, используемые в общественном производстве для удовлетворения материальных и культурных потребностей общества – земля, воды, ласа, полезные ископаемые, животный мир [21, с. 6].

Л.А. Самусенко пишет, что природные рекреационные ресурсы – это собирательное понятие, которое употребляется для обозначения комплекса природных ресурсов, обладающих рекреационными свойствами, используемых в процессе рекреации [22, с. 199]. И дает развернутое определение природным рекреационным ресурсам: это природные ресурсы, обладающие рекреационными свойствами, которые используются или могут быть использованы в процессе рекреации и включают земли оздоровительного и рекреационного назначения, рекреационные леса, лечебные водные объекты, места массового отдыха и спорта водных объектов, насаждения общего пользования, охотничьих животных и диких животных, относящихся к объектам рыболовства, подземные лечебные минеральные воды, геотермальные ресурсы недр, отдельные подземные пространства недр [22, с. 204].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 мая 2003 г. № 724 «О мерах по внедрению государственных социальных стандартов по обслуживанию населения республики» [23] определены социальные стандарты в области физической культуры и спорта, которыми установлены нормативы расходов бюджета на развитие физической культуры и спорта, в том числе на проведение спортивных мероприятий, содержание спортивных объектов и комплексов, причем количественные показатели для спортивных объектов ими установлены только для агрогородков, в частности, в каждом таком населенном пункте должно быть не менее одного спортивного сооружения в виде спортивной площадки, футбольного поля и спортивного зала. В остальных населенных пунктах согласно ст. 66 Закона «О физической культуре и спорте» уровень обеспеченности населения физкультурно-спортивными сооружениями определяется местными исполнительными и распорядительными органами на основе градостроительной документации.

Представляется, что при возведении физкультурно-спортивных объектов и комплексов должен учитываться не один, а несколько факторов, в том числе природно-экологическое состояние места планируемого размещения объекта или комплекса, равномерное их распределение по всей территории населенного пункта, климатические усло-

вия, транспортная инфраструктура. Однако отсутствие Государственного кадастра физкультурно-спортивных ресурсов не дает такой возможности. Статьей ст. 67 Закона «О физической культуре и спорте» предусмотрено формирование только реестра физкультурно-спортивных сооружений в целях систематизации данных о количестве, назначении и состоянии физкультурно-спортивных сооружений, находящихся на территории Республики Беларусь.

В своем письме в редакцию «Брестской газеты» А.К. пишет, что в микрорайоне Бреста «Речица» нет ФОКа. Чтобы позаниматься спортом и оздоровиться, надо людям ехать в другой конец города. Зато кругом идет засилье свободных площадей магазинчиками, ларьками и киосками [24, с. 18].

Другой пример. По сообщению БЕЛТА, гребные каналы в Заславле и Бресте соответствуют самому высокому международному урону «А». Об этом заявил журналистам председатель технического комитета по спринту в гребле на байдарках и каноэ, член Совета директоров Международной федерации каноэ Франк Гарнер. По его словам, оба белорусских канала заслуживают самой высокой оценки и могут претендовать на проведение этапов кубков Европы и мира, международных чемпионатов среди юниоров (до 18 лет), молодежи (до 23 лет), а также мужчин и женщин. При этом самым слабым местом Бреста для проведения соревнований подобного уровня Ф. Гарнер отметил отсутствие авиасообщения с европейскими странами. Брестский гребной канал реконструирован в 2005–2006 гг. в соответствии с международными требованиями к подобным спортивным сооружениям. Объем инвестиций превысил 20 млн \$. В 2009 г. Брест принимал Чемпионат Европы по академической гребле, в 2010-м – молодежный чемпионат мира по академической гребле [25]. «Беларусь может претендовать на проведение чемпионата мира 2015 г. по академической гребле», заявил председатель Белорусской федерации гребли Александр Григоров после встречи с президентом Международной ассоциации гребли Денисом Освальдом. При этом в качестве места проведения этого мирового первенства предлагается Заславль, так как он расположен недалеко от минского международного аэропорта [26].

Таким образом, для дальнейшего поступательного развития физической культуры и спорта, создания материальной базы для осуществления этих видов деятельности оправданно – с целью систематизированного учета природных ресурсов, которые используются либо могут использоваться в будущем для размещения и эксплуатации физкультурно-спортивных объектов и комплексов и их учета – учредить и вести по аналогии с государственным кадастром туристических ресурсов, государственный кадастр физкультурно-спортивных ресурсов.

Заключение

Таким образом, законодательство в области комплексного учета и использования природных ресурсов для социальных целей вообще и спортивных в частности находится в стадии становления, поэтому многие вопросы, требующие правового регулирования, остаются на данный момент неразрешенными. Это приводит к неравномерному обеспечению жителей микрорайонов городов спортивными сооружениями, возведению спортивных объектов, которые впоследствии проблематично использовать для тех целей, для которых они возводились, порождает ряд иных проблем. Такая ситуация обусловлена тем, что на протяжении длительного времени приоритет при использовании природных ресурсов отдавался хозяйственным целям, а социальные потребности отодвигались на второй план. Для устранения указанных негативных процессов, ликвидации пробелов в законодательстве регулирующем использование природных ресурсов для спортивных целей оправданно:

1) в природоресурсных кодексах и законах и природоохранных законодательных актах существующие виды пользования соответствующими природными ресурсами дополнить новым видом природопользования – использование природного ресурса в физкультурно-спортивных целях;

2) закрепить в Законе «Об охране окружающей среды» несколько иное определение природных ресурсов, а именно: государственный кадастр природных ресурсов представляет собой систематизированный свод данных о количественных и качественных характеристиках природных ресурсов, их экономической, экологической и социальной оценке и использовании;

3) установить, что под природными ресурсами следует понимать компоненты природной среды, природные и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, а также для экологических и социальных целей и имеют потребительскую, в том числе экологическую и социальную ценность;

4) при осуществлении хозяйственной и иной деятельности природные ресурсы могут быть использованы в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления;

5) в экологических целях природные ресурсы могут использоваться для образования особо охраняемых природных территорий, природных территорий, подлежащих специальной охране;

6) для удовлетворения социальных потребностей природные ресурсы могут использоваться в культурных, оздоровительных, рекреационных, туристических и физкультурно-спортивных целях;

7) в законодательстве о физической культуре и спорте определить, что физкультурно-спортивные ресурсы – природные и природно-антропогенные объекты (их части, участки, представители), спортивные объекты и комплексы, используемые для проведения физкультурно-спортивных соревнований; к природным спортивным ресурсам относятся компоненты окружающей среды, природные и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы для размещения спортивных объектов и комплексов, подготовки к спортивным соревнованиям и их проведению; классификация спортивных объектов и комплексов и требования к их работе устанавливаются Министерством спорта и туризма Республики Беларусь.

Кроме того, по аналогии с государственным кадастром туристических ресурсов принять положение о государственном кадастре физкультурно-спортивных ресурсов и возложить его ведение на Министерство спорта и туризма Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Государственной программы развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь на 2011–2015 гг. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 марта 2011 г., № 372 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 38. – 5/33537.

2. Об охране окружающей среды : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982–XII // Ведомости Вярх. Савета Рэсп. Беларусь. – 1993. – № 1. – Ст. 1.

3. Право природопользования в СССР. – М. : Наука, 1990. – 196 с.

4. Каменков, В. С. Экономика и право в спорте / В. С. Каменков // Спорт: экономика, право, управление. – М. : Юрист, 2012. – № 1.

5. Экологическое право : учебник / С.А. Балашенко [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – 501 с.

6. О физической культуре и спорте : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2014. – № 5. – 2/2123.
7. О новой редакции Модельного закона «О физической культуре и спорте» : постановление Межпарламент. ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 3 дек. 2009 г., № 33–23 // Информ. бюлл. Межпарламент. ассамблеи СНГ. – 2010. – № 46.
8. Бринчук, М. М. Экологическое право : учебник / М. М. Бринчук. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 670 с.
9. В тренде // Белорусы и рынок. – 2014. – № 8.
10. Кодекс Республики Беларусь о земле // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 187. – 2/1522; Кодекс Республики Беларусь о недрах // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 184. – 2/1503; Водный кодекс Республики Беларусь // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 1998. – № 33. – Ст. 191; Воздушный кодекс Республики Беларусь // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 78. – 2/1214.; Об охране атмосферного воздуха : Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2008 г., № 2-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 4. – 2/1554; Лесной кодекс Республики Беларусь // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 70. – 2/195; О растительном мире : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 205-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 73. – 2/954; О животном мире : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г. № 257-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 172. – 2/1354.
11. Об особо охраняемых природных территориях : Закон Респ. Беларусь, 20 окт. 1994 г., № 3335-ХП // Ведамасці Вярх. Савета Рэсп. Беларусь. – 1994. – № 35. – Ст. 570.
12. Шингель, Н. А. Земли населенных пунктов как объект правового регулирования / Н. А. Шингель // Право и демократия : сб. науч. тр. – Вып. 16. – Минск : Изд. центр БГУ, 2005. – С. 141–151.
13. Требования к учреждениям дополнительного образования детей и молодежи, специализированным учебно-спортивным учреждениям [Электронный ресурс] : Сан. нормы и правила : утв. постановлением М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 4 июня 2013 г., № 43 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3961&p0=W21327625p>. – Дата доступа: 22.08.2013.
14. О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС : Закон Респ. Беларусь, 26 мая 2012 г., № 385-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 63. – 2/1937.
15. Петров, В. В. Правовая охрана природы в СССР : учебник / В. В. Петров. – М. : Юрид. лит., 1984. – 384 с.
16. Самусенко, Л. А. Правовое понятие и состав природных рекреационных территорий / Л. А. Самусенко // Право и демократия : сб. науч. тр. – Спец. вып. 16. – Минск : Изд. центр БГУ, 2006. – С. 201–202.
17. О туризме : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 1999 г., № 326-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 95. – 2/101.
18. Об утверждении Положений о порядке создания туристических зон и ведения Государственного кадастра туристических ресурсов Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 18 июня 2004., № 730 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 103. – 5/14411.
19. Мороз, Л. Н. Организационно-правовые аспекты формирования кадастров и регулирования кадастровых отношений / Л. Н. Мороз // Гос-во и право. – 1999. – № 4. – С. 76–82.
20. Балашенко, С. А. Государственный учет возобновляемых источников энергии / С. А. Балашенко, Е. Э. Ванькович // Право.by. – 2013. – № 1. – С. 180–189.

21. Колотинская, Е. Н. Правовые основы природно-ресурсовых кадастров в СССР / Е. Н. Колотинская. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 136 с.
22. Самусенко, Л. А. Природные рекреационные ресурсы как объекты права рекреационного природопользования / Л. А. Самусенко // Право. бу. – 2011. – № 1. – С. 199–204.
23. О мерах по внедрению системы государственных социальных стандартов по обслуживанию населения республики : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 мая 2003 г., № 724 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 64. – 5/12556.
24. Брестская газета. – 2014. – № 8 (584).
25. Гребные каналы в Заславле и Бресте получили категорию «А» [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – 2011. – Режим доступа: <http://virtual.brest.by/news11646.php>. – Дата доступа: 08.10.2011.
26. Чемпионат мира по академической гребле в 2015 году может пройти в Заславле [Электронный ресурс] // Interfax.by. – 2010. – Режим доступа: <http://www.interfax.by/article/1076400/>. – Дата доступа: 24.07.2010.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.10.2014

Zaichuk G. I. Usage of Natural Resources for Physical Training and Sport Purposes – a New Type of Natural Resource Use According to the Legislation of the Republic of Belarus: State, Development Prospects

The article deals with the issues of natural and natural-anthropogenic objects, natural complexes and resources and their co-relation. It is demonstrated that a natural resource is economic, ecological, and social characteristic of a natural and natural-anthropogenic object, a natural complex, i.e. its corresponding value. Each of the considered objects includes several resources which can be used for different purposes, among other things for placement of physical training and sports institutions, doing sports in the open air at that. Nevertheless, nature management for physical training and sport purposes is fragmentarily regulated only by means of forest legislation and legislation on the vegetable world. This type of natural resource use was not recognized in the land, mountain and faunistic legislation. It is recommended to correct the abovementioned deficiency as well as by analogy with the state cadastre of tourist resources adopt a statute concerning physical training and sport resources and impose a task of its conducting on the Ministry for Sport and Tourism of the Republic of Belarus.

УДК 343.13

Р.Г. Зорин¹, В.С. Соркин²¹канд. юрид. наук, доц. каф. уголовного процесса и криминалистики
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы,²канд. юрид. наук, доц. каф. уголовного процесса и криминалистики
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРЕЗУМПЦИИ
НЕВИНОВНОСТИ, СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И ОБЪЕКТИВНОЙ
ИСТИНЫ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ**

В статье рассматривается проблематика, связанная с изучением принципов уголовного судопроизводства (презумпция невиновности, состязательность и объективная истина). Показана их процессуальная взаимосвязь и взаимообусловленность. Подчеркивается мысль о переосмыслении некоторых постулатов уголовного судопроизводства в части объективной истины по уголовному делу.

Уголовное судопроизводство Республики Беларусь, равно как и УПК (Уголовно-процессуальный кодекс) Российской Федерации, к принципам (основным началам) уголовного судопроизводства относят такие принципы процесса, как презумпция невиновности, состязательности и объективной истины. Потребность в законодательном закреплении данных принципов обусловлена самой практикой развития уголовно-процессуального законодательства. Никто не будет отрицать того факта, что практическое применение данных принципов вызывает ряд трудностей, прежде всего в реализации задач уголовного процесса. В этой связи обратимся к исследованиям Ю.К. Якимовича, который вполне справедливо полагает, что с принятием нового УПК Российской Федерации в литературе велась дискуссия о состязательности вообще и в уголовном судопроизводстве в частности.

Многие ученые считают, что принцип состязательности распространяется на все стадии уголовного процесса и действует в том числе и в предварительном (досудебном) производстве. При этом зачастую состязательности придается не просто значимость одного из принципов, а некое свойство, якобы присущее современному уголовному процессу. Во многих работах прямо утверждается, что и уголовный процесс в России после принятия УПК из обвинительного (розыскного) перешел в состязательный. При этом часто ссылаются на Основной закон РФ, утверждая, что Конституция России 1993 г. распространяет состязательность (или принцип состязательности) на все стадии уголовного судопроизводства. Однако это не так. Для подтверждения проведем систематическое толкование нескольких норм Конституции РФ и не будем ограничиваться лишь ссылкой на ч. 3 ст. 123 Конституции. Действительно, в ней записано, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Но при этом в Конституции Российской Федерации понятие «судопроизводство» применяется в узком смысле, а именно как производство судей и судебное производство. В обоснование этого вывода следует обратиться к ст. 118 Конституции. Согласно ч. 1 этой статьи, «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом», а ч. 2 устанавливает, что «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства».

Известно, что в уголовно-процессуальной литературе понятия «уголовное судопроизводство» и «уголовный процесс» употребляются как синонимы. Это и служит основанием для ошибочного утверждения о том, что и в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации под термином «судопроизводство» подразумевается в целом весь процесс, в частности, уголовный. Однако это не так.

Обратимся теперь к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Понятие состязательности дано в ст. 15 УПК главы 2 «Принципы уголовного судопроизводства». Таким образом, состязательность сторон отнесена законодателем к принципам всего уголовного процесса. Однако проанализируем содержание этой статьи. Оно (а значит, и содержание состязательности) включает три элемента:

1) функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо;

2) суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты; он лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами своих обязанностей и реализации своих прав;

3) стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Все эти три элемента состязательности надо рассматривать именно в их единстве, а не только какой-то один из них в отрыве от других. При таком системном подходе становится очевидным тот факт, что в УПК Российской Федерации состязательность сформулирована именно для судебного уголовного процесса: стороны равны и перед судом; суд же является беспристрастным арбитром, разрешающим в судебном заседании спор между стороной обвинения и стороной и защиты.

В досудебном же производстве отсутствуют два из трех элементов состязательности. Во-первых, стороны абсолютно не равны между собой в процессуальных правах. Во-вторых, кто же является беспристрастным арбитром в споре между сторонами в предварительном производстве? Прокурор? Но ведь он по действующему УПК – сторона обвинения.

Абсолютно прав, на наш взгляд, Ю.К. Якимович и в таком своем утверждении: для того, чтобы состязательность на самом деле была реализована в досудебном производстве, необходимо либо лишить дознавателя, следователя предусмотренных УПК реальных полномочий по сбору доказательств, либо наделить точно такими же (равными) правами подозреваемого, обвиняемого, защитника. Вряд ли кто-либо из сторонников тотальной состязательности в уголовном процессе способен предложить такой вариант досудебного производства, при котором защитнику-адвокату и тем более обвиняемому дозволялось бы проводить обыски, выемки, принудительно допрашивать и т.д. С другой стороны, можно смело утверждать, что лишение следователя полномочий по собиранию доказательств приведет к тому, что абсолютное большинство преступлений останется нераскрытыми. Не случайно же все государства континентальной Европы не отказываются от розыскных начал досудебного производства. И опыт Италии по замене розыскного досудебного процесса на англо-американский состязательный оказался неудачным [18, с. 527].

Что касается уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, то следует признать достаточно «умеренный», поэтапный характер его развития в данной части. Принцип состязательности (ст. 24 УПК Республики Беларусь) реализуется в рамках уголовного дела. Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что до окончательного его внедрения нужно время и изменение ментальности в деятельности органов уголовного преследования и суда. Трудно вести речь о состязательности в уголовном процессе, если не будет равных процессуальных возможностей по представлению доказательств защитником в уголовное дело. Об этом неоднократно указывали и авторы данной статьи, и ряд других процессуалистов.

Примечательно, что и практические работники органов уголовного преследования не обошли стороной данную проблематику. Так, А. Шимко, старший инспектор управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гродненской области, предлагает внести изменение в ст. 104 ч. 1 УПК Республики Беларусь в части проверки до-

казательств по уголовному делу. По его мнению (предложение далеко не бесспорное, но заслуживающее внимания), защитник выступает субъектом доказывания и наряду с органами уголовного преследования, и судом также должен тщательно проверять собранные по делу доказательства [17, с. 42].

В отношении принципа презумпции невиновности отметим следующее. Презумпция невиновности отвергает обвинительный уклон во всех формах его проявления и служит важной гарантией права обвиняемого на защиту. Обвиняемый наделяется правом защищаться от предъявленного обвинения именно потому, что до вступления приговора в законную силу он считается невиновным. Презумпция невиновности освобождает обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность, препятствует переоценке сознания обвиняемого (ст. 16 УПК Республики Беларусь) и действует независимо от того, признает ли он себя виновным [10, с. 101]. Презумпция невиновности служит не только гарантией для обвиняемого от необоснованного обвинения и осуждения. Ее требования о несомненной доказанности обвинения и истолковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого нацеливают органы государства на объективное, беспристрастное установление обстоятельств дела, без чего невозможно обоснованное и справедливое решение дела судом. Малейший отход от принципа презумпции невиновности ведет к нарушению законности в правосудии и ущемлению прав и законных интересов граждан [10, с. 101].

Презумпция невиновности в ее объективной трактовке является важным регулятором уголовно-процессуальных отношений, определяющих процессуальное положение обвиняемого, права и обязанности органов, ведущих борьбу с преступностью. В такой трактовке презумпция невиновности означает «не субъективное мнение участника процесса о виновности обвиняемого, а объективное правовое положение: закон считает обвиняемого невиновным, пока те, кто считает обвиняемого виновным, не докажут, что он действительно виновен» [10, с. 102].

Полагаем целесообразным более подробно поделить некоторые соображения в части анализ термина «истина» в уголовном судопроизводстве. Вопрос об установлении истины по уголовному делу на протяжении длительного времени является основным (краеугольным) понятием теории доказательств. Несмотря на различные научные суждения и концепции по данному вопросу процессуалисты единодушны в требовании установления истины по уголовному делу. Вместе с тем в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, а именно в УПК РФ, вообще не упоминается понятие истины, а также гарантии ее установления. Исключены требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (в отличие от ст. 18 УПК Республики Беларусь). Следует отметить, что ряд представителей Иркутской уголовно-процессуальной и криминалистической школы занимались исследованиями подобной проблематики. Это прежде всего Д.А. Степаненко, Н.Н. Китаев, В.И. Шиканов, А.К. Протасевич, А.Н. Копылова.

Процесс установления истины в уголовном судопроизводстве необходимо рассматривать в соответствии с положениями теории познания, являющейся разделом философии, изучающей проблемы природы, познания и его возможностей, отношение знания к реальности, исследующей всеобщие предпосылки познания и выделяющей условия его достоверности и истинности.

В теории доказательств еще с советских времен используется термин (категория) «объективная истина». По мнению Л.Т. Ульяновой, под объективной истиной понимается соответствие наших знаний о мире объективной реальности. Вопрос об объективной истине – это вопрос о соответствии мысли о предмете самому этому предмету, существующему в действительности независимо от сознания познающего этот предмет человека [16, с. 24]. Отдавая должное философской составляющей данного опреде-

ления, отметим, что в уголовном деле исследуются события, которые имели место в прошлом. Следовательно, наши знания об объективной реальности происшедшего могут носить оттенок некоторой относительности. Это вовсе не означает, что мы категорически отвергаем терминологию «объективная истина». Полагаем целесообразным еще раз обратиться к научным подходам применительно к обозначенному термину.

Ряд процессуалистов (С.А. Пашин [13, с. 67], В.В. Никитаев [8, с. 251], В.В. Золотых [4, с. 94]) утверждают, что объективная истина есть юридическая фикция. Следует акцентировать внимание не на цели доказывания, а на процедуре, так как по уголовному делу должна достигаться процессуальная истина, отражающая только те сведения, которые облечены в определенную форму и содержатся в материалах дела. Но вряд ли можно согласиться с такой трактовкой. Абсолютно права Л.Т. Ульянова, которая утверждает, что «при такой трактовке истины выхолащивается ее материальная основа – соответствие устанавливаемых обстоятельств дела реальной действительности» [16, с. 25].

Для обозначения истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве, многие процессуалисты ([11, с. 308–309; 3, с. 48–49; 15, с. 21]) употребляли термин «материальная истина». Объясняя правомерность использования этого термина, М.С. Строгович писал: «Материальной истиной в уголовном процессе называется полное и точное соответствие объективной действительности выводов следователя и суда об обстоятельствах рассматриваемого и разрешаемого дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц. Материальная истина – это объективная истина... Понятие материальной истины в уголовном процессе есть применение философского общего понятия объективной истины к познанию тех фактов, событий, которые составляют специальную область судебного разбирательства по уголовным делам». Данные суждения вызвали определенные дискуссии. Основные возражения сводились к тому, что истина в уголовном процессе не является каким-то особым видом истины. Мы разделяем данный подход, который имеет место в юридической науке. Если материальная истина – это объективная истина, то не надо вносить путаницу в теорию и практику [2, с. 60].

Итак, еще раз зададимся вопросом: «Какая истина (материальная или формальная, субъективная, абсолютная или относительная) должна быть в уголовном деле?». Однозначного ответа на данный вопрос мы вряд ли получим. Некоторые юристы полагают, что неоправданно применять категории абсолютной и относительной истины к результатам судебного познания. Разграничение этих понятий применимо только в научном познании. Постановка вопроса в науке уголовного процесса о том, является ли установление судом истины абсолютной или относительной, по мнению М.Л. Якуба, является неправильной [19, с. 104, 109]. Другие полагают, что в уголовном судопроизводстве устанавливается абсолютная истина [11, с. 316–317; 9, с. 223; 2, с. 68]. Отстаивая эту точку зрения, М.С. Строгович констатирует, что «материальная истина в уголовном процессе может быть абсолютной истиной, или она вообще необъективная истина, а лишь догадка, вероятное предположение, гипотеза, версия, которые никак не могут быть основой судебного приговора. Если суд нашел истину – это истина абсолютная. Объективная материальная истина в уголовном процессе есть истина факта [11, с. 316].

Существует также мнение о том, что истина в уголовном процессе есть относительная истина, поскольку пределы ее познания ограничены задачами познания и обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу [6, с. 10]. Наконец, ряд правоведов утверждают, что истина в судебной деятельности является одновременно абсолютной и относительной [15, с. 116; 1, с. 57–59]. «Объективная истина, на достижение которой направлены усилия следственных органов и суда, – пишет В.Я. Дорохов, – является истиной абсолютной и одновременно в силу неполного и неконкретного познания явления выступает как истина относительная» [14, с. 59].

Множественность мнений по данному вопросу предполагает рассмотрение упомянутой проблематики с позиций прежде всего гносеологии (науки познаваемости мира). В этой связи И.Г. Субботина отмечает, что истина не может быть познана без уяснения самого соответствия, но такое знание с закономерностью стало бы суждением. Вместе с тем истина рассматривается как отождествление с суждением самого предмета суждения. Объективно происходит отождествление одного суждения с другим. Высшим критерием истины по-прежнему остается объективное бытие [12, с. 55]. В продолжение данной мысли И.Б. Лимонов констатирует, что само понятие «истина» (истинность) касается не объекта познания, а знания, покоящегося в психических формах субъекта... Таким образом, речь должна идти об истинности психики. То есть в оценке субъектно-объектных отношений мы смещаемся к оценке свойств психических явлений субъекта – свойств тех явлений, которые по определению именуется субъективными. Объективность истины – гносеологическая объективность [7, с. 14].

По мнению Р.Г. Зорина, предусмотренные уголовно-процессуальным законом задачи (например, привлечение виновных к уголовной ответственности, ограждение невиновных от привлечения к уголовной ответственности) вполне отвечают требованиям, предъявляемым к условиям установления объективной истины. Данные задачи могут быть разрешены не только с момента вступления приговора в законную силу, но и на досудебных стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Понятно, что сторона защиты не рассматривает уголовный процесс в качестве инструмента привлечения виновных к уголовной ответственности. Из смысла функции защиты ее стремления сводятся, наоборот, к ограждению невиновных от привлечения к уголовной ответственности, установлению смягчающих вину обстоятельств, а также установлению недоказанности участия подзащитного в совершении преступления. С этой точки зрения сторона защиты не ставит перед собой цели установления объективной истины по уголовным делам. Стороны защиты и обвинения в процессе познания и достижения объективной истины существенно расходятся [5, с. 10–11].

«Постижение абсолютной истины в уголовном процессе довольно проблематично. Это становится возможным лишь путем познания и установления множества фактов и сведений о них в их достаточной совокупности, относящихся к событию преступления, путем установления всех значимых причинно-следственных и пространственно-временных связей. Их исключение в соответствии с принципом презумпции невиновности повлечет за собой возникновение сомнений в истинности у субъектов доказывания, неполноту знаний об исследуемом событии, что также противоречит принципам всесторонности, полноты и объективности исследования доказательств, оценки доказательств по внутреннему убеждению, законности. Таким образом, в уголовном процессе разумно вести речь о совокупности истин как результатах познавательной деятельности о фактах исследуемого события преступления и его процесса расследования. Путь к истине многолик. Он целиком и полностью зависит от поставленных целей и задач перед субъектами, участвующими в уголовном процессе, а также от правового происхождения средств и способов доказывания» [5, с. 10].

На наш взгляд, по результатам исследования в данной части можно прийти к выводам, что наличие абсолютной и относительной истины – это характеристики объективной истины (ст. 18 УПК Республики Беларусь), а также абсолютная и относительная истины – это два составных элемента объективной истины, которые носят познавательный характер. Кроме того, обстоятельства совершенного преступления в уголовном процессе устанавливаются в точном соответствии с тем, что имело место в действительности. Вместе с тем специфика познания в уголовном процессе (определенные законом предмет доказывания, средства, способы, время расследования и рассмотрения дела) позволяет говорить о том, что органы предварительного расследования и суд познают

не все, что так или иначе связано с преступлением, а лишь существенные стороны этого события, позволяющие раскрыть преступление, установить виновных и применить справедливое наказание. Ни следователь, ни суд не обязаны детально выяснять все обстоятельства дела, несущественные для решения задач уголовного судопроизводства. Эти органы, к примеру, не обязаны точно устанавливать рост преступника, его родословную, количество бранных слов, произнесенных преступником и т.д., если они несущественны для дела. Отсюда следует, что наши знания о преступлении будут относительными. При этом относительная истина, познаваемая в процессе, – это объективная истина, правильно отражающая явления объективного мира. Вместе с тем относительная истина содержит частичку абсолютной истины. «Частицы» абсолютной истины – это установление всех обстоятельств, с наличием которых законы связывают определенные правовые последствия. Истина конкретна. Поэтому установление абсолютно-относительной истины возможно лишь в отношении конкретных фактов и нормативных актов, определяющих юридическую значимость этих фактов.

Важное значение в установлении истины по уголовному делу имеет порядок судопроизводства, профессиональные и личностные качества судей, прокуроров, следователей, дознавателей. Обязательное соблюдение прав и свобод человека и гражданина, точное исполнение требований закона в части реализации процесса доказывания (собрание, проверка и оценка доказательств) являются гарантией установления истины по уголовному делу. Также нельзя исключать практическую деятельность органов преследования и суда, которые в данном случае будут являться критерием истины.

Таким образом, изложенное позволяет прийти к следующим выводам.

1. Реализация принципов состязательности и презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь и Российской Федерации требует постепенной осмысленной направленности.

2. Понятие процессуальных презумпций – это гарантированное требование законодательства, которое необходимо строго и неукоснительно соблюдать в процессе судебного и судебного производства.

3. Очевидна необходимость переосмысления некоторых постулатов уголовного судопроизводства в части равенства сторон в процессе установления объективной истины по делу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выступление Ф. И. Георгиева и И. С. Карского на симпозиуме философов и юристов, посвященном проблемам объективной истины в уголовном процессе // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8. Экон., филос. – 1963. – № 4. – С. 57–59.

2. Горский, Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд. – Воронеж, 1978. – 296 с.

3. Дорохов, В. Я. Обоснованность приговора / В. Я. Дорохов, В. С. Николаев. – М., 1959. – 236 с.

4. Золотых, В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В. В. Золотых. – Ростов н/Д., 1999. – 288 с.

5. Зорин, Р. Г. В поисках пути к истине в уголовном судопроизводстве / Р. Г. Зорин // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2011. – № 1. – С. 10–11.

6. Кукаров, Л. Н. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе / Л. Н. Кукаров // Социалистическая законность. – 1952. – № 2. – С. 7–15.

7. Лимонов, И. Б. Проблемы истины в философии науки. Истина и субъективность: учеб. пособие / И. Б. Лимонов, И. В. Мартынычев, А. И. Синюк. – Альметьевск, 2004. – 54 с.
8. Никитаев, В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление / В. В. Никитаев // Состязательное правосудие. Труды науч.-практ. лабораторий. – М., 1996. – С. 251–308.
9. Перлов, И. Д. Приговор в советском уголовном процессе / И. Д. Перлов. – М., 1960. – 263 с.
10. Соркин, В. С. Источники доказательств как средство установления истины по делу в уголовном судопроизводстве : монография / В. С. Соркин. – Гродно : ГрГУ, 2012. – 127 с.
11. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – Т. 1. – 470 с.
12. Субботина, И. Г. Нравственные начала предварительного расследования : учеб. пособие / И. Г. Субботина. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2003. – 157 с.
13. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / ред. колл.: Л. М. Карнозова (отв. ред.) [и др.] ; Международный комитет содействия правовой реформе. – М., 1995. – 384 с.
14. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – М., 1973. – 736 с.
15. Трусов, А. И. Основы теории судебных доказательств / А. И. Трусов. – М., 1960. – 176 с.
16. Ульянова, Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учеб. пособие / Л. Т. Ульянова. – М. : Городец, 2008. – 176 с.
17. Шимко, А. О праве защитника представлять доказательства в уголовном процессе / А. Шимко // Законность и правопорядок. – 2014. – № 1. – С. 42–44.
18. Якимович, Ю. К. Избранные труды / Ю. К. Якимович. – СПб., 2011. – 772 с.
19. Якуб, М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права / М. Л. Якуб. – М., 1960. – 171 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.01.2015

Zorin R.G., Sorkin V.S. Procedural Interrelation and Interconditionality of the Principles of Presumption of Innocence and Competitiveness in Criminal Legal Proceedings

In the article the perspective connected with studying of the principles of criminal legal proceedings (innocence and competitiveness presumption) is considered. Their procedural interrelation and interconditionality is shown. The thought of reconsideration of some postulates of criminal legal proceedings regarding an objective truth on criminal case is emphasized.

УДК 347.7

С.В. Вашкевич

*аспирант 2 года обучения каф. финансового права
и правового регулирования хозяйственной деятельности
Белорусского государственного университета*

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ БИРЖИ КАК ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И ОРГАНИЗАТОРА ТОРГОВ

В статье проводится анализ структуры биржи в ракурсе её организации в виде акционерного общества. Автор рассматривает особенности формирования и функционального назначения системы управления и структурных подразделений биржи. В результате исследования сделан вывод о подтверждении двойственной природы биржевой организации на основании функционального разграничения элементов её организационной структуры.

Введение

Из смысла определения товарной биржи, которое содержится в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О товарных биржах», вытекает, что товарная биржа представляет собой организацию с правами юридического лица, наделенную как общими, так и специальными признаками [1]. Среди общих признаков, присущих юридическому лицу, как правило, одним из первых и центральных называют организационное единство. Организационное единство юридического лица характеризуется наличием внутренней структуры организации, т.е. различных подразделений, которые выполняют возложенные на них функции и задачи, а также определяют взаимоотношения с органами управления. Такая структура позволяет юридическому лицу действовать как единое целое и выражать свою волю. Биржа как юридическое лицо и устройство биржевой организации отвечает признакам организационного единства, отражая вместе с тем ряд особенностей, вызванных спецификой цели и задач биржевой деятельности, анализ которых позволит более полно соотнести интересы биржи как организатора торгов и хозяйственных интересов биржи как коммерческого юридического лица.

Организационное единство, по мнению В.Ф. Чигира, отражается в его уставе или общем положении о таких юридических лицах [2, с. 196]. В учредительных документах закрепляются как задачи организации, так и её структура, включая сведения об органе управления организации, который от её имени выступает в гражданском обороте, наличии филиалов и представительств, а также порядке принятия решений по наиболее важным вопросам деятельности юридического лица. Само наличие такого рода документов и можно считать формальным выражением организационного единства как признака юридического лица.

Структура биржи в Республике Беларусь обусловлена спецификой акционерного общества как организационно-правовой формы, предусмотренной для оформления биржевых организаций. Общие положения о структуре органов управления и контрольных органов акционерного общества содержатся в ст. 103 Гражданского кодекса Республики Беларусь и гл. 4 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII [3; 4]. Так, в акционерном обществе создаются общее собрание акционеров, совет директоров (наблюдательный совет), коллегиальный или едино-

Научный руководитель – Я.И. Функ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности Белорусского государственного университета, Председатель Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате

личный исполнительный орган, а также ревизионная комиссия или ревизор в качестве контрольного органа. Таким образом, органы управления биржи включают несколько уровней, соответствующих широте полномочий. Высшим органом управления биржей как акционерным обществом является общее собрание участников. К исключительной компетенции собрания относится ряд наиболее важных в деятельности организации вопросов, включая определение основных направлений деятельности биржи, изменение устава, изменение размера уставного фонда, формирование иных органов управления, принятие решений о реорганизации и ликвидации общества и пр.

Традиционной особенностью формирования органов управления биржи является привлечение к процессу управления участников биржевых торгов, и в частности, членов биржи. Категория членов биржи – историческая особенность данного института. Члены биржи, согласно ст. 13 Закона Республики Беларусь «О товарных биржах», являются особой категорией участников биржевых торгов, наделенной набором полномочий, среди которых законодатель выделил, в частности, возможность участия в работе биржевых комитетов [1]. Анализ понятий «акционер биржи» и «член биржи» позволяет сделать вывод о том, что в отношении товарной биржи данные категории не тождественны: за акционерами биржи закреплено право участвовать в общем собрании, а членам биржи закон предоставляет возможность лишь участия в биржевых комитетах.

Проблема организации биржевого руководства активно рассматривалась еще более века назад. К примеру, В.И. Монигетти считал правильной такую организацию биржи, при которой «судебная и административная функции вручены лицам, выборным из среды посетителей биржи, объединенных биржевой организацией в одно целое... Только подобный орган самоуправления примет дельное участие во всем биржевом движении и будет заинтересован в становлении организации биржевого дела на присущей ему высоте» [5, с. 39].

Г.Ф. Шершеневич рассматривал организацию управления биржей в дореволюционной России через систему двух органов: биржевого собрания и биржевого комитета [6, с. 550]. А.Ф. Волков обращал внимание, что биржевое собрание могло формироваться из всех постоянных посетителей биржи, выборных представителей посетителей биржи либо биржевых членов [7, с. 934] и решало наиболее существенные вопросы деятельности биржи, включая вопросы устройства и порядка биржевых собраний и установления правил биржевой торговли. В свою очередь, биржевой комитет как представительный орган биржевого общества учреждался, по словам Г.Ф. Шершеневича, для «ближайшего заведования делами биржи» [6, с. 550]. Так, к примеру, согласно Уставу Витебской биржи от 1912 г. биржевой комитет, который осуществлял представительство биржевого общества и являлся исполнительным органом биржи, включал председателя и шесть членов, «избираемых биржевым обществом из своего числа» [8, с. 8].

В настоящее время руководство работой биржи в период между общими собраниями акционеров также осуществляется наблюдательным (биржевым) советом. К компетенции наблюдательного совета законом отнесены вопросы общего руководства деятельностью общества [4, ст. 51]. На практике наблюдательный совет осуществляет решение вопросов о созыве общего собрания, принятии решения о выпуске биржей ценных бумаг, об определении размера дивидендов и срока их выплаты, организации выполнения решений общего собрания и др. К ведению данного органа, помимо прочего, также относится вопрос определения организационной структуры биржи, включая решения о создании и ликвидации филиалов и представительств биржи, а также утверждении положения о секциях и правил проведения торгов.

В качестве исполнительного органа биржи, подконтрольного общему собранию и наблюдательному совету, создается коллегиальный орган (правление или дирекция) и/или единоличный исполнительный (директор или генеральный директор). В практи-

ке американских бирж текущее управление чаще всего возлагается на исполнительный комитет. В ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа» таким органом выступает правление [9]. Основной задачей правления обычно является текущее руководство финансово-хозяйственной деятельностью биржи и выполнение решений общего собрания и наблюдательного совета.

В структуре биржи могут быть созданы обособленные подразделения: филиалы и представительства. Главной задачей создания сети филиалов биржи является предоставление региональным клиентам равных условий для работы на биржевых рынках, а также обеспечение практического взаимодействия с региональными участниками.

Специализированными элементами структуры биржи являются торговые секции и маклериат. Биржевые секции представляют собой специализированные подразделения, организуемые по функциональным направлениям деятельности биржи, в рамках которых осуществляется биржевая торговля определенной группой товаров. Вместе с тем биржевые секции в качестве самостоятельных структурных подразделений биржи могут не выделяться, однако разграничение торговли по отдельным группам товаров, как правило, находит отражение в организации общей структуры биржи. Маклериат (отдел организации торгов) осуществляет прием и систематизацию заявок на участие в торгах, а во время биржевой сессии представитель этого отдела (маклер) проводит торги и фиксирует заключаемые сделки.

В качестве функциональных подразделений в рамках внутренней структуры биржи выделяют биржевые комитеты (службы), в компетенции которых определен круг вопросов по подготовке и проведению биржевого процесса. Как правило, на бирже создаются комитеты по разработке правил биржевой торговли, по стандартам и качеству, информационные биржевые службы, комитет по котировкам, арбитражный биржевой комитет и др.

В зарубежной практике биржевые комитеты формируются из состава членов биржи, которые выполняют свои функции без оплаты. Комитеты осуществляют конкретные профильные обязанности по функционированию биржи и вырабатывают рекомендации для наблюдательного совета и биржевого правления. Общее число комитетов может варьироваться от 7–8 до 40 [10, с. 184]. Количество комитетов и специфика их работы обусловлены объемом торгов на бирже, правовым регулированием биржевой торговли и сложившейся торговой практикой.

Основные функции биржи независимо от её вида осуществляются через контрольный, арбитражный, информационный комитеты, регистрационное бюро (комитет) и др. Так, контрольный комитет создается для наблюдения за деловой активностью на бирже, контролем исполнения контрактов, ходом поставки реального товара и пресечения злоупотребления торговой деятельностью на бирже. К компетенции арбитражного комитета относят организацию разрешения споров между участниками биржевых торгов, а также некоторых споров с их участием. Комитет по деловой этике осуществляет основной надзор за внутренней дисциплиной биржи и рассматривает нарушения участников торгов. К основным задачам регистрационного бюро относят оформление и регистрацию биржевых сделок, а также подготовку информации по торгам для дальнейшего анализа. Информационный (информационно-справочный, информационно-аналитический) отдел создает условия для доступа к сведениям о работе и условиях биржевой торговли, занимается созданием и распространением рекламной и аналитической информации, а также предоставляет связанные с этим услуги. Помимо перечисленных подразделений на товарной бирже может создаваться экспертное бюро, задачей которого является определение соответствия выставленных на торгах товаров установленным биржей и законодательством требованиям, а также ряд иных структурных подразделений, обусловленных видом биржи [10, с. 184–186].

Важным подразделением современной биржи является расчетная палата, которая концентрирует функции по проведению расчетов по биржевым сделкам, а также регулированию расчетных отношений и совершенствованию их процедуры. К настоящему времени на большинстве бирж функции расчетной палаты совместно выполняются иными подразделениями. Тем не менее само формирование практики срочных сделок как основного вектора развития современной биржи предполагает создание подобного подразделения, поскольку на срочной (фьючерсной) бирже значительно возрастает общее количество сделок, абсолютное большинство из которых не завершается поставкой товара, но предполагает расчеты. Кроме этого, расчетная палата может выступать в качестве основного гаранта срочных сделок, а также предоставлять кредиты участникам торгов. В мировой практике наряду с биржевым членством участниками торгов может приобретаться также статус члена расчетной палаты. И если в практике американских бирж биржевыми членами становятся чаще всего физические лица, то членами расчетной палаты нередко выступают корпорации, торговые дома, брокерские фирмы и финансовые группы. Такое положение расчетной палаты в составе современной биржи обуславливает её роль как отдельного структурного подразделения со своими функциями и задачами.

В тоже время функции расчетной палаты тесно переплетаются с задачами других структурных подразделений. Кроме расчетно-кассового обслуживания сделок расчетно-кассовая палата может участвовать в их регистрации, выполнять общий контроль за биржевыми операциями, а также осуществлять информационно-справочную деятельность, заниматься котировкой и прогнозированием цен, т.е. сочетать в своей деятельности функции других комитетов. Однако осуществление расчетной палатой кредитования, посредничества в сделках не в полной мере соответствует законодательному ограничению, которое действует в отношении биржи в целом. Так, согласно ст. 10 Закона Республики Беларусь «О товарных биржах» товарные биржи обладают не общей, а специальной правоспособностью, что выражается в дозволении товарной бирже заниматься исключительно деятельностью, связанной с организацией и регулированием биржевой торговли, если иное не предусмотрено законодательными актами [1].

С целью разрешения данного несоответствия Н.Г. Добрынин обосновывает необходимость наделения расчетно-кассовой палаты статусом самостоятельного и формального независимого юридического лица [11, с. 6]. По нашему мнению, подобное решение действительно снимет правовые противоречия в деятельности биржи и особенностях функциональных задач расчетной палаты как её подразделения, однако будет сопряжено со значительными организационными и институциональными издержками, поэтому на нынешнем этапе развития отечественного срочного биржевого рынка не является актуальным.

В практике работы открытого акционерного общества «Белорусская универсальная товарная биржа» биржевые комитеты выступают консультационными органами. Комитеты в рамках отечественной товарной биржи создаются для анализа и общения практики биржевой торговли и закрепляются за отдельными секциями. Рассматривая внутреннюю структуру биржи как организации с особыми функциями и предметом деятельности, необходимо помнить, что наряду с подразделениями, отвечающими специфике биржевой деятельности, на бирже как организаторе торгов создаётся также и административно-хозяйственный отдел, обеспечивающий работу биржи как предприятия: ведение бухгалтерских дел, подбор и подготовка кадров и прочее. Такой анализ позволяет провести разграничение структурных элементов биржи надве группы:

- 1) общехозяйственные подразделения, которые обеспечивают деятельность биржи как юридического лица в отношениях, когда биржа не выступает в качестве организатора торгов;

2) подразделения, деятельность которых непосредственно связана с организацией и регулированием биржевой торговли.

Первая группа подразделений выполняет функции, присущие большинству юридических лиц и носит частноправовой характер. Вторая группа состоит из специализированных элементов внутренней структуры, включая большинство комитетов и расчетную палату, которые вступают в отношения с иными организациями как с участниками торгов. Такой вид отношений не может характеризоваться равноправием субъектов, и речь может вестись о публично-правовых отношениях.

Нельзя однозначно решить вопрос о принадлежности к одной из рассмотренных групп высших органов управления. Р.С. Куракин рассматривает общее собрание участников биржи именно как элемент структуры биржи-организатора торгов [12, с. 30]. Однако отечественная практика организации биржи в виде акционерного общества не предусматривает обязательного участия всех представителей биржевого сообщества в процессе формирования высших органов управления, что сближает данные органы с группой структурных элементов биржи как коммерческого юридического лица. Тем не менее, на наш взгляд, круг рассматриваемых вопросов обуславливает вывод о выведении высших органов управления из этой классификации в целом.

Приведенное разделение в структуре биржевой организации может быть использовано для обоснования двойственности природы биржи, при которой применение коммерческой формы организации биржи не будет противоречить основным биржевым задачам и целям её деятельности.

Заключение

Оценка организационного единства биржи как центральной особенности юридического лица позволяет сделать выводы:

1. Организационная структура биржи в отечественном правовом пространстве неразрывно связана со спецификой организационной формы акционерного общества.

2. Особенности процесса организации и проведения торгов обусловили появление специальных элементов внутренней структуры (специализированных биржевых комитетов и комиссий), что подтверждает особое значение организационного единства биржи как юридического лица.

3. Исторической особенностью организационной структуры биржи является активное участие в формировании и работе подразделений биржи участников биржевой торговли. Однако к настоящему моменту участие членов биржи в формировании органов управления товарной биржей отечественным законодательством не предусмотрено.

4. В ракурсе развития торговли срочными контрактами актуальным является оформление в качестве отдельного структурного подразделения расчетной палаты, которая должна не только отвечать за контроль и регулирование расчетов по биржевым сделкам, но и опосредовать расчетные отношения между участниками торгов в качестве гаранта подобных сделок.

5. В системе организационной структуры биржи следует выделить две группы подразделений: одна группа специализируется на частноправовой деятельности биржи как предприятия, а вторая обеспечивает организацию и регулирование биржевой торговли как публично-правовой цели биржи – организатора торгов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О товарных биржах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2009 г., № 10-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 1 июля 2014 г., № 174-З) // Консуль-

тантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

2. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / под общ. ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2000. – Ч. 1. – 976 с.

3. Гражданский кодекс Респ. Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : текст Кодекса по сост. на 2 авг. 2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

4. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 9 дек. 1992 г., № 2020-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2010 г., № 168-З) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

5. Монигетти, В. И. Современная биржа / В. И. Монигетти. – М. : Типо-лит. О. И. Лашкевич и К^о, 1896. – 98 с.

6. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права / Г. Ф. Шершеневич. – СПб. : Изд-во Бр. Башмаковых, 1908. – Т. 2: Товар. Торговые сделки. – 624 с.

7. Словарь юридических и государственных наук / под ред. А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филипова. – СПб. : Общественная польза, 1901–1902. – Т. 1. – 1901. – 2526 с.

8. Устав Витебской биржи. – Витебск : Тип. наследников М. Б. Неймана, 1912. – 20 с.

9. Структура биржи / Официальный сайт ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа» [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.bcse.by/info/Structure.aspx/>. – Дата доступа: 25.08.2014.

10. Дегтярева, О. И. Биржевое дело / О. И. Дегтярева. – М. : Магистр, 2007. – 623 с.

11. Добрынин, Н. Г. Расчетно-клиринговая палата в системе правового регулирования сделок на российских товарных биржах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Г. Добрынин. – М., 1994. – 17 с.

12. Куракин, Р. С. Субъекты биржевого рынка : монография / Р. С. Куракин. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 224 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.10.2014

Vashkevich S.V. The Specifics of the Organizational Structure of the Stock Exchange as a Legal Entity and the Organizer of Trading

In the article the author analyzes the structure of the stock exchange from the perspective of the organization of the company. The text deals with the peculiarities of formation and functioning of the control system and structural divisions of the Exchange. As a result of the research the author confirms the dual nature of the Exchange on the basis of the differentiation of the elements of the organizational structure.

УДК 340.1(075.8)

А.Б. Лепешко*аспірант каф. теорыі і історыі гасударства і права
Белорусскаго гасударственнаго ўніверсітэта***К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ И МЕТОДЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ**

В статье анализируются категории «действие права» и «правовой конфликт», выявлены их существенные черты, охарактеризовано то место, которое занимают данные категории в феноменолого-коммуникативном подходе. Рассматриваются некоторые аспекты механизма правового регулирования социально-правовых отношений, формулируются выводы о значении коммуникативного подхода в системе методологии права в частности и теоретического знания в целом.

Первоначально следует определиться с категорией «действие права» – предельно широкой категорией для рассматриваемого контекста правовых явлений. Первое, что надо отметить: как и иные смыслообразующие категории, данная дефиниция формулируется в зависимости от понимания сущности права. Это предопределяет достаточно широкий спектр мнений относительно понимания сущности понятия «действие права». Например, различные школы естественного права вообще отказывают данной категории в праве на жизнь. И это понятно, так как если исходить из того, что естественное право существует всегда, везде, обладает такими совершенными характеристиками, как неизменность, независимость от сознания и действий субъекта, то о каких правовых действиях, каком действии права (в частности) можно вести речь? Действие права имеет место тогда, когда оно развивается, совершенствуется, когда мы можем говорить о взаимном влиянии теории и практики, словом, если речь идет в первую очередь о социологическом правопонимании. Но не только: например, В.И. Гойман в монографии «Действие права (методологический анализ)» формулирует понимание данной категории в системе интегративной концепции права. По его мнению, специфика данной категории заключается в четырех аспектах. Первый состоит в неразрывной связи между фактическим содержанием права и его юридической формой. «Действие права в указанном смысле есть способ разрешения противоречий между юридически должным и сущим в праве, между назревшими потребностями в признании новых правовых возможностей и юридически официальным их признанием» [1]. Далее, чрезвычайно важен тот аспект, который связан с «переходом юридически должного в сущее, в юридическую практику. Действие права, таким образом, отражает движение правового на всех участках правового пространства – как от нормы к практическим действиям, так и воплощение сущего в юридически должном». Третий аспект связан с демонстрацией активности права, его социальной энергии, формой и средством участия в жизни общества. И четвертый аспект – это «отображение непрерывного движения права в социальном пространстве, процесс опредмечивания им социальной деятельности и придания ей вследствие этого юридически правомерного характера» [1, с. 45]. Отсюда и соответствующее понимание категории «действие права», связанное с его способностью оказывать информационное и ценностно-мотивационное воздействие на личность и общества людей, обеспечить соответствующий характер их деятельности. Следует заметить, что в классическом правопонимании категория «действие права» упоминается и применяется редко, а речь идет чаще всего о «механизме правового регулирования»

Научный руководитель – И.Л. Вершок, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета

(профессор А. Малько) [2, с. 621–676], о «механизме правового регулирования и его структуре» (профессор А. Вишнеvский) [3, с. 482–495], о «реализации права» (профессор С. Дробязко) [4, с. 336–350].

Коммуникативный подход включает категорию «действие права» в систему важнейших дефиниций, более того, придает ей приоритетное значение, поскольку речь идет именно о «живом» праве, то есть о праве постоянно меняющемся, развивающемся, в рамках которого динамика развития правовых явлений может иметь более важное значение, чем их, явлений, догматический («вечный») характер. Один из разделов труда А.В. Полякова «Общая теория права» так и называется: «Действие права (пространство правовой коммуникации)». Действие права здесь раскрывается через понятие правовой системы и означает его (права) системное функционирование, что уже означает возникновение социально-правовой коммуникации. Данный процесс имеет место всякий раз, «когда существующие правовые тексты в результате информационно-ценностного воздействия и последующей легитимации интерпретируются социальными субъектами как побудительные, «порождающие» субъективные права и обязанности и вызывающие нормативные правовые отношения, т.е. пассивное или активное правовое поведение в соответствии с правами и обязанностями» [5, с. 597]. Этот тезис получил свое логическое развитие в работе, написанной через несколько лет А.В. Поляковым совместно с Е.В. Тимошиной, причем достаточно интересно сравнить, как развивается данная мысль. Ученые, подчеркивая роль субъективного фактора в развитии права, неоднократно замечают, что действие права всегда предполагает деятеля: за любыми правовыми действиями всегда стоит субъект. Но это в целом аксиоматично для коммуникативного подхода. Для нас представляет интерес последовавшая конкретизация этого положения, та «расшифровка», которая носит методологический характер. Основной тезис здесь выглядит следующим образом: «Действие права имеет место тогда, когда существующие правовые тексты в результате информационно-ценностного воздействия интерпретируются и легитимируются социальными субъектами». «При этом порождаются субъективные права и обязанности, которые вызывают нормативные правовые отношения» [6, с. 261]. То есть налицо своего рода парафраз ранее высказанной мысли. Но есть и нюансы. Основная смысловая цепочка носит теперь следующий вид. Действие права означает непрерывный процесс возникновения, изменения, прекращения старого и создания нового в рамках межличностных правовых коммуникаций. Это системный процесс, причем это интегративный процесс, где учитывается весь возможный спектр явлений, влияющих на формирование и развитие права. Далее, мы имеем в этом процессе все известные методологические постулаты коммуникативного подхода, связанные, в частности, с приоритетом ценностного, аксиологического подхода, с главенствующей ролью интерпретационных процессов, с подчеркиванием важности именно «действующего права» (впрочем, как полагают авторы коммуникативного подхода, «недействующего» права вообще не существует). Кроме того, «сосуществование» в рамках правовой системы как государственного, так и социального права (формулировка авторов коммуникативного подхода – А.Л.) не может быть охарактеризовано в категориях логического соподчинения. То есть социальное право вовсе не обязательно «полностью подчиняется» праву государственному – здесь присутствует диалог, противоречие, часто конфликт. Принципиально и то, что рассмотренная таким образом правовая система не может быть объяснена исключительно рационалистически. Здесь, прибегая к категориям синергетики, авторы коммуникативного подхода утверждают возможность «управляемого хаоса», непредсказуемого развития, говорят о точках бифуркации и иных важнейших категориях современных синергетических, феноменологических и иных теорий. Правовая система, по мнению авторов коммуникативного подхода, есть именно синергетическая система, причем в ней целесообразно выделить ин-

формационный и деятельностный аспект. Выражением сущности второго аспекта и является прежде всего категория «действие права».

Несложно заметить, что по своему объему категория «действие права» у авторов коммуникативного подхода шире, чем категория «правовое регулирование». Такого рода «широта» достигается преимущественно за счет предельно развернутого толкования базисных категорий теории, появления и конституирования в правовом поле таких дефиниций, как «коммуникация», «интерсубъективность», «текст», «синергетика» и т.д. Следует попутно подчеркнуть, что подходы, реализуемые теми авторами, которые принимают и обосновывают категорию «действие права», различны. Скажем, упоминавшийся выше В.И. Гойман делает акцент на сугубо рационалистических оценках и категориях, а вот авторы коммуникативного подхода чаще апеллируют к знанию постнеклассического характера, допускающего и внерационалистические толкования.

Представителями коммуникативного подхода разрабатывается и механизм правового регулирования, причем особо выделяется категория «правовой конфликт», о котором упоминалось ранее в иной смысловой транскрипции. В чем же заключается специфика понимания правового конфликта в рамках коммуникативного подхода? Первая такая особенность заключается в том, что конфликт неразрывно связан с процессом коммуникации, он может быть рассмотрен и как помеха коммуникации, и как средство, способствующее коммуникации. А.В. Поляков и Е.В. Тимошина в работе «Общая теория права» отмечают: «Конфликт всегда предполагает какой-либо вариант его коммуникативного разрешения» [6, с. 263]. Деструкция, асоциальные действия, к слову, не предполагают коммуникации; это разрыв коммуникационных связей, поэтому всякий раз, когда мы говорим о возможности правовой коммуникации, мы утверждаем возможность правового консенсуса. И это понятно, поскольку коммуникативное разрешение конфликта – это вариант исполнения правовых обязанностей.

Вторая особенность связана с «коммуникативным» пониманием классической для права максимы – борьбы за право. Борьба за право – это не только констатация борьбы интересов и выражение этой борьбы в праве. Понятие «конфликт» шире, чем понятие «борьба интересов», причем собственно борьба не связана исключительно с социально-правовым контекстом. Право, заметим, основывается не только на самообязывании, как мораль, не только на силе государственного принуждения, но и на психическом принуждении к определенным действиям. Речь идет не о насилии, а о моральном, психологическом принуждении к тем или иным поступкам. Причем конфликты интересов настолько разнообразны, их границы настолько широки и смутно очерчены, что ограничить интересы субъектов права исключительно рациональным путем невозможно. Как невозможно ограничить их интересы и исключительно нормативным путем. Здесь мы вновь можем констатировать методологический акцент адептов коммуникативного подхода на интегративные идеи, выдвижение и обоснование синергетических, феноменологических, герменевтических постулатов. В частности, «внерациональность» подходов к пониманию сущности и причин правовых конфликтов имеет именно такой характер. Борьба за право здесь – достаточно широкая максима, связанная не только с борьбой правового, экономического, в целом социального характера, но и с борьбой психологической, даже биологической. Здесь проявляется известный методологический прием сторонников коммуникативного подхода, сопряженный с попыткой интегративного рассмотрения всех известных и авторитетных теорий, «примирения» различных теоретических позиций, попыткой прийти к консенсусу как основному принципу теоретизирования.

Действие права априори связано с социально-правовым регулированием, целенаправленным воздействием на поведение людей. Нельзя сказать, что авторы коммуникативного подхода уделили особое внимание этой проблеме, многое уже разработано в пра-

вовой литературе. Скажем, понимание характера и сущности человеческого поведения, типология социального регулирования как атономного и гетерономного и т.д. Так, например, об этом пишет С.Г. Дробязко [4, с. 336–362]. Вместе с тем общие методологические положения коммуникативного подхода «формулируют» и специфическое понимание проблем социально-правового регулирования. В целом эти подходы можно свести к трем тезисам.

Первый: социальное поведение имеет коммуникативную направленность. Это значит, что поведение в праве «может проявляться не только во внешних телесных движениях, но и в таких актах коммуникации, как признание или непризнание правовых норм» [6, с. 267]. Кроме того, феноменологический акцент означает, что далеко не все, что делает человек, является собственно «человеческим действием». Здесь присутствует и понимание иерархии целей и идеалов, и представление о том, «как все должно быть». То есть человеческая деятельность имеет очень сложный характер, ее нельзя свести исключительно к «прямому действию», поскольку в нее может быть «включена» и идеальная деятельность. На практике это означает, что важно не просто фиксировать и оценивать конкретное отношение к правовым явлениям, выражаемое в действиях разного порядка, но и учитывать сопутствующие идеальные факторы (целеполагание, иерархию ценностей, представление о должном и т.д.). Любое поведение человека является коммуникацией: что бы человек ни делал, он не может быть вне коммуникации. Даже молчание есть коммуникация, даже бездействие есть коммуникация. Увидеть в этих и подобных явлениях правовой контекст не только возможно, но и обязательно, полагают авторы коммуникативной теории.

Второй тезис связан с возможностью неоднозначного толкования сущности, специфики правового регулирования и, соответственно, наличия различных моделей правового регулирования. Заметим сразу же, что сама возможность такого рода неоднозначности связана с теоретическим протестом против понимания регулирования как целенаправленного воздействия на общественные отношения, прежде всего со стороны государства. Право не сводится к установленным государством правовым текстам, а раз это так, то и правовое регулирование может пониматься в нескольких смыслах. Исходя из этого, наряду с распространенным этатистским пониманием правового регулирования (государство регулирует правовые отношения с помощью правовых норм, актов), авторы коммуникативного подхода выделяют телеологическое правовое регулирование и правовое регулирование в функциональном смысле. Под правовым регулированием в телеологическом смысле понимается «целенаправленное текстуальное (информационно-ценностное) правовое воздействие на субъектов правовой коммуникации, вызывающее их ответное поведение, адекватное соответствующему тесту». Следовательно, есть некие цели и есть реакция на реализацию этих целей правовыми средствами. А под правовым регулированием в функциональном смысле «следует понимать ориентацию поведения субъектов правовой коммуникации на ее нормативные условия» [6, с. 270]. Такого рода разделение, такого рода дифференциация необходима авторам коммуникативного подхода для обоснования мысли о многообразности правовых текстов и, соответственно, каналов, путей правового регулирования. То есть правовое регулирование осуществляется через текстуальные источники права, через тексты реализации права, юридическую практику, а также через тексты правовой культуры, правовую идеологию, правовую политику и т.д. (Здесь мы не комментируем сущность понятия «текст», имеющего у авторов коммуникативного подхода расширенное толкование в духе феноменологической и герменевтической традиции).

Третий тезис адресован проблеме предмета правового регулирования. Традиционному подходу, связанному с пониманием предмета правового регулирования либо как общественных отношений в целом, либо как поведения субъекта, противопоставля-

ется «третий путь», связанный с интегративным подходом. Это путь, основанный на «снятии» противоречий, «примирении» имеющихся точек зрения и формулировке в итоге «интегрированного» определения. Как полагают сторонники коммуникативного подхода А. Поляков и Е. Тимошина, право воздействует на конкретного человека (субъекта), однако понятно и иное: именно поведенческие акты лежат в основе общественного отношения; то есть надо учитывать и одно (субъект), и другое (общественные отношения). «Поэтому не будет ошибкой утверждать, что предмет правового регулирования – это общественные отношения, составной частью которых является поведение субъектов социального взаимодействия (коммуникации)» [7, с. 271]. Заметим, что здесь вновь наглядно проявляются основные посыпки «коммуникативной» методологии: стремление «интегрировать» все возможные точки зрения и рассмотреть их в пределах компетенции теории коммуникации.

Собственно механизм правового регулирования также нуждается в изменениях «коммуникативного» характера, причем эти изменения основываются на скрытой (а часто и открытой) полемике с этатистской концепцией. Причем рассматриваемый традиционно механизм действия права (правовые нормы – юридические факты – правовые отношения – правоприменительные акты) дополняется рядом принципиальных соображений. Так, первая стадия правового регулирования – это не формирование (конституирование) правовой нормы (как принято считать в традиционном, этатистском праве), а правовое моделирование. Квалифицируется это как создание «текстуальных правовых моделей». Конечно, государству здесь принадлежит ведущая «легитимирующая» роль, однако важно то, что в этом процессе активно участвуют и иные субъекты: физические и юридические лица, социальные, общественные структуры и т.д. На этом первом этапе имеет место «информационная коммуникация», интеллектуальное конституирование правовой нормы, создается первичная, виртуальная правовая норма. Сторонники коммуникативного подхода говорят и о «когнитивной правовой норме», под которой понимается «норма, существующая в социальном сознании и представляющая собой результат интерпретации и легитимации соответствующих текстов культуры, информирующих субъектов о должном» [6, с. 275–276]. Далее (в русле герменевтической традиции) должно последовать и следует «понимание как актуальная социальная норма». Это уже некое правило поведения, осмысленный результат коммуникации. И как итог первой стадии – легитимность правовой нормы; средством же легитимации выступает политическая система, общественное мнение, этические кодексы и т.д. А вот на второй стадии правового регулирования устанавливаются так называемые общие правовые отношения, которые вытекают из правовой нормы. Есть и третья стадия, суть которой в переходе правовых отношений в активную форму, когда субъекты правоотношений используют свои права, обязанности и т.д. Подытоживая анализ механизма действия права на упомянутых трех стадиях, сторонники коммуникативного права выделяют пять основных моментов, которые очень кратко можно сформулировать следующим образом. Это интерпретация субъектами права правовых текстов; конституирование правовых норм, прав и обязанностей; порождение правовых связей между субъектами, формирование правовых отношений; возникновение правовых отношений, их изменение, прекращение и т.д.; коррекция первичных правовых текстов при помощи вторичных правовых текстов, опосредующее влияние на этот процесс правосознания субъектов права.

Какие первичные выводы можно сделать, оценивая приведенные соображения по проблемам, связанным с действием права и механизмом правового регулирования? Вначале следует заметить, что авторы коммуникативного подхода достаточно последовательны, то есть данная (рассмотренная выше) проблематика соответствует основным методологическим постулатам. Ощущается стремление реализовать основные идеи

правовой герменевтики, феноменологии, синергетики, а в более общем виде – интегративного подхода в рамках исследуемых проблем. Вне сомнений, подобная форма теоретизирования позволяет в ряде случаев по-новому рассмотреть (пересмотреть) имеющиеся идеи, высказать ряд принципиально новых мыслей, о которых несколько ниже. Отметим лишь предварительно, что полемика здесь присутствует в латентном виде, она явно не на первом месте среди авторских приоритетов; более того, постоянно присутствует желание примирить имеющиеся точки зрения, найти удовлетворяющее все стороны теоретическое решение. Насколько это возможно – иной вопрос, поскольку речь идет о принципиально иной методологии, вступающей в явное противоречие с традиционными подходами. Как оценить, например, такой посыл: «Правовые тексты (текстуальные источники правовой информации) интерпретируются субъектами права и конституируют в процессе социальной легитимации когнитивные (виртуальные) правовые нормы, права и обязанности субъектов правовой информации» [7, с. 280]. Приведенная цитата – это первый шаг в процессе действия механизма права. Оставляя в стороне соображения о чрезмерно сложном характере текста, проблему можно усмотреть уже в том, что здесь что ни термин, то целая система идей, представлений, причем часто противоречивых, не имеющих единого толкования. Так, слово «текст» несет чрезвычайно сложную смысловую нагрузку, в том числе и такую, как «конституирование права как такового». Но механизм такого рода конституирования ясен лишь в предельно общем, абстрактном виде. Понятие «интерпретация» требует долгого теоретического анализа (что и осуществляют авторы коммуникативного подхода в своих работах), так как речь идет не только об уяснении смысла (смыслов), но и понимании правовой реальности. Каким образом здесь можно найти консенсус, сказать сложно. Слово «когнитивный» теряет свой первоначальный смысл как «теоретико-познавательный» (процесс, явление) и трактуется как «виртуальный». Таким образом, возможность адекватного осмысления терминов проявляется лишь в ходе их сопоставления, четкого определения понятий, словом, привлечения, использования сугубо рационалистических процедур. Но в том-то и вопрос, что как раз рационалистические процедуры авторами коммуникативного подхода объявляются недостаточными, что, вообще-то, понятно в условиях обращения к методологии герменевтического, феноменологического характера. Отсюда определенная смысловая напряженность, возникающая при попытках адекватного осмысления и интерпретации (в классическом понимании) анализируемого текста.

Однако важно и иное. На наш взгляд, привлечение внимания к возможностям именно таким образом «прочитанного» интегративного подхода и именно такой методологии все же позволяет найти новые подходы к теме, обнаружить эвристические возможности нового уровня и характера. Это и расширение эвристических возможностей субъекта познания, субъекта права, и понятное в русле данного подхода стремление ограничить сферу действия государства, государственного регулирования за счет усиления роли общественных, гражданских институтов, и привлечение исследовательского потенциала (методов, методологий) ряда дисциплин, которые ранее фактически не рассматривались в сфере права (например, семиотики), введение в научный оборот достижений постнеклассической науки. Так, например, трактовка механизма действия права не только как нормативно-поведенческого правового механизма, но и как «социопсихического» механизма действия права позволяет привлечь более пристальное внимание к проблемам ценностного восприятия социальной действительности, возможности придания им правового значения. Конечно, «правовое моделирование» как первый этап правового регулирования может быть рассмотрено как парафраз издания правотворческими органами нормативных актов. Ведь авторы коммуникативного подхода открыто признают ведущую роль государства в процессе такого рода. Но акцент на «социопсихику» позволяет расширить границы его понимания, «очеловечить» процесс правового

регулювання, допускаючы в ряду справаў пріорытэт не гасударства, а суб'єкта в ходзе рэгулятыўнага ўздзеяння права на лїчынсьц і абащства. Кромь таго, ужо сьейчас вїд-на сувязь мьжду пастроеньнем элемьнтаў прававой сїстемь і псыхалогїчэскымі мьханїзмамї, мьтывамї павьдзеньня людь, сувязь мьжду запрьтамамї, разрешїтельнымї актывамї і сацыальнымї явленьямї, што мьжно атнесьцї к сацыальнаму мьханїзму дьействїя права. Ілї, с друкой староны, в чьм сьмысл понїмання «актуальнаў сацыальнаў норьмь» как важнаў частї прававогь рьгулюваньня? Очевїдно, што здьс на перьвом мьсте імьенно суб'єктыўнї фактор, пьдчьркываньне важнсьц актывнаў і сьзнательнаў «включьнсьц» суб'єкта в рьгулятыўнї процьс. Здьс прїсутьствьє і мьсль, ужо разрабацьваемьє юрїстамї (С.С. Алєксеев), сагласно кьторой право мьже нахьдзїтсьє в оппозїцї к гасударствь, сьцьствьє в прьтывоборствьє с гасударствь [8].

Вьсказьваемьє в класїчэскїх мьнографїях, учебнїх пьсобїях мьсль о том, што «норьма права – єто основа, двїгатель вьсего мьханїзма прававогь рьгулюваньня» [3, с. 491], вьсє не кажеться адептам коммунїкатывнїх пьдхьдь безукорїзненьнаў. «Сьзданьє суб'єктом прававїх мьделей», напрїмер, должно пьдчьркнуть прїорытэт собствьенно процьсєса прававогь рьгулюваньня, а не єго «стагнацїоннїх», «формалїзирьваннїх», «доктрынальнїх» вїдов. То єсть в основе льжїт двїженье, развїтїє, пьстольнає вїдоїзмьненїє, а норьма права в єтой констрькцїє вьгльдїт «догьматїчэскїм обра-зованїєм». К норьме права надо прїдтї, а не получїть єє в гьотовьм вїде. Значїмсьць норьмь опьредельеться «їнтерсуб'єктыўнїм вьзаїмьдєїствїєм члєнов абащства», єє стрьктура сувязана не толькь с логїчэскїм сьдєржанїєм (што она пьдпїсываєт), не толькь цєннсьтнїм значьнїєм, но і «тєкстувальнаў прївязаннсьць» (отсьлєка к тьм ілї їнїм прававїм тєкстам). Вьобщє сльдуєт замьтїть, што открьтого тьорєтїчэскогь прьтєста прьтыв понїмання норьмь права как двїгатель мьханїзма прававогь рьгулюваньня мь не наїдєм. Бьлєє того, в тєкстах старьннїков коммунїкатывнїх тьорїї достьточно чьсто отмьчається, што «мьханїзм дьействїя права сьстьїт їз абащїх і їндивїдуальнїх прававїх норьм, прававїх фактов і прававїх отнєшєнїй». Некьторьє затруднєнїя в пьнїмання вьзнікають в процьсє конкрьєтїзацїї єтого аспьєкта їнтерьратывнїх пьдхьдь. Так, напрїмер, утвьрждьється, што «пьд мьханїзмом прававогь рьгулюваньня, мьханїзмом дьействїя права в узкьм сьмыслє мьжно пьнїмать стрьктуру пьвєдєнчэскоў прававой коммунїкацїї» [6, с. 279]. Но как соотнєстї єто пьлжєнїє с пьрєдыдущїм утвьрждєнїєм, надо лї счїтать єтї тєзїсы сьдєржательно тождьствєннїмї? Прїчєм і пьрвьє, і втрьєє утвьрждєнїя сьтють в тєкстє рьядьм. На нашь вьзгльд, здьс нєобхьдїмо разьяснєнїє, «развєдєнїє» сьмысловїх бьлєков, пьсколькь нєясно, што счїтать в мьханїзмє прававогь рьгулюваньня пьрвьїчнїм, а што втрьїчнїм. В абащєм і цєлом мьжно прїзнать абаоснованнїм тот тьорєтїчэскї пьсыл автрьов коммунїкатывнїх пьдхьдь, в рамках кьторого абащство рассмьтрьвається как сїстєма коммунїкацїй, што означьєт пьдчїнєнїє члєнов соцїума абащїм дьля вьсєх правїлам пьвєдзеньня. Однакь кьгда намьчається сьмысловьє отьждьєствлєнїє мьханїзма дьействїя права как «стрьктуры прававой коммунїкацїї» і как «прававїх норьм і отнєшєнїй», то єто вьзвїваєт пьтрьбнсьць в допьлнїтельнаў тьорєтїчэскоў аргьумєнтация.

Важнью рьль в пьрєдставлєннїх концєпцїї їграєт вьпрьс о мьтрьдах прававогь рьгулюваньня. «Єто мьтрьды, – как пїшєт однїн їз адептов коммунїкатывнїх тьорїї А. Пьляков, – напьрavlєннєє на устаньовлєнїє прававой коммунїкацїї, онї опьредельються пьрєдмьтєм прававогь рьгулюваньня, то єсть мьногьобразїєм соотвьєствьующїх абащствєннїх отнєшєнїй. Отнєшєнїя в пьрвьой грьппє – єто отнєшєнїя мьжду собствьеннїкамї. Вьзнікаютьєє в єтой сувязї прававєє коммунїкацїї должнєє їмєть дїспьозїтывнїй, дїалогїчэскїй харьктер. Отнєшєнїя во втрьой і трьтєьей грьппах – єто отнєшєнїя мьжду властвьующїмї і пьдвласнїмї. В соотвьєствїї с єтїм в тьорїї права вьдєлють двь основнїх мьтрьдь норматывно-прававогь рьгулюваньня: цєнтрализьван-

ный (императивный, авторитарный) метод и децентрализованный (автономный, диспозитивный) метод» [5, с. 613]. Метод централизованного регулирования основывается на отношениях субординации, властеподчинения. При помощи данного метода регулируются отношения между государством и частными лицами. Метод децентрализованного регулирования основывается на координации отношений между субъектами, которые находятся в юридически равных отношениях. Данный метод используется для регулирования частноправовых отношений.

Попробуем проанализировать высказанные теоретические соображения. Вообще, разговор о методах правового регулирования носит характер теоретической новизны и не только потому, что они (методы) направлены на «установление правовой коммуникации». Здесь ведь главное состоит в том, что методы, по мнению А.В. Полякова, определяются предметом правового регулирования, а мы уже выше отмечали, что понимание предмета правового регулирования в коммуникативном подходе носит характерные «коммуникативные» черты. То есть примененная методология определяет и характер методов. Надо полагать, что здесь отсутствует традиционная трактовка методов по критерию «общенаучность» или «специфичность». Здесь иная сверхзадача, связанная с тем, что иерархия методов формулируется не в связи с непосредственно исследовательскими задачами, а задачами регулятивного характера. Отсюда централизованный (императивный) и децентрализованный (автономный) методы. Это методы не исследования, а регуляции, однако от этого влияние на них основных постулатов коммуникативной методологии нисколько не уменьшается, не снижается. То есть речь идет о том, что в основе процесса регуляции лежат «коммуникативные», что значит диалогические, как минимум, процессы. Речь идет и о том, что отношения «властеподчинения» уравниваются отношениями между субъектами, причем оба этих процесса носят «равнозначный» в правовом смысле характер. Таким образом, достаточно последовательно реализуются и основные методологические постулаты.

Известная формула А. Полякова (методы правового регулирования – это методы, направленные на установление правовой коммуникации) устанавливают необходимые приоритеты. То есть если в статистской теории метод правового регулирования связан с воздействием на общественные отношения, прежде всего со стороны государства, то здесь совсем иная доминанта. Для того чтобы уточнить, какая именно доминанта, приведем один пример «коммуникативных» рассуждений. Поскольку право не может регулировать все отношения, существующие в обществе, в ее сферу должны входить те отношения, которые объективно требуют правового внимания. Здесь все традиционно. Но далее адепты коммуникативного подхода полагают следующее: данный процесс не является исключительно рациональным и контролируемым. Цитируя известные стихотворные откровения: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...», они утверждают, что процессу регуляции могут существенно помочь синергетика, текстология и т.д. Каждое общественное отношение имеет свое место в иерархии социальных ценностей, оно может быть смоделировано в текстуальной норме и переведено на язык субъективных прав и обязанностей. Отбор юридических текстов, их легитимация осуществляется не государством, а всем обществом, поэтому правовое регулирование выглядит как саморегулирование. И здесь процесс не исключительно рациональный, поскольку понимание собственно общества предполагает наличие спонтанных, самопроизвольных сил, «управляемого хаоса», наличия синергетических точек бифуркации и т.д. Круг замкнулся: первоначально речь шла о приоритете «коммуникативной» методологии, подтверждением основательности ее фундаментальных положений анализ и завершается.

В заключение отметим, что авторами коммуникативного подхода внесены существенные коррективы в понимание механизма правового регулирования. Это связано,

во-первых, с трактовкой основных элементов данного механизма. Выдвигая на первый план не правовую норму как нормативное основание правовых отношений, а создание текстуальных правовых моделей, осуществляется выбор принципиально иной методологии, основанной на постнеклассическом знании. Во-вторых, предлагая собственную иерархию методов правового регулирования, сторонники коммуникативного подхода апеллируют к таким основополагающим категориям, как синергетика, бифуркация, управляемый хаос и иным. Суть вопроса здесь в том, что подобный подход расширяет возможности правовой науки, в этом сомнений нет. Сомнения могут появиться тогда, когда речь пойдет о конкретных механизмах реализации поставленных задач, поскольку, например, подчеркнутая внерациональность осуществляемых подходов (в том числе вне рациональных подходов) вступает в противоречие с необходимостью эти задачи решать именно рациональными средствами и способами. В-третьих, перед нами попытка соединить уже известные подходы, теории, концепции с коммуникативным подходом. То есть, с одной стороны, говорится и утверждается то, что является общепринятым в науке о праве. Например, это специфика социального регулирования, анализ ценностных аспектов поведения, характеристика некоторых способов и типов правового регулирования и т.д. Вместе с тем привносятся новые идеи, которые призваны дополнить имеющееся знание. Здесь вопрос, конечно, в том, насколько удовлетворительно осуществлен такого рода синкретизм. На наш взгляд, однозначная оценка здесь – дело будущего. Вопрос ведь в том, насколько приемлема в целом постнеклассическая модель знания. Для отечественной традиции была и остается характерной такая деталь, как более позднее, чем западноевропейское, восприятие новых подходов. Но это вопрос не «правовой хронологии». Дело в конкретной разработке методологии, механизмов ее применения на практике, где еще многое предстоит сделать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гойман, В. И. Действие права (Методологический анализ) / В. И. Гойман. – М. : Акад. МВД РФ, 1992. – 180 с.
2. Матузов, Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – С. 672.
3. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатюк, В. А. Кучинский. – М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2004. – 640 с.
4. Дробязко, С. Г. Общая теория права / С. Г. Дробязко. – Минск : Амалфея, 2007. – 480 с.
5. Поляков, А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход / А. В. Поляков. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 845 с.
6. Поляков, А. В. Общая теория права : учеб. пособие / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб. : Изд-во юрид. факультета, 2005. – 472 с.
7. Яценко, А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма / А. С. Яценко. – СПб. : Алетейя, 1999. – 254 с.
8. Алексеев, С. С. Право: время новых подходов / С. С. Алексеев // Сов. гос-во и право. – 1991. – № 2. – С. 3–11.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.01.2015

Lepeshko A.B. On the Question of the Subject Matter and the Method of Legal Regulation in the Context of the Postnonclassical Science

The categories of «action of law» and «legal conflict» are analyzed in the article, their essential features are revealed, the place occupied by these categories in phenomenological-communicative approach is characterized. Some aspects of the mechanism of legal regulation of social and legal relations are analyzed; conclusions about the position occupied by communicative approach in law in the methodology of law and in general theoretical knowledge are enunciated.

УДК 343.375

В.И. Резюк*преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

В статье рассматриваются режимы уголовно-правовой охраны государственной формы собственности. Закрепленное в законодательстве Республике Беларусь многообразие форм и видов собственности является необходимым условием развития рыночной экономики страны. Задача государства – охрана всех форм и видов собственности, фактическое разнообразие которых обуславливает дифференцированные и сложные в содержании подходы в конституционно-правовом, гражданско-правовом и уголовно-правовом регулировании, которые, в свою очередь, являются основополагающими при осуществлении соответствующей охраны собственности, в том числе государственной.

Введение

Право собственности и имущество являются, соответственно, объектом и предметом самых разнообразных правоотношений и существенно влияют на их содержание. Именно поэтому понятия собственности и имущества раскрываются и закрепляются в различных отраслях права.

Ст. 13 Конституции Республики Беларусь предусматривает две формы собственности: государственную и частную. Ст. 215 Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь устанавливает виды государственной формы собственности: республиканская (субъектом является Республика Беларусь) и коммунальная (субъектами являются административно-территориальные единицы), – а также виды частной формы собственности: собственность физических лиц (субъектами являются физические лица) и собственность юридических лиц (субъектами являются негосударственные юридические лица). Статьи гл. 24 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь наряду с прочим устанавливают ответственность за хищения – умышленные противоправные безвозмездные завладения чужим имуществом. Примечания к гл. 24 УК Республики Беларусь, дифференцируя ответственность за хищение имущества физического или юридического лица, фактически прямо устанавливают два уголовно-правовых режима собственности: 1) имущество физических лиц; 2) имущество юридических лиц.

Очевидно, что в уголовном законодательстве выделены два вида собственности: собственность физических и юридических лиц. Государственная собственность как форма собственности непосредственно не рассматривается в нормах уголовного законодательства, что выявляет проблему правоприменения. Возникает вопрос о достаточности мер по охране республиканской и коммунальной собственности прежде всего от противоправных посягательств – хищений. Анализ норм конституционного, уголовного, гражданского и административного законодательств, позволяет предположить и предложить некоторые пути устранения определенных пробелов в уголовно-правовой оценке государственной формы собственности.

Понятие и содержание государственной собственности отличается в конституционно-правовом и гражданско-правовом смыслах, что во многом и предопределяет особенности уголовно-правовой охраны государственной собственности. В соответствии со ст. 13 Конституции Республики Беларусь, недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства, а земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства. Также законом могут быть определены и другие объекты, которые находятся только в собственности государства.

В теории права отсутствует единый взгляд на термин «право государственной собственности». При этом в конституционном праве определен режим публичной собственности, распространяющийся на государственную форму собственности. Субъектом публичной собственности в Республике Беларусь является государство. По мнению В.Д. Мазаева, «право публичной собственности представляет собой субинститут конституционного и абсолютного вещного права» [1, с. 144].

С.А. Пахомов считает: «Основная задача конституционно-правового регулирования режима публичной собственности заключается не столько в свободном пользовании и распоряжении соответствующими объектами, сколько в управлении имуществом, которое лишь в редких случаях предполагает непосредственное извлечение государством полезных свойств, и в определении юридической судьбы вещи» [2, с. 7]. И далее: «Публичная собственность имеет особую конституционно-правовую природу, которая вызывает необходимость ее специального правового режима, направленного на обеспечение публичных интересов, реализацию конституционных предметов ведения и полномочий публично-территориальных образований и их органов» [2, с. 11].

Основным назначением государственной собственности (в отличие от частной) является не извлечение прибыли от ее использования, а выполнение задач и функций государства, в том числе посредством установления особого конституционно-правового режима данной собственности, с использованием властных полномочий [3]. Конституционное право в силу общего характера правового регулирования института собственности не устанавливает степени присвоения средств производства и иных материальных и духовных благ. Поэтому на его уровне не может идти речи о праве собственности в рамках известной триады: право владения, право пользования и право распоряжения [4]. Помимо владения, пользования и распоряжения объектами публичной собственности, государство как субъект конституционно-правовых отношений и собственник имущества имеет право предусматривать механизмы охраны и защиты своей собственности, особый порядок ее приобретения и отчуждения [3]. Особый порядок приобретения (возникновения) определенной части государственной собственности предопределяет и особые средства уголовно-правовой охраны.

Таким образом, особый режим уголовно-правовой охраны складывается именно при охране государственной публичной собственности: недр, вод, лесов и др. Так, например, ст. 281 «Незаконная добыча рыбы или других водных животных» и ст. 282 «Незаконная охота» гл. 26 «Преступления против экологической безопасности и природной среды» УК Республики Беларусь направлены помимо прочего на охрану рыбы, других водных животных и диких животных, соответственно. Объектом указанных преступлений являются установленные порядки, соответственно, добычи рыбы или других водных животных и ведения охотничьего хозяйства, охоты. Предметы государственной собственности (рыба, другие водные и дикие животные), не отраженные непосредственно в нормах, является предметом преступления. Умышленное противоправное безвозмездное завладение находящимися в условиях дикой природы рыбой, животными не является хищением в указанных случаях; при соблюдении ряда иных условий это может квалифицироваться как незаконная добыча рыбы или других водных животных либо незаконная охота.

В целом порядок уголовно-правовой охраны государственной публичной собственности определяется Конституцией Республики Беларусь, УК Республики Беларусь, Законом Республики Беларусь «Об объектах, находящихся только в собственности государства и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства», Указом Президента Республики от 8 декабря 2005 г. № 580 «О некоторых мерах по повышению эффективности ведения охотничьего хозяйства и рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управ-

ления ими» (устанавливающим, в частности, Правила ведения охотничьего хозяйства и охоты, таксы для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде в результате незаконного изъятия и др.) и рядом иных нормативно-правовых актов.

Можно сказать, что описанный режим предполагает охрану собственности опосредованным способом, когда формально объектом охраны (нормы статьи УК) является иная группа общественных отношений, не связанных непосредственно с правом собственности, а охрана устанавливается путем включения определенных объектов, являющихся государственной собственностью (например, рыбы, других водных животных), через закрепление признаков состава преступления (в частности, предмет преступления) в соответствующую статью УК. И если подобный подход противоречит понятию и содержанию права собственности, его охраны, то исключительно в гражданско-правовом аспекте, но в целом, согласно мнению В.В. Гошуляка, институт собственности – «это общий институт права, и из этого следует исходить при его рассмотрении в любой отрасли права» [4].

В институт собственности включаются не только нормы гражданского права. Он охватывает все нормы права, закрепляющие, признающие и защищающие принадлежность материальных благ конкретным лицам. К ним, следовательно, относятся и определенные предписания публично-правового характера, в частности, конституционно-правовые и административно-правовые нормы, но и даже уголовно-правовые правила [5, с. 310]. Основой формирования описанного выше режима уголовно-правовой охраны можно считать наличие объектов гражданских прав, характеризующихся ограниченной оборотоспособностью или вовсе изъятых из оборота.

В уголовном законодательстве под имуществом юридических лиц следует понимать имущество организаций различных организационно-правовых форм. И если собственность негосударственных юридических лиц (частных унитарных предприятий, обществ и др.) как отдельный вид прямо закреплена в ст. 215 ГК Республики Беларусь, то уголовно-правовая характеристика собственности государственных юридических лиц требует пояснения ее природы.

Ряд юридических лиц и, соответственно, их имущество может принадлежать, наряду с иными собственниками, государству (например, акционерное общество, части уставного фонда (акции) могут принадлежать государству); некоторые могут быть государственной формы собственности (например, учреждения, создаваемые одним собственником); отдельные виды могут быть исключительно государственными (республиканские унитарные предприятия и коммунальные унитарные предприятия).

Имущество республиканских унитарных предприятий находится в собственности Республики Беларусь и передается в хозяйственное ведение или оперативное управление, а имущество коммунальных унитарных предприятий находится в собственности административно-правовых единиц (областей и др.) и передается в хозяйственное ведение. Например, объекты, на которые распространяется исключительное право собственности государства: капитальные строения для обслуживания железнодорожных станций и железнодорожный транспорт общего пользования – переданы во владение 32 юридическим лицам объединения «Белорусская железная дорога», из которых 29 имеют организационно-правовую форму республиканских унитарных предприятий, 3 – учреждений [6], а часть собственности г. Минска Комитетом по градостроительству и архитектуре Минского горисполкома передана во владение коммунальному унитарному предприятию «Минский городской центр инжиниринговых услуг».

За государственным учреждением в установленном порядке также закрепляется государственная собственность (например, наряду с иным имуществом, за Государственным учреждением «Национальный архив Республики Беларусь» закреплены мате-

риальные культурные ценности, за Государственным учреждением «Белавтострада» – автомобильные дороги общего пользования).

Юридический признак предмета хищения предполагает нахождение имущества в чьей-либо собственности или ином правомерном владении и отсутствие у виновного права собственности на данное имущество. Фактически это означает, что предметом посягательства может быть как имущество, к которому виновный не имеет никакого отношения, так и имущество, которое вверено виновному и находится в его ведении либо в оперативном управлении [7]. Таким образом, государственная собственность находится в законном владении иных субъектов правоотношений (юридических лиц) и охраняется как имущество юридических лиц. В этом режиме охраны основным критерием, определяющим преступность умышленного противоправного безвозмездного завладения (хищения), является превышение суммы похищенного десятикратного размера базовой величины.

Государственная собственность в гражданско-правовом смысле является объектом охраны не только статей достаточно узкоспециализированной гл. 24 УК Республики Беларусь «Преступления против собственности», но и ряда других статей, в которых право собственности является дополнительным объектом. Это, например, ст. 136 «Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов» гл. 18 «Военные преступления и другие нарушения законов и обычаев войны», нормы которой направлены помимо прочего на охрану культурных ценностей. Или ст. 294 «Хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ» гл. 27 «Преступления против общественной безопасности», рассматривающая охрану огнестрельного оружия, его составных частей, компонентов, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, ядерного, химического, биологического оружия, других видов оружия массового поражения, или основных частей такого оружия. Ст. 323 «Хищение радиоактивных материалов», ст. 327 «Хищение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов», ст. 333 «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ» гл. 29 «Преступления против здоровья населения» посвящены защите радиоактивных материалов, а также наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов и сильнодействующих или ядовитых веществ, соответственно. Ст. 377 «Хищение, уничтожение, повреждение либо сокрытие документов, штампов, печатей, хищение бланков» гл. 33 «Преступления против порядка управления» содержит меры по охране официальных документов, штампов, печатей, в т.ч. документов государственной части Национального архивного фонда Республики Беларусь, а также полуфабрикатов, материалов, используемых для изготовления бланков особой важности и содержащих элементы защиты от подделки, а равно как и их бланков и др.

Указанное выше имущество находится во владении юридических лиц (например, оружие и боеприпасы), при этом уголовно-правовая охрана осуществляется в особом режиме, так как часть собственности имеет особый статус, определяемый прежде всего Законом Республики Беларусь «Об объектах, находящихся только в собственности государства и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» (некоторые виды наркотических средств, психотропных веществ, оружия и др.). При этом охраняемая собственность может относиться к имуществу, характеризующемуся ограниченной оборотоспособностью, и иметь определенные признаки публичной собственности.

В этом режиме охраны для квалификации преступления, как правило, стоимость похищенного не имеет значения (например, в соответствии с ч. 1 ст. 323 УК Республики Беларусь уголовно наказуемо хищение радиоактивных материалов независимо от стоимости похищенного), кроме отдельных норм, размер ущерба в которых является

квалифицирующим (например, п. 8 ст. 136 УК Республики Беларусь устанавливает ответственность за нарушение международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов, выразившееся в хищении ценностей, находящихся под защитой, в крупных масштабах).

Многообразие режимов уголовно-правовой охраны государственной собственности соответствует парадигме института собственности как общего для всех отраслей, складывающейся из норм различных отраслей.

Заключение

Результаты анализа нормативно-правовых актов и выявленных связей отдельных норм позволяют сделать вывод не о недостаточности мер по защите, а о сложном механизме уголовно-правовой охраны государственной собственности (имущества), предопределяющем соответствующие особенности регулирования и охраны, и предложить классификацию государственной собственности в зависимости от режима уголовно-правовой охраны:

- 1) государственная публичная собственность (принадлежит государству без определения владельца – субъекта экономической деятельности);
- 2) государственная собственность, переданная во владение юридическим лицам:
 - а) имущество, охраняемое нормами гл. 24 УК «Преступления против собственности» (здания, денежные средства и др.);
 - б) имущество, находящееся в особом режиме уголовно-правовой охраны (наркотические средства и др.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мазаев, В. Д. Публичная собственность в России: конституционные основы / В. Д. Мазаев. – М. : Городец, 2004. – 380 с.
2. Пахомов, С. А. Конституционно-правовой режим федеральной государственной собственности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / С. А. Пахомов ; Рос. гос. торг.-экон. ун-т. – М., 2008. – 23 с.
3. Ящиковская, В. И. Конституционные основы права государственной собственности / В. И. Ящиковская // Промышленное торговое право. – 2014. – № 3. – С. 92–96.
4. Гошуляк, В. В. Институт собственности в конституционном праве России / В. В. Гошуляк. – М. : Изд-во Рос. гуманитар. науч. фонда, 2003. – 166 с.
5. Маттеи, У. Основные положения права собственности / У. Маттеи, Е. А. Суханов. – М. : Юристъ, 1999. – 384 с.
6. Структура [Электронный ресурс] // Белорусская железная дорога. – Режим доступа: <http://www.rw.by/corporate/structure/>. – Дата доступа: 13.02.2015.
7. Хилюта, В. В. Квалификация преступлений против собственности [Электронный ресурс] / В. В. Хилюта. – Гродно : ГрГУ имени Я. Купалы, 2013. – Режим доступа: ebooks.grsu.by/prestyp_protiv_sobstv/index.htm. – Дата доступа: 13.02.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.03.2015

Rezyuk V.I. Peculiarities of Criminal Law Protection of State Property

The article deals with the regime of criminal-law protection of state ownership. Enshrined in the legislation of the Republic of Belarus the variety of forms and types of ownership is a necessary condition for the development of market economy of the country. The task of the state is the protection of all forms and types of property, the actual variety of which causes differentiated in comparison and complex in the content approaches, particularly in the areas of constitutional law, civil law and criminal law regulation, which, in turn, are fundamental in implementing appropriate – civil law, criminal law or other – protection of property, including state property.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацыі па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасыллак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па левым краі);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасьцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 25.04.2015. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 23,25. Ул.-выд. арк. 19,65.

Тыраж 100 экз. Заказ № 121

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013
224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.